

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 3 (63)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2021

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 3 (63). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 195 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский –
д.филол.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 3 (63)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2021

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 3 (63). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2021. – 195 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Аксенов В.А., Хмелев И.Б., Шимин Н.А.</i> Музеи Великобритании в период пандемии коронавируса: проблемы и перспективы в условиях выхода из кризиса.....	7
<i>Горбач Л.А., Клименко Т.И., Зими́на И.В.</i> Цифровое доверие как фактор цифровой трансформации экономической системы	13
<i>Киселева О.Н., Пчелинцева И.Н., Васина А.В., Сысоева О.В.</i> Проблемы инновационного развития предприятий машиностроения России при реализации концепции «Индустрия 4.0»	21
<i>Кравченко В.С., Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Аникин А.В.</i> Повышение эффективности управления территориями при работе с одарёнными личностями на основе многокритериальной оценки условий их становления и самореализации	28
<i>Трифонов Ю.В., Сочков А.Л., Соловьёв А.Е.</i> Оценка экономического потенциала регионов РФ на основе методологии нейросетевого кластерного анализа	38

Социологические науки

<i>Бегинина И.А., Ивченков С.Г., Шахматова Н.В.</i> Межэтнические взаимодействия населения в Саратовском приграничье	48
<i>Бесчасная А.А.</i> Детство и родительство в исследованиях ВЦИОМ	58
<i>Бикметов Е.Ю., Назаров Т.З.</i> Социальная идентичность малого бизнеса в России: утрата политической индифферентности.....	62
<i>Воронин Г.Л., Крамер А.Д.</i> Неформальная занятость в России как условие становления прекариата.....	69
<i>Певная М.В., Минченко Д.В., Чусовитин Н.А.</i> Социальные городские проекты: управленческие характеристики и виды молодежного участия	79
<i>Бухалова Н.А.</i> Долговременный уход за пожилыми людьми: от временной помощи к постоянной заботе	88
<i>Галкин К.А.</i> Практики медикации и агентность пожилых людей с хроническими заболеваниями в сельской местности.....	95
<i>Козлова Ю.В.</i> Концепт глобального города в условиях социальной мобильности и текучей современности.....	102
<i>Красуцкая О.В.</i> Молодежные объединения работников промышленных предприятий как субъекты корпоративной социальной политики	111
<i>Лавренко-Исаева Н.М.</i> Стратегия и тактика внутрисемейной политики в Республике Башкортостан.....	116
<i>Ермилова А.В., Захаров Д.В.</i> Специфика занятости пожилых людей в условиях пандемии: социологический аспект	125
<i>Елисеева С.Ю.</i> Групповой социальный капитал и индивидуальное здоровье: обзор зарубежных исследований	133
<i>Шенгалъц Е.В.</i> Педагоги Омского региона о причинах увеличения численности школьников с ограниченными возможностями здоровья	142
<i>Плещенко А.Н.</i> Политическая реальность и инфраструктура как важные факторы формирования социокультурного ландшафта.....	151

Педагогические науки

<i>Абрамов А.Н., Донской А.С., Рябинин С.А., Судьин С.А., Трёмбовецкий В.В.</i> Пути совершенствования физической подготовки будущих офицеров, обучающихся в военных учебных центрах при гражданских вузах, для военной службы по контракту (на примере ННГУ)	158
<i>Гребнев И.В., Чупрунов Е.В., Зворыкин И.Ю.</i> Модель проектно-ориентированного обучения физике	165
<i>Кручинина Г.А., Сорокин И.А.</i> Педагогические условия формирования экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура».....	173
<i>Новожилова Л.И., Перевезенцев А.Ю.</i> Повышение иноязычной коммуникативной компетенции на практических занятиях по английскому языку.....	180
<i>Солодкова Е.А., Бенко Е.В.</i> Самоанализ профессиональных затруднений педагогических работников дополнительного профессионального образования как инструмент организации профессионального развития	186

CONTENTS

Economic sciences

Aksenov V.A., Efremova M.V., Shimin N.A. UK Museums during the coronavirus pandemic: problems and prospects in the conditions of overcoming the crisis.....	7
Gorbach L.A., Klimenko T.I., Zimina I.V. Digital trust as a factor of the digital transformation of the economic system	13
Kiseleva O.N., Pchelintzeva I.N., Vasina A.V., Sysoeva O.V. Problems of processes in innovative developing the mechanical engineering enterprises in Russia under implementing the concept of «Industry 4.0» program	21
Kravchenko V.S., Angelova O.Y., Podolskaya T.O., Anikin A.V. Increasing the efficiency of territories management when working with gifted personalities based on multi-criterial assessment of the conditions of their formation and self-realization.....	28
Trifonov Yu.V., Sochkov A.L., Solovyov A.E. Assessment of the economic potential of the regions of the Russian Federation based on the methodology of artificial neural network cluster analysis.....	38

Sociological sciences

Beginina I.A., Ivchenkov S.G., Shakhmatova N.V. Inter-ethnic interactions of the population in the Saratov border	48
Beschasnaya A.A. Childhood and parenthood in the research of WCIOM.....	58
Bikmetov E.Yu., Nazarov T.Z. Social identity of small business in Russia: escape from political indifference.....	62
Voronin G.L., Kramer A.D. Informal employment in Russia as a condition for the formation of the precariat.....	69
Pevnaya M.V., Minchenko D.V., Chusovitina N.A. Social urban projects: management characteristics and types of youth participation	79
Buhalova N.A. Long-term care for the elderly: from temporary care to permanent care.....	88
Galkin K.A. Medical practices and agency of elderly people with chronic diseases in rural areas	95
Kozlova Yu.V. The concept of a global city in the context of social mobility and fluid modernity.....	102
Krasutskaya O.V. Youth associations of industrial workers as subjects of corporate social policy.....	111
Lavrenyuk-Isaeva N.M. Strategy and tactics of intra-family policy in the Republic of Bashkortostan.....	116
Ermilova A.V., Zakharov D.V. Specifics of employment of elderly people in the context of the pandemic: sociological aspect.....	125
Eliseeva S.Yu. Group social capital and individual health: review of foreign studies.....	133
Shengalts E.V. Omsk region teachers about the reasons of increasing the number of pupils with disabilities.....	142
Pleschenko A.N. Political reality and infrastructure as important factors in shaping the sociocultural landscape	151

Pedagogical sciences

Abramov A.N., Donskoy A.S., Ryabinin S.A., Sudin S.A., Trembovetsky V.V. Ways of improving of future officers' physical training studying in military training centers at civilian higher education institutions for the military service by contract (on the example of the UNN).....	158
Grebenev I.V., Chuprunov E.V., Zvorykin I.Y. Model of project-oriented physics training.....	165
Kruchinina G.A., Sorokin I.A. Pedagogical conditions for forming the economic competence of future bachelors of the direction of training «Physical culture»	173
Novozhilova L.I., Perevesentsev A.Y. Improvement of communicative competence in practical training of the English language	180
Solodkova E.A., Benko E.V. Diagnosing the professional difficulties of pedagogical workers of additional professional education as a tool for organizing professional development	186

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.48

DOI 10.52452/18115942_2021_3_7

МУЗЕИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

© 2021 г.

В.А. Аксенов, И.Б. Хмелев, Н.А. Шимин

Аксенов Виктор Алексеевич, к.и.н.; доц.; доцент кафедры сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
aksv5@rambler.ru

Ефремова Марина Владимировна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
emvnki@mail.ru

Шимин Николай Андреевич, к.э.н.; доцент кафедры сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shimazu@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 08.06.2021**Статья принята к публикации 30.07.2021*

Авторы обращаются к проблемам и перспективам возможного развития индустрии культурного туризма Великобритании на примере изменения функционирования разнообразных музеев и музейных комплексов. Авторы, обратившись к статистическим материалам и данным британских СМИ, делают вывод о том, что наиболее адаптированными к новым вызовам и угрозам оказались музейные комплексы, которым оказывается государственная поддержка. При этом принимаемые меры для сохранения должного функционирования этих культурных центров разнообразны. Расширились и формы взаимодействия музеев и музейных работников с посетителями и туристами, в чем важнейшую роль сыграли новые технические средства.

Ключевые слова: музеи Великобритании; COVID-19; культурный туризм Великобритании.

Введение

Туризм, как самая быстрорастущая отрасль экономики Великобритании, ежегодно вносил в нее 106 миллиардов фунтов стерлингов, составляя 7.2% ВВП страны¹. В 2018 году в страну было совершено 37.9 миллиона визитов туристов из других стран и 118.6 миллиона внутренних поездок [1]. Львиная доля принадлежала культурному туризму, главным образом – посещению музеев и других достопримечательностей Великобритании. Однако разразившаяся пандемия катастрофически сказалась на этой туристической отрасли.

По мере того как некоторые британские музеи готовятся вновь открыть свои двери, возникает резонный вопрос: какое будущее их ожидает? Недавние отчеты нарисовали довольно мрачную картину для некоторых культурных учреждений после пандемии коронавируса. Отражается ли этот уровень бедствия на все мировое музейное пространство или пандемия коронавируса по-разному повлияла на самые любимые районы исторического и культурного туризма? И будет ли «новая нормальность» новым музейным опытом?

Многие музеи столкнулись с принудительным закрытием и значительным сокращением числа посетителей. Глобальное воздействие коронавируса на музеи сложно обобщить, но в исследовании NEMO была собрана информация из более чем 650 музеев в 41 стране в попытке нарисовать картину того, как пострадали эти культурные учреждения. В отчете говорится: «Большинство музеев в Европе и по всему миру закрыты. Это приводит к резкой потере доходов многих музейных комплексов. В то время как некоторые музеи обнаружили, что их бюджет пока минимально затронут, некоторые, особенно крупные музеи и музеи в туристических районах, сообщили о потере дохода на 75–80%, а еженедельные потери составляют сотни тысяч евро» [2]. Более 30 респондентов, участвовавших в опросе, проведенном Сетью европейских музейных организаций в 41 стране, заявили о своих опасениях закрыться навсегда, в том числе Museo de La Rioja и Museum of the Americas в Испании; Замок Корнберг в Австрии, Центр современной фотографии Роберта Капы в Венгрии и Национальный исторический музей Албании.

Серьезность ситуации варьируется в зависимости от стран и регионов, в частности в зави-

симости от того, насколько музеи полагаются на продажу билетов и туризм и сколько государственного финансирования они получают. Так, музеи в Соединенных Штатах, которые выживают за счет заработанного дохода и благотворительности, более уязвимы, чем европейские учреждения, субсидируемые государством.

Кроме того, не существует международного кодекса, регулирующего закрытие музеев: например, во Франции национальные коллекции являются «неотчуждаемыми», а это означает, что их не разрешается продавать без парламентского акта [3]. В Великобритании существует справочник Ассоциации музеев, где расписаны меры по закрытию музеев и говорится, что «резкое закрытие наносит огромный ущерб как с практической, так и с репутационной точки зрения» [3]. Предлагаются способы обезопасить пустое здание и закрыть коллекцию, причем требуется, чтобы в штате музея был хотя бы один человек в качестве «куратора проекта» для управления хранением произведений искусства и артефактов. Необходимо учитывать, что музеи – это не просто склады отдельных предметов, экспонаты, находясь в музейных экспозициях, «говорят» друг с другом, создавая неразрывные исторические связи, поэтому ликвидация общего культурного наследия в результате временного или, что еще печальнее, – постоянного закрытия или возможной ликвидации музеев совершенно недопустима.

Некоторые страны Европы уже строят планы по открытию своих музеев: Австрия, Бельгия, Германия, Италия и Нидерланды разрешат публике вернуться в музеи в мае. Но в Великобритании, где сохраняется полная изоляция, все гораздо сложнее: даже если двери музеев останутся открытыми, следующим решающим фактором выживания станет возвращение туристического потока – как внутреннего, так и международного.

Теоретико-методологические подходы

Обратимся к некоторым конкретным примерам. Так, для индустрии туризма Лондона, в которой занят каждый седьмой работник столицы, пандемия стала серьезным ударом. По данным VisitBritain, из-за того, что отели, достопримечательности и магазины для туристов почти полностью остановлены, вклад отрасли в экономику Лондона упал с 15.7 миллиарда фунтов (21.6 миллиарда долларов) в 2019 году до 3 миллиардов фунтов (4.1 миллиарда долларов) в прошлом году [4]. Поскольку Лондон всегда зависел от международного туризма, многие ожидали медленного восстановления, возлагая

надежды на европейских туристов, но, учитывая угрозу распространения коронавируса в Европе и медленное распространение вакцины на континенте, эксперты считают, что туристические потоки вряд ли восстановятся до осени. Официальные лица прогнозируют, что въездной туризм принесет в этом году чуть более 6 миллиардов фунтов (8.2 миллиарда долларов) по сравнению с более чем 28 миллиардами фунтов (38 миллиардов долларов) в 2019 году. Даже в аэропорту Хитроу ожидается возвращение пассажиропотока к уровням 2019 года только к 2024 году. При этом многое будет зависеть от того, можно ли упростить громоздкие правила карантина и заменить их эффективной системой сертификатов вакцинирования для путешественников. Что касается внутреннего туризма, то, к сожалению, когда прошлым летом ограничения были сняты, многие британцы устремились не в столицу, а в прибрежные и сельские районы. Опросы показали, что многие по-прежнему опасаются посещать большие города и пользоваться общественным транспортом [4].

Поэтому даже такое национальное сокровище, как Лондонский Тауэр, встретился с большими трудностями в период пандемии. Еще в 2018 году Тауэр привлек почти три миллиона посетителей, что сделало его самой популярной платной достопримечательностью в Великобритании. Однако благотворительная организация Historic Royal Palaces, которая управляет Тауэром и другими достопримечательностями, заявила, что в этом году ожидает дефицита в 100 миллионов фунтов (137 миллионов долларов) из-за COVID-19 [4]. К сожалению, из-за резкого сокращения въездных туристов для возмещения некоторых убытков планируется сосредоточить внимание только на местных посетителях.

Тауэр, замок площадью 12 акров – одна из привлекательных достопримечательностей Британии. Расположенный на берегу реки Темзы в центре Лондона, он более тысячи лет служил королевской резиденцией, тюрьмой, теперь является музеем и хранилищем драгоценностей королевской семьи, а недавно в него были перевезены ценные церковные вещи из 400 церквей Лондона из опасения разграбления в период пандемии. Первыми ощутили последствия пандемии йоменские стражи, называемые бифитерами. Их охрана королевских драгоценностей и замка началась в 1485 году во время правления короля Генриха VII, а теперь пандемия угрожает этой 500-летней традиции. Конечно, сейчас охранники не обеспечивают реальной безопасности бесценных драгоценностей, хранящихся в Тауэре. Вместо этого бифитеры в своей замысловато вышитой униформе и цилиндрах или в

праздничных богато украшенных красно-золотых костюмах олицетворяют незыблемость британской монархии: позируют фотографам и рассказывают посетителям о долгой истории башни. Все они – военнослужащие Королевских вооруженных сил в отставке (согласно последним веяниям, среди них есть и женщины), и все преданы Короне и своей службе. Поэтому для них служба гораздо больше, чем просто работа, к тому же многие из них тоже живут в Тауэре со своими семьями. Известно, что перед пандемией до 15 000 человек могли ежедневно посетить Тауэр. Прошлым летом количество посетителей было ограничено до тысячи в целях социального дистанцирования, но реальное количество посетителей до сих пор еще меньше. Музеи Тауэра, королевских дворцов (Хэмптон-Корт и Кенсингтонский дворец) исторически являются благотворительными организациями, на 80% зависящими от посетителей. К сожалению, чтобы сократить дефицит создавшегося бюджета, некоторые бифитеры могут быть уволены, что может произойти впервые с момента создания подразделения в 1485 году. Известно, что двое из 37 бифитеров уже добровольно уволились. Если в ближайшее время Тауэр не будут посещать туристы из-за рубежа, главным образом США, его ожидают два или три года туристического упадка [5].

Если такие проблемы переживает всемирно известный музей, то с менее известными независимыми музеями дела обстоят еще хуже. Независимые учреждения, которые обычно зависят от вступительных взносов и не поддерживаются регулярными грантами или финансированием, считаются наиболее подверженными риску. В Великобритании около 1600 независимых музеев и достопримечательностей, многие из которых находятся в столице. Примерами таких музеев являются музей Флоренс Найтингейл и Чарльза Диккенса. Музей известной сестры милосердия и общественного деятеля Флоренс Найтингейл (1820–1910) расположен на территории больницы Святого Томаса, через Темзу напротив здания парламента. Около 98% доходов музея поступает от входных билетов и розничной торговли, включая посещение школьников. Директор музея Дэвид Грин ожидал «блестящего года» со специальной выставкой, посвященной 200-летию со дня рождения Флоренс Найтингейл. Однако пандемия свела на нет все ожидания. Время закрытия музея совпало с обычно самыми загруженными месяцами музея, включая Пасху и Национальную неделю медсестер в мае, а резервные денежные средства были потрачены на юбилейные мероприятия к двухсотлетию Флоренс Найтингейл.

Команда музея, состоящая из 10,4 штатных сотрудников, была сокращена до 2,6 должностей из-за увольнения рабочих, но директор сказал, что поддержание музея все еще обходится почти в 20 000 фунтов стерлингов в месяц, и страховки не помогли. Музей пытается сохранить свое присутствие в Интернете, надеясь обойтись пожертвованиями и продажами в интернет-магазинах. «Это очень тревожные времена. Надеюсь, мы выживем, или, по крайней мере, мы будем знать, что сделали все возможное», – говорит его директор господин Грин [6].

Лондонский музей Чарльза Диккенса также переживает не лучшие времена. Музей, расположенный в единственном уцелевшем доме знаменитого писателя в Лондоне, был открыт в 1925 году с замыслом на самофинансирование. 95 лет коллекция в доме автора «Оливера Твиста» и «Больших надежд» финансировалась за счет продажи билетов и других доходов, и обычно его годовой оборот составлял 800 000 фунтов стерлингов. Более 50% посетителей музея приезжали из-за границы, и в планах директора было отметить 150-летие смерти писателя (1812–1870). Но музей пришлось закрыть, и его директор опасается, что временное закрытие может стать постоянным: «Если меры по социальному дистанцированию продолжатся и дальше, возникнет реальная опасность того, что мы не выживем» [3]. Ежемесячные расходы были сокращены примерно до 30 000 фунтов стерлингов во время изоляции, но директор доктор Синди Сагру не ждет, что после открытия музея финансовые дела значительно улучшатся, поскольку город смогут посетить лишь немногие иностранцы. «Мы ожидаем, что наш прием летом составит 25% от прошлогоднего. Я предполагаю, что потребуется не менее года, чтобы восстановить количество посетителей», – сказала она. Однако закрыть музей – это не просто закрыть двери и выключить свет: «Одно из самых больших "произведений" в нашей коллекции – дом, в котором жил Диккенс. Мы даже не можем думать о том, как взять коллекцию и поместить ее в другой музей» [8].

Результаты

Могут ли ожидать музеи какой-то помощи от государства? Несомненно. Национальным учреждениям и организациям культуры, а также объектам культурного наследия предоставляются субсидии, возвратное финансирование и капитальные вложения [7]. Прежде всего, это конкретная адресная поддержка. Так, представитель премьер-министра, признавая важную роль бифитеров в культурной жизни Велико-

британии, заявил: «Мы признаем важную роль, которую бифитеры играют в богатой культурной истории Великобритании. Мы предоставляем беспрецедентную финансовую помощь, которой воспользовались многие организации, занимающиеся наследием, включая Исторические королевские дворцы» [8].

По словам министра культуры, пакета экстренной помощи в размере 1.57 миллиарда фунтов стерлингов для защиты будущего театров, галерей и музеев будет недостаточно, чтобы спасти каждого. Две основные цели пакета заключаются в том, чтобы сохранить «жемчужину короны», такую как Королевский Альберт-холл, и национальные галереи, а также помочь местным учреждениям по всей Великобритании.

Фонд поддержки культурных организаций в Англии в размере 1.15 млрд фунтов состоит из 880 млн фунтов стерлингов в виде грантов и 270 млн фунтов стерлингов по ссудам. Правительство заявило, что ссуды будут «выданы на щедрых условиях». Финансирование также пойдет автономным администрациям – 33 миллиона фунтов стерлингов в Северную Ирландию, 97 миллионов фунтов стерлингов в Шотландию и 59 миллионов фунтов стерлингов в Уэльс [9]. Можно претендовать на гранты либо от Совета по делам искусств Англии, либо от Чрезвычайного Национального фонда, который предлагал более высокие гранты, хотя оба органа направляют большую часть своей поддержки тем, кого они регулярно финансируют. Кроме того, музеи пользуются частными благотворительными пожертвованиями, а лондонские музеи (упомянутые музеи Флоренс Найтингейл и Чарльза Диккенса) надеются на помощь мэрии Лондона, которая, в свою очередь, выделяя некоторые средства, декларирует: «Мэрия просто не может поддерживать этот жизненно важный сектор в одиночку, и мы настоятельно призываем правительство сделать больше для защиты музеев и достопримечательностей» [6].

В целом, необходимо отметить, что правительственная программа сохранения рабочих мест временно спасла многие достопримечательности и будет работать дальше, пока они остаются закрытыми. Правительство уверено, что пакет чрезвычайных мер защитит большинство рабочих мест в секторе культуры, но далеко не все: «К сожалению, не всем удастся выжить, и, к сожалению, конечно, мы увидим дальнейшие увольнения» [6].

Итак, несомненно, по мере того, как некоторые музеи вновь открывают свои двери для публики, они столкнутся с периодом адаптации, который будет включать в себя не только строгие меры и правила социального дистанцирования. Как правило, музеи действовали быстро и

активно в ответ на пандемию, и многие переключились на помощь своим согражданам. В апреле 2020 года более 40 британских музеев пожертвовали средства индивидуальной защиты, чтобы помочь Национальной службе здравоохранения в борьбе с коронавирусом.

Другие музеи приняли иные культурные подходы, делясь историями людей, пострадавших от вируса, чтобы сохранить их и извлечь уроки из этого времени. Благодаря хэштегу #MuseumsThankHealthHeroes многие учреждения приняли участие в онлайн-кампании по распространению произведений искусства на медицинскую тематику из своих коллекций, чтобы отдать дань уважения врачам, медсестрам и другим медицинским работникам. Во многом это можно рассматривать как начало новых отношений между музеями и публикой: более прочную связь, основанную на взаимном уважении и восхищении. Если раньше музеи могли чувствовать себя оторванными от своих посетителей, то теперь, сталкиваясь с аналогичными испытаниями и преодолевая их вместе, они доказали, что едины со своей публикой.

Это трудное время принесло музеям множество сложностей, но также и новые возможности, в том числе шанс укрепить доверие и прочную связь со своей публикой. Помогая наиболее нуждающимся, музеи зарекомендовали себя как достойные и необходимые культурные центры. Поскольку учреждения стремятся встать на ноги после COVID-19, есть надежда, что эта поддержка может быть взаимной.

В этот период изоляции музеи использовали разнообразные современные технологии. На этот раз больше, чем когда-либо, было подчеркнуто, что «цифровой музей» – это не отдаленное обещание, а реальность здесь и сейчас. Цифровое взаимодействие и культурное наследие были первостепенными для музеев, объединяя людей, поощряя творчество, делясь своими историями жизни и предлагая виртуальное пространство для создания идей. Бесчисленные музеи по всему миру использовали это время для инноваций, прилагая усилия, чтобы сделать свои коллекции доступными для изучения на цифровой платформе. Этот процесс не только поддерживает взаимодействие между музеем и посетителем, но также демонстрирует тот факт, что музеи думают о потребностях и желаниях своих сообществ и поклонников, делая искусство и культуру доступными для тех, кто, вероятно, скучает по ним [10].

Заключение

По мере того, как локдаун из-за коронавируса продолжается, многие музеи начинают заду-

мываться о том, как они задокументируют этот необычный момент настоящего времени. Некоторые организации просят свою аудиторию поделиться мыслями, чувствами и действиями, когда те оказались изолированы дома. Другие хотят собирать официальные вывески и предметы, такие как маски для лица, или документируют переписку в социальных сетях Интернета.

Лондонский музей транспорта (LTM) опубликовал «Набор современных этических инструментов коллекционирования», цель которого – помочь музеям ориентироваться при сборе современных материалов. Он включает в себя руководства и тематические исследования для современных проектов по сбору информации по различным темам, например травматическим и тревожным переживаниям, а также советы по их сохранению в цифровом виде. Пособие по этике современного коллекционирования доступно в онлайн-формате pdf. Элли Майлз, куратор документального кино и один из редакторов руководства, написала: «Ничего страшного, если у вас сейчас нет проекта по сбору средств на тему пандемии. Не критикуйте тех, кто уже работает» [11]. Такого же подхода придерживается и Народный исторический музей в Манчестере.

Многие музеи подходят по-разному к процессу сбора документов и свидетельств о карантине COVID-19. Так, музей и художественная галерея Тенби в Юго-Западном Уэльсе запустили проект «Музей воспоминаний», в котором люди просят «сделать исторический снимок из собственного дома», собирать вырезки из газет и журналов; рисовать рисунки и заниматься написанием писем и дневников, ведением альбомов с вырезками из газет. Музей планирует выставить экспонаты, когда снова откроется, а также поделиться материалами через свою страницу в Facebook.

В Ирландском льняном центре и музее Лисберна в Северной Ирландии есть проект современного коллекционирования под названием «COVID-19 and Me». Он предлагает людям поделиться своим опытом существования в этом времени с помощью историй, фотографий, рисунков и видео.

Музей Ordinary People в Брайтоне предложил 150 людям в Брайтоне и Великобритании вести дневники, в которых фиксируется их обычное повседневное переживание кризиса. Участникам были доставлены специальные журналы, но как они документируют свой опыт, зависит от них.

Национальный музей футбола в Манчестере находится на ранней стадии запуска проекта по сбору данных, посвященного изучению того,

как футбольные клубы, игроки и болельщики реагируют на кризис. Кураторы и волонтеры ищут в социальных сетях примеры, как клубы и игроки реагируют на коронавирус и как он на них влияет. Музей также заинтересован в сборе печатных программ матчей, которые впоследствии были отменены.

Музеи и галереи Лидса (Leeds Museums & Galleries) использовали свои платформы социальных сетей, чтобы попросить людей поделиться опытом в связи со вспышкой коронавируса. Глава отдела коллекций и программ Ивонн Хардман говорит, что на данный момент было получено около 20 отзывов – «некоторые острые, некоторые юмористические, но все очень человеческие» [11]. Некоторые из них могут быть добавлены в постоянную коллекцию музеев. Собранные истории будут использованы также в коротком мультфильме об изоляции.

Итак, нет сомнений в том, что пандемия COVID-19 знаменует собой сложный период в истории музеев. Адаптация к этому кризису стала беспрецедентной проблемой для культурных учреждений по всему миру. Однако, по иронии судьбы, этот период сблизил музеи и их сторонников более, чем когда-либо прежде. В то время как двери наших любимых музеев были закрыты, действительно стала очевидной важность искусства и культуры. Возможно, лучше всего это выразил в поэтических метафорах советник по международной культуре Дэмиен Хелли: «Культура подобна семенам трав и цветов, которые прорастут и покроют своими цветами ужасные руины. Культура возвращает людям надежду и дает возможность их раненым душам избежать кошмаров обиды и мести. Когда все остальное ушло, искусство осталось. Кто из нас мог бы подумать, что мы сочли бы изоляцию почти невыносимой без искусства, книг, музыки, телевидения, фильмов и культуры? Возможно, для музеев и их посетителей расставание заставило их сердца вновь полюбить. Искусство и культура позволяют нам понять мир вокруг нас, и после времен такого хаоса мы сможем увидеть, как люди будут вновь стекаться в музеи в поисках ответов» [10].

Примечание

1. Travel and tourism in the United Kingdom – Statistics & Facts. URL: <https://www.statista.com/topics/3269/travel-and-tourism-in-the-united-kingdom-uk/> (дата обращения: 02.04.2021).

Список литературы

1. Travel and tourism in the United Kingdom – Statistics & Facts. URL: <https://www.statista.com/topics/3269/travel-and-tourism-in-the-united-kingdom-uk/> (дата обращения: 02.04.2021).

2. Top tourism statistic UK. URL: <https://www.condorferries.co.uk/uk-tourism-statistics> (дата обращения: 02.04.2021).

3. Siegal N. Many museums won't survive the virus. How do you close one down? // The New York Times. 2020. April 29. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/29/arts/design/how-do-you-close-a-museum.html> (дата обращения: 29.04.2021).

4. Beyond the pandemic: London tourism braces for slow recovery. URL: <https://apnews.com/article/pandemics-england-london-europe-coronavirus-pandemic-ed962480e6085378a409e12539e09204> (дата обращения: 20.04.2021).

5. COVID-19 threatens 500 year tradition at the Tower of London. URL: <https://www.npr.org/2020/07/25/895329187/covid-19-threatens-500-year-tradition-at-the-tower-of-london> (дата обращения: 20.04.2021).

6. Stokes T. Coronavirus: Museums «will not survive» virus lockdown. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-london-52215097> (дата обращения: 20.04.2021).

7. DCMS Press Release, £1.57 billion investment to protect Britain's world-class cultural, arts and heritage institutions, 5 July 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/news/157-billion-investment-to-protect-britains-world-class-cultural-arts-and-heritage-institutions> (дата обращения: 04.04.2021).

8. Coronavirus: Tower of London Beefeaters face job cuts due to pandemic. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-london-53471405> (дата обращения: 20.04.2021).

9. Coronavirus: Emergency money for culture 'won't save every job'. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-53302415> (дата обращения: 20.04.2021).

10. Carlsson R. Culture, coronavirus and the future of UK museums. URL: <https://www.museumnext.com/article/culture-coronavirus-and-the-future-of-uk-museums/> (дата обращения: 20.04.2021).

11. Atkinson R. How are museums collecting during coronavirus lockdown? URL: <https://www.museumsassociation.org/museums-journal/analysis/2020/04/03042020-how-are-museums-collecting-covid-19/> (дата обращения: 20.04.2021).

UK MUSEUMS DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC: PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE CONDITIONS OF OVERCOMING THE CRISIS

V.A. Aksenov, M.V. Efremova, N.A. Shimin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The authors turn to the problems and prospects of the possible development of the cultural tourism industry in Great Britain on the example of changes in the functioning of various museums and museum complexes. The authors referring to the statistical materials and data of the British media conclude that the most adapted to the new challenges and threats are museum complexes, which are provided with state support, while the measures taken to preserve the proper functioning of these cultural centers are diverse. The forms of interaction of museums and museum workers with visitors and tourists have also expanded, in which new technical means have played an important role.

Keywords: Great Britain museums; pandemic COVID-19; cultural tourism in Great Britain.

УДК 338.012

DOI 10.52452/18115942_2021_3_13

ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

© 2021 г.

Л.А. Горбач, Т.И. Клименко, И.В. Зимина

Горбач Людмила Анатольевна, к.э.н.; доцент кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
ludochka2904@mail.ru

Клименко Татьяна Игоревна, к.э.н.; младший научный сотрудник кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
klta@mail.ru

Зимина Ирина Владимировна, к.э.н.; преподаватель кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
elite20@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.06.2021**Статья принята к публикации 29.07.2021*

Цифровая трансформация, сопровождающая современный этап социально-экономического и технологического развития, сталкивается в отечественной практике с рядом препятствующих факторов, в числе которых особую роль занимает категория цифрового доверия как проявление инерции среди населения и представителей бизнес-сообщества. Причинами такой инерции становится как психологическая неготовность и страх перед цифровой адаптацией, так и отсутствие финансовой и материально-технической готовности к внедрению ИКТ в производственные процессы. В данной статье рассматриваются теоретические аспекты категории «цифровое доверие», приводится дефиниция понятия, систематизируются ключевые элементы, характеризующие данную категорию, производится обзор статистических данных и результатов социологических опросов в попытке оценить уровень цифрового доверия среди населения и представителей бизнес-сообщества России. В рамках настоящего исследования применялись общенаучные методы аналогии, анализа и синтеза, сравнительного анализа, обобщения, графический и статистический методы, а также принципы системного подхода.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровое доверие, институциональные факторы, среда доверия.

Введение

Цифровая трансформация в современном мире уже не рассматривается как инновационный прорыв, обеспечивающий конкурентоспособность страны или отдельных ее отраслей в мировом экономическом пространстве, а постепенно становится объективной реальностью, определенной тенденциями социально-экономического и технологического развития государств. Алгоритм трансформации предполагает последовательное преобразование всех сфер жизнедеятельности общества за счет внедрения информационных технологий, что в конечном итоге должно способствовать качественной реконструкции традиционных характеристик социально-экономических процессов. Главным образом трансформация затрагивает институциональную составляющую, которая, подстраиваясь под новые реалии социально-экономических процессов, призвана обеспечить благоприятную среду для цифровизации.

В последние годы показатели цифровизации российской экономики отличаются позитивной

динамикой в части применения информационных технологий бизнесом и распространения Интернета и возможностей цифровизации среди населения. Так, по итогам 2019 года численность абонентов мобильной сети составила 260 млн человек, фиксированный доступ к широкополосному Интернету получили 32.7 млн абонентов, мобильным Интернетом пользуются 141.4 млн абонентов. Доля населения, осуществившего заказы продукции в онлайн-магазинах, составила 35% населения, государственные и муниципальные услуги в электронной форме получили 74.8% населения. При этом со стороны предпринимательского сектора распространение цифровых технологий также возросло (по итогам 2018 года количество предпринимателей, применивший ERP-системы, достигло 21.6%, CRM-системы – 17.6%, SCM – чуть больше 10%) [1].

Однако в межстрановом сопоставлении позиция России по-прежнему далека от лидеров. К 2019 году в большей части рейтингов наша страна потеряла свои позиции, опустившись на несколько строк ниже (например, по инноваци-

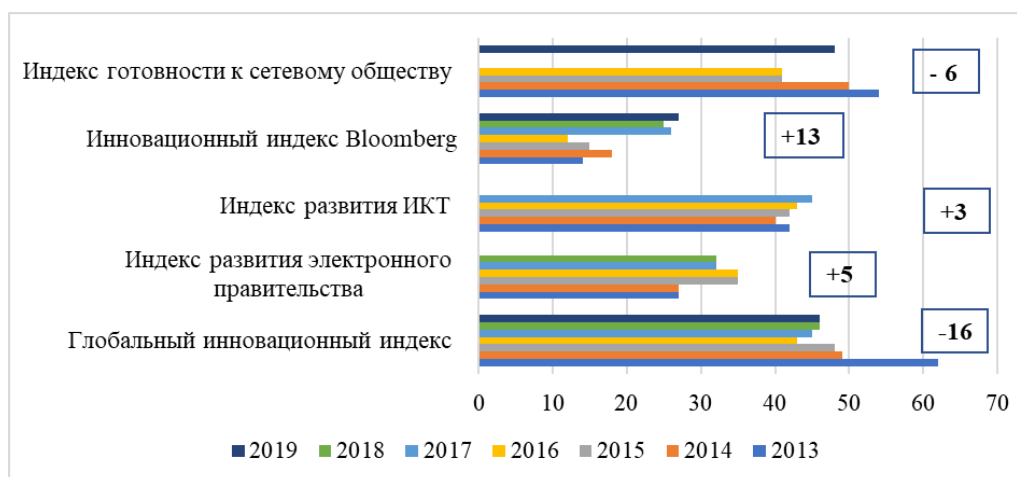


Рис. 1. Динамика положения России в международных рейтингах [1, 2]

Таблица 1

Барьеры цифровой трансформации отечественной экономики	
Население	
1.	Страх перед киберпреступностью (отсутствие цифрового доверия)
2.	Консервативность и неготовность к цифровой адаптации
3.	Технофобия – страх потери работы, деструктивные эффекты на рынке труда
4.	Низкий уровень цифровой грамотности
5.	Отсутствие технической возможности применения ИКТ
Предпринимательство	
1.	Высокий экономический риск, высокие транзакционные издержки
2.	Психологическая неготовность
3.	Страх перед киберпреступностью (отсутствие цифрового доверия)
4.	Низкий спрос на инновационные продукты
5.	Недостаток квалифицированных кадров
6.	Неразвитость инновационной инфраструктуры
7.	Рентоориентированное поведение
8.	Имитация инновационной деятельности
9.	Ловушка догоняющего развития и копирования
Государство	
1.	Неразвитость инновационной инфраструктуры
2.	Неравномерное социально-экономическое развитие регионов
3.	Ловушка догоняющего развития и копирования
4.	Имитация инновационной деятельности
5.	Рентоориентированное поведение

онному индексу агентства Bloomberg было утеряно 13 позиций), что по большому счету характеризует ухудшение ключевых индикаторов (рис. 1) [3].

На пути тотальной информатизации и цифровой трансформации отечественная экономика сталкивается со значительным количеством барьеров, большинство из которых носит институциональный характер. Принято считать, что основные барьеры формируются государством ввиду воздействия неэффективного правового поля или отсутствия соответствующей инфраструктуры. Однако на пути цифровизации значительную роль играет инерция со стороны населения и бизнес-сообщества, причинами которой выступают как психологическая неготовность и страх перед цифровой адаптацией, так и отсутствие материальной и финансовой (а в от-

дельных случаях и технической) готовности к внедрению ИКТ в производственные процессы. Ряд барьеров, с которыми сталкивается отечественная экономика на пути цифровизации, сгруппированных по источникам их возникновения, представлен в таблице 1 [3, 4].

Одной из существенных проблем, с которыми сталкивается общество в процессе цифровой трансформации, является низкий уровень информационной безопасности, порождающий весомый барьер цифровизации общества – отсутствие цифрового доверия среди населения, влияние которого в последнее время серьезно возрастает и нуждается в действенных механизмах его нейтрализации. В самом простом и широком понимании цифровое доверие предполагает доверие со стороны бизнес-сообщества и населения к цифровым технологиям, компью-

терной технике, к безопасности операций, совершаемых в информационной среде, и, безусловно, к обеспечению конфиденциальности персональных данных. Следует признать, что наличие доверия к цифровой среде становится важным фактором, способствующим или тормозящим процессы цифровой трансформации экономической системы.

Целью настоящего исследования является изучение барьеров на пути цифровой трансформации российской экономики, в частности цифрового доверия как одного из значимых факторов, обусловленных сравнительно низким уровнем информационной безопасности в стране и персональными характеристиками потребителей цифровых услуг.

Теоретико-методологические подходы

Различные аспекты цифровизации экономики и построения информационной парадигмы представлены в трудах Е.Ю. Гусаровой, А.И. Шинкевича, А.С. Аброскина, В.Е. Дементьева, С.Е. Беннетт, А. Агеева, С. Глазьева, Л.В. Миронова, Т.В. Ромашкина и других. Большой вклад в теорию доверия внесли Р. Патнэм, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, Ю.В. Веселов. Вопросы формирования цифровой среды доверия широко освещены в трудах Э. Глейзер, Д. Кинг, В.А. Липатовой, Л.В. Шиповаловой, М.Д. Шапсуговой, Р.К. Нурмухаметова, Н.Е. Дмитриевой, А.Б. Жулина, Р.Е. Артамонова и других.

Поскольку понятие «цифровое доверие» (digital trust) появилось совсем недавно, в научной среде не сформировалось единой трактовки данного термина [5]. В качестве наиболее простого и понятного толкования можно привести следующее.

Цифровое доверие – это комплексный показатель, отражающий уверенность клиентов, деловых партнеров и сотрудников в способности компании обеспечить необходимой инфраструктурой и поддерживать безопасность конфиденциальных данных [5]. Данная трактовка имеет отношение к бизнес-среде и отражает вопросы взаимодействия отдельных частных контрагентов. Однако, рассматривая цифровую трансформацию в контексте макроэкономических процессов, подобной характеристике доверия также можно найти свое применение. В таком случае требования к обеспечению информационной безопасности возлагаются, как правило, на государство. В целом благоприятная цифровая среда должна выстраиваться как совокупность доверительных взаимоотношений между государством, обществом, бизнес-сообществом, международными организациями,

представителями научной среды на основе принципов справедливости и прозрачности.

Очень часто в научных работах термин «цифровое доверие» заменяется понятием «цифровая среда доверия», предполагая таким образом помимо фактора настроения среди населения и готовности его к цифровизации совокупность институциональных факторов, которые образуют соответствующую среду, обеспечивающую информационную безопасность в обществе [5]. Подобная формулировка содержится в программе «Цифровая экономика РФ», где под ней понимается нормативное регулирование современных цифровых технологий, то есть фактор организации правовых условий для формирования единой цифровой среды доверия. Дело в том, что в России термин «цифровое доверие» практически не применяется, а исследование вопросов доверия к информационным технологиям осуществляется в трех аспектах: сохранности данных, их конфиденциальности и отношения населения к продуктам цифрового мира.

Результаты

Ввиду того, что категория цифрового доверия вошла в научный оборот сравнительно недавно, теоретико-методологические аспекты данного понятия только начинают формироваться, обособляясь в национальные подходы (в частности, программы развития Digital Trust Finland, Digital Economy Agenda в США, система национального рейтинга в КНР и т.д.), исследования международных организаций (Mastercard совместно со Школой права и дипломатии им. Флетчера Университета Тафтса, KPMG, PwC, Accenture и др.) и отдельных ученых (Lui et al., 2020; Mas-Machuca, Marimon, Jaca, 2021) [6].

В то же время, с учетом значимости данной категории как фактора цифровой трансформации экономической системы и развития глобальной цифровой экономики [7], существует необходимость его количественной или качественной оценки для выработки управленческих решений. Однако единой методики на данном этапе еще не выработано, как не выработано и четкого понимания критериев, характеризующих содержание понятия «цифровое доверие». Чаще всего предлагаемые методы оценки сводятся к проведению опроса среди респондентов на предмет оценки отдельных критериев доверия, которые затем обобщаются в интегральный показатель – индекс с определенной шкалой измерения либо публикуются как результаты социологического опроса в статистических сборниках и обзорах.

В частности, в 2019 году международная коммуникационная группа Dentsu Aegis Network провела опрос более 43 тыс. человек в 24 странах мира в попытке оценить три параметра цифрового доверия: динамизм, инклюзивность (то есть доступность цифровых технологий для населения) и доверие. Здесь критериями оценки доверия стали такие факторы, как конфиденциальность (эффективность правовой и нормативной базы по защите конфиденциальных данных, доверие личных данных бизнесу и государству, прозрачность в их использовании), безопасность (число защищенных интернет-сервисов, глобальный индекс кибербезопасности, правовая защита от киберпреступности) и перспективы на будущее (оценка прогнозируемых инвестиций в цифровизацию и их окупаемость, отношение людей к влиянию технологий, социальный эффект от цифровизации: создание новых рабочих мест и возможность решения глобальных проблем). Исследование было ориентировано на потенциальных потребителей цифровой среды: частных лиц, представителей бизнес-сообщества.

Противоположную задачу ставили исследователи в компании PwC, которые, проводя опрос среди руководителей со всего мира, пытались оценить не сколько доверие среди населения, сколько готовность к применению цифровых технологий, использованию их при решении различных управленческих задач, управлению рисками и обеспечению соответствия законодательным требованиям и стандартам в этой сфере. В результате исследования было сформировано 10 ключевых шагов к улучшению цифрового доверия в компаниях [8].

Существуют и попытки сформировать интегрированный показатель, отражающий результаты цифровизации и доверие к цифровой среде. Здесь следует представить индекс Digital Evolution Index (DEI), выработанный в результате совместных исследований международных организаций, в частности Mastercard совместно со Школой права и дипломатии им. Флетчера Университета Тафтса, который отражает степень открытости страны к внедрению инноваций, а также оценивает уровень доверия к цифровым технологиям по всему миру. Здесь неотъемлемыми компонентами цифрового доверия становятся конфиденциальность пользователя, безопасность при пользовании Интернетом и подотчетность поставщика цифровых услуг. В основу индекса ложится оценка 170 показателей, характеризующих уровень цифрового развития и цифрового доверия, ключевые факторы и их динамику, а также влияние цифровой эволюции и цифрового доверия на кон-

курентоспособность страны. С позиции цифрового доверия оценке подлежат такие частные критерии, как потребительское поведение и отношение к цифровым технологиям, опыт их применения и инновационный климат. Исследования в рамках Digital Evolution Index проводились в 2014 и в 2017 годах для 60 стран мира, в результате чего была проведена группировка стран по состоянию и темпу роста цифровой экономики и отдельно по уровню цифровой готовности [10].

Проанализировав разные подходы к пониманию категории «цифровое доверие» [3, 9–11] и ее ключевым компонентам, выделим те, которые в наибольшей степени отражают специфику данного фактора. На наш взгляд, основными компонентами, а следовательно, и критериями для оценки доверия населения к цифровой среде, следует считать следующие:

- 1) безопасность (в контексте наличия инфраструктуры и надежного правового поля для защиты информации от посягательства третьих лиц, обеспечения конфиденциальности личных данных, технологическая компетентность);
- 2) надежность (в первую очередь с точки зрения техники и технологий, обеспечивающих условия для реализации цифровых процессов);
- 3) готовность (как с позиции технологий и процессов, так и с позиции наличия или отсутствия культурной инерции среди населения и представителей бизнес-сообщества).

Понятие цифрового доверия можно рассмотреть и как внутреннюю убежденность населения в надежности цифровых технологий и потребности в их применении, и как внешние социальные установки, отражающие настроение общества к процессам тотальной цифровизации [12]. И в этом контексте помимо безопасности проблемным аспектом становится вопрос социальных трансформаций, порождающих структурную безработицу и социальную напряженность среди населения, а также потребность в адаптации, как профессиональной, так и культурно-бытовой, связанной с освоением технологий. Все это в конечном счете порождает инерционные механизмы среди населения, препятствующие распространению цифровизации и снижающие уровень цифрового доверия. Следовательно, на наш взгляд, данный фактор также следует учитывать как отдельную категорию при определении цифрового доверия.

На основании рассмотренных подходов были сгруппированы основные факторы, обеспечивающие достижение цифрового доверия, представленные на рисунке 2.

Оценивая отдельные индикаторы цифрового доверия в России, следует вновь обратиться к результатам исследования Dentsu Aegis Network,

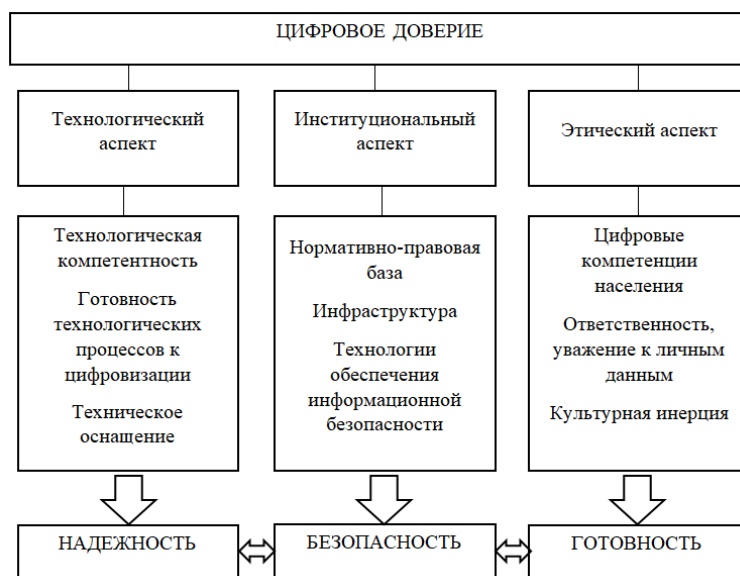


Рис. 2. Ключевые компоненты цифрового доверия (составлено авторами)

согласно которым уровень доверия к цифровой среде в стране довольно высок. Это можно проследить по ряду таких показателей:

- смена потребительских предпочтений и освоение цифровых технологий (85% населения с легкостью переходят к применению цифровых технологий в быту);

- влияние на здоровье (только 22% соотечественников уверены в негативном влиянии технологий на здоровье и 18% – в негативном влиянии на качество жизни);

- цифровые компетенции (44% населения считают высокими свои навыки использования цифровых технологий, в то время как среднемировое значение составляет 52%);

- ощущение темпов технологических изменений (61% жителей России считают, что темпы технологических изменений слишком динамичны, в то время как в Индии, Бразилии и Китае такого мнения придерживаются более 80% населения);

- уверенность в социальном эффекте цифровизации (31% россиян верят в то, что цифровые технологии позволят создать новые рабочие места, смогут способствовать карьерному росту) [11].

Отдельно следует рассмотреть доверие потребителей к онлайн-магазинам, значимость которых в период пандемии серьезно возросла, что сформировало новую модель потребительского поведения. Согласно опросам, 8% полностью доверяют онлайн-магазинам, 85% скорее доверяют, чем нет. В то же время сами магазины транслируют недоверие к покупателям, предлагают возможность отправки заказа исключительно на условиях предоплаты (56% всех сделок через онлайн-сервисы).

Аналогичные исследования проводятся и российскими учеными. В частности, в ноябре 2020 года Институт статистических исследований НИУ ВШЭ провел опрос интернет-аудитории, ключевым аспектом которого стал вопрос приватности личной жизни в рамках трансформации экономической системы. Надо заметить, что россияне обеспокоены вопросами конфиденциальности и защиты личных данных и опасаются различного рода манипуляций, производимых с ними. В частности, 41% респондентов уверены в росте рисков кражи персональных данных в цифровой среде, в связи с чем 27% респондентов указали, что осуществляют оплату онлайн-заказов при получении или курьеру на руки, и еще 27%, совершая различные действия в цифровой среде, стараются не указывать своих личных данных. При этом 11% полны оптимизма и не беспокоятся о том, что данные об их действиях в Интернете кем-то просматриваются и анализируются.

Следует обратить внимание также на то, что не менее 90% опрошенных высказали свое мнение (затруднившихся ответить оказалось не более 10%), что свидетельствует о заинтересованности населения вопросами безопасности персональных данных в цифровой среде [13].

Больше половины респондентов не верят в возможность самостоятельной защиты персональных данных от посягательств третьих лиц. При этом, пытаясь обеспечить защиту, респонденты чаще применяют варианты, не предполагающие сложных манипуляций. Так, 38% отказываются от предоставления доступа к данным о местоположении, 33% – доступа к персональным данным для рекламных целей, 25% – доступа к профилю или постам, размещаемым в



Рис. 3. Динамика случаев мошенничества в разных сферах, единиц [14]

социальных сетях. И только пятая часть опрошенных пользуется программами, которые ограничивают возможность отслеживать действия в Интернете (чаще это молодые люди с продвинутыми цифровыми навыками (37%)), что больше, на наш взгляд, свидетельствует о невысоких показателях цифровых компетенций среди населения и недостаточном уровне цифровой грамотности населения. Эти факторы также являются значимыми при оценке цифрового доверия и требуют отдельного внимания.

Так, навыки цифровой грамотности населения можно оценить следующими индикаторами: работать с текстовым редактором могут 40.4% населения России, при этом только 39.7% населения могут отправить электронную почту с вложенными файлами; 36% могут копировать и перемещать файлы или папки; с электронными таблицами могут работать лишь 22% населения; совершенно незначительна доля населения, получившая навыки создания презентаций, – лишь 9%, установки или переустановки операционной системы – 2.9%. Безусловно, показатели значительно ниже в сельской местности по сравнению с городской [1]. Однако желание и намерение использовать цифровые технологии среди российских граждан значительно выше, чем в развивающихся странах.

Сравнительно низкий уровень цифрового доверия в России основывается на негативной статистике, связанной с киберпреступностью в последние годы. Особенно остро проблема проявилась в 2020 году во время пандемии, которая, с одной стороны, стала мощным импульсом в распространении цифровых технологий, с другой – обеспечила возможности для увеличения числа киберпреступлений, количество которых за один год возросло на 76%. Случаи мошенничества особенно имели место в банковских операциях, рекордная динамика которых представлена на рисунке 3.

Подобная тенденция была обусловлена значительным ростом числа безналичных операций (по итогам 2020 года доля безналичных платежей в России достигла нового рекорда и соста-

вила 54.1% (+4.9 п.п.), по сведениям ПАО «Сбербанк») [15], увеличением спроса на товары, реализуемые через интернет-площадки, а также неопределенностью различных выплат среди социально незащищенных слоев населения, которые стимулировали мошенников к взаимодействию с пенсионерами и, путем приобретения конфиденциальных данных по банковским картам, присвоению этих средств. Создавались сайты – клоны известных торговых площадок (например, по итогам 2020 года было создано более 500 сайтов, сходных с торговой площадкой «Авито»), делались вредоносные рассылки, осуществлялись кибератаки на незащищенные компьютеры сотрудников коммерческих компаний и т.д. Резко выросло и число кибератак, ориентированных на бизнес-субъектов, что способствовало росту количества страховых услуг, предлагаемых для защиты от мошенничества. По итогам 2020 года число приобретенных страховых полисов, покрывающих риски киберпреступлений, возросло в 5 раз. Основными потребителями таких страховых продуктов были в основном представители банковской сферы и разработчики IT-продуктов, осуществляющих услуги по архивному хранению данных [1].

Надо сказать, что, согласно данным РБК [14], 58.4% случаев мошенничества в России в 2020 году было совершено с применением информационно-коммуникационных технологий. При этом статистика свидетельствует о том, что за последние 5 лет количество преступлений, совершенных с использованием ИКТ, возросло более чем в 6 раз (43.8 тыс. зарегистрированных случаев в 2015 году против 294.4 тыс. в 2019 году). Доминирующая часть этих преступлений (57%) осуществляется с применением сети Интернет (+81.9% к уровню 2015 года), около 40% – с применением средств мобильной связи (прирост за 5 лет составил 104.6%) [16]. Представленные статистические данные демонстрируют проблемы информационной безопасности, которые нуждаются в решении, и негативным образом сказываются на состоянии доверия к цифровой среде со стороны населения и пред-

ставителей бизнес-сообщества, безусловно, являясь сдерживающим механизмом на пути цифровизации.

Заключение

Таким образом, несмотря на позитивные настроения со стороны населения относительно внедрения информационных технологий в различные сферы, уровень цифрового доверия в России по-прежнему недостаточно высок, что объясняется как активным ростом мошеннических действий в цифровой среде, так и относительно низким уровнем цифровой грамотности и цифровых компетенций среди населения. При этом формирование и укрепление цифрового доверия – процесс, требующий значительного количества времени и совместных усилий, прилагаемых всеми заинтересованными сторонами. Учитывая актуальность данной проблемы и новизну изучаемой категории, необходимо обеспечить ее активное исследование как с точки зрения теоретико-методологических аспектов, так и с позиции практической реализации ее ключевых компонентов.

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2600.2020.6.

Список литературы

1. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2020: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.
2. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая экономика: 2020: Краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.
3. Горбач Л.А., Башкирцева С.А., Мисбахова Ч.А. Институциональные аспекты инновационного развития отечественной экономики в условиях новой цифровой парадигмы // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 5. С. 130–141.
4. Митяева Н.В., Заводилов О.В. Барьеры цифровой трансформации и пути их преодоления // Вестник СГЭУ. 2019. № 3. С. 20–24.
5. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 32–39.
6. Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б., Артамонов Р.Е., Титов Э.А. Оценка цифровой готовности населения России: Материалы к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 86 с.
7. Шинкевич А.И., Киселев С.В. Исследование тенденций использования цифровых технологий отечественными промышленными предприятиями // Матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Научные исследования в современном мире. Теория и практика». СПб.: Изд-во ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 183–185.
8. На пути к цифровому доверию [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pwc.ru/ru/assets/pdf/digital_trust_insights_russian.pdf
9. Галимулина Ф.Ф., Шинкевич А.И. Цифровая трансформация как драйвер ресурсосберегающего развития нефтехимического сектора экономики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 64–73.
10. Гуров О.Н. Доверие – ключевая категория в условиях цифровой трансформации // Материалы III Междунар. конф. «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека». Коломна: Изд-во ГСГУ, 2020. С. 123–127.
11. Нурмухаметов Р.К. К вопросу о цифровом доверии // Алтайский вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 8–17.
12. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. № 2. С. 129–143.
13. Полякова В., Фурсов К. Готовы ли пользователи Рунета делиться персональными данными // Результаты проекта «Формирование актуальной статистической основы изучения образования, науки, инноваций, цифровой экономики» тематического плана научно-исследовательских работ, предусмотренных Государственным заданием НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html>
14. Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d>
15. Сбербанк оценил масштабы перехода на безналичные платежи в год пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/29/01/2021/6013b4319a7947262326b784>
16. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г.». М.: Генеральная прокуратура РФ, 2020. 62 с.

DIGITAL TRUST AS A FACTOR OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC SYSTEM

L.A. Gorbach, T.I. Klimenko, I.V. Zimina

Kazan State Technological University (KSTU)

The digital transformation that accompanies the current stage of socio-economic and technological development is faced in domestic practice with a number of obstacles, among which a special role is played by the category of digital trust as a manifestation of inertia among the population and representatives of the business community. The reasons for this inertia are both psychological unpreparedness and fear of digital adaptation, as well as the lack of financial and technical readiness to implement IT in production processes. This article examines the theoretical aspects of the category of

«digital trust», provides a definition of the concept, systematizes the key elements that characterize this category, makes an attempt to assess the level of digital trust among the population of Russia based on the results of sociological surveys. Within the framework of this study, general scientific methods of analogy, analysis and synthesis, comparative analysis, generalization, graphical and statistical methods, as well as the principles of a systems approach were used.

Keywords: digitalization, digital transformation, digital trust, institutional factors, trust environment.

УДК 338.45

DOI 10.52452/18115942_2021_3_21

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ РОССИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИЯ 4.0»

© 2021 г.

О.Н. Киселева, И.Н. Пчелинцева, А.В. Васина, О.В. Сысоева

Киселева Оксана Николаевна, д.э.н.; доц.; профессор кафедры экономической безопасности и управления инновациями Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина
oksana@briik.ru

Пчелинцева Ирина Николаевна, д.э.н.; проф.; профессор кафедры менеджмента и маркетинга Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
irina.pchelintzeva@yandex.ru

Васина Анастасия Владимировна, к.э.н.; доцент кафедры экономической безопасности и управления инновациями Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина
nasty530@yandex.ru

Сысоева Ольга Владимировна, к.э.н.; доцент кафедры экономической безопасности и управления инновациями Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина
ovzaytseva@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 10.06.2021**Статья принята к публикации 29.07.2021*

Инновационное развитие отечественных предприятий является приоритетным направлением в российской экономике. В частности, актуальным является развитие инновационной активности на предприятиях машиностроительной отрасли, которые проецируют инновационные преобразования в другие отрасли через создаваемые и используемые средства производства. Среди факторов, оказывающих положительное влияние на результативность инновационного процесса на машиностроительных предприятиях, – цифровая трансформация производственных процессов, на которую направлена реализация концепции «Индустрия 4.0». В первую очередь такая трансформация связана с созданием единой автоматизированной информационной системы, позволяющей нивелировать «узкие места» в цепочке создания продукции. Как показывает практика, осуществление мероприятий в рамках программы «Индустрия 4.0» позволяет существенно повысить эффективность реализуемых бизнес-процессов в производственной сфере, как в текущей, так и в инновационной деятельности. Однако, поскольку процессы цифровых преобразований инициированы отечественными предприятиями сравнительно недавно, существует ряд проблем, препятствующих достижению результата, одной из которых является недостаточная эффективность существующей системы управления и ее неготовность к изменениям. Цель исследования состоит в анализе существующих проблем, препятствующих развитию инновационных процессов в отечественной промышленности при реализации технологий «Индустрии 4.0», и рассмотрении формирования стандарта цифровой трансформации машиностроительных предприятий, который позволит преодолеть выявленные проблемы. В качестве метода исследования использована систематизация текущей литературы, которая позволила авторам проанализировать современное состояние готовности к внедрению на промышленных предприятиях технологий программы «Индустрия 4.0». В частности, рассмотрена динамика инновационной активности промышленных предприятий РФ за 2010–2020 гг. На основе синтеза данных рассмотрены вопросы, препятствующие внедрению программы «Индустрия 4.0», сдерживающие процесс внедрения инновационных процессов в промышленности. Результатом работы является предложенное авторами решение исследуемой проблемы, позволяющее создать благоприятные условия для инновационного перехода к цифровым подходам в промышленной деятельности с целью повышения ее результативности.

Ключевые слова: инновации, цифровизация, «Индустрия 4.0», инновационная деятельность, машиностроительное предприятие.

Введение

Машиностроительная отрасль в экономике Российской Федерации является важнейшей отраслью промышленности, которая образует основное звено в развитии народного хозяйства. Именно машиностроение, через взаимодействие с другими отраслями, дает импульс к изменениям, необходимость которых определяется не

только сложившейся ситуацией в современной экономике, но и принятыми на государственном уровне приоритетными направлениями в стремлении вывести Россию из числа развивающихся в перечень экономически развитых стран. Одним из основных решений этой задачи является инновационная активизация отечественных предприятий, на поддержку которой выделяют-ся существенные государственные ресурсы.

Таблица

Динамика инновационной активности промышленных предприятий России за 2010 – 2019 гг.

Ключевой показатель Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года	Целевое значение	Анализируемый период									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Совокупный уровень инновационной активности организаций промышленного производства (%)	40–50	10.8	11.1	11.1	10.9	10.9	10.6	10.5	10.6	15.6	15.1

Составлено по данным [3].

Несомненно, обладая ключевой ролью в структуре промышленного производства, машиностроение здесь выступает в качестве флага, формирующего тенденции инновационных преобразований в различных производственных секторах российской экономики. По сути, данная отрасль, создавая основную производственную базу, задает уровень, темп и направления научно-технического прогресса в промышленности в целом.

Как указывают аналитики McKinsey [1, с. 69], в настоящее время, к сожалению, наблюдается существенное отставание в инновационном развитии предприятий машиностроения нашей страны по сравнению с ведущими зарубежными странами, причем разрыв постоянно увеличивается. Инновационная активность отечественных промышленных предприятий также находится на низком уровне [2, с. 91]. Данные по динамике инновационной активности промышленных предприятий в РФ за 2010–2019 гг. представлены в таблице [3].

Как показывают данные таблицы, несмотря на определенную положительную тенденцию повышения инновационной активности промышленных предприятий, процессы инновационных преобразований в промышленности все же недостаточно интенсивны, что ставит под сомнение возможность «инновационного рывка» в развитии отечественной экономики.

В данном контексте, фактором, который может способствовать достижению амбициозных целей нашего государства и оказать положительное влияние на результаты инновационной активности машиностроительных предприятий, является реализация мероприятий концепции четвертой промышленной революции, или программы «Индустрия 4.0», направленной на переход в автоматизированный цифровой режим деятельности производственных систем предприятий с целью повышения эффективности их управления и функционирования. На основе проведенного исследования авторы делают

также вывод о том, что в настоящее время уровень цифровизации промышленного сектора гораздо ниже потенциального уровня [4, с. 898]. Предполагается, что внедрение цифровых технологий в практику машиностроительных предприятий не только окажет положительное влияние на процессы текущей деятельности, но и создаст необходимый производственный базис для разработки и реализации инновационных идей.

Методология исследования

Четвертая промышленная революция в сфере машиностроения

Очевидно, что при существующих тенденциях будущее машиностроительного производства определяется технологиями четвертой промышленной революции. Понятие «Индустрия 4.0» впервые было введено в 1995 году в работе ученого Н. Негропonte [5, с. 68]. Однако программа «Индустрия 4.0» была сформулирована в Германии в 2011 г. и рассматривалась как инструмент, направленный на повышение конкурентоспособности машиностроительного производства с помощью «киберфизических систем». В 2016 г. Клаус Шваб ввел в широкое использование термин «Индустрия 4.0». Как отмечал К. Шваб, «в отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами» [6]. В сфере машиностроительного производства термин «Индустрия 4.0» означает технологию «умных» заводов, включающую масштабные процессы по роботизации, 3D-печати, виртуальной и дополненной реальности, нейротехнологии. Другими словами, в рамках этой парадигмы объединяют все устройства, процессы и информационные данные посредством Интернета и инновационных технологий виртуальной реальности и программирования.

Сущность программы «Индустрии 4.0» в машиностроении определяется следующими положениями.

1. Цифровизация всех технологических и организационных цепочек производства продукта: вертикальных и горизонтальных. Цифровизация вертикальных цепочек предполагает использование цифровых технологий на всех этапах – от конструкторско-технологического проектирования продукта, материального обеспечения, непосредственно производственного процесса, транспортировки потребителю до послепродажного обслуживания [7, с. 23].

2. Проектирование и производство новых цифровых продуктов или модернизированных с использованием цифровых или интеллектуальных компонентов (например, датчиков, средств связи).

3. Цифровизация комплексного клиентского обслуживания, предполагающего персонализированное обслуживание на основе применения интегрированных платформ, следствием чего должны быть новые цифровые бизнес-модели, приносящие дополнительную выручку и прибыль [8].

По результатам исследования PricewaterhouseCoopers, в котором приняли участие более 2000 респондентов из 9 отраслевых секторов и 26 стран, цифровизация способствует резкому росту производительности труда, развитию отношений с потребителями через цифровые каналы, ускорению глобализации при сохранении региональной специфики, созданию более эффективных организационных структур, обеспечивающих применение аналитики данных [8]. Применительно к машиностроению реализация концепции программы «Индустрия 4.0» позволяет обеспечить:

- связанность всего оборудования в целостном информационном поле, зачастую без участия человека;
- гибкость и прозрачность производственной базы, высокую адаптивность процессов к окружающим условиям;
- оперативность планирования процессов производства выпускаемой продукции или ее деталей и сборочных единиц;
- быструю перенастройку оборудования под требования отдельных заказчиков;
- быструю модернизацию продукции.

Учитывая преимущества, которые позволяют получить технологии «Индустрия 4.0», экономически развитые страны активно включились в процесс цифровой трансформации. Многие государства создают благоприятные условия для «оцифровки» своих промышленных предприятий, которые, в свою очередь, также проявляют инициативу при внедрении цифровых технологий в производство. Так, согласно исследованиям PricewaterhouseCoopers, из опрошенных 278 зарубежных предприятий 131

использует технологии «Индустрии 4.0», среди них – немецкие предприятия Wittenstein, Bosch, BASF SE. Активно развиваются цифровые технологии на предприятиях Великобритании, Франции, Италии и Бельгии [9, с. 15].

В России в 2017 г. разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017–2030 гг. [10], определяющая задачи внедрения цифровых технологий в деятельность промышленных предприятий, а ряд крупных предприятий, таких как ОАО «КамАЗ», Казанский завод «Электроприбор», АО «СофтЛайн Трейд», уже осуществляет внедрение отдельных элементов программы «Индустрия 4.0».

Цифровая трансформация предприятий машиностроения России

Специфика российской экономики и существующий уровень развития отечественных предприятий, прежде всего в машиностроительной отрасли, длительное время находящейся вне поля поддержки со стороны государства и во многом исчерпавшей производственный потенциал, не позволяют обеспечить тот темп цифровизации, который демонстрируют зарубежные предприятия. Большой доле отечественных машиностроительных предприятий требуется элементарная автоматизация. Отставание от мировых лидеров в данной индустрии, по оценкам экспертов, составляет 5–8 лет [9, с. 17]. Например, в работе [11] отмечено увеличение разрыва между РФ и лидирующими странами в области цифровизации. Также следует отметить, что производительность труда в нашей стране ниже в 2.5 раза, чем производительность труда, например, в США. По видимому, повышение технического уровня производства является критическим для сокращения этого отставания. Можно отметить, что до сих пор основные фонды являются достаточно изношенными. Например, степень износа основных фондов в 2008 году составляла 45.6% и практически не изменяется в последнее время: как следует из данных работы [12, с. 80], величина износа составляла 50.2% в 2016 г., 47.3% в 2017 г., 46.6% в 2018 г. и 37.8% в 2019 г. и является достаточно высокой. В то же время доля инвестиций в основной капитал в ВВП РФ является стабильно низкой и составила в 2017 г. – 21.4%, в 2018 г. – 20.0%, 2019 г. – 20.6%. По видимому, одной из основных причин к указанному тренду является недофинансирование научных и опытно-конструкторских работ. Так, в 2015 г. расходы в РФ на НИОКР составляли всего 0.3% от ВВП. Для сравнения – в ведущих промышленно развитых государствах этот по-

казатель значительно выше. Например, в Китае он равен 1.54%, в США – 1.79%, в Японии – 2.72%. Причем, учитывая значительно более малый ВВП в РФ, в абсолютных цифрах расходы на НИОКР в американских и китайских предприятиях превышают расходы российских предприятий почти в 30 раз [12, с. 80]. Однако учитывая заинтересованность государства, по данным авторов доклада «Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России» [13], представленного Центром стратегических разработок, пик новой промышленной революции (масштабирование прорывных технологий и смена архитектуры рынков) в нашей стране придется на 2020–2030-е гг.

В настоящее время в России действует Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» на период 2019–2024 гг. и дорожная карта TechNet Национальной технологической инициативы (НТИ), во многом основанная на глобальной программе «Индустрия 4.0». Предполагается, что внедрение и развитие цифровизации в промышленном секторе послужит существенным импульсом к инновационному развитию отечественной экономики.

Концепция программы «Индустрия 4.0» для целей инновационного развития предприятий машиностроения и проблемы ее реализации

«Индустрия 4.0» дает возможность совершенствовать и модернизировать продукцию и процессы [14, с. 68], повышая эффективность машиностроения в целом за счет введения новых технологий. При этом предприятие получает такие выгоды, как 1) финансовые, так как происходит снижение издержек, повышение производительности, и 2) снижение уровня рисков за счет внедрения автоматизированных систем на протяжении всего цикла.

Несмотря на очевидные преимущества перехода промышленных предприятий на принципы организации своей деятельности в соответствии с концепцией программы «Индустрия 4.0», данный переход в современных условиях недоступен для многих промышленных предприятий России в связи с тем, что реальное состояние производственной и информационной базы предприятий не имеет возможности для внедрения современных цифровых инструментов. К примеру, если предыдущие изменения в промышленной отрасли были основаны на концепции программы «Индустрия 3.0», предполагающей автоматизацию только отдельных процессов производства, то программа «Индустрия 4.0» предполагает переход всех процессов жизненного цикла изделий на сквозную цифровизацию, а также их интеграцию в цифровую эко-

систему. Безусловно, такие глобальные трансформационные процессы будут сопровождаться множеством проблем, которые, в свою очередь, связаны со спецификой развития и функционирования отечественного промышленного производства. Согласно данным аналитического отчета «Цифровая трансформация в России – 2020» компании KMDA [15], можно выделить следующие факторы, которые препятствуют цифровой трансформации предприятий.

1. Нехватка соответствующих компетенций и знаний. Данная проблема связана, прежде всего, с кадровым потенциалом предприятий, в навыках и умениях которого не содержится необходимых компетенций для внедрения и освоения современных цифровых инструментов. Кроме того, что данная проблема затрагивает сотрудников компаний, она также касается и руководящего состава, компетенций которого не хватает для разработки и реализации эффективной стратегии цифровой трансформации.

2. Необходимость наличия большого объема финансовых ресурсов у промышленных предприятий. Так, одним из основных факторов, тормозящих переход предприятий РФ к современным цифровым технологиям, является экономический аспект, связанный с недостаточностью собственных финансовых средств и неготовностью многих предприятий к крупным финансовым затратам для модернизации своей деятельности. Внушительные инвестиционные затраты на данные цели при правильных расчетах, безусловно, будут эффективными, однако имеют стратегическую направленность, что подразумевает наличие у предприятия «длинных денег».

3. Неподготовленность рынка труда промышленных предприятий РФ к изменениям. Данный фактор связан с тем, что переход к программе «Индустрия 4.0» потребует глобальных изменений в рабочем штате предприятий, в частности сокращения штата и освоения сотрудниками нового комплекса профессиональных компетенций. Исходя из этого, на рынке труда РФ потребуются существенные преобразования, которые должны затрагивать как систему образования, так и систему переквалификации.

4. Риски в сфере информационной безопасности. Внедрение современных цифровых технологий создает дополнительные возможности для кибератак и, как следствие, утечки информации и конфиденциальных данных. Исходя из этого, у предприятий возникают дополнительные расходы, связанные с перестройкой системы информационной безопасности, способной обеспечить шифрование данных в условиях глобальной цифровизации.

5. Неготовность менеджмента предприятий к инновациям в сфере цифровых технологий. Несмотря на то что многие российские руководители предприятий понимают преимущества цифровой организации деятельности, доля тех, кто предпочитает консервативные методы, все еще высока. Это связано с тем, что руководители, сотрудники, партнеры и клиенты предприятия уже привыкли к последовательности определенных действий. Кроме этого, изменения в организации деятельности всегда несут за собой определенные угрозы и риски, к которым предприятие не готово. Особенно часто данный фактор проявляется на предприятиях, деятельность которых не нуждается в стремительных изменениях. Также в работе [16, с. 104] рассматриваются такие проблемы при цифровизации, как нехватка «узких» специалистов на фоне «отмирания старых» профессий, неразвитость законодательной базы в части внедрения и применения цифровых технологий, специфика оценки эффективности цифровых проектов и др. Но, как подчеркивает автор одной из работ [17, с. 7], именно своевременная интеграция магистральных управленческих решений способствует более качественному функционированию промышленных предприятий в условиях цифровизации.

Как видно, выделенные факторы находятся как вне, так и внутри предприятий, что непосредственно влияет на определение диапазона поиска решений, направленных на нивелирование их негативного воздействия. Конечно, можно указывать на необходимость государственной поддержки для решения существующих проблем, однако и сами предприятия должны проявлять инициативу и прикладывать усилия в данном направлении. В частности, осуществлять обучение персонала, внедрение проектов [18, с. 44], изыскивать резервы для формирования источников преобразований, но прежде всего, по мнению авторов, необходимо формировать систему управления, которая обеспечит соответствующий базис для цифровой трансформации инновационных процессов.

Результаты и обсуждение

Реализация концепции программы «Индустрия 4.0» в инновационной деятельности машиностроительных предприятий

Так или иначе, внедрение технологий программы «Индустрия 4.0» представляет собой изменения, которые в совокупности с необходимостью осуществления инновационной деятельности в значительной степени дестабилизируют текущее функционирование и вводят ее в

состояние энтропии. Для нивелирования негативных импульсов, обусловленных данным состоянием, система управления должна обеспечить формирование четких границ [19, с. 309], устанавливающих «конструкцию» преобразований. Одним из таких направлений, по мнению авторов, является формирование стандарта цифровой трансформации инновационных процессов предприятия, посредством которого будут четко определены цель и последовательность изменений, что позволит подготовить сотрудников и предприятие в целом к планируемым изменениям, а также обеспечит понимание процесса цифровизации.

В качестве основных составляющих такого стандарта цифровой трансформации предлагаются следующие.

1. *Концепция цифровизации предприятий* как документ, отражающий цели, задачи и принципы разработки и реализации цифровой трансформации предприятий. Структуру данного документа можно представить в виде двух основных разделов:

- I раздел, описывающий цифровую трансформацию в виде целей развития, характеристики направления инновационного развития, устава проектов цифровизации, регламента бизнес-процессов инновационного развития;

- II раздел, описывающий контур управления цифровизацией, основными элементами которого являются:

- формы управленческой отчетности, отражающие процесс цифровой трансформации и достижение промежуточных и конечных целей развития, предоставляющие информацию для принятия управленческих решений;

- информационная система мониторинга, лежащая в основе формирования управленческих форм отчетности;

- регламенты процедур движения информации и формирования отчетных управленческих форм;

- регламенты процедур принятия и реализации управленческих решений ответственными лицами на основе управленческой информации.

2. *Стратегическая карта цифровизации предприятий* как документ, являющийся приложением концепции цифровизации предприятий и отражающий цели развития через сбалансированную систему ключевых показателей, связанных с проектами цифровизации.

Структура стандарта цифровой трансформации представлена на рисунке 1.

Последовательность формирования основных регламентов стандарта цифровой трансформации предприятий представлена на рисунке 2.

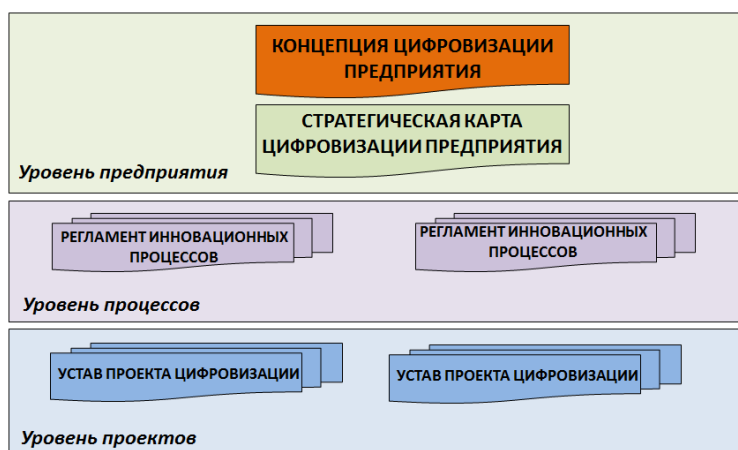


Рис. 1. Структура стандарта цифровой трансформации предприятий



Рис. 2. Этапы создания стандарта цифровой трансформации предприятий

По мнению авторов, внедрение предложенного стандарта на машиностроительных предприятиях позволит:

- обеспечить прозрачность цифровой трансформации инновационной деятельности предприятий и, соответственно, ее управляемость;
- систематизировать и регламентировать информационные потоки в рамках осуществляемых преобразований в контексте как цифровизации, так и инновационной деятельности;
- контролировать и осуществлять управление финансовыми потоками в процессе изменений;
- отслеживать затраты, связанные с цифровой трансформацией и инновационной деятельностью, и эффективно управлять ими;
- оценивать эффективность цифровой трансформации в рамках развития предприятий.

Заключение

На основе проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

- активизация инновационной деятельности предприятий машиностроения является одним из приоритетных направлений в стратегии развития отечественной экономики;
- цифровая трансформация инновационных процессов является благоприятствующим фактором инновационной активизации предприятий машиностроения;

– в настоящее время существуют проблемы, обусловленные влиянием ряда факторов, препятствующих успешной цифровизации инновационной деятельности отечественных предприятий, в том числе в машиностроительной отрасли;

- одним из важнейших факторов, препятствующих скорости и эффективности процессов цифровизации, является неготовность систем управления предприятий к преобразованиям;
- внедрение стандарта цифровой трансформации предприятия позволит сформировать необходимый управленческий базис, способствующий достижению поставленных целей развития.

Таким образом, по мнению авторов, реализация предложенного решения позволит создать необходимые благоприятные условия для иницилируемых преобразований в производственной сфере предприятий и будет способствовать созданию благоприятных условий для осуществления их инновационного развития.

Список литературы

1. Цифровая Россия: новая реальность. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
2. Юкласова А.В. Анализ динамики инновационной активности промышленности в РФ // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 12 (130). С. 89–99.

3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 19.04.2021).
4. Наумов И.В., Дубровская Ю.В., Козоногова Е.В. Цифровизация промышленного производства в регионах России: пространственные взаимосвязи // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 3. С. 896–910.
5. Серебренников С.С., Харитонов С.С. Технологический переход от Индустрии 2.0 и 3.0 к Индустрии 4.0 в промышленной отрасли // Вестник МИРБИС. 2020. № 4 (24). С. 67–79.
6. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. URL: https://law.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения: 19.04.2021).
7. Плакиткин Ю.А., Плакиткина Л.С. Программы «Индустрия-4.0» и «Цифровая экономика Российской Федерации» – возможности и перспективы в угольной промышленности // Горная промышленность. 2018. № 1 (137). С. 22–28.
8. «Индустрия 4.0»: создание цифрового предприятия. URL: https://www.pwc.ru/ru/technology/assets/global_industry-2016_rus.pdf (дата обращения: 19.04.2021).
9. Авилова В.В., Ульмаскулов Т.Ф. Перспективы применения технологии «Индустрии 4.0» в российской промышленности // Базис. 2018. № 1 (3). С. 13–18.
10. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 18.04.2021).
11. Вышел рейтинг CNews «Крупнейшие поставщики ИТ в промышленность». URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-05-28_opublikovan_rejting_krupnejs_hih_postavshchikov_it (дата обращения: 18.04.2021).
12. Дворецкая А.Е. Научно-исследовательский сектор экономики России как генератор инноваций // Вестник Академии / Моск. акад. предпринимательства при Правительстве Москвы. 2018. № 3. С. 77–87.
13. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. URL: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).
14. Гётц М., Янковска Б. Индустрия 4.0 как фактор конкурентоспособности компаний в условиях постпереходной экономики // Форсайт. 2020. Т. 14. № 4. С. 61–78.
15. Цифровая трансформация в России – 2020. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 18.04.2021).
16. Кулясова Е.В., Вдовенко З.В. Цифровизация промышленных предприятий: возможности и угрозы новой реальности // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2019. Т. 19. № 3. С. 98–110.
17. Головкин Д.С. Система управления промышленными предприятиями на базе концепции экономического потенциала // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 7–14.
18. Киселева О.Н., Васина А.В., Сысоева О.В. Адаптированный метод управления проектами цифровизации инновационной деятельности предприятий // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 1 (157). С. 42–47.
19. Киселева О.Н. Диффузия организационно-управленческих инноваций как фактор интенсификации процессов экономического развития предприятий России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 307–323.

PROBLEMS OF PROCESSES IN INNOVATIVE DEVELOPING THE MECHANICAL ENGINEERING ENTERPRISES IN RUSSIA UNDER IMPLEMENTING THE CONCEPT OF «INDUSTRY 4.0» PROGRAM

O.N. Kiseleva¹, I.N. Pchelintzeva², A.V. Vasina¹, O.V. Sysoeva¹

¹ Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

² Chernyshevsky Saratov National Research State University

The innovative development of domestic enterprises is a priority in the Russian economy. In particular, the development of innovative activity at the enterprises of the machine-engineering industry, which project innovative transformations into other industries through the created and used means of production, is especially relevant. Among the factors which have a positive impact on the effectiveness of the innovation process at machine-engineering enterprises is a digital transformation of production processes via implementing the concept of Industry 4.0. First of all, such a transformation is associated with the creation of a unified automated information system that makes it possible to resolve bottlenecks appeared within a product's fabrication chain. As the practice shows, the implementation of activities under the Industry 4.0 program can significantly increase the efficiency of the involved business processes at the manufacturing sector, both in current and innovation activities. However, given that the processes of digital transformation have been initiated relatively recently by domestic enterprises, there are a number of problems which impede reaching the result, one of which is an insufficient efficiency of the existing management system and its unwillingness to changes. The purpose of the study is to analyze the existing problems which hinder the development of innovative processes in the domestic industry under the implementation of Industry 4.0 technologies, and to consider the formation of a protocol for digital transformation of machine-building enterprises, which will overcome the identified problems. As a research method, the literature analysis has been applied to allow authors to track the current state of readiness for the implementation of the Industry 4.0 program technologies within industrial enterprises. In particular, we consider a dynamics of innovative activity in industrial enterprises of the Russian Federation for 2010–2020 years. On the basis of the data, the issues which hinder both the implementation of the Industry 4.0 program and the process of introducing innovative processes into industry are considered. The result of the work is the solution to the problem under study, proposed by the authors, which allows one creating favorable conditions for enterprises to innovatively employ digital approaches in industrial activity in order to increase its effectiveness.

Keywords: innovation, digitalization, Industry 4.0, innovation activity, machine-engineering enterprise.

УДК 332

DOI 10.52452/18115942_2021_3_28

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ ПРИ РАБОТЕ С ОДАРЁННЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ НА ОСНОВЕ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ИХ СТАНОВЛЕНИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ

© 2021 г. **В.С. Кравченко, О.Ю. Ангелова, Т.О. Подольская, А.В. Аникин**

Кравченко Валентина Сергеевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kvsfnf@mail.ru

Ангелова Ольга Юрьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
oangelova@mail.ru

Подольская Татьяна Олеговна, к.э.н.; доцент кафедры университетского менеджмента
и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
podolskaya79@yandex.ru

Аникин Александр Вячеславович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alexan801@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2021

Статья принята к публикации 30.07.2021

Одной из актуальных задач управления территориями на современном этапе является создание эффективной системы идентификации и развития талантливых и одаренных детей и молодежи. Показатели эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ, разработанные в 2021 году, включают оценку эффективности системы идентификации и развития талантливых и одаренных детей и молодежи. Инвестиции в развитие человеческого капитала региона определяют уровень регионального социально-экономического развития. В статье предлагается методика оценки реальной или потенциальной способности субъектов РФ по привлечению и развитию молодой одаренной личности. Методика базируется на методе множественного корреляционно-регрессионного анализа. В итоге построена функция-модель, которая максимально близко описывает поведение исследуемой совокупности объектов на основе исходных данных. Выявлены наиболее значимые факторы, определяющие поведение одаренной личности по выбору региона для самореализации, такие как доступность покупки семьями жилья в ипотеку в регионах России, индикатор предпринимательской активности, индекс цифровизации субъектов РФ. Предложенная методика способствует своевременной диагностике факторов, связанных с созданием условий в регионе для становления и самореализации молодой одаренной личности, что позволяет принимать эффективные управленческие решения стейкхолдерами.

Ключевые слова: одаренность, талант, модель, множественная регрессия, классификация регионов, условия становления, региональная стратегия, социальный лифт, молодежь, субъекты РФ.

Введение

Одной из актуальных задач для региональных органов государственной власти является оценка возможностей своего субъекта РФ по развитию человеческого капитала, в том числе по возможностям привлечения и развития молодых талантов, способствующая выстраиванию эффективной региональной стратегии [1]. Так, в перечне задач развития региона, на основе которых формулируются показатели эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ, особое место отводится задаче создания эффективной системы идентификации и развития талантливых и одаренных детей и молодежи. При этом инвестиции в приращение человеческого капитала региона, в том числе и

за счет повышения эффективности работы с одаренной молодежью, находят свое отражение в перспективном уровне регионального социально-экономического развития [2]. В Стратегии пространственного развития России до 2025 года отмечается, что хотя за последние 10 лет в результате реализации государственной политики регионального развития происходит сокращение межрегиональных диспропорций, они пока являются значительными [3]. С точки зрения развития региональных человеческих ресурсов доминируют два подхода. С одной стороны, поляризация пространства и концентрация ресурсов, сопровождаемая релокацией части активного населения в наиболее развитые регионы [4–6]. С другой – модель государственного сохранения (удержания) простран-

ства за счет эндогенного роста на базе человеческого капитала. Оба подхода требуют наличия методических инструментов оценки отдельных регионов и их политики в отношении человеческого капитала. Часть подходов базируется только на уровне развития человеческого капитала в регионах с учетом его качественного состояния в субъектах РФ [7–10], исходя из демографического, трудового, образовательного, научно-исследовательского и социокультурного компонента. Другие – рассматривают человеческий капитал как фактор инновационного регионального развития [11]. Некоторые исследователи предлагают инновационные подходы, в частности М.А. Снурницына, Л.С. Леонтьева, В.П. Дудяшова разрабатывают концепцию самообучающегося региона, которая может найти свое применение в формировании эффективной политики управления человеческим потенциалом на уровне субъекта РФ [12]. Д. Сепик предлагает индикаторы конкурентоспособности регионов, опираясь на европейский подход [13]. Л.С. Шеховцева, Е.В. Тяпушова предлагают для ранжирования применять интегральную оценку стратегической и текущей конкурентоспособности региона [14].

При этом сохраняет актуальность создание методологических подходов, которые на основе доступных статистических социально-экономических показателей позволят прогнозировать качество человеческого капитала и привлекательность региона для талантливой и одаренной молодежи, исходя из обеспечения условий для их становления и самореализации.

Теоретико-методологические подходы

С целью совершенствования подходов к оценке возможностей субъектов РФ с точки зрения условий для становления и самореализации молодой одаренной личности предлагается следующая методика на основе методов множественного корреляционно-регрессионного анализа.

Инструментарий множественного корреляционно-регрессионного анализа позволяет вычислить такую функцию-модель, которая будет отвечать критерию аппроксимации, то есть будет максимально близко описывать реальное поведение исследуемой совокупности объектов на основе исходных данных. Благодаря корреляционному и регрессионному анализу становится возможно провести оценку полученных статистических выводов с позиций точности и надёжности. Автоматизация и наличие соответствующих статистических пакетов в Microsoft Excel (пакет анализа данных) упрощает механизм реализации отмеченных методов и сокра-

щает трудоемкость по обработке имеющейся статистической информации. Данные методы широко используются при планировании, прогнозировании, анализе и оценке в целом [15].

Рассмотрим последовательность построения методики на основе многофакторной регрессионной модели диагностики условий для становления и самореализации молодой одаренной личности. В качестве объектов исследования выступают субъекты РФ. Представим методику в виде последовательности этапов.

Первый этап предлагаемой методики будет заключаться в определении результативного показателя, рассчитанного на основе ранее отобранных факторов. Процесс отбора факторов будет производиться с помощью корреляционного анализа.

Выбор результирующего показателя определяется целями исследователя, формулирующего многофакторную модель. Применение многофакторной модели вместо однофакторной обосновано тем, что использование в качестве критерия оценки единичного фактора представляется тупиковым направлением исследования. Единичный факторный показатель и его предельное значение не может быть критерием для оценки условий становления и самореализации молодой одаренной личности, так как каждый будет давать ограниченную картину процесса развития региона. В связи с этим целесообразно сформировать систему факторных показателей, комплексно иллюстрирующих механизм развития региона в рамках заданной тематики, а уже на базе выявленных факторов вычислить результирующий показатель.

В представленном исследовании в роли результирующего показателя будем использовать совокупный стандартизированный показатель, рассчитанный на основе системы индикаторов, характеризующих направления, способствующие самореализации молодых талантов, привлекательности конкретного субъекта РФ для молодых специалистов по ключевым аспектам качества жизни, рынка труда и возможностей карьерного роста. При этом предлагаемая система индикаторов, используемая для оценки, должна позволять стейкхолдерам принимать эффективные решения и коррелировать с показателями эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Таким образом будут использованы следующие индикаторы:

1. Среднедушевые денежные доходы населения (T1).
2. Доступность покупки семьями жилья в ипотеку в регионах России (T2).

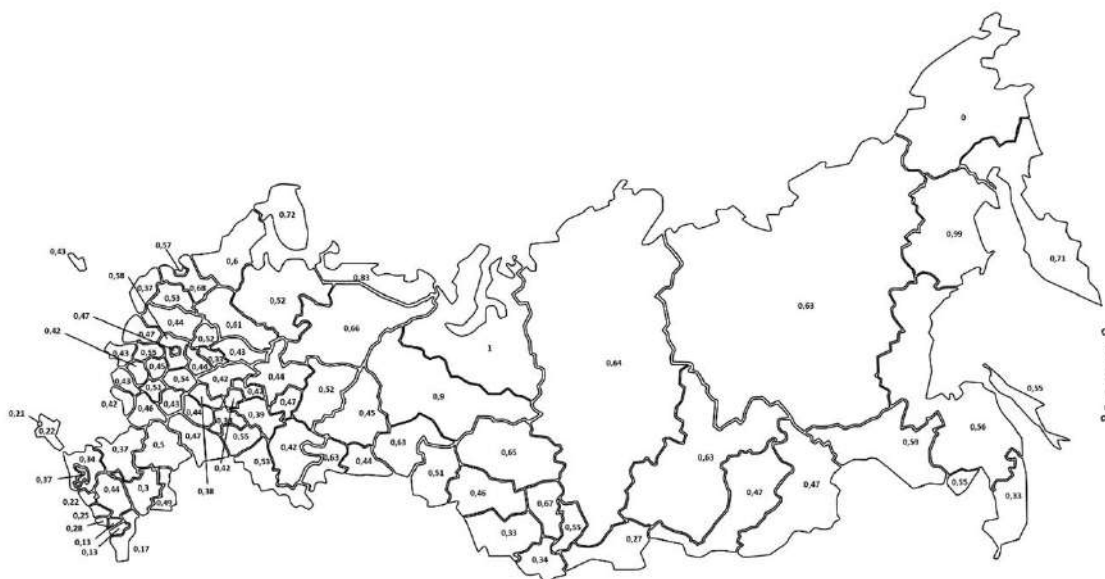


Рис. 3. Показатель 3 – стандартизированный индикатор уровня безработицы в регионе



Рис. 4. Показатель 4 – стандартизированный индикатор индикатора предпринимательской активности



Рис. 5. Показатель 5 – стандартизированный индикатор обеспеченности образовательными услугами (численность студентов вузов на 10 000 чел. населения)



Рис. 6. Показатель 6 – стандартизированный индикатор доли заработной платы в образовательной отрасли в величине прожиточного минимума



Рис. 7. Показатель 7 – стандартизированный индикатор численности аспирантов



Рис. 8. Показатель 8 – стандартизированный индикатор индекса научно-технологического развития субъектов РФ

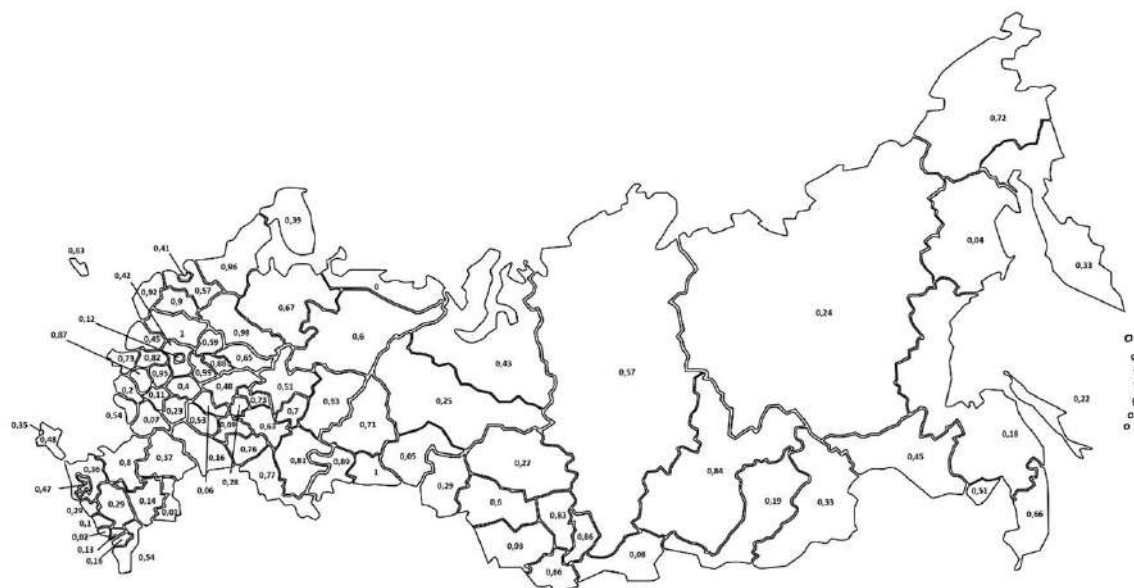


Рис. 9. Показатель 9 – стандартизированный индикатор рейтинга регионов по базовым показателям эффективности систем здравоохранения



Рис. 10. Показатель 10 – стандартизированный индикатор экологического рейтинга регионов РФ



Рис. 11. Показатель 11 – стандартизированный индикатор индекса цифровизации субъектов РФ

Таблица

Результаты корреляционного анализа

	T1	T2	T3	T4	T5	T6	T7	T8	T9	T10	T11	Tg
1	1.00											
2	0.36	1.00										
3	0.45	0.40	1.00									
4	0.27	0.51	0.25	1.00								
5	-0.22	0.19	-0.15	0.48	1.00							
6	-0.18	0.35	0.13	0.35	0.43	1.00						
7	0.32	0.25	0.02	0.62	0.53	0.24	1.00					
8	0.12	0.59	0.21	0.67	0.54	0.49	0.52	1.00				
9	-0.22	0.23	-0.03	0.19	-0.15	0.16	-0.13	0.13	1.00			
10	-0.20	0.05	-0.22	0.09	0.22	0.08	0.14	0.08	0.06	1.00		
11	0.29	0.54	0.44	0.53	0.21	0.50	0.33	0.73	0.12	0.05	1.00	
Tg	0.29	0.72	0.42	0.79	0.45	0.63	0.55	0.84	0.31	0.16	0.83	1

На втором этапе осуществляется построение модели, иллюстрирующей взаимосвязь между индикаторами-факторами и результативным показателем.

В таблице приведены значения коэффициентов корреляции, иллюстрирующие уровень связи между результативным показателем и его факторами, а также межфакторную связь (Tg – совокупный результативный показатель).

Критерием отбора факторов-индикаторов при формировании регрессионной модели будет служить степень тесноты связи с результативным показателем. Оценка тесноты связи будет определена в ходе корреляционного анализа, по итогам которого в регрессионную модель будут включены факторы, имеющие достаточно сильную степень тесноты связи с итоговым показателем. В рамках данного исследования в качестве слабой связи между результативным показателем и фактором примем таковую с коэффициентом корреляции, не превышающим 0.3. В качестве дополнительного ограничителя будем учитывать то, что уровень межфакторной корреляции не должен превышать 0.5.

По итогам корреляционного анализа из формулируемой регрессионной модели были исключены индикаторы-факторы со слабой корреляцией в отношении результирующего показателя. В дальнейшем для построения регрессионной модели будут использованы следующие условно обозначенные факторы: T2, T4, T11. Это доступность покупки семьями жилья в ипотеку в регионах России, индикатор предпринимательской активности, индекс цифровизации субъектов РФ.

Третий этап предлагаемой методики будет связан с формализацией уравнения множественной регрессии, описывающей систему

отобранных факторов и результирующий показатель. В рамках данного этапа производится расчет уравнения и оценка качества модели.

Построение уравнения будет производиться на основе методики пошаговой регрессии, подразумевающей последовательное исключение из уравнения того фактора, коэффициент при котором статистически незначим и характеризуется наименьшим значением t -критерия. Отказ от использования в уравнении фактора, не отвечающего критериям статистической значимости, происходит после расчета самого уравнения и оценки значимости всех коэффициентов регрессии. Исключение факторов завершается в том случае, когда все регрессионные коэффициенты, включенные в модель, являются статистически значимыми.

Значимость t -критерия определяется с помощью P -значения – это значение уровня значимости, соответствующее вычисленной t -статистике. Если P -значение для анализируемого коэффициента уравнения меньше стандартного уровня значимости, следовательно, данный коэффициент является статистически значимым [17].

Осуществив пошаговое вычисление регрессионного уравнения, можно сделать вывод о том, что представленная ниже модель наиболее достоверно и комплексно описывает выявленные зависимости между факторами-индикаторами и результирующим показателем:

$$Tg = 1.2 + 2.39T2 + 2.89T4 + 1.88T11. \quad (1)$$

После формирования уравнения модели оценим ее качество. Для этого найдем коэффициенты детерминации R^2 и множественной корреляции R . Полученное значение коэффициента множественной корреляции, равное 0.899, свидетельствует о том, что сформированное уравнение достаточно хорошо описывает взаи-

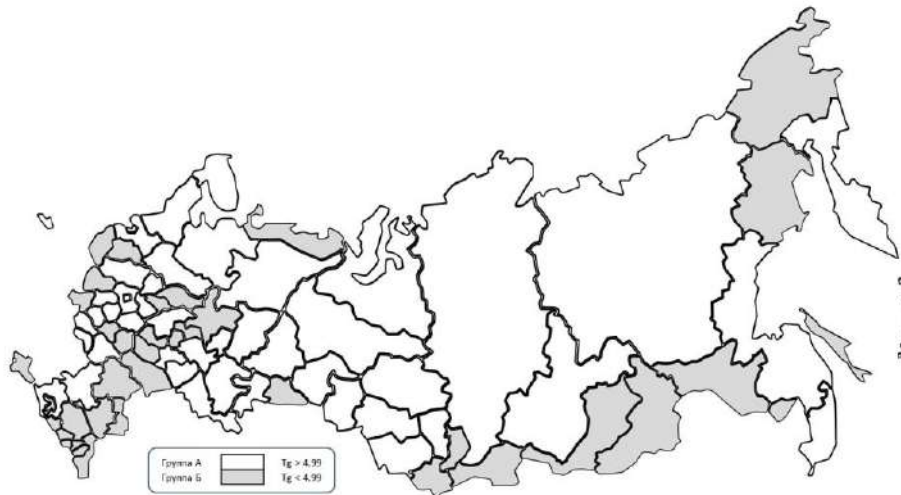


Рис. 12. Классификация регионов РФ с точки зрения условий для становления и самореализации одарённой личности

мосвязь между факторами. Рассчитанный коэффициент детерминации уравнения, равный 0.95, или 95%, иллюстрирует, что 95% вариации результативного признака объясняется вариацией факторных переменных. Проведенная оценка качества модели показала, что модель статистически значима. По итогам выполненной проверки делаем вывод о том, что в регрессионную модель удалось включить наиболее значимые индикаторы-факторы и что полученная модель характеризуется достаточным уровнем надежности. Это все говорит о возможности использования такой модели в практической деятельности.

Отметим, что включённые в модель индикаторы-факторы оказывают наибольшее влияние на результативный показатель, а значит, являются наиболее существенными при диагностике условий в регионе, необходимых для становления и развития молодой одарённой личности. Отметим отдельно, что данное исследование проводилось ранее, чем были обнародованы показатели эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, однако отобранные в модель индикаторы учитывают те же аспекты, что и следующие показатели эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ, а именно: количество семей, улучшивших жилищные условия, численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, «цифровая зрелость».

На заключительном шаге производим группировку (классификацию) субъектов РФ, даем оценку полученным результатам.

Полученная модель оценки возможностей субъектов РФ с точки зрения условий для становления и самореализации молодой одарённой личности позволяет разделить все субъекты РФ на 2 группы.

Результаты и обсуждение

Принадлежность субъектов к группе выглядит следующим образом.

В регионы группы А ($Tg > 4.99$) попадают субъекты РФ, характеризующиеся благоприятными условиями для становления и самореализации молодой одарённой личности, высоким потенциалом удержания молодых одаренных личностей и притяжения из других регионов. Социальные лифты «образование» и «предпринимательство» наиболее развиты в этой группе.

В регионы группы Б ($Tg < 4.99$) включаются субъекты РФ, характеризующиеся недостаточно благоприятными условиями для становления и самореализации молодой одарённой личности, рисками миграции «талантов» в другие регионы.

Итоговая классификация субъектов РФ представлена на рисунке 12.

Заключение

Рекомендации стейкхолдерам для разработки эффективной региональной политики. Для регионов группы А рекомендуется оставаться открытыми и инновационными для сохранения своего лидерства, быстро и гибко приспосабливаться к новым трендам и подходам. Не снижать скорости цифровой трансформации, развивать уже имеющиеся заделы для реализации молодой одарённой личности в научной и предпринимательской деятельности, улучшать условия жизни и труда молодой одарённой личности. Поддерживать эффективную систему образования.

Для регионов группы Б рекомендуется создавать инструменты удержания одаренных личностей в регионе, используя инструменты социальных лифтов на личностном и професси-

ональном уровне как в образовании, так и в предпринимательстве. Здесь могут быть применимы как привлечение международных компаний в регионы, так и отдельные инициативы финансового и нефинансового характера от органов государственной власти и управления, направленные на снижение оттока – «миграции» молодых одарённых личностей.

Разработанная модель позволяет снизить информационную асимметрию, осуществить классификацию анализируемых регионов по уровню вероятности создания условий для становления и самореализации молодой одарённой личности. Оценка с помощью данной модели позволяет на конкретный период времени дать характеристику вероятности создания условий для становления и самореализации молодой одарённой личности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07462 «Разработка многофакторной социально-экономической модели поведения одаренной личности с применением методов машинного обучения».

Список литературы

1. Постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года» [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://strategy.government-nnov.ru>.
2. Петров М.Б., Курушина Е.В., Дружинина И.В. Институциональный отклик региональных социально-экономических систем на инвестирование в приращение человеческого капитала: методика оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 195–214.
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
4. Аврамова Е.М., Малеева Т.М. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144–160.
5. Ершов Ю.С. Межрегиональная дифференциация. Регионы-доноры и регионы-реципиенты: многообразие оценок и выводов // Регион: экономика и социология. 2019. № 1 (101). С. 3–22.
6. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70.
7. Гурбан И.А. Национальный человеческий капитал России: региональная дифференциация // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-5. С. 1063–1069.
8. Гулин К.А., Ускова Т.В., Калачикова О.Н. и др. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: Монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 386 с.
9. Забелина О.В., Козлова Т.М., Романюк А.В. Сравнительная оценка человеческого капитала федеральных округов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 37. С. 2–9.
10. Герасимов В.О., Любова О.В., Карпова А.М., Ахметшин Э.М. Разработка методики оценки индекса человеческого капитала для регионов Российской Федерации // Экономика и менеджмент систем управления. 2019. Т. 33. № 3. С. 15–20.
11. Мариев О.С., Нагиева К.М., Симонова В.Л. Управление факторами инновационной активности российских регионов на основе эконометрического моделирования // Управленец. 2020. Т. 11. № 1. С. 57–69.
12. Леонтьева Л.С., Дудяшова В.П., Снурницына М.А. Самообучающийся регион как инновационная стратегия управления человеческим капиталом на мезоуровне // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 9. С. 44–50.
13. Сепик Д. Индикаторы конкурентоспособности регионов: европейский подход // Регион: экономика и социология. 2005. № 2. С. 197–205.
14. Шеховцева Л.С., Тяпушова Е.В. Теоретические и методические основы интегральной оценки стратегической и текущей конкурентоспособности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 30 (213). С. 7–18.
15. Кравченко В.С. К вопросу о повышении эффективности выявления и развития одарённых личностей в молодёжной среде посредством использования цифровых инструментов в образовании // Современные образовательные web-технологии в реализации личностного потенциала обучающихся: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции. Арзамас, 2020. С. 72–75.
16. Кравченко В.С., Ангелова О.Ю., Аникин А.В., Подольская Т.О. Кластеризация регионов РФ по предоставляемым возможностям самореализации одаренных личностей на основе матрично-балльной // Аудит и финансовый анализ. 2021 (в печати).
17. Орлова И.В. Эконометрика. Обучающий компьютерный практикум. М., 2016. 93 с.

**INCREASING THE EFFICIENCY OF TERRITORIES MANAGEMENT WHEN WORKING
WITH GIFTED PERSONALITIES BASED ON MULTI-CRITERIAL ASSESSMENT
OF THE CONDITIONS OF THEIR FORMATION AND SELF-REALIZATION**

V.S. Kravchenko, O.Y. Angelova, T.O. Podolskay, A.V. Anikin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

One of the urgent tasks of territorial management at the present stage is to create an effective system for the identification and development of talented and gifted children and youth. Performance indicators for senior officials of the constituent entities of the Russian Federation, introduced in 2021, include an assessment of the effectiveness of the system for the identification and development of talented and gifted children and youth. Investments in the development of regional human capital determine the level of regional socio-economic development. The authors in the article propose a methodology for assessing the real or potential ability of the constituent entities of the Russian Federation to attract and develop a young gifted personality. The methodology is based on the method of multiple correlation and regression analysis. As a result a function was built that describes as closely as possible the behavior of the studied set of objects based on the initial data. The most significant factors that determine the behavior of a gifted person in choosing a region for self-realization have been identified. There are the availability of home purchase by families on a mortgage in the regions of Russia, an indicator of entrepreneurial activity, an index of digitalization of the constituent entities of the Russian Federation. The proposed methodology contributes to the timely diagnosis of factors related to the creation of conditions in the region for the formation and self-realization of a young gifted personality, which allows stakeholders to make effective management decisions.

Keywords: giftedness, talent, model, multiple regression, classification of regions, conditions of formation, regional strategy, social elevator, the youth, the federal subjects of Russia.

УДК 332.1:004.8

DOI 10.52452/18115942_2021_3_38

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РФ НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ НЕЙРОСЕТЕВОГО КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

© 2021 г.

Ю.В. Трифонов, А.Л. Сочков, А.Е. Соловьёв

Трифонов Юрий Васильевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
itime@iee.unn.ru

Сочков Андрей Львович, к.т.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
an.so2009@yandex.ru

Соловьёв Александр Евгеньевич, студент Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
2000sashasoloviyov@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 30.06.2021**Статья принята к публикации 30.07.2021*

Целью данной статьи является оценка экономического потенциала регионов Российской Федерации за период 2014–2019 гг. с помощью технологий искусственного интеллекта. Объектом исследования выступали регионы страны, а предметом исследования – их экономический потенциал. Для его оценки использовалась система показателей, которая включает валовый региональный продукт на душу населения, производительность труда, инвестиции в основной капитал на душу населения, поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет, оборот розничной торговли на душу населения. Разработана оригинальная авторская методика нейросетевого кластерного анализа на базе СОК Кохонена, отличающаяся от известных методик тем, что в качестве наилучшего выбирается вариант разбиения с наименьшими суммами максимальных и средних ошибок квантования по кластерам. Синтез СОК Кохонена проводился в программе Deductor. На базе этой методики был проведен анализ экономического потенциала регионов, который показал неравномерность развития территорий страны. Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти федерального и регионального уровня для принятия оперативных управленческих решений. Кроме этого, полученные результаты целесообразно использовать для прогнозирования показателей экономического потенциала регионов.

Ключевые слова: регионы России, экономический потенциал, кластерный анализ, нейронные сети, карты Кохонена, программа Deductor.

Введение

В настоящий период развитие Российской Федерации в значительной степени зависит от состояния экономики регионов страны, каждый из которых имеет свои особенности, например наличие тех или иных природных ресурсов, географическое расположение, климатические условия, ценностно-культурные установки и т.д. Всё это обуславливает специфику каждого региона и уровень его социально-экономического развития. Очень важно качественно и своевременно оценивать экономический потенциал территорий, что позволяет оперативно принимать управленческие решения по устранению проблем, имеющих место в тех или иных регионах.

Необходимо отметить, что понятие «экономический потенциал» (далее это понятие будет использоваться без кавычек) в настоящее время

не закреплено ни в одном юридическом акте. Ряд авторов [1, 2] трактует это понятие широко, практически отождествляя его с понятием «конкурентоспособности региона», однако такой подход слабо согласуется с системой показателей для оценки экономического потенциала регионов, использованных в стратегических документах их развития [3–5].

В соответствии с Федеральным законом «О системе стратегического планирования в Российской Федерации» от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ все субъекты РФ обязаны разрабатывать определенные стратегические документы. Каждый регион творчески подходит к этому процессу и разрабатывает эти документы в соответствии со своей спецификой. В частности, каждая территория по-своему оценивает и экономический потенциал.

В Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года клю-

чевыми показателями являются: ВРП, инвестиции в основной капитал, доля высокотехнологичной продукции в общем объеме промышленного производства, реальные располагаемые денежные доходы населения, доля населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в общей численности населения.

В Стратегии социально-экономического развития Самарской области до 2030 года экономический потенциал включает в себя следующие показатели: индекс физического объема валового регионального продукта, индекс промышленного производства, индекс производства продукции сельского хозяйства, индекс производительности труда, индекс физического объема инвестиций в основной капитал, уровень общей безработицы по методологии МОТ, оборот малых и средних предприятий, коэффициент опережения роста объема инновационных товаров, работ, услуг по сравнению с ростом объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами.

В Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года показателями экономического развития являются: ВРП на душу населения, производительность труда, объем налоговых и неналоговых поступлений в консолидированный бюджет, доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, доля МСП в ВРП, инвестиции в основной капитал.

Проведенный обзор систем показателей позволяет сделать вывод о том, что не существует единого подхода к оценке экономического потенциала региона, кроме того, не все используемые индикаторы можно найти на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. В данной работе предложено использовать систему показателей, которые практически совпадают с индикаторами большинства стратегических документов и находятся в свободном доступе на официальных статистических ресурсах: валовый региональный продукт на душу населения; производительность труда; инвестиции в основной капитал на душу населения; поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет; оборот розничной торговли на душу населения.

При оценке экономического потенциала по нескольким показателям могут возникать противоречивые ситуации, когда в одно и то же время по одному показателю регион может лидировать, а по другому – отставать. В целом, приходится решать задачу ранжирования мно-

гомерных объектов, каковыми являются регионы, при разнонаправленных тенденциях к изменению показателей. Для этого применяются различные методики. Часто используется построение рейтингов [6]. На первом этапе рассчитывается рейтинговый балл субъекта Федерации по каждому показателю, на втором – рейтинговый балл региона по группе факторов, на третьем — интегральный рейтинговый балл. Другая методика базируется на применении технологий искусственного интеллекта, в частности нейросетевого кластерного анализа [7–10]. Этот подход очень актуален и согласуется с государственной политикой по развитию такого рода технологий. Указом Президента от 10 октября 2019 года № 490 была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, целями которой провозглашено обеспечение национальных интересов и реализация стратегических национальных приоритетов за счет использования технологий искусственного интеллекта [11].

В связи с этим целью данной статьи является оценка экономического потенциала регионов РФ за период 2014 – 2019 гг. с помощью технологий искусственного интеллекта, в частности нейросетевого кластерного анализа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести критический обзор литературы и разработать методику нейросетевого кластерного анализа деятельности регионов;
- 2) выбрать программный пакет для проведения такого рода анализа;
- 3) подготовить массив исходных данных для оценки экономического потенциала регионов РФ;
- 4) провести кластерный анализ на подготовленном массиве;
- 5) проанализировать динамику ключевых показателей экономического потенциала с 2014 по 2019 год.

Объектом исследования выступают регионы Российской Федерации, а предметом – их экономический потенциал.

Методология

Как было отмечено выше, в качестве метода исследования в данной статье используются технологии искусственного интеллекта, в частности искусственные нейронные сети. Они уже хорошо зарекомендовали себя при решении некоторых задач в экономической сфере. Например, в работе [7] был проведен анализ инновационных процессов, протекающих в регионах, с использованием самоорганизующихся карт (СОК) Кохонена. В статье [8] объектом

нейросетевого моделирования выступала инвестиционная деятельность субъектов РФ. В работе [12] был проведен кластерный анализ нефтяной отрасли с использованием СОК Кохонена. Искусственные нейронные сети (ИНС) такого типа относятся к самоорганизующимся сетям. Они позволяют выявлять кластеры (группы) входных векторов (объектов), обладающих некоторыми общими свойствами [13–15]. Задача кластеризации принципиально отличается от задачи классификации. Решением задачи классификации является отнесение каждого из объектов к одному из заранее определенных классов. В задаче кластеризации происходит отнесение объекта к одному из заранее не определенных типов.

Результат самоорганизации ИНС зависит от начальных условий процесса, поэтому для выбора наилучшего решения необходимо синтезировать несколько сетей и выбирать среди них лучшую на базе некоторого критерия. В рассмотренных работах [7, 8, 12] отсутствует описание применения какого-либо критерия объективности полученного результата.

В работах [16, 17] эта проблема затрагивается и предлагается синтезировать ансамбль сетей при варьировании скорости и радиуса в конце процесса самоорганизации карты. Для выбора лучшей сети вводится специальный критерий качества кластеризации, однако описание применения данного критерия в статьях очень краткое и вычислить его значение не представляется возможным.

Отмеченные недостатки были устранены при разработке оригинальной авторской методики выбора оптимальной сети, основанной на контроле средней и максимальной ошибок квантования, которые отражают среднее (максимальное) расстояние векторов кластера до центра ячейки. Ошибки квантования показывают, насколько хорошо обучена нейросеть. Чем меньше среднее (максимальное) расстояние до центра ячейки, тем ближе к ней расположены примеры и тем лучше построена модель [18].

Существуют различные программы для моделирования сетей Кохонена, например STATISTICA, Loginom, Matlab и другие. Часто используется аналитическая платформа Deductor. В работе [19] описаны её основные инструменты, методики и модели, используемые для работы с данными. В статье [20] рассмотрены инструменты, используемые в программе. Авторы делают вывод о том, что Deductor позволяет обеспечивать совершенно новое качество анализа, которое заключается в своей скорости, объективности и возможности интеграции решений в существующую инфраструктуру. В

данной работе для синтеза СОК Кохонена использована именно эта программа.

Прежде чем перейти к подробному описанию авторской методики нейросетевого кластерного анализа, необходимо сформировать массив исходных данных.

Для анализа экономического потенциала регионов в качестве входных переменных для нейронной сети используется следующий набор показателей, обоснованный выше:

X1 – валовый региональный продукт на душу населения (рублей);

X2 – производительность труда (тыс. рублей);

X3 – инвестиции в основной капитал на душу населения (рублей);

X4 – поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет (млн рублей);

X5 – оборот розничной торговли на душу населения (рублей).

Данные берутся с официального сайта Федеральной службы государственной статистики [21]. ВРП, инвестиции в основной капитал и оборот розничной торговли рассчитаны на душу населения, поскольку в этом случае они наиболее объективно отражают экономическую ситуацию в регионе. Производительность труда рассчитана как отношение ВРП в текущих ценах к общей численности занятых в регионе [22]. Временной интервал исследования был выбран исходя из того, что после валютного кризиса в России (2014–2015 гг.) экономическая конъюнктура была стабильно растущей и мало подвергалась каким-либо колебаниям. Это позволяет объективно оценить экономический потенциал регионов РФ. С другой стороны, временной ряд ограничен статистическими данными Росстата – на момент написания статьи показатели имелись только по 2019 год. Республика Крым и г. Севастополь были исключены из рассмотрения, поскольку часть статистических данных по ним отсутствует.

Методика кластеризации подготовленных исходных данных состоит из 5 этапов.

Первый этап. Формирование набора исследуемых нейронных сетей.

На этом этапе необходимо синтезировать несколько нейронных сетей с разными значениями их характеристик (размеры карты, количество эпох, функция соседства, скорость и радиус на начало и конец обучения и т.д.). После проведения кластеризации определяется лучшая сеть на основании значений средней и максимальной ошибок квантования, рассчитанных в программе Deductor. Этап состоит из 5 шагов.

1. Карта выбирается двух топологических размеров 9×9 и 12×7, так как количество ячеек

Таблица 1

Значения радиуса и скорости обучения в конце процесса	
Радиус обучения, конец	Скорость обучения, конец
0.1	0.005
0.1	0.08
0.1	0.14
1.2	0.005
1.2	0.08
1.2	0.14
2	0.005
2	0.08
2	0.14

Таблица 2

Характеристики кластеров оптимального разбиения данных 2019 года						
Кластер	0	1	2	3	4	Сумма
Мощность	27	18	2	30	6	83
Средняя ошибка квантования	0.03	0.03	0.02	0.04	0.08	0.2
Максимальная ошибка квантования	0.05	0.07	0.02	0.06	0.13	0.33
Среднее X1	402145.48	515866.29	1196060.13	301824.18	3134283.01	
Ранг кластера	4	3	2	5	1	

приблизительно должно соответствовать количеству входных векторов. В нашем случае оно равно количеству субъектов РФ – 83.

2. Эпохи выбираются в количестве 500 или 1000.

3. Функцией соседства выбирается гауссова.

4. Скорость и радиус на начало обучения остаются «По умолчанию», а на конец обучения варьируются согласно табл. 1.

5. Количество кластеров равно 5. Число кластеров задаётся исследователем исходя из целей анализа. В нашем случае такое количество позволяет выявить группы регионов – лидеров, аутсайдеров и средних по развитию, а также промежуточные подгруппы, располагающиеся между лидирующими, средними и отстающими регионами.

Второй этап. Определение лучшей сети.

Из всех синтезированных сетей на массиве данных конкретного года выбирается лучшая. Критерием выбора конкретной карты является значение суммы средних и максимальных ошибок квантования по кластерам. Чем меньше получается сумма этих ошибок, тем качественнее и объективнее получается разбиение. Также отслеживается мощность кластера – количество регионов, которое его формирует. Результаты для самого лучшего варианта 2019 года приведены в табл. 2.

Третий этап. Определение лучших сетей по временным интервалам.

Кластеризация по алгоритму первого и второго этапа проводится для каждого года временного ряда, который исследуется в работе.

Четвертый этап. Ранжирование кластеров в рамках каждого временного интервала.

Этап проходит в 4 шага.

1. Выбор ведущего показателя. В данном анализе таковым является X1.

2. Определение средних значений данного показателя по кластерам.

3. Ранжирование кластеров по данным значениям. Ранг 1 получает кластер с лучшим значением показателя. Далее по нисходящей. Результаты ранжирования кластеров за 2019 год приведены в табл. 2.

4. Повторение шагов 1 – 3 для каждого года временного ряда.

Пятый этап. Формирование сводной таблицы.

В итоге получаем таблицу, в которой все регионы для каждого временного интервала имеют свой ранг. Это заключительный этап.

Приведенная оригинальная авторская методика позволяет решить ряд проблем, упомянутых выше, и исследовать позиции регионов по различным показателям, а также динамику уровня изучаемого потенциала за рассматриваемый временной период.

Результаты

На основе вышеизложенной методологии был проведен нейросетевой кластерный анализ экономического потенциала регионов с использованием СОК Кохонена, построенной в аналитической платформе Deductor. Топологические карты приведены на рис. 1. и рис. 2. В результате все регионы были разбиты на 5 групп: «Лидеры», «Выше среднего», «Средние», «Ниже среднего», «Аутсайдеры». Эти группы определялись с помощью шкалы рангов, описанной в

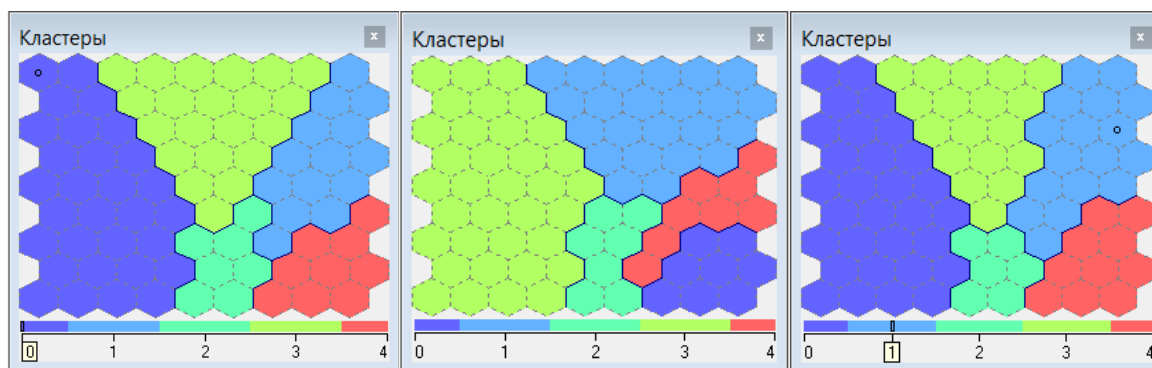


Рис. 1. Топологические карты за 2014–2016 гг.

(источник: получено авторами в результате вычислительного эксперимента)

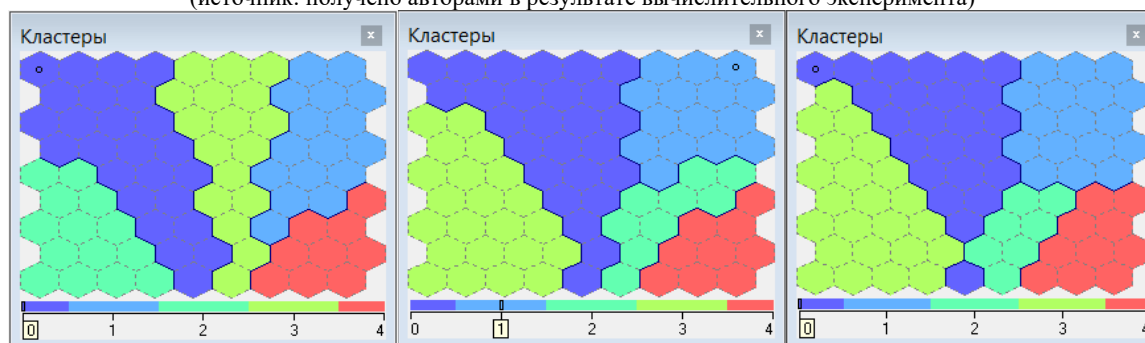


Рис. 2. Топологические карты за 2017–2019 гг.

(источник: получено авторами в результате вычислительного эксперимента)

разделе «Четвертый этап» методологии. За основу было взято среднее значение ВРП на душу населению по кластеру, так как ВРП является самым важным показателем экономического потенциала региона. Все кластеры получили свой ранг от 1 до 5, где 1 – это «Лидеры», а 5 – «Аутсайдеры».

Далее каждому региону был присвоен ранг, соответствующий рангу кластера, в котором он находился. Была составлена табл. 3, в которой зелёным цветом отображены регионы «Лидеры», светло-зелёным – «Выше среднего», салатовым – «Средние», жёлтым – «Ниже среднего» и красным – «Аутсайдеры».

В кластере «Лидеры» находятся регионы, имеющие самые высокие значения исследуемых показателей. Их экономический потенциал находится на высоком уровне. Среднее значение ВРП на душу населения в данном кластере в 6–8 раз больше, чем в среднем по России. Динамика этого показателя приведена на рис. 3. Типичные представители данного кластера: г. Москва, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область и др., всего 6 субъектов РФ за 2019 г.

В кластер «Выше среднего» входят регионы, которые также имеют высокий уровень экономического потенциала, однако он чуть ниже, чем в группе «Лидеры». Средний ВРП на душу населения в данном кластере в 1.5–2 раза больше, чем в среднем по России. Динамика этого

показателя приведена на рис. 4. Типичные представители данного кластера: Республика Саха (Якутия) и Магаданская область.

Регионы, имеющие умеренный уровень экономического потенциала, попали в кластер «Средние». Их ВРП на душу населения колеблется около среднего значения по России. Типичные представители: Воронежская область, Московская область, Нижегородская область, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург и др., всего 18 субъектов РФ за 2019 г.

Субъекты РФ, немного отстающие от регионов группы «Средние», формируют кластер «Ниже среднего». Показатели их экономического потенциала находятся на уровне ниже, чем в среднем по России. Средний ВРП на душу населения по этому кластеру составляет 90% от среднероссийского. Типичные представители: Тамбовская, Тульская, Новгородская области, Республика Дагестан, Ставропольский край, всего 27 субъектов РФ за 2019 г.

Самый последний, но самый многочисленный кластер «Аутсайдеры» составляют регионы, имеющие самый низкий экономический потенциал относительно других. Среднее значение ВРП на душу населения в данном кластере в 1.5–2 раза меньше, чем в среднем по России. Типичные представители: Владимирская, Вологодская, Кировская области, ряд республик СКФО, республики Тыва, Мордовия, Чувашия, Алтайский край и др., всего 30 субъектов РФ за 2019 г.

Таблица 3

**Сводная таблица рейтингов субъектов РФ по уровню экономического потенциала
за 2014-2019 гг.**

Регион	Ранг 2014	Ранг 2015	Ранг 2016	Ранг 2017	Ранг 2018	Ранг 2019
Белгородская область	4	4	4	3	3	3
Брянская область	4	4	4	4	4	4
Владимирская область	5	5	5	5	5	5
Воронежская область	4	4	3	3	3	3
Ивановская область	5	5	5	5	5	4
Калужская область	4	4	4	4	4	4
Костромская область	5	5	5	5	5	5
Курская область	5	4	4	4	4	4
Липецкая область	4	4	4	3	3	3
Московская область	3	2	3	3	3	3
Орловская область	5	5	5	4	4	4
Рязанская область	5	5	5	5	4	4
Смоленская область	5	4	5	4	4	4
Тамбовская область	4	4	4	4	4	4
Тверская область	5	4	4	4	4	4
Тульская область	4	4	4	4	4	4
Ярославская область	5	4	4	4	4	4
г. Москва	3	2	1	1	1	1
Республика Карелия	5	4	4	4	4	4
Республика Коми	2	4	2	4	4	4
Ненецкий авт. округ	1	1	1	1	1	1
Архангельская область	4	4	4	3	3	3
Вологодская область	5	5	5	5	5	5
Калининградская область	5	5	5	4	4	4
Ленинградская область	4	4	4	3	3	3
Мурманская область	4	4	3	3	3	3
Новгородская область	4	4	4	4	4	4
Псковская область	5	5	5	4	4	4
г.Санкт-Петербург	3	2	3	3	3	3
Республика Адыгея	4	5	4	4	4	4
Республика Калмыкия	5	5	5	5	5	5
Краснодарский край	3	4	3	3	3	3
Астраханская область	4	4	4	5	4	4
Волгоградская область	5	5	5	5	5	5
Ростовская область	4	4	3	3	3	3
Республика Дагестан	4	4	4	4	4	4
Республика Ингушетия	5	5	5	5	5	5
Кабардино-Балкарская Республика	5	5	5	5	5	5
Карачаево-Черкесская Республика	5	5	5	5	5	5

Продолжение таблицы 3

Республика Северная Осетия–Алания	5	5	5	5	5	5
Чеченская Республика	5	5	5	5	5	5
Ставропольский край	4	4	5	4	4	4
Республика Башкортостан	4	4	3	3	3	3
Республика Марий Эл	5	5	5	5	5	5
Республика Мордовия	5	5	5	5	5	5
Республика Татарстан	3	4	3	3	3	3
Удмуртская Республика	5	5	5	5	5	5
Чувашская Республика	5	5	5	5	5	5
Пермский край	4	4	4	4	3	4
Кировская область	5	5	5	5	5	5
Нижегородская область	4	4	3	3	3	3
Оренбургская область	5	5	5	5	5	5
Пензенская область	5	5	5	5	5	5
Самарская область	4	4	4	4	3	4
Саратовская область	5	5	5	5	5	5
Ульяновская область	5	5	5	5	5	5
Курганская область	5	5	5	5	5	5
Свердловская область	3	2	3	3	3	3
Ханты-Мансийский авт. округ–Югра	1	2	1	1	1	1
Ямало-Ненецкий авт. округ	1	1	1	1	1	1
Тюменская область	3	4	3	3	3	3
Челябинская область	4	5	5	5	5	5
Республика Алтай	5	5	5	5	5	5
Республика Тыва	5	5	5	5	5	5
Республика Хакасия	5	5	5	5	5	5
Алтайский край	5	5	5	5	5	5
Красноярский край	4	4	3	4	4	4
Иркутская область	5	5	5	5	5	5
Кемеровская область	5	5	5	5	5	5
Новосибирская область	4	4	4	4	4	4
Омская область	4	5	5	4	4	4
Томская область	5	5	5	5	5	5
Республика Бурятия	5	4	4	4	4	4
Республика Саха (Якутия)	2	4	3	3	2	2
Забайкальский край	5	5	5	5	5	5
Камчатский край	5	5	4	4	4	4
Приморский край	5	4	4	4	3	3
Хабаровский край	4	4	3	3	3	3
Амурская область	4	4	4	3	3	3
Магаданская область	2	3	3	2	2	2

Окончание таблицы 3

Сахалинская область	1	2	1	1	1	1
Еврейская автономная область	5	5	5	5	5	5
Чукотский автономный округ	2	3	2	1	2	1



Рис. 3. График среднего ВРП на душу населения по кластеру 1 и РФ в целом

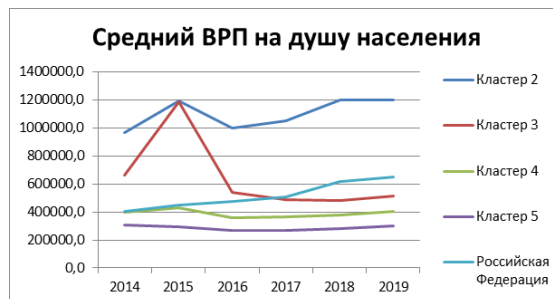


Рис. 4. График среднего ВРП на душу населения по кластерам 2–5 и РФ в целом

Анализируя табл. 3, можно выделить 2 тенденции в развитии регионов РФ.

1. Стабильное развитие. Регионы, которые на протяжении 6 лет развиваются и получают более высокий ранг, а также регионы, сохраняющие свои конкурентные позиции (кластер «Лидеры»). Типичные представители: г. Москва, Ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург и др., всего около одной трети субъектов РФ.

2. Стагнация. Регионы, которые в течение 6 лет получают один и тот же ранг и не демонстрируют положительных тенденций в экономическом развитии. Типичные представители: Владимирская, Вологодская, Кировская области, ряд республик СКФО, республики Тыва, Мордовия, Чувашия, Алтайский край и др., всего около двух третей субъектов РФ.

Заключение

Представленная методика нейросетевого кластерного анализа позволяет оперативно и эффективно проводить анализ положения регионов РФ с точки зрения их экономического потенциала. Применяя такого рода анализ, органы государственной власти (ОГВ) могут получать обратную связь по реальному состоянию дел в регионах в различных сферах деятельности. Полученную таким образом информацию можно использовать на обоих уровнях государственной власти: федеральном и региональном.

Для федеральных ОГВ такой анализ позволит принимать оперативные управленческие решения по следующим вопросам:

1) передача положительного опыта управления (регионы группы «Ниже среднего» и «Аутсайдеры» могут перенимать опыт у регионов-лидеров; это позволит им наращивать свой эко-

номический потенциал и в будущем занять более высокие позиции);

2) внутренняя инвестиционная политика (в какие регионы и в каком объеме стоит направлять основной поток инвестиций, чтобы развивать их экономический потенциал);

3) распределение федерального бюджета (позволяет более точно определить, в какие регионы стоит направлять больше бюджетных средств на развитие их экономического потенциала);

4) оценка специфики регионов (позволяет оценить слабые и сильные стороны тех или иных регионов; возможно, отставание или лидерство регионов связано с их специфическим местоположением, климатическими условиями, отсутствием или наличием природных, трудовых или материальных ресурсов).

Важность данного анализа для региональных ОГВ может заключаться в определении объективности выбора регионов-бенчмарков и направленности динамики развития тех или иных сфер деятельности. Полученные результаты позволяют оценить конкурентную позицию территории среди других субъектов РФ в той или иной сфере деятельности и провести SWOT-анализ региональной системы. Так, например, в Стратегии развития Нижегородской области указаны такие регионы-бенчмарки, как Республика Татарстан, Свердловская и Самарская области. По результатам анализа все эти регионы, кроме Самарской области, попали в один кластер («Средние»). Это говорит о правильности выбора регионов-бенчмарков для этого региона.

Кроме этого, результаты, полученные в ходе нейросетевого кластерного анализа, целесообразно использовать для прогнозирования ключевых показателей экономического потенциала региона. На базе полученных кластеров, кото-

рые объединяют регионы со схожими показателями, можно сформировать расширенный массив данных для обучения специальной нейронной сети, которая будет рассчитывать искомые показатели. Использование большего объема обучающей выборки за счёт данных всех регионов, входящих в кластер, позволит получить более высокую точность при прогнозе.

В заключение отметим, что разработана оригинальная авторская методика нейросетевого кластерного анализа на базе СОК Кохонена, отличающаяся от известных методик тем, что в качестве наилучшего выбирается вариант разбиения с наименьшими суммами максимальных и средних ошибок квантования по кластерам. Синтез СОК Кохонена проводился в программе Deductor. На базе этой методики была проведена оценка экономического потенциала регионов РФ, который показал неравномерность развития территорий. Полученные результаты могут быть использованы ОГВ федерального и регионального уровня для принятия оперативных управленческих решений. Кроме этого, результаты, полученные в ходе проведения нейросетевого кластерного анализа, целесообразно использовать для прогнозирования ключевых показателей экономического потенциала региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31230.

Список литературы

1. Шулаева О.В., Есенин М.А., Агекян Э.А. Российский и зарубежный опыт формирования системы показателей для оценки экономического потенциала регионов // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 3. С. 225–232.
2. Экономический потенциал Республики Башкортостан: Учебное пособие / Под ред. Р.Р. Ахунова, А.В. Янгирова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 336 с.
3. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года: постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/465587311> (дата обращения: 01.06.2021).
4. Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года // Официальный интернет-сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/561692832> (дата обращения: 01.06.2021).
5. Стратегия социально-экономического развития Самарской области до 2030 года: постановление Правительства Самарской области от 12 июля 2017 года № 441 (с изменениями на 17 сентября 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/450278243> (дата обращения: 02.06.2021).
6. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2019 года. Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения: 01.04.2021).
7. Перова В.И., Ласточкина Е.И. Нейросетевое моделирование динамики инновационной деятельности в регионах Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 49–58.
8. Перова В.И., Папко А.В. Нейросетевой анализ динамики инвестиционной деятельности регионов Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 1(53). С. 24–32.
9. Chen N., Chen L., Ma Y., Chen A. Regional disaster risk assessment of China based on self-organizing map: Clustering, visualization and ranking // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2019. 33. P. 196–206.
10. Carboni O.A., Russu P. Assessing regional well-being in Italy: An application of Malmquist–DEA and self-organizing map neural clustering // Social Indicators Research. 2015. Vol. 122. Iss. 3. P. 677–700.
11. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/> (дата обращения: 23.05.2021).
12. Трифонов Ю.В., Скибин А.Г. Стратегический анализ и оценка уровня конкурентоспособности нефтяных компаний // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 31–39.
13. Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1990. Vol. 78. № 9. P. 1464–1480.
14. Kohonen T., Oja E., Simula O., Visa A.J.E., Kangas J. Engineering applications of the self-organizing map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1996. Vol. 84. Iss. 10. P. 1358–1384.
15. Горбаченко В.И. Сети и карты Кохонена [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gorbachenko.selforganization.ru/articles/Self-organizing_map.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
16. Горбатков С.А., Рашитова О.Б., Солнцев А.М. Интеллектуальное моделирование в задаче принятия решений в рамках налогового управления // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2013. Т. 1. № 1(54). С. 182–187.
17. Полупанов Д.В., Хайруллина Н.А. Интеллектуальное моделирование сегментации торговых центров на основе самоорганизующихся карт Кохонена // Электронное научное издание «Науковедение» [Электронный ресурс]. 2014. № 1(20). Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/47EVN114.pdf> (дата обращения: 24.05.2021).
18. Deductor – продвинутая аналитика без программирования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://basegroup.ru/deductor/description> (дата обращения: 23.02.2021).

19. Никулин А.Н., Чернышев И.В. Аналитическая платформа «Deductor» – применение в информационных системах экономики: Методические указания. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 37с.

20. Фешина Е.В., Овчаров А.П., Лабинцева В.Р. Возможности системы Deductor как инструмента интеллектуального анализа данных // Colloquium-Journal. 2018. № 12-6. С. 49–51.

21. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2021).

22. Миролюбова Т.В. Производительность труда в регионах России: пространственные аспекты и взаимосвязь с информационными ресурсами // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 3 (30). С. 120–131.

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION BASED ON THE METHODOLOGY OF ARTIFICIAL NEURAL NETWORK CLUSTER ANALYSIS

Yu.V. Trifonov, A.L. Sochkov, A.E. Solovyov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of this article is to assess the economic potential of the regions of the Russian Federation for the period 2014-2019 using artificial intelligence technologies. The object of the study was the regions of the country, and the subject of the study was their economic potential. In order to assess it, the authors used a system of indicators that includes the gross regional product per capita, labor productivity, investment in fixed assets per capita, the receipt of taxes, fees and other mandatory payments to the consolidated budget, retail trade turnover per capita. An original author's method of artificial neural network cluster analysis based on Kohonen's self-organizing maps has been developed, which differs from the known methods in that the best network is chosen for partitioning with the smallest sums of maximum and average quantization errors by clusters. The synthesis of Kohonen's self-organizing maps was carried out in the Deductor program. On the basis of this methodology, an analysis of the economic potential of the regions was carried out, which showed the uneven development of the country's territories. The results obtained can be used by state authorities at the federal and regional levels to make operational management decisions. In addition, it is advisable to use the obtained results to predict the indicators of the economic potential of the regions.

Keywords: regions of Russia, economic potential, cluster analysis, artificial neural networks, Kohonen's maps, Deductor.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.347

DOI 10.52452/18115942_2021_3_48

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ В САРАТОВСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

© 2021 г.

И.А. Бегинина, С.Г. Ивченков, Н.В. Шахматова

Бегинина Ирина Александровна, к.филос.н.; проф.; заведующая кафедрой социологии регионов
Саратовского национального исследовательского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
begininaia@yandex.ru

Ивченков Сергей Григорьевич, д.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой социологии молодежи,
декан социологического факультета Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
ivchenkovsg@mail.ru

Шахматова Надежда Владимировна, д.соц.н.; профессор кафедры истории,
теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований
социологического факультета Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
nadezhdashakhmatova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 15.02.2021**Статья принята к публикации 15.07.2021*

По результатам социологического исследования населения приграничных районов Саратовской области измеряется уровень толерантности межэтнических взаимоотношений, характер потребности в приобретении знаний о своей национальной культуре, отношение к соблюдению национальных традиций, наличие барьеров межэтнического взаимодействия, его рискогенного потенциала. Основным барьером для межэтнической коммуникации, особенно молодежи, выступает незнание языка (особенно это касается русского и белорусского населения), но с возрастом доля таковых снижается. Уровень взаимопонимания больше зависит от места проживания, чем от национальности участников взаимодействия. Большинство опрошенных полагают, что мигранты, приезжающие в регион, должны следовать всем традициям, нравам местного населения, причем с возрастом доля таковых увеличивается. Однако каждый третий, преимущественно молодежь, считает, что мигранты могут следовать своим традициям, но в бытовой сфере. Показано, что в частном повседневном пространстве большинство населения приграничья ориентируются на свое этническое самоопределение, стремятся к его сохранению, в публичной зоне отождествляют себя с российским гражданством. Выявлены две тенденции межэтнического взаимодействия – модальное стремление сохранить свою национальную идентичность (азербайджанцы, русские, казахи, корейцы, евреи, курды) и появление вектора ассимиляции некоторых этносов (украинцы, мордва, немцы, марийцы, чуваша, белорусы), что проявляется в одобрении межэтнических браков и снижении интереса к национальной культуре в молодежной среде. В целом констатируется высокий уровень толерантности межэтнического взаимодействия жителей приграничья и значительный потенциал возможностей реализации национально-культурных объединений, активного привлечения населения к своим мероприятиям.

Ключевые слова: этнос, межэтнические взаимодействия, приграничные регионы, этническая идентичность, этническая ассимиляция, толерантность.

Введение

В современных условиях наблюдаются три вектора разнонаправленных социальных процессов: глобалистской унификации социокультурной жизни населения, его стремления к собственной этнической идентификации и атомизации повседневной, духовной и социально-

политической жизнедеятельности индивидов. Эти тенденции особенно ярко проявляются на межнациональном уровне, где отношения сложны и особенно чувствительны к происходящим политическим и экономическим изменениям. По мнению П. Сорокина [1], национальный вопрос необходимо трактовать как важный социально-политический, особенно в мно-

Таблица 1

Расчет выборки по территориальному признаку

Оценка численности постоянного населения Саратовской области на 1 января 2020 г.	Генеральная совокупность (численность)	%	Выборка (чел.)
Саратовская область	2421895	100	
Дергачевский муниципальный район	17460	0.72	388
Ершовский муниципальный район	34766	1.43	484
Краснокутский муниципальный район	32574	1.34	467
Новоузенский муниципальный район	28230	1.16	431
Озинский муниципальный район	16122	0.66	264
Перелобовский муниципальный район	12751	0.52	203
Питерский муниципальный район	15630	0.64	237
Александрово-Гайский муниципальный район	15031	0.62	226
Итого		7.09	2700

гонациональных обществах, ибо в подобных условиях любая повседневная проблема может приобретать этническую окраску, трактоваться с точки зрения ущемления прав и потребностей этносов. С другой стороны, ситуация в данной сфере выступает как яркий показатель степени благополучия того или иного субъекта России, особенно такого, каким является Саратовская область, которая представляет собой определенный срез Российской Федерации, многонациональное территориальное образование. Ее опыт построения межнациональных взаимодействий интересен еще и тем, что она является пограничной, выступая коридором миграционного движения Восток–Запад для транзита многих представителей из среднеазиатских и ближневосточных регионов. На ее пространстве взаимодействуют представители разных этнокультур, происходит их сближение (вплоть до утраты этнической идентичности), всегда присутствует потенциал этнического шока и конфронтации. Эта угроза вызывает необходимость осмысления этнокультурных процессов, происходящих в местах их протекания, что важно как для науки, так и для практики регионального социально-политического управления.

Теоретико-методологические подходы

Межнациональные отношения еще в конце XX века активно разрабатывались за рубежом (А. Ашкенази [2], Д. Видра, М. Галдиа [3], Э. Геллнер [4], Д. Горовиц [5], Т. Гурр [6]). Сформировалось несколько ракурсов их изучения. В рамках примордиализма К. Гирца [7], Б. Малиновского [8], А. Рэдклифф-Брауна [9], Э. Смита [10], Л.Н. Гумилева [11], Н.Н. Седовой [12] нация трактуется как общность территории, языка, расового типа, религии. Инструментализм (Ф. Барт [13], С. Олзак [14], М.Н. Губогло [15]) больше ориентирован на ситуационность детерминации этнических общностей. Конструктивизм (Б. Андерсон [16], Э. Хобсбаум [17], В.А. Тишков [18]) трактует их как резуль-

тат конструирования идентичностей. В этнической теории (Ю.В. Арутюнян [19], В.И. Козлов [20], М.О. Мнацаканян [21]) акцент делается на связи этнических общностей с социально-экономической формацией. Наиболее актуальна интегративная концепция, отличающаяся синтезом всех подходов.

Общему анализу методологии и практики межэтнических отношений посвящены публикации А.В. Бедрика [22], Б.Е. Винера [23], Л.М. Дробижевой [24], Е.Ю. Щегольковой [25]. Целый ряд работ опубликованы по проблемам гражданской и этнической идентичности россиян (Р.Э. Бараш [26], Л.М. Дробижева [27]). В них содержательно раскрыты этнические процессы в многонациональном российском пространстве в плане интеграции гражданственности с этноидентичностью и соответствующими установками населения.

Ряд работ обращены к анализу межэтнической напряженности и различным депривациям по национальному признаку (К.С. Григорьева [28], В.Н. Найденко [29], Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай [30]). В последнее время появилось много работ, акцентирующих внимание на межнациональных отношениях в различных российских регионах (Я.В. Артамонова [31], А.В. Дмитриев [32]). Этносоциальные проблемы российского приграничья на примере Северокавказского региона рассматривает Э.К. Бийжанова [33]. Проблема межнациональных отношений отличается актуальностью и активно присутствует в научной дискуссии. Однако существует дефицит эмпирических фактов по межнациональным отношениям, особенно в приграничных зонах.

Эмпирической основой исследования послужили результаты социологического опроса, проведенного в 2020 г. в левобережье Саратовской области методом анкетирования по вероятностной целевой квотно-территориальной выборке. Критерии отбора – место проживания в приграничных с Казахстаном районах (табл. 1), пол, возраст. В выборке 49.3% мужчин и 50.7%

Таблица 2

Этническая структура опрошенных жителей различных регионов Саратовской области, % по районам

Национальность	Район проживания								По выборке
	Дергачевский	Александрово-Гайский	Перелобский	Озинский	Питерский	Ершовский	Краснокутский	Новоузенский	
Русские	55.8	88.0	30.5	63.9	71.9	39.4	16.7	28.2	61.5
Казахи	29.9	9.1	32.1	34.8	18.1	6.9	21.7	16.3	23.6
Татары	10.3	0.9	2.5	1.3	6.0	7.9	4.2		5.9
Башкиры	1.8	1.9	17.0			4.4	32.5	16.3	3.5
Украинцы	0.8		0.7		3.1	19.2	25.0	28.0	2.7
Курды			6.3			8.9			0.5
Чеченцы	0.1		1.8			5.9		2.3	0.4
Азербайджанцы	0.5					1.5			0.3
Мордва	0.3		2.7						0.3
Чуваши	0.1		1.4			1.5		2.3	0.3
Евреи			2.0					3.1	0.2
Белорусы	0.4				0.9	1.5			0.2
Армяне			2.5			3.0		0.3	0.2
Корейцы			0.5					3.1	0.2
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

женщин в возрасте от 21 года до 72 лет. Медианный возраст составил 44 года. Молодежь (до 30 лет) составила 14.9% респондентов, среднее поколение (31–50 лет) – 49.2%, старшее поколение (51 год и старше) – 35.9% опрошенных. Результаты обрабатывались на базе компьютерной программы SPSS.

Саратовская область территориально соприкасается со многими областями РФ. Однако для нас важно, что на востоке она граничит с Уральской областью Республики Казахстан, поэтому, согласно шестнадцатой статье Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» и в целях реализации охранных мер, ряд восточных территорий признаны пограничными. К ним относятся 8 муниципальных образований. Саратовскую область и Республику Казахстан объединяют глубокие исторические корни дружбы и добрососедства. Приграничный статус области на центрально-азиатском направлении предопределяет динамичное развитие взаимовыгодного торгово-экономического партнерства. В регионе сформирована прочная нормативная правовая база с Казахстаном, основу которой составляют двусторонние соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и социально-гуманитарном сотрудничестве, в том числе между приграничными районами.

Саратовская область многонациональна, в ней проживает более 140 этносов. Важной особенностью современного этапа развития Саратовской области является усложнение этнической структуры населения преимущественно за

счет расселения титульных народов северокавказских республик, закавказских и среднеазиатских государств. Особенно это актуально применительно к Саратовскому приграничью (табл. 2). Саратовское приграничье характеризуется тем, что на этом пространстве модальный этнос – русские, но на его территории компактно расселены казахи с долей от 20 до 35% и также представители других народов.

Результаты исследования

Опрос показал, что чаще других потребность в приобретении и умножении знаний в области своей истории и национальной культуры отличаются большинство представителей всех этносов: башкиры (66.3%), белорусы (100%), казахи (82.9%), корейцы (64.3%), татары (72.8%), украинцы (66.2%), чеченцы (85.3%) и т.д. Меньше других эту потребность проявляли курды (76.1% заявили, что не заинтересованы в этих знаниях), азербайджанцы (75%), мордва (60.9%), русские (55.4%), армяне (45%) и чуваши (47.8%). Можно предположить, что представители этих народов больше заинтересованы в адаптации и ассимиляции, чем в сохранении своей этнической самобытности.

Национальные культурные общества (НКО) всё активнее участвуют в решении задач, связанных с формированием толерантности и укреплением патриотизма в регионе. В ходе опроса жители приграничья чаще других называли конкретные организации – «Фонд Достар» (4.2%), «Казахстан» и «Региональная Казахская

Таблица 3

**Влияние этноса на соблюдение жителями национальных обычаев и традиций,
% по национальности**

Национальность	Соблюдение национальных обычаев и традиций					Итого
	Да, соблюдаем, в основном ритуальные церемонии	Да, соблюдаем все, что нам передано от предков	Нет, не соблюдаю, так как не знаю	Нет, не соблюдаю, не вижу смысла	Другое	
Татары	30.5	42.3	26.5	0.7		100.0
Казахи	31.0	63.6	5.2	0.0	0.2	100.0
Русские	23.1	60.4	5.3	5.0	6.2	100.0
Башкиры	45.9	49.0	4.1		1.0	100.0
Мордва	52.2	47.8				100.0
Украинцы	41.6	36.4	14.3	5.2	2.5	100.0
Белорусы	75.0		25.0			100.0
Армяне	40.0		60.0			100.0
Курды	76.1	23.9				100.0
Чеченцы	58.8	32.4	8.8			100.0
Азербайджанцы		75.0	25.0			100.0
Евреи	28.6	57.1		14.3		100.0
Чуваши	28.5	42.9	28.6			100.0
Корейцы		78.6		21.4		100.0
По выборке	27.3	58.3	7.1	3.3	4.0	100.0

Автономия» (по 0.5%), Ассоциация казахов Поволжья (0.2%). Однако этот значительный потенциал НКО далеко не полностью реализован. Большинство опрошенных заявили, что у них нет связи с национально-культурными центрами. Эти объединения, концентрируясь в областном центре, недостаточно информируют и вовлекают районное население в свои мероприятия, либо национальные ориентиры этих организаций недостаточно соотносятся с потребностями населения.

Практики соблюдения жителями национальных традиций различаются у всех этносов (табл. 3). Соблюдение всех обычаев больше других отличает корейцев (78.6% при 58.3% в среднем по выборке), азербайджанцев (75.0%), казахов (63.6%) и русских (60.4%). Соблюдение только основных ритуальных церемоний почти в 3 чаще других свойственно белорусам (75.0% при 27.3% в среднем по выборке) и курдам (76.1%). Более умеренно об этом говорили чеченцы (58.8%), мордва (52.2%), башкиры (45.9%), украинцы (41.6%), армяне (40.0%), казахи (31.0%), татары (30.5%). О несоблюдении обычаев и традиций в силу незнания почти в 9 раз чаще других заявляли армяне (60.0% при средневывборочном показателе 7.1%), чувашаи (хотя в меньшей степени – 28.6%), татары (26.5%), азербайджанцы и белорусы (по 25%). Совсем не видят смысла в практиках национальных обычаев и традиций в 7 раз чаще других корейцы (21.4% при средневывборочном показателе 3.3%), евреи (14.3%), украинцы (5.2%) и русские (5.0%). Это свидетельствует о разрывании тенденций ассимиляции этих этниче-

ских групп при росте численности таких этносов, как казахи, корейцы, курды, в силу естественного прироста и воспроизводства миграционных процессов. Это подтверждается и данными других исследователей [34].

В многонациональном социуме важную роль играет коммуникация этносов, живущих на общей территории (табл. 4). Опрос показал, что большинство представителей некоторых этносов не испытывают затруднения в межэтническом взаимодействии (мордва, белорусы, азербайджанцы – по 100% при средневывборочном показателе 72.3%). К ним относятся также курды (95.7%), чувашаи (87%), русские (76.6%), башкиры (74.5%). Незначительные трудности общения чаще других бывают у казахов (35.6% при средневывборочном показателе 25.2%) и у евреев (28.6%). Трудным нахождение общего языка с представителями других национальностей чаще других называли армяне (45.0% при средневывборочном показателе 2.5%), казахи и украинцы (по 7.7%). Ситуативно обозначили общение только башкиры (1.1%) и казахи (0.2%). Корреляционный анализ показал, что коэффициент сопряженности этих признаков составил 0.289 при приближительной значимости ошибки, равной 0.000, что показывает наличие небольшого, но значимого влияния этничности (больше, чем влияние возраста, но почти такое же, как и влияние места жительства) на степень легкости нахождения общего языка с представителями других национальностей.

Таким образом, большинство населения показало достаточно высокий уровень взаимопонимания, которое в большей степени зависит от

Таблица 4

**Этнические различия в нахождении общего языка
с представителями других национальностей, % по этносу**

Национальность	Общий язык с представителями других национальностей				Итого
	Не трудно, легко нахожу общий язык	Бывают незначительные трудности	Трудно	Когда как	
Татары	78.1	19.4	2.5		100.0
Казахи	56.5	35.6	7.7	0.2	100.0
Русские	76.6	23.1	0.3		100.0
Башкиры	74.5	22.4	2.0	1.1	100.0
Мордва	100.0				100.0
Украинцы	71.8	20.5	7.7		100.0
Белорусы	100.0				100.0
Армяне	55.0		45.0		100.0
Курды	95.7	4.3			100.0
Чеченцы	85.3	8.8	5.9		100.0
Азербайджанцы	100.0				100.0
Евреи	71.4	28.6			100.0
Чуваши	87.0	13.0			100.0
Корейцы	42.9	57.1			100.0
По выборке	72.2	25.2	2.5	0.1	100.0

Таблица 5

**Этнические различия причин трудностей
межнационального взаимодействия, % по этносу**

Национальность	Причины затруднений в общении						Итого
	Не знаю их языка	Не знаю их обычаев	У них другой взгляд на жизнь	Они показывают, что я им неприятен	Затрудняюсь ответить	Нет затруднений	
Татары	54.2	27.0	2.5	3.8	12.3	0.2	100.0
Казахи	55.9	6.8	11.2	2.2	13.9	10.0	100.0
Русские	61.0	8.1	9.1	2.4	12.6	6.9	100.0
Башкиры	51.5	11.3	4.1	3.1	29.9		100.0
Мордва	39.1	52.2	8.7				100.0
Украинцы	45.3	9.3	18.7	2.7	20.0	4.0	100.0
Белорусы	83.3		16.7				100.0
Армяне	10.0		45.0		45.0		100.0
Курды	8.7	71.7			19.6		100.0
Чеченцы	8.8	5.9	17.6	5.9	61.8		100.0
Азербайджанцы	37.5				62.5		100.0
Евреи	14.3	28.6			57.1		100.0
Чуваши	47.8	26.1	26.1				100.0
Корейцы	35.7				64.3		100.0
По выборке	57.7	9.8	9.4	2.4	14.1	6.6	100.0

общего характера проживания, чем от национальности участников взаимодействия. Однако настораживает довольно высокий уровень таких трудностей в Перелюбском и Ершовском районах, что грозит повышением уровня социальной напряженности. Вызывает опасение и высокий уровень трудности взаимопонимания армян, в меньшей степени казахов и украинцев.

Белорусы (83.3%, при средневыворочном показателе 57.7%) и русские (61.0%) чаще других испытывают трудности в общении с представителями других национальностей в силу незнания языка (табл. 5). Незнание обычаев больше других мешает курдам (71.7% при

средневыворочном показателе 9.8%), представителям мордвы (52.2%), евреям (28.6%), татарам (27.0%) и чувашам (26.1%). Другой взгляд на жизнь выступает значимым барьером общения чаще других для армян (45.0% при средневыворочном показателе 9.4%), чувашей (26.1%), украинцев (18.7%), чеченцев (17.6%), белорусов (16.7%), казахов (11.2%). Встречная антипатия больше мешает общению чеченцев (5.9% при средневыворочном показателе 2.4%), татар (3.8%), башкир (3.1%), украинцев (2.7%). Чаще всего нет затруднения в общении у казахов (10.0% при средневыворочном показателе 6.6%), русских (6.9%). Корреляционный анализ

Таблица 6

Этнические различия мнения населения о межнациональных браках, % по этносу

Национальность	Отношение к межнациональным бракам				Итого
	Национальность не имеет значения	Предпочёл бы человека своей национальности	Считаю такой брак нежелательным	Другое	
Татары	31.2	41.1	27.5	0.2	100.0
Казахи	49.3	38.0	12.0	0.7	100.0
Русские	32.6	34.9	29.1	3.4	100.0
Башкиры	69.1	17.5	10.3	3.1	100.0
Мордва	60.9		39.1		100.0
Украинцы	48.1	26.0	20.8	5.2	100.0
Белорусы	50.0	16.7	33.3		100.0
Армяне	15.0	55.0	30.0		100.0
Курды	19.6	4.3	56.5	19.6	100.0
Чеченцы	23.5		76.5		100.0
Азербайджанцы	75.0		25.0		100.0
Евреи	57.1		28.6	14.3	100.0
Чуваши	60.9		39.1		100.0
Корейцы	85.7		14.3		100.0
По выборке	38.4	34.6	24.3	2.7	100.0

показал, что коэффициент сопряженности этих признаков составил 0.326 при приблизительной значимости ошибки, равной 0.000, что показывает наличие значимого влияния этнической принадлежности (большого, чем влияние возраста, но меньшего, чем влияние места жительства) на трудности межэтнической коммуникации.

Анализ показал, что не видят возможности возникновения конфликтных ситуаций с представителями других народов, проживающих в районе, чаще всего евреи и корейцы (по 85.7% при 45.7% по выборке), курды (80.4%), казахи (61.8%), мордва (60.9%), башкиры (59.2%), татары (55.2%), чувашаи (47.8%). Допускают возможность конфликтов на национальной почве чаще других азербайджанцы (87.5% при средневывборочном показателе 39.3%), белорусы (50%), русские (47.7%), армяне (45%). Не исключают вероятности конфликтов на религиозной почве чаще других чеченцы (70.6% при 9.7% по выборке), армяне (45%), украинцы (25.3%), курды (19.6%), евреи (14.3%), чувашаи (13%), башкиры (11.2%). Не исключают конфликты на бытовом уровне казахи (3.7%) и русские (0.1%). О равенстве всех этносов как важнейшем условии бесконфликтного сосуществования говорили белорусы (16.7% при средневывборочном показателе 4%), корейцы (14.3%), русские (4.4%). И только русские настаивали, что нельзя «себя ставить выше других» этносов (0.1%). Коэффициент сопряженности этих признаков составил 0.346 при приблизительной значимости ошибки, равной 0.000, что показывает наличие значимого влияния этнической принадлежности на оценку возможности конфликтных ситуаций в районе.

Исключают возникновение конфликтных ситуаций с представителями других народов большинство населения Озинского (69.5% при

средневывборочном показателе 45.7%), Краснокутского (66.7%), и Перелюбского (50%) районов. Не исключают возможности конфликтов на национальной почве чаще других жители Александрово-Гайского (48.8% при средневывборочном показателе 39.3%), Дергачевского (47.8%) и Ершовского (44.8%) районов. На бытовом уровне допускают подобные конфликты 1.9% опрошенных в Дергачевском и 0.4% в Александрово-Гайском районах. Исключают такую возможность при всеобщем равенстве всех национальностей чаще других жители Питерского и Краснокутского районов (по 8.3%). Сходное условие бесконфликтной жизни («не ставить себя выше других») выдвигали и жители Перелюбского района (1.4%). Корреляционный анализ показал, что коэффициент сопряженности этих признаков составил 0.404 при приблизительной значимости ошибки, равной 0.000, что показывает наличие достаточно сильного влияния места жительства (большого, чем влияние возраста и этноса) на оценку населением возможности возникновения конфликтных ситуаций с представителями других народов, проживающих в районе.

О том, что национальность в смешанных браках не имеет значения, чаще говорили жители Новоузенского (51.1%), Питерского (44.8%) и Александрово-Гайского (39.3%) районов, что показывает высокий уровень толерантности на этих территориях. В четырех районах предпочли бы в браке человека своего этноса. В Перелюбском (40.7%) и Ершовском (31.7%) районах чаще других считают такой брак нежелательным.

Весьма распространенного мнения, что национальность в браке не имеет значения (табл. 6), чаще придерживались корейцы (85.7%), азербайджанцы (75.0%), башкиры (69.1%), мордва (60.9%), чувашаи (60.9%), евреи

Таблица 7

**Влияние этнических различий на самооценку гражданской идентичности населения,
% по этносу**

Этносы	Границы идентичности населения				Итого
	Гражданин России	Житель своего посёлка, города, области	Представитель своего этноса	Другое	
Татары	72.5	17.1	10.1	0.4	100.0
Казахи	88.7	1.6	8.0	1.5	100.0
Русские	89.9	7.9	0.6	1.6	100.0
Башкиры	73.2	23.7	2.1	1.0	100.0
Мордва	100.0				100.0
Украинцы	88.5	5.1	1.3	5.1	100.0
Белорусы	100.0				100.0
Армяне	82.4			17.6	100.0
Курды	76.5		23.5		100.0
Чеченцы	80.0		8.0	12.0	100.0
Азербайджанцы	37.5	62.5			100.0
Евреи	50.0		50.0		100.0
Чуваши	100.0				100.0
Корейцы	57.1		42.9		100.0
По выборке	87.5	7.6	3.2	1.7	100.0

(57.1%), белорусы (50.0%), казахи (49.3%), украинцы (48.1%), демонстрируя высокий уровень толерантности. Однако 55.0% армян, 41.1% татар и 38.0% казахов предпочли бы человека своей национальности. Более того, многие народы считают создание межнациональной семьи серьезной нежелательной проблемой. Видимо, они полагают, что этнокультурные различия могут разрушить любой, даже самый стабильный брак. Коэффициент сопряженности этих признаков составил 0.281 при приближительной значимости ошибки, равной 0.000, что показывает наличие небольшого влияния этнической принадлежности на оценку межнациональных браков, что свидетельствует о среднем уровне межэтнического взаимопонимания и проявлении тенденции к ассимиляции. Таким образом, в частном пространстве повседневности большинство населения приграничья ориентируется на свою этническую идентичность и стремится к ее сохранению.

Наиболее значимым фактором межэтнических отношений в трудовой сфере оказалось место жительства. Видимо, чем меньше населенный пункт, тем более внимательно жители относятся к коллегам по работе. На втором месте – национальность сотрудников. По данным опроса были выявлены некоторые тревожные тенденции усиления внимания к этничности в этой сфере со стороны представителей народов Кавказа и курдов. Азербайджанцы и армяне воспринимаются местными жителями как наиболее конкурентные в связи с их высоким уровнем образования, квалификации и активностью в предпринимательской сфере.

Большинство опрошенных утверждают, что очень редко сталкиваются со случаями переезда жителей региона в Казахстан. Мнение о том, что уезжают в основном на временную работу, чаще

выражали жители Перелюбского, Александрово-Гайского, Краснокутского районов. Лишь 6.8% респондентов преимущественно среднего возраста заявили, что им знакомо много случаев переезда в Казахстан, особенно среди армян, казахов и башкир. Это свидетельствует о низком уровне и возвратном характере миграционной мобильности в Саратовском приграничье.

Правительство Саратовской области не может рассчитывать на существенный миграционный прирост населения в ближайшие 10 лет. Это обусловлено относительно низким уровнем жизни в регионе в сравнении с близлежащими субъектами. Отсутствие хороших условий для развития малого предпринимательства существенно снижает объем рабочих мест. Вместе с тем большинство опрошенных, особенно Краснокутского, Дергачевского и Ершовского районов, полагают, что мигранты, приезжающие в регион, должны следовать всем традициям, нравам местного населения, причем с возрастом доля таковых увеличивается. При этом треть населения, особенно молодежь, допускают для мигрантов соблюдение их традиций в быту, но не в публичной сфере. Ксенофобные опасения по поводу «навязывания» мигрантами своего стиля жизни немного чаще других высказывали местные жители Перелюбского, Озинского, Ершовского районов. Иными словами, выявлена осторожная интегративная тенденция взаимной «притирки» ценностей, образа жизни и паттернов повседневного поведения с обеих сторон. Однако основные усилия в этом направлении перекладываются на самих мигрантов, которые воспринимаются как побочный социальный ресурс, который должен быть «невидимым» в публичной сфере.

Анализ показал (табл. 7), что гражданами России считают себя чаще других все представители мордвы, белорусы, чуваша (по 100% при

средневыборочном показателе 87.5%). К ним примыкают русские (89.9%), казахи (88.7%) и украинцы (88.5%). Жителем своего посёлка, города, области чаще других обозначали себя азербайджанцы (62.5% при средневыборочном показателе 7.6%), башкиры (23.7%), татары (17.1%). Представителем своей национальности видят себя преимущественно евреи (50% при средневыборочном показателе 3.2%), корейцы (42.9%), курды (23.5%), татары (10.1%), казахи и чеченцы (по 8.0%). Коэффициент сопряженности признаков составил 0.331 при приближительной значимости ошибки, равной 0.000, что показывает наличие значимого влияния этнической принадлежности (более значимого, чем влияние места жительства) на самооценку гражданской идентичности населения.

Опрос выявил две тенденции в интерпретации населением народной дипломатии на приграничных территориях. С возрастом увеличивается доля тех, кто рассматривает ее как общение людей с общественными организациями для улучшения взаимоотношений и считает хорошим способом решения приграничных проблем. Одновременно происходит снижение доли тех, кто интерпретирует ее как важную форму приграничного социально-экономического сотрудничества. На это в определенной степени влияет этнический фактор, чуть меньше – территория проживания.

Выводы

Подводя итоги, важно отметить, что в целом население Саратовского приграничья отличается достаточно высоким уровнем толерантности межэтнического взаимодействия. Анализ показал, что большинство молодежи не испытывают потребности в приобретении и умножении знаний в области своей национальной культуры и истории, что, видимо, будет способствовать усилению тенденции к ассимиляции населения. Чем старше население, тем больше оно испытывает тягу к знаниям о своей национальной культуре. Меньше других эту потребность проявляли мордва, русские, армяне и чуваша, что позволяет предположить, что представители этих народов больше заинтересованы в адаптации и ассимиляции, чем в сохранении своей этнической самобытности.

Чем старше житель Саратовской области, тем больше внимания он уделяет соблюдению национальных традиций, которые в значительной степени определяются территорией совместного проживания. Соблюдение всех традиций больше других отличает корейцев, азербайджанцев, казахов и русских. Анализ межэтнических взаимоотношений населения позволяет сделать вывод о появлении тенденции ассимиляции некоторых этносов (украинцы, мордва, немцы, марийцы, чуваша, белорусы). В результате миграции и естественного прироста будет увеличиваться доля казахов.

Подавляющее большинство населения, особенно среднее и старшее поколения, легко находят общий язык с представителями других национальностей. Однако каждый четвертый опрошенный, особенно молодежь, заявили о том, что бывают незначительные трудности. Уровень взаимопонимания больше зависит от места проживания, чем от национальности участников взаимодействия. Основным барьером для межэтнической коммуникации, особенно молодежи, выступает незнание языка (особенно это касается русского и белорусского населения), но с возрастом доля таковых снижается. На это больше всего влияет совместное пространство проживания, которое помогает преодолевать лингвистические трудности. Однако в целом взаимное неприятие представителей различных национальностей проявляется на очень низком уровне.

Самым распространенным мнением о возможности возникновения конфликтных ситуаций с представителями других народов, проживающих в районе, стало их отрицание при любых обстоятельствах. Однако настораживает возможность конфликтов на национальной почве в Александрово-Гайском, Дергачевском и Ершовском районах, где доля потенциальных сторонников конфликтов превышает долю их противников. К наиболее рискованным этносам, как показал опрос, относятся азербайджанцы и чеченцы. Для того чтобы избежать вероятности конфликтов на межнациональной почве, требуется работа национально-культурных организаций – НКО (самый распространенный ответ), местной администрации, развитие спорта, культуры, досуга и т.д.

Межэтнические браки являются «лакмусовой бумагой» толерантности населения и тенденции ассимиляции этносов. Самым распространенным, особенно среди молодежи, стало мнение, что национальность в браке не имеет значения. Чуть меньше доля тех, кто предпочел бы человека своей национальности. Причем чем старше население, тем чаще оно придерживается такого мнения. Почти каждый четвертый опрошенный, особенно представители среднего поколения, считают такой брак нежелательным. В частном пространстве повседневности большинство населения приграничья ориентируется на свою этническую идентичность и стремится к ее сохранению. Лишь менее 38% субъективно

готовы к тенденции постепенной и добровольной ассимиляции с другими этносами. В публичной сфере (в отличие от частной) большинство населения приграничья отождествляют себя с российским гражданством. Немного меньше других это проявляется у евреев, корейцев и курдов, которые в значительной степени ориентированы на свое этническое самоопределение.

Совершенствование межэтнических взаимодействий в Саратовском приграничье подразумевает тесное сотрудничество с НКО, потенциал которых еще не реализован. Еще важнее управленческие воздействия местной администрации, деятельность которой в данном плане недостаточно замечается населением. Этому способствует кризисная обстановка, которая обуславливает дезориентацию и дезорганизацию социокультурного развития малых народов, выступает барьером осознания населением взаимосвязи своего этнического своеобразия и гражданской позиции в социуме. Вместе с тем положительные оценки большинством населения приграничных территорий деятельности НКО демонстрируют значительные ресурсы роста как самих национально-культурных центров, так и расширения их влияния на все многонациональные сообщества.

Список литературы

1. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 249–250.
2. Askenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Entausung in der Diaspora // Identität in der Fremde/ Dabag M., Piatt K. Bochum, 1993. S. 106–116.
3. Галдия М., Видра Д. Правовые аспекты межэтнических отношений в Российской Федерации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 321–340.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
5. Horowitz D. The Deadly Ethnic Riot. Berkeley, 2001. 588 p.
6. Gurr T.R. Minorities at Risk. A Global Risk of Ethnopolitical Conflicts. Washington, 1993. 427 p.
7. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОСПЭН, 2004. 524 с.
8. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: О.Г.И., 1999. 205 с.
9. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая; С предисл. Э.Э. Эванс-Причарда и Фрэда Эггана; Пер. с англ., комм. и указ. О.Ю. Артёмовой при участии Ю.А. Артёмовой, А.Г. Артёмова; Ст. А.А. Никишенкова. Отв. ред. В.А. Попов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
10. Смит Э. Образование нации // Этнос и политика. Хрестоматия. М.: Полиграф, 2000. С. 86–94.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2007. 556 с.
12. Дильман А.А., Седова Н.Н. Сегодня и завтра российских немцев: опыт социологического исследования. Волгоград: ПрессМаркет, 1993. 88 с.
13. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.
14. Oizuk S., Tsuisui K. Status in the World System and Ethnic Mobilization // The Journal of Conflict Resolution. 1998. V. 42. № 6. Dec. P. 691–720.
15. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. 811 с.
16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Академический проект, 2001. 286 с.
17. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М.: Алетейя, 1998. 328 с.
18. Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики: Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / Под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. 315 с.
19. Арутюнян Ю.В. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
20. Козлов В.И. Проблематика этничности // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 22–27.
21. Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и национальные конфликты. М.: Инфра-М, 1998. 186 с.
22. Бедрик А.В., Бинева Н.К., Дюжиков С.А. Гражданский потенциал регулирования межэтнических отношений в современном российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 206–210.
23. Винер Б.Е. Институциональная история российской этнологии: краткий обзор // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 150–166.
24. Дробижина Л.М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики: Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / Под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 74–100.
25. Щеголькова Е.Ю. Методологические подходы к изучению особенностей межэтнических отношений // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: Монография / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 21–27.
26. Бараш Р.Э. Идентичность и мультикультурализм. В поисках базовых категорий анализа // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 31–34.
27. Дробижина Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.

28. Григорьева К.С. Этнически избирательный контроль: дисфункция правоохранительной системы или социальный институт? // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. 18(2). С. 299–312.

29. Найдено В.Н. Факторы этнонациональной конфликтности в Российской Федерации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 4. С. 707–721.

30. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Этноконфессиональная напряженность в российском обществе: опыт эмпирической апробации методики измерения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 130–152.

31. Артамонова Я.В., Тарасенко Л.В., Чернобровкин И.П. Этнокультурные традиции и инновации в социальных практиках молодежи (на примере Ростовской области) // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 2. С. 202–208.

32. Дмитриев А.В., Воронов В.В. Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации: Монография / ФНИСЦ РАН. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Новый Хронограф, 2018. 336 с.

33. Бийжанова Э.К. Современное российское приграничье: состояние и тенденции развития (обзор отечественного дискурса) // *Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 6–11 августа 2018 г.)* / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 57–59.

34. Уставщикова С.В. Этнический состав населения Саратовской области, расселение народов (по итогам переписи 2010 года) // *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Науки о Земле*. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 43–51.

INTER-ETHNIC INTERACTIONS OF THE POPULATION IN THE SARATOV BORDER

I.A. Beginina, S.G. Ivchenkov, N.V. Shakhmatova

Saratov National Research State University

The article on the results of the sociological study of the population of the border areas of saratov region measures the level of tolerance of inter-ethnic relations, the nature of the need to acquire knowledge about their national culture, the attitude to respect for national traditions, the presence of barriers to inter-ethnic interaction, its risk-taking potential. The main barrier to inter-ethnic communication, especially young people, is ignorance of the language (especially the Russian and Belarusian population), but with age the proportion of such - decreases. The level of understanding depends more on where they live than on the nationality of the participants. The majority of respondents believe that migrants coming to the region should follow all traditions and manners of the local population. And with age the share of such increases. However, one in three, mostly young people, believe that migrants can follow their own traditions, but in the domestic sphere. It is shown that in the private everyday space the majority of the population of the border is oriented to their ethnic self-determination, seek to preserve it, in the public zone – identify with Russian citizenship. Two trends of inter-ethnic interaction have been revealed – a modal desire to preserve their national identity (Azerbaijans, Russians, Kazakhs, Koreans, Jews, Kurds) and the emergence of a vector of assimilation of certain ethnic groups (Ukrainians, Mordva, Germans, Maris, Chuvash, Belarusians), which is manifested in the approval of inter-ethnic marriages and the decline in interest in national culture in the youth environment. In general, there is a high level of tolerance of inter-ethnic interaction of the inhabitants of the border and a significant potential for increasing the popularity of national and cultural centers, more active participation of the population in their activities.

Keywords: ethnicity, inter-ethnic interactions, border regions, ethnic identity, ethnic assimilation, toleran.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_58

ДЕТСТВО И РОДИТЕЛЬСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЦИОМ

© 2021 г.

А.А. Бесчасная

Бесчасная Альбина Ахметовна, д.соц.н.; профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург
aabes@inbox.ru

*Статья поступила в редакцию 12.03.2021**Статья принята к публикации 15.07.2021*

Предлагаемый обзор опросов ВЦИОМ по детско-родительской проблематике представляет собой дайджест исследовательской работы данной организации. Он позволяет, кроме целевых аспектов в характеристиках жизни детей и их родителей, определить неизученные лакуны в повседневности детско-родительских отношений. Совокупное родительское мнение косвенно является зеркалом детских потребностей, деятельности, поведения, проблем, которые сопровождают детей в повседневности, а также критическим взглядом на собственные действия в рамках действующего социального статуса. «Детская» тема проявляет себя в изучении представлений взрослых о счастье и его составляющих, о ценностных приоритетах в жизни, об особенностях воспитания, о школьных проблемах и подготовке детей к началу учебного года, об иерархии семейных ролей и участии отцов в воспитании детей.

Ключевые слова: повседневность, детство, родительство, дети, динамика, обзор, опрос.

Введение

Детство и родительство объединяет социальный институт семьи. Он находится в перманентной трансформации, гибко адаптируясь к происходящим в обществе изменениям. Меняется его структура, иерархия статусов и функциональное содержание социальных ролей, демографические установки и мотивы создания и сохранения семьи. Все это формирует новые характеристики детства и родительства.

Изучать повседневность детства в режиме текущего времени возможно разными способами. Один из них – с помощью опросов взрослого населения о жизни детей. Родители в этом ряду являются наиболее информированными респондентами. Данное совокупное общественное мнение косвенно является зеркалом детских потребностей, деятельности, поведения, проблем, которые сопровождают детей в повседневности. С этой целью мы обратились к результатам опросов ВЦИОМ, представленным на официальном сайте.

Методы

В «Тематическом каталоге» обзоров исследований (https://wciom.ru/news/tematicheskii_catalog/), проведенных ВЦИОМ, нами были выбраны подразделы, наиболее соответствующие детской тематике, – «Семья», «Воспитание детей» и «Возрастные проблемы», так как они максимально соответствуют рассмотрению

проблематики детства. Выбор «Семьи» был обусловлен признанием того, что семья – естественная среда появления, жизни и воспитания ребенка, а также формирования социального статуса родителя. Широкий характер детской проблематики обусловил одновременное присутствие ряда исследовательских обзоров в 2–3 подразделах. За редким исключением несколько обзоров встречались лишь в одном подразделе. В этой связи в общей сложности было проанализировано 120 обзоров, среди которых самый ранний датируется 20 июля 2004 г., а последний (то есть в период подготовки данного материала) – 23 апреля 2020 г. Согласно этико-правовым нормам проведения социологических опросов и привлечения к ним несовершеннолетних участников, в исследованиях участвовали респонденты от 18 лет. Только в одном опросе от 6 марта 2019 г. «Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности?» среди респондентов выделяется группа подростков 14–17 лет.

Очевидно, что опросы, проводимые ВЦИОМ, отражают кумулятивное мнение респондентов по ключевым и животрепещущим вопросам, сопровождающим или неожиданно возникшим в повседневной жизни общества. Это могут быть актуальные ситуации в политике, экономике, культуре, социальной сфере, в общественном здоровье, о чем свидетельствует пандемия. Эти события образуют как минимум фон для формирования жизненного мира индивида и как максимум оказываются одним из факторов преобра-

зования повседневных социальных практик. Опросы взрослого населения по вопросам, отражающим актуальную специфику детства, несмотря на свою опосредованность, позволяют определить, с одной стороны, «взрослыми образуемые» координаты ежедневной деятельности детей, а также направление изменений, происходящих в «мире детства» (в оценках взрослых).

Результаты и их обсуждение

Анализ опросов по вопросам детства и родительства, включенных в тематический каталог, показал следующее. Существуют регулярные опросы ВЦИОМ, позволяющие сделать сравнительный анализ отношения респондентов к тому или иному вопросу, в которых наблюдается стабильное и приоритетное присутствие темы детства. Это опросы, посвященные теме счастья и компонентов, его составляющих. Данные исследования проводятся регулярно как минимум с 2004 г., и частота их проведения возрастала от 2–3-летнего интервала до ежегодного и до двух раз в год в 2018–2019 гг. (например, «Счастье в России» и «Счастье: чему радуются россияне?» в 2018 г., «Что в жизни главное?» в 2015 г., «Друзья, семья, честная жизнь: жизненные приоритеты россиян» в 2012 г., «Образование и здоровый образ жизни – высшие ценности в воспитании детей» в 2006 г.). По проблематике данных опросов необходимо отметить, что дети на протяжении всего времени выступали в качестве одного из важных компонентов модели счастья, входили в топ ценностей и приоритетов россиян. Свидетельством этого стал последний опрос («Индекс счастья на фоне коронавируса», 23.04.2020 г.), проведенный уже в условиях пандемии, согласно которому семья и дети заняли соответственно 1-е (29%) и 2-е (14%) место в выборе причин формирования чувства счастья россиянами. В большинстве случаев дети занимают от второго до четвертого места в системе ценностей и причин чувства счастья жителей России.

Эти данные показывают, что на фоне практики детоцентризма (но не обязательно по этой причине) наблюдается нестабильное положение детей в системе ценностей и в оценке собственной жизни взрослыми. Динамика показала, что большинство опрошенных предпочитают следовать гедонистическим потребностям, нежели нести определенные обязанности по образованию и воспитанию детей, перманентно усложняющиеся в современном мире (поэтому вследствие пандемического эксперимента среди молодежи возможен всплеск популярности присоединения к течению «child-free»).

Другой регулярно исследуемой ВЦИОМ «детской» проблематикой является проблема воспитания детей, отношение родителей к методам воспитания. Если в начале XXI в., в 2005 г., в фокус внимания попал вопрос роста детской беспризорности, то в 2017 г. вопросы воспитания нашли отражение в таких опросах, как «Родители... Дети... Секты?!» и «Ремень больше не работает, или О современных методах воспитания молодежи». На основании внимания исследователей к этим вопросам и по результатам опросов можно сделать вывод, что если прежде улица была прибежищем в ситуации отсутствия или, наоборот, гиперконтроля со стороны взрослых, то в настоящее время дети могут оказаться в поле зрения сект и в интернет-пространстве, где они находят взаимопонимание со сверстниками аналогично «уличным компаниям». Ограничения нахождения в Интернете является одним из методов воспитательного воздействия по отношению к современным детям, который набирает популярность среди родителей, например, с 32% в 2012 г. до 43% в 2017 г. («Яблочко от яблоньки», или Как воспитывать детей?), 2012 г. «Ремень больше не работает, или О современных методах воспитания молодежи», 2017 г.).

Проблемы школьного образования как необходимой части жизни детей тоже отражены в исследованиях ВЦИОМ. Спектр проблематики широк: от вопросов материального сопровождения обучения ребенка в школе до оценки престижа профессии учителей. Очевидно, что интерес к тем или иным сторонам школьной жизни возникал в соответствии с фоновыми или экстраординарными событиями. Среди проблем современной школьной жизни, характеризующих колорит детско-родительской повседневности, можно назвать:

1. Прецедент ношения хиджаба в школу (2012 г.). Это побудило рассмотреть проблему школьной формы не только в контексте материальных затрат родителей, но и с точки зрения неоднозначности воспитательного воздействия единой школьной формы. Так, с 2012 г. по 2018 г. заметно выросла доля россиян, поддерживающих введение школьной формы, – с 77% до 82% («В хиджабе – на уроки? Возрождение дискуссии о школьной форме», 2012 г.; «Школьная форма и дресс-код для учителей: общественные настроения на фоне экономических трудностей», 2018 г.). Большинство современных респондентов полагают, что школьная форма обеспечит социальное равенство учащихся (36%), способствует дисциплинированности учащихся (31%), обеспечит одинаковый облик детей (17%), красивый и аккуратный вид (16%);

2. Массовые драки и жестокость среди детей. Респонденты (18–24 лет), наиболее близкие к детскому возрасту, в 50% случаев считают, что это массовое явление («Драки в школах: кто виноват и что делать?», 2019 г.);

3. Пользование мобильными телефонами и гаджетами в школах. Большинство россиян считают, что использование детьми этих электронных устройств мешает школьникам – 67% в 2019 г. против 83% в 2018 г. («Смартфоны в школах: запретить нельзя оставить?», 2018 г.; «Мобильные телефоны в школах: запретить или оставить», 2019 г.). Наибольшее количество сторонников данного мнения – родители, чьи дети не имеют смартфона.

Особенно выделяются темы, подсказанные повесткой дня. Например, в 2011–2013 гг. ежегодно проводились опросы, посвященные правам детей и ювенальной юстиции. Анализ соблюдения прав ребенка касался гарантированных Конституцией РФ сфер жизни детей – образовательных и медицинских услуг учреждений, имеющих институциональное оформление, а также правового социального института – детского омбудсмана («Права детей в России: соблюдаются или нет?», 2011 г.; «Права детей в Москве: кто и как их защищает?», 2012 г.).

Другой значимой и часто выдвигаемой темой для изучения общественного мнения является проблема равенства супругов в браке. Характер отношений между родителями, безусловно, является частью повседневности детей. Это создает как минимум повседневное настроение жизни ребенка и как максимум основание для формирования модели поведения ребенка и воспроизведения модели родительства. В 2008 г. сторонников полного равенства в семье – 38% респондентов, в 2018 г. таких представителей стало 82% («Кто в семье главный?», 2008 г.; «Равенство в семье: от декларации – к реальности?», 2018 г.).

В последний (2019) год проводились исследования по следующим тематикам, в которых внимание аналитиков прямо или косвенно было обращено к детям и реализации социальной роли родителя. Так, домашние питомцы в 16% случаев появлялись в семьях по желанию детей («Россия – страна котов!», 2019 г.). Согласно современным представлениям о роли отцов в воспитании детей, мужчины должны быть активными участниками повседневности детей. От отцов ожидается помощь ребенку с творческими заданиями (поделками, моделями и т.п.) – 90%, участие в проверке домашних заданий ребенка – 88%, в поиске кружков, секций и репе-

титоров – 86%, участие в школьных праздниках – 89% и работе родительского комитета класса – 80% («Вовлеченное отцовство, или Что для детей важнее денег?», 2019 г.).

Часто обсуждаемой темой в СМИ и на родительских форумах является тема «интернетизации» детства, вовлеченности детей в социальные сети. И в 2019 г. был проведен опрос «Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности?», в котором именно дети высказали свое мнение о современных интернет-каналах коммуникации. Более половины опрошенных респондентов от 14 до 17 лет (54%) отметили, что социальные сети не оказывают существенного влияния на подростков. Подавляющее большинство подростков (98%) отметили, что пользуются Интернетом ежедневно, кроме того, 89% заходят в социальные сети практически каждый день. Востребованность интернет-взаимодействия прямо влияет на осведомленность подростков об опасных группах в соцсетях (пропагандирующих самоубийства, насилие, терроризм). О пабликах, распространяющих материалы о самоубийствах, знают 18% подростков, о группах, пропагандирующих насилие, – 11%, терроризм – 6% (16%, 10% и 9% среди взрослых соответственно, незначительная разница). Как отмечают подростки, данный интерес может быть вызван психологическими проблемами самих подростков (49%), отсутствием контроля со стороны родителей (29%), конфликтами со сверстниками (31%). Участие в опасных группах рассматривают как следствие проблем подростков в реальной жизни 60% респондентов в группе 14–17-летних.

Заключение

Опросы, проводимые ВЦИОМ, позволяют сформировать мозаику детства и осознать сложность реализации родителями своих социальных ролей. Разнообразие поднимаемых тем показывает их смежный характер, а также увеличение компонентов детско-родительских отношений, различных аспектов их повседневности. Очевидно, что опосредованность получения данных влияет на их объективность и представленный обзор опросов и некоторых сторон повседневности детей – это лишь взгляд с позиций взрослых, рассматривающих современное детство сквозь призму собственного детского и взрослого, в том числе родительского, опыта жизни.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 20-013-00899 А «Родители как субъекты образовательной политики школы».

CHILDHOOD AND PARENTHOOD IN THE RESEARCH OF WCIOM***A.A. Beschasnaya***

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint-Petersburg

The text of the abstract. The proposed review of WCIOM polls on parent-child issues is a digest of the research work of this organization. It allows, in addition to the target aspects in the characteristics of the lives of children and their parents, also to determine the unexplored lacunae in the everyday life of child-parent relations. Aggregate parental opinion is indirectly a mirror of children's needs, activities, behavior, problems that accompany children in everyday life, as well as a critical look at their own actions in the framework of the current social status. The «children's» theme manifests itself in the study of adults ideas about happiness and its components, about value priorities in life, about the peculiarities of education, about school problems and the preparation of children for the beginning of the school year, about the hierarchy of family roles and the participation of fathers in the upbringing of children, etc.

Keywords: survey, daily routine, childhood, parenthood, children, dynamics, review.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_62

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ: УТРАТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДИФФЕРЕНТНОСТИ

© 2021 г.

Е.Ю. Бикметов, Т.З. Назаров

Бикметов Евгений Юрьевич, д.полит.н.; проф.; профессор кафедры менеджмента и маркетинга
Уфимского государственного авиационного технического университета
bicprof@mail.ru

Назаров Тимур Зуфарович, к.соц.н.; доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета, Уфа
kf2011@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 12.03.2021**Статья принята к публикации 22.07.2021*

Анализируется процесс институционализации в России малого предпринимательства в контексте его внутреннего социально-политического развития, выявляются проблемы становления групповой идентичности. Цель исследования состоит в раскрытии содержания современных динамических противоречий между процессом институционализации предпринимательства в социальной структуре российского общества и системе общественных отношений и спецификой осознания ее представителями собственных социальных ролей, связанных с различными паттернами поведения и установками. В основе статьи результаты повторных социологических исследований (анкетного опроса), проведенных авторами в 2004 и 2019 г. В исследовании применены диалектический, системный подходы, принципы коррелятивности объекта субъекту, интересубъективности, структурного функционализма. В первом исследовании было выявлено, что предпринимательское сообщество России на раннем этапе развития (в начале 2000-х гг.) представляло собой социальную группу с явно сформировавшейся социальной идентичностью, но не социальным единством, интегрированностью. Эта социальная общность не была способна к консолидации, рамки которой выходят за пределы элементарной утилитарности, а ее внутривидовые процессы наглядно мало чем себя проявили, совершенно не затронув общественную жизнь и политику. Результаты второго исследования, проведенного через 15 лет, свидетельствуют, что социальное ядро малого бизнеса меняет свое качество и становится одним из центров кристаллизации гражданского общества, а предприниматели постепенно утрачивают свою прежнюю политическую индифферентность. Динамика социального самочувствия малого бизнеса за последние годы обозначила новый, «политический» вектор своего развития. Понимая свое социальное положение в широком контексте общественной жизни, предприниматели ищут собственное осознанное политическое бытие. Институционально развиваясь, социальная общность предпринимателей ментально все менее дистанцируется от общественно значимых проблем, все менее противопоставляет эффективность личных действий и устремлений в экономической деятельности собственному политическому участию. Это свидетельствует о качественном изменении и определенной степени социальной зрелости российского малого бизнеса как социального явления.

Ключевые слова: малый бизнес, предприниматели, социальная идентичность, самоидентификация, социальные установки и паттерны поведения, политическая субъектность.

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что многие проблемы, связанные с развитием малого бизнеса в России и повышением его экономической эффективности, с одной стороны, продолжают оставаться нерешенными, а с другой сам – процесс его институционализации в современном российском обществе описан теоретически не исчерпывающе. Различные меры поддержки предпринимательства, которые отражаются в том числе и в некоторых национальных проектах [1], касаются в первую очередь правового, финансового, инфраструктурного и информационного обеспечения предпринимательской деятельности. Однако, стремясь управлять этими процессами,

следует принимать во внимание и субъективный, «жизненный мир» бизнеса, постигая логику его функциональности в российском обществе и законы саморазвития. В стимулировании развития предпринимательского сообщества необходимо учитывать его внутренние социальные закономерности, одновременно поддерживая в предпринимательской среде установки на инновационность, проактивность, гражданскую солидарность и правосознание. Объективная необходимость исследования социально-экономической, политической и внутригрупповой интеграции предпринимателей вообще требует рассмотрения феномена социальной идентичности, связанной с их ценностями и установками.

В качестве одной из главных задач, решаемых авторами статьи, выступает сравнительный

анализ результатов специальных социологических исследований предпринимателей, проведенных в 2004 и 2019 г., нацеленных на понимание ими своих социальных ролей и групповых интересов. Продуктивным в этой связи представляется анализ данной проблемы на уровне личности предпринимателей, а именно с позиций теории социальной самоидентификации.

Теоретико-методологические подходы

Многочисленные отечественные теоретико-прикладные социально-психологические и социологические исследования подготовили основу для содержательного изучения феномена социальной идентичности личности, в том числе в среде малого предпринимательства. Отдельные вопросы развития бизнес-сообщества, предпринимательской деятельности подробно рассмотрены в специальной литературе [2–10]. Ряд отечественных исследований посвящены решению проблем современного малого предпринимательства как субъекта социально-экономических отношений [11–17]. Особое внимание уделяется изучению ценностных ориентаций и мотивации предпринимателей [18–24]. В научной литературе часто подчеркивается объективный характер препятствий, возникающих на пути формирования какой бы то ни было субъектности малого бизнеса, якобы и определяющий его социальную «незрелость», бытие «класса в себе». Проведенное авторами в начале 2000-х гг. специальное аналитическое исследование демонстрировало, что сам по себе процесс, например, социально-политической интеграции мелких предпринимателей был именно в силу природы собственной внутренней культуры затруднен, если не сказать – практически невозможен. В настоящее время остаются слабо изученными проблемы взаимосвязи социальной идентичности предпринимателей с идеологической составляющей, их политическим участием, другими интеграционными процессами, которые характеризуют экономическую институционализацию этой социальной группы и формирование у ее представителей гражданского самосознания.

Результаты

Обратимся к результатам проведенного панельного исследования в таком типичном регионе РФ, как Республика Башкортостан. Опрос проводился среди предпринимателей (г. Уфа), которые одновременно выполняли функции владения и управления собственностью. Применялись метод случайной выборки и методы

статистического анализа баз данных. Так, принимались во внимание общая численность малых предприятий, распределение по формам организации (ООО, ИП и пр.), основным отраслям и примерно равное соотношение по полу. Выборочная совокупность в обоих случаях составила 120 чел., что вполне отвечало задачам аналитического исследования по критерию достаточной репрезентативности. Максимальная ошибка, погрешность измерений составляет менее 7%. Время первого сбора эмпирического материала – 2004 г., второго – 2019 г. (лаг изменений – 15 лет). В качестве объектов социальной идентификации были определены наиболее значимые социальные круги, в которых индивид стремится солидаризироваться с «другими». Указанные ниже шесть позиций наглядно отражают основной контур социальной идентификации личности предпринимателя. Измерение главного признака осуществлялось с использованием методики 10-балльной шкалы, отражающей степень ощущения респондентом собственной социальной близости с различными кругами людей. Ранг конкретной самоидентификации определялся сравнением общего среднего значения с аналогичным показателем других идентификаций. Следует учитывать, что методологически собственно социальный факт как предмет изучения здесь возникает только в соотнесенности измеренных степеней различных социальных идентичностей в каждом конкретном случае, а не в абсолютном его значении. И хотя реальное ранжирование направлений самоидентификации может быть характерно только для конкретной личности, кластерный подход в анализе суммарных данных все-таки позволяет проследить и обобщить наиболее общие, и именно групповые, тенденции рассматриваемого явления. Необходимо также помнить, что и само измерение, и интерпретация социальной идентичности изначально выглядят достаточно проблематично с теоретико-методологической точки зрения [25]. Отчасти условный характер фиксируемых признаков в групповом исследовании – оправданная, хотя и вынужденная необходимость.

Обратимся к результатам первого опроса 2004 г., проведенного авторами в рамках исследования кафедры социологии и политологии Уфимского государственного авиационного технического университета. Его результаты были отражены в ранних работах авторов [26; 27]. В целом различные социальные идентификации в среде представителей малого бизнеса в своих значениях распределялись между собой достаточно однородно (табл. 1). А собственно внутригрупповая социальная идентичность пред-

Таблица 1

**Средние измеренные значения самоидентификации
предпринимателей с конкретными социальными кругами (2004 г.)**

Объекты социальной самоидентификации	Средние показатели социальной самоидентификации
«С прочими предпринимателями как таковыми»	6.7 (1-е место)
«Вообще с гражданами России»	6.2 (5-е место)
«С людьми близкого мне политического мировоззрения и взглядов на устройство общественной жизни»	6.4 (3-е место)
«С людьми общей возрастной категории (поколением сверстников)»	6.5 (2-е место)
«С людьми примерно равного со мной дохода и достатка»	6.3 (4-е место)
«С людьми одинаковой со мной национальности»	5.9 (6-е место)

Таблица 2

**Корреляции степени внутригрупповой социальной самоидентификации предпринимателей
с идентичностью, отражающей их готовность солидаризироваться в политическом пространстве (2004 г.)**

Объекты социальной самоидентификации	Предприниматели с «наибольшей» внутригрупповой самоидентификацией (47%)	Предприниматели с «наименьшей» внутригрупповой самоидентификацией (36%)
«С прочими предпринимателями как таковыми»	7.4 (1-е место)	5.0 (6-е место)
«Вообще с гражданами России»	5.6 (4-е место)	6.2 (3-е, 4-е, 5-е место)
«С людьми близкого мне политического мировоззрения и взглядов на устройство общественной жизни»	4.6 (6-е место)	7.9 (1-е место)
«С людьми общей возрастной категории (поколением сверстников)»	6.0 (2-е, 3-е место)	6.9 (2-е место)
«С людьми примерно равного со мной дохода и достатка»	5.9 (2-е, 3-е место)	6.0 (3-е, 4-е, 5-е место)
«С людьми одинаковой со мной национальности»	5.0 (5-е место)	6.0 (3-е, 4-е, 5-е место)

принимателей показала тогда в среднем относительно высокую степень. При дальнейшем кластерном распределении оказалось, что численность групп с наибольшим показателем конкретной социальной идентичности по численности ранжирована почти в точности, соответствует порядковому месту «средних» показателей.

Однако было выявлено одно очень важное противоречие в природе зарождавшейся социальной идентичности предпринимателей малого бизнеса.

Во-первых, предположение о том, что в среднем высокий уровень их внутригрупповой идентичности соответствует тому, чтобы значительная часть предпринимателей понимала свой политический интерес в контексте группового, не нашло эмпирического подтверждения.

Во-вторых, обнаружилась как раз обратная закономерность, отрицательная обусловленность двух разных аспектов социальной идентичности. Методологически это выглядит следующим образом. В условную группу «наибольших» показателей измеренной внутригрупповой идентичности предпринимателей были определены те группы ответов, где степень этой социальной близости выходила на

одну из первых трех позиций, то есть лидировала. Соответственно формировалась и группа «наименьшей» внутригрупповой социальной идентичности. Лишь в небольшой части собранного эмпирического материала однозначно определить уровень идентичности предпринимателя со своей средой оказалось затруднительно. Исследование показало, что распределение нагрузки (средний балл, указанный респондентами как ощущаемая степень социальной близости) по двум признакам в соответствующих кластерах происходит весьма неравномерно. Если первый признак – это социальная идентичность предпринимателя с бизнес-сообществом, другими предпринимателями, то второй – ощущение социальной близости с теми, кто разделяет их политические ценности (табл. 2).

Как видно из табл. 2, это совсем не лежащее на поверхности противоречие связано со следующим обстоятельством. Среди всех направлений социальной идентичности, указанных в анкете, только два из них имели безусловно выраженную связь между собой (почти по всей совокупности). Это идентичность предпринимателя с бизнес-средой и с теми, с кем он в действительности разделял свои идеологические

взгляды – общественные и политические ценности. Эти два вектора социальной идентичности в большинстве случаев оказались принципиально разнонаправлены. Чем в большей степени малый предприниматель идентифицировал самого себя в социальном отношении с предпринимательской средой, тем в меньшей степени он обнаруживал собственную социальную идентичность с теми, кто разделяет его социально-политические устремления, и наоборот. Эта среда специально была поделена, не считая совсем малой ее части, на два, можно сказать, «идеологических лагеря». Подобная эмпирическая закономерность приоткрыла причину неспособности возникавших в то время сообществ малого бизнеса эффективно агрегировать свои позиции и действия для формирования собственного понятного социального запроса. Это противоречие в 2004 г. составляло одну из важнейших особенностей процессов их социального самоопределения. В этот период, можно констатировать, предприниматели (особенно успешные), действительно, были аполитичны и в большей степени ориентированы на собственные достижения, понимая свои волю и способности как единственный и важнейший ресурс. В литературе в то время действительно часто подчеркивалось достаточно распространенное понимание в среде предпринимателей приоритета личностных факторов, влияющих на жизнеспособность бизнеса, над общеконъюнктурными, макроситуационными [28]. Благодаря проведенному тогда исследованию эмпирически подтвержденной оказалась гипотеза: чем с большей уверенностью и принципиально конкретный бизнесмен связывает успешность дела с «предпринимательской жилкой» и личностными характеристиками, но, например, не с экономической ситуацией в целом по отрасли, тем более заметно выражена у него склонность к высокой идентичности со своей бизнес-средой. Предприниматели в тот период не связывали напрямую успешность и благосостояние с объективными условиями своей деятельности, полагая, что в бизнесе каждый сам за себя и успех каждого – его собственная ответственность. Несомненно, справедливым в этой связи выглядело тогда утверждение о том, что, ввиду такого положения дел в предпринимательском сообществе, «политические устремления к отстаиванию своих «объективных» интересов через объединение с подобными себе у них невысоки» [29, с. 71].

Обратимся теперь к результатам исследования 2019 г. Оно показало, что описываемое специфическое противоречие являлось не чем иным, как исключительной характеристикой

процессов социальной аномии в «кризисном» обществе, а точнее, временным явлением. Теперь можно констатировать, что предприниматели, солидаризирующиеся в социальном отношении с бизнес-сообществом, но не готовые к политическому участию и пониманию своих частных интересов в контексте групповых, остаются в абсолютном меньшинстве. Разумеется, высокая степень социальной идентичности предпринимателей с бизнес-сообществом по-прежнему достаточно распространена и даже устойчива, но условия ее формирования и проявления значительно поменялись.

Во-первых, предприниматели стали более отчетливо ощущать свой социальный, экономический и политический интерес, то есть то, что можно назвать формирующейся гражданской позицией. Во-вторых, и это фиксируется эмпирически, статус «предпринимателя, ощущающего свою социальную близость с другими предпринимателями» больше не мешает ему ясно понимать и артикулировать свои политические предпочтения и стремиться к различным формам политического участия (табл. 3).

Социальное ядро малого бизнеса становится одним из центров кристаллизации гражданского общества и постепенно все более утрачивает свою политическую индифферентность. Прежде принципиально аполитичные основы внутригрупповой солидарности в этой среде обретают новые очертания, формируя определенный социальный запрос, ожидания глубоких изменений, выходящих за рамки повседневных утилитарных интересов предпринимателей. Можно утверждать, что мы стоим на пороге включения этой группы в общегражданский дискурс современных политических идеологий, в то время как само российское общество в целом тоже находится в поиске собственной социальной идентичности. Это касается самых разных аспектов и направлений социальной самоидентификации, в том числе религиозной, здесь отдельно не рассматриваемой, но которой исследователи уделяют все большее внимание [30].

Выводы

Проведенное повторное социологическое исследование подтвердило вывод, что социальные процессы в среде российского малого бизнеса за 15 лет оказались институционально трансформационными. Произошел отход от особенно прежде заметной индивидуализации массового сознания к осознанию своих групповых интересов не только и не столько в рамках предпринимательских сообществ. Эта социальная среда давно отошла от мифологического

Таблица 3

Корреляции степени внутригрупповой социальной самоидентификации предпринимателей с идентичностью, отражающей их готовность солидаризироваться в политическом пространстве (2019 г.)

Объекты социальной самоидентификации	Предприниматели с «наибольшей» внутригрупповой самоидентификацией (45%)	Предприниматели с «наименьшей» внутригрупповой самоидентификацией (49%)
«С прочими предпринимателями как таковыми»	8.2 (1-е место)	5.6 (6-е место)
«Вообще с гражданами России»	5.6 (6-е место)	6.8 (4-е, 5-е место)
«С людьми близкого мне политического мировоззрения и взглядов на устройство общественной жизни»	6.7 (2-е, 3-е место)	6.8 (4-е, 5-е место)
«С людьми общей возрастной категории (поколением сверстников)»	5.9 (5-е место)	7.0 (3-е место)
«С людьми примерно равного со мной дохода и достатка»	6.8 (2-е, 3-е место)	7.2 (1-е место)
«С людьми одинаковой со мной национальности»	6.3 (4-е место)	7.1 (2-е место)

сознания собственной исключительности, характерного для периода 90-х годов прошлого века. Но одновременно с этим предприниматели не демонстрируют большого стремления солидаризироваться в социальном пространстве просто с «россиянами вообще». По всей видимости, их социальный запрос выходит за рамки того, что они понимают под интересами «молчаливого большинства». Понимая собственное социальное положение, предприниматели в своем малом сегменте ищут свое осознанное политическое бытие. Глубина этого понимания зависит от зрелости личностных структур, которые ориентируют личность на предпринимание и взаимопонимание. Институционально развиваясь, бизнес-среда все менее дистанцируется от общественно значимых проблем, все менее противопоставляет эффективность личных действий и устремлений каждого собственному политическому участию. Современное российское общество, плохо это или хорошо, в самых различных социально-экономических и возрастных группах становится все более политизированным. Уже несколько лет назад социологи фиксировали, что среди россиян идеологический климат, хотя и меняется, но не ведет пока к росту установок на политическую вовлеченность, участие граждан в политической и общественной жизни [31]. Однако такое положение дел, как видно, сложилось ненадолго. Результаты настоящего исследования демонстрируют, что динамика социального самочувствия малого бизнеса за последние годы обозначила в отношении самой себя качественно иной вектор развития, а именно – решительный уход от прежде достаточно устойчивой культурной дилеммы – либо профессиональная самореализация, либо осознанность политического интереса и полити-

ческое участие. Формирующийся средний класс России, так и «недобрав» за последние годы численно, стал постепенно эволюционировать качественно. Малый бизнес как социальная среда демонстрирует именно этот процесс.

Список литературы

1. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Бабаева Л.В., Лапина Г.П. Малый бизнес в России в эпоху экономических реформ. М.: ИС РАН, 1997. 193 с.
3. Безгодов А.В. Очерки социологии предпринимательства / Под ред. Д.П. Гавры. СПб.: Петрополис, 1999. 223 с.
4. Лапина Н.Ю. Российское предпринимательство: опыт социологического анализа. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1993. 68 с.
5. Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: научные исследования и практические приложения // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 80–104.
6. Судьин С.А., Яковлев П.А. Социальное предпринимательство как предмет социологического анализа // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 77–85.
7. Чепуренко А.Ю., Яковлев А.А. Теория предпринимательства: важность контекста // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. № 2. С. 51–60.
8. Davidsson P. Researching Entrepreneurship: Conceptualization and Design. 2nd ed. New York: Springer, 2016. 300 p.
9. Dennis W.J. Entrepreneurship, Small Business and Public Policy Levers // Journal of Small Business Management. 2011. Vol. 49. № 1. P. 92–106.

10. Lortie J., Castogiovanni G. The Theory of Planned Behavior in Entrepreneurship Research: What We Know and Future Directions // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2015. Vol. 11. № 4. P. 935–957.
11. Возьмитель А.А. Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей. М.: ИС РАН, 1997. 252 с.
12. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // *Социологические исследования*. 2006. № 11. С. 29–37.
13. Модель И.М., Модель Б.С. Профессиональная культура предпринимателя // *Социологические исследования*. 1997. № 10. С. 10–16.
14. Радаев В.В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития* / Общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1995. С. 175–178.
15. Смольков В.Г. Предпринимательство как особый вид деятельности // *Социологические исследования*. 1994. № 2. С. 15–22.
16. Тихонова Н.Е. Портрет представителя малого бизнеса (по материалам социологических исследований) // *Власть*. 1996. № 9. С. 39–44.
17. Фетисов Э.Н., Яковлев И.Г. О социальных аспектах предпринимательства (концептуальное введение в проблему) // *Социологические исследования*. 1993. № 1. С. 24–30.
18. Душацкий Л.Е. Ценностно-нормативные доминанты российских предпринимателей // *Социологические исследования*. 1999. № 7. С. 91–95.
19. Кошарная Г.Б. Мотивационная структура российского предпринимательства // *Проблемы теории и практики управления*. 2006. № 4. С. 110–116.
20. Кузьминова Н.В., Стегний В.Н. Ориентация на инновационную деятельность пермских предпринимателей // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 2. С. 122–135.
21. Селеткова Г.И., Лазукова Е.А. Социологический анализ социального статуса предпринимателей и руководителей (на примере Пермского края) // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2016. № 3. С. 147–155.
22. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // *Социологические исследования*. 2017. № 1. С. 81–93.
23. Carsrud A.L., Brännback M. Entrepreneurial Motivations: What Do We Still Need to Know? // *Journal of Small Business Management*. 2011. Vol. 49. № 1. P. 9–26.
24. Fayolle A., Liñán F., Moriano J.A. Beyond Entrepreneurial Intentions: Values and Motivations in Entrepreneurship // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2014. Vol. 10. № 4. P. 679–689.
25. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудноверифицируемых состояний // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 14–20.
26. Назаров Т.З. Социальная самоидентификация представителей малого бизнеса: Дис. ... канд. соц. наук. Уфа, 2005. 127 с.
27. Бикметов Е.Ю., Назаров Т.З. Социальная самоидентификация как фактор развития малого предпринимательства // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России: Материалы Международной научно-практической конференции*. Магнитогорск: Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г.И. Носова, 2009. С. 41–44.
28. Душацкий Л.Е. Взаимодействие предпринимателей с условиями среды // *Социологические исследования*. 1998. № 1. С. 68–73.
29. Бикметов Е.Ю., Назаров Т.З. Проблемы социальной самоидентификации представителей малого бизнеса // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2005. № 1 (63). С. 67–71.
30. Рахматуллин Р.Ю. Проблемы мусульманской идентичности // *Вестник ВЭГУ*. 2018. № 2 (94). С. 72–80.
31. Андрееенкова А.В. Стабильность и изменения социальных установок россиян и европейцев в 2002–2016 гг. // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 66–77.

SOCIAL IDENTITY OF SMALL BUSINESS IN RUSSIA: ESCAPE FROM POLITICAL INDIFFERENCE

E.Yu. Bikmetov,¹ T.Z. Nazarov²

¹Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

²Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

The article analyzes the process of institutionalization of small business in Russia in the context of its internal socio-political development, identifies the problems of group identity formation. The goal of the research is to reveal the content of modern dynamic contradictions between the process of institutionalization of entrepreneurship in the social structure of Russian society and the system of social relations and the specifics of its representatives awareness of their own social roles associated with various patterns of behavior and attitudes. The article is based on the results of repeated sociological research (questionnaire) conducted by the authors in 2004 and 2019. The research uses dialectical and systematic approaches, the principles of object-to-subject correlation, intersubjectivity and structural functionalism. The first study revealed that the Russian business community at an early stage of development (in the early 2000s) was a social group with a clearly formed social identity, but not unity or cohesion. This social community was not capable of consolidation, the scope of which goes beyond the limits of elementary utility, and its integration processes clearly showed little than themselves, completely without affecting public life and politics. The results of the second study, conducted 15 years later, show that the small business social core is changing its quality and becoming one of the centers of crystallization of civil society, and entrepreneurs are gradually losing their former political indifference. The dynamics of small

business social well-being in recent years has marked a new, "political" vector of their development. Understanding their social situation in the broad context of public life, entrepreneurs seek to their own conscious political existence. As the institutional development social community of entrepreneurs, it is moving less and less away from socially significant problems, and less opposes the efficiency of personal actions and aspirations in economic activity to its own political participation. This indicates a qualitative change and a certain degree of social maturity of Russian small business as a social phenomenon.

Keywords: small business, entrepreneurs, social identity, self-identity, attitudes and patterns of behaviour, political agency.

УДК 316.334.22

DOI 10.52452/18115942_2021_3_69

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ КАК УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕКАРИАТА

© 2021 г.

Г.Л. Воронин, А.Д. Крамер

Воронин Геннадий Леонидович, д.соц.н.; доц.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; ведущий научный сотрудник отдела исследований динамики социальной адаптации Института социологии ФНИСЦ РАН
voroningl@mail@mail.ru

Крамер Анастасия Дмитриевна, магистрант факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nas.kramer@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 15.03.2021**Статья принята к публикации 16.07.2021*

Исследуется феномен неформальной занятости как одного из факторов формирования прекариата в России. Проанализированы теоретические подходы к определению прекариата, неформальной занятости, а также их особенности. Проведено исследование масштабов неформальной занятости в России в 2002 – 2019 гг. на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). Научная новизна исследования заключается в том, что были рассмотрены социально-демографические показатели работников, включенных в неформальную занятость, некоторые характеристики их трудовой деятельности, такие как продолжительность рабочего дня и рабочей недели, уровень индивидуального дохода, профессиональная принадлежность, уровень образования, мобильность в отношении места работы и профессии; их социально-психологические и медицинские характеристики (удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности: работой в целом, условиями труда, заработной платой, возможностями профессионального роста и состоянием здоровья); также показатели неформально занятых сравнили с показателями формально занятых. В научный оборот вводятся новые данные по состоянию рынка труда в целом и такой его составляющей, как занятость формально не трудоустроенных работников. Надежность полученных результатов исследования обеспечивается тем, что в качестве эмпирической базы послужили результаты наблюдений на протяжении последних 18 лет за поведением на рынке труда 8376 работников, не имеющих официального трудоустройства. В этом отношении полученные результаты являются уникальными для описания и понимания прекариата, вновь нарождающейся социальной группы постсоветской России. Результаты исследования показали, что доля неформально занятых работников в формальном секторе экономики за период исследования увеличилась. Среди неформально трудоустроенных работников преобладают мужчины, жители крупных городов (областных центров). Неформально занятые работники уступают формально занятым по целому ряду социально-демографических характеристик (уровень образования, оплата труда, уровень квалификации). Отсутствие профессиональных гарантий оказывает негативное влияние на ряд трудовых, социально-психологических, медицинских показателей.

Ключевые слова: неформальная занятость, прекариат, неустойчивая занятость, формальная занятость, условия труда.

Введение

Трудовые отношения в последние десятилетия претерпели серьезные изменения. Распространение информационных и интернет-технологий, повышение автоматизации производств, дерегулирование рынков труда, снижение роли трудовых движений и профсоюзов, изменение общественных ценностей, экономические потрясения привели к тому, что на смену стандартизированной занятости пришли неустойчивые формы занятости – неполная, вторичная, неформальная и др. [1–3].

Распространение неустойчивых форм занятости приводит к возникновению нового соци-

ального класса – прекариата. Понятие «прекариат» впервые использует в своих трудах П. Бурдьё, описывая положение сезонных рабочих [4]. Концептуализировал данное явление британский социолог Г. Стэндинг, который к прекариату относит людей, лишенных некоторых гарантий, связанных с работой. Среди этих гарантий он называет: гарантии занятости, оплаты труда, охраны труда, защиты рабочего места, защита от увольнения, гарантии представительства через профсоюзы [5].

Среди других характеристик прекариата Г. Стэндинг выделял: отсутствие долгосрочных контрактов, защиты от увольнения; нестабильность рабочего места; нестабильность дохода и

структура дохода, отличающаяся от других социальных групп; отсутствие общественной поддержки (то есть гарантированных пособий и льгот от предприятия или государства). Положение прекариата характеризуется и отсутствием профессиональной идентификации, такие работники не чувствуют себя частью «солидаризованного трудового сообщества», что ведет к их маргинализации [5].

Изучением прекариата активно занимаются отечественные авторы, среди которых можно выделить О.И. Шкаратана, З.Т. Голенкову, Ю.В. Голиусову, Ж.Т. Тощенко, Р.И. Анисимова.

О.И. Шкаратан с соавторами рассматривал признаки прекариата, выделяя среди основных: отсутствие гарантий занятости; нестабильность содержания труда; нестабильность заработной платы и дохода; отсутствие «подушки безопасности»; низкую позицию во властной иерархии компании; длительность пребывания в условиях нестабильности [6].

З.Т. Голенкова и Ю.В. Голиусова считают, что прекариат состоит из людей, которые занимаются неформальной работой в формальном секторе экономике, чье положение характеризуется нестабильностью и отсутствием гарантий занятости, при этом уровень их дохода, образования и самоидентификации не имеет значения. К признакам прекаризации трудовых отношений относят: навязывание индивиду временного характера труда, лишение его свободы выбора, сдачу работника в лизинг, выведение его за штат [7].

Ж.Т. Тощенко концентрируется на теоретических подходах к определению прекариата, типах занятости прекариата, основных характеристиках данной группы занятых. К прекариату он относил часть трудоспособного населения, которая занята на временной работе; занятых неполный рабочий день и сезонными работами; безработных; стажеров и часть студенчества; работников креативных профессий; мигрантов; неформально занятых. Среди признаков прекариата называет: неустойчивое социальное положение (потеря или снижение социального статуса), отсутствие социальных гарантий, незащищенность, отсутствие перспектив устройства на постоянную работу, депрофессионализацию труда [8].

Р.И. Анисимов анализировал трудовые отношения в России, которые приобретают черты прекаризированной занятости. Он называет ряд индикаторов, которые позволяют анализировать прекаризованную занятость в России, оценить масштабы ее распространения. Среди индикаторов: наличие/отсутствие трудового договора; тип занятости (временная/постоянная); продолжительность рабочего времени; место

работы; тип взаимоотношений с работодателем. Анализ трудовых отношений по данным индикаторам показал, что в условиях прекаризированной занятости в России находятся от трети до половины всех россиян в возрасте от 15 до 72 лет [9].

При изучении прекариата особое внимание ученые уделяют неформальной занятости работников, так как данный вид занятости, как правило, связан с полным отсутствием каких-либо социальных и профессиональных гарантий. Исходя из этого, неформальную занятость можно рассматривать как основной фактор формирования и распространения прекариата в России и в мире. В рамках данной статьи представляется важным определить масштабы данного явления в России, социально-демографические характеристики неформальных работников, сравнить их положение с формально занятыми работниками.

Методология

Для определения масштабов неформальной занятости в России сначала необходимо понять, что подразумевается под таким видом занятости. Сложились два подхода к определению неформальности на рынке труда. Первый – производственный, второй – легалистский [10].

В первом случае неформальность связывают с понятием неформального сектора, которое ввел в научный оборот в 1970-х годах английский исследователь К. Харт. При определении неформально занятых работников исходят из способа организации самих предприятий, на которых они работают. Международная организация труда (МОТ) дает следующее определение неформального сектора: «неформальный сектор рассматривается как группа производственных единиц, которые <...> образуют часть сектора домашних хозяйств в качестве предприятий домашних хозяйств или, что равнозначно, некorporированных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам...» [11]. Таким образом, в соответствии с производственным подходом неформальный сектор включает в себя производственные единицы, которые осуществляют работу без официальной регистрации, или их размер ниже установленного порога (как правило, это 5–10 человек). Неформально занятыми считаются все работники, трудоустроенные на таких предприятиях.

Легалистский подход к определению неформальности связан с понятием неформальной занятости. Согласно данному подходу, при определении неформальности учитываются характер, особенности трудовых отношений на

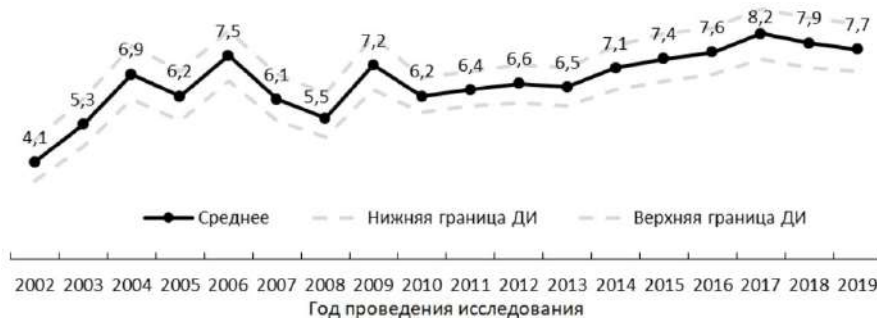


Рис. 1. Динамика изменения доли россиян, включенных в неформальную трудовую занятость (прекариат), в 2002 – 2019 гг.; %, с учетом 95% доверительного интервала (репрезентативная выборка)

конкретно определенных рабочих местах. Неформально занятый работник – это работник, чья деятельность протекает с нарушением действующих норм трудового законодательства. При этом граница между формально и неформально занятыми может определяться по-разному. Неформальная занятость может быть связана с полным отсутствием трудовых договоров между работодателями и работниками, но также и с нарушением определенных разделов трудового законодательства (например, наличие заработной платы ниже прожиточного минимума или отсутствие социальных выплат/гарантий на рабочем месте) [10].

Легалистский подход к определению неформальности можно назвать более широким, чем производственный, так как он предполагает наличие неформальной занятости не только в неформальном секторе экономики, но и в формальном. Отечественные авторы при исследовании неформальной занятости, оценке ее масштабов часто используют комплексный подход, который сочетает в себе легалистский и производственный [10; 12].

Мы будем опираться на легалистский подход к определению неформальности. Нас интересуют в первую очередь работники, которые работают без официального трудового договора в формальном секторе.

В российском законодательстве понятие «неформальная занятость» отсутствует. При сборе статистической информации Росстат руководствуется понятием неформального сектора. К занятым в неформальном секторе относятся: индивидуальные предприниматели; лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающие на индивидуальной основе без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи

или обмена. Исходя из этого, возможно подсчитать только тех, кто занят в неформальном секторе, но не тех, кто работает без трудового договора. Согласно данным Росстата за 2018 г., в неформальном секторе в России были заняты 14,5 млн человек, это около пятой части всей рабочей силы в стране (для сравнения – в 2004 г. это показатель был равен 11,3 млн) [13].

Из-за отсутствия официальной статистики для подсчета неформально занятых в России отечественные исследователи, как правило, опираются на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE). Данное исследование представляет собой общероссийский репрезентативный опрос домохозяйств и проводится один раз в год начиная с 1994 г. (за исключением 1997 и 1999 г.) [14]. Исследование неформальной занятости, проведенное в рамках данной статьи, тоже основывается на данных мониторинга за 2002 – 2019 гг., что позволяет проследить динамику распространения неформальной занятости, а также изменения в положении неформальных работников.

Результаты исследования

Согласно данным RLMS-HSE, доля россиян, занятых неформальной занятостью, в период 2002–2019 гг. в среднем варьировалась от 4,1% до 8,2%. В 2019 г. доля неформально занятых среди всех трудящихся составила 7,7% (рис.1). Темп роста доли прекариата (официально не оформленных работников) за анализируемый период в России составляет 3,78%. В ситуации отсутствия радикальных положительных изменений в социальной и экономической жизни страны к 2030 г. доля работающих граждан России, относящихся по характеру своей трудовой занятости к прекариату, может составить около 11–12% от общего числа занятых в народном хозяйстве страны. Все это не только несет серьезные риски для этих людей и их семей, но и увеличива-

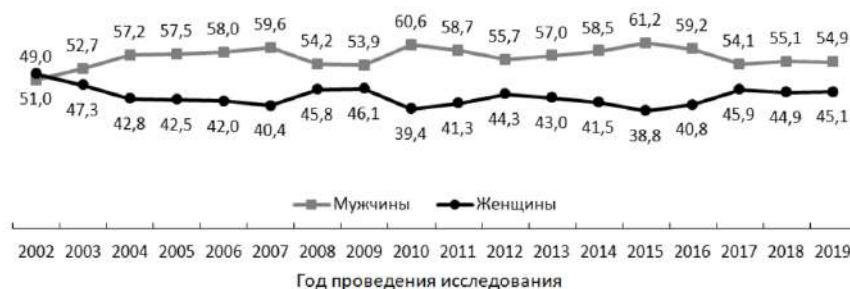


Рис. 2. Динамика изменения доли мужчин и женщин среди неформально занятых работников, 2002–2019 гг., %

ет вероятность возникновения социальных конфликтов в стране.

Данные мониторинга позволяют понять, от кого исходит инициатива не устраиваться официально на работу – от работника или работодателя. Согласно опросу, в 2019 г. в 43% случаев работодатель не хотел оформлять работника официально на работу, в 24% инициатором выступал работник, и еще в 33% решение принималось совместно работником и работодателем. Десять лет назад, в 2008 г., эти показатели были несколько другими, 57%, 22% и 21%, соответственно. Данные цифры указывают, что отсутствие официального трудоустройства зачастую не является личным выбором работников.

С точки зрения гендерной структуры среди неформально занятых больше мужчин. Если в 2002 г. доля женщин среди неформально занятых работников была 51% (максимум за исследуемый период), то в 2019 г. она сократилась до 45,1%, при этом минимума она достигла в 2015 г. – 38,8% (рис. 2). Резкое падение доли женщин, занятых в неформальном секторе, связано с экономическим кризисом 2015 г. Как правило, женщины первыми теряют работу, тем более в ситуации отсутствия трудового договора с работодателем. По данным RLMS-HSE, средний возраст неформально трудоустроенных работников за исследуемый период был меньше среднего возраста формально занятых. В 2002 г. средний возраст неформально занятого работника составлял 32,6 лет, формально трудоустроенного – 39,3 года (статистически значимые различия возраста в этих группах составляли 5–9 лет). В 2019 г. средний возраст неформально занятого уже был равен 41,3 года, а формально занятого – 42 года, и здесь статистически значимых различий не зафиксировано. К 2019 г. неформально занятый работник «постарел» практически на десятилетие, формальный работник – лишь на 2,7 года.

Анализ данных показал, что неформальная занятость больше характерна для жителей областных центров. В 2002 г. доля неофициально работающих, проживающих в областном цен-

тре, составляла 5,3% от числа всех работающих, с учетом 95% доверительного интервала этот показатель составлял от 4,4% до 6,2%. К 2019 г. этот показатель составил 9,3% (8,3% – 10,4% с учетом 95% доверительного интервала) или, другими словами, практически каждый десятый занятый в народном хозяйстве не платит налоги, не имеет страховки и социальной защиты, не может рассчитывать в старости на достойную пенсию.

Вторая позиция по производству прекариата принадлежит среднему российскому городу: в 2002 г. из всех работающих горожан доля лиц, не имеющих трудового договора, составила 2,9% (от 2 до 4%, соответственно), в 2019 г. этот показатель составил 7,5% (от 6,4 до 8,7%, соответственно).

В целом среди неофициально работающих (прекариата) в 2019 г. 54,5% (от 50,2% до 58,8% с учетом 95% доверительного интервала) составляли лица, проживающие в областных центрах, 28,6% (от 24,8% до 32,6%, соответственно) – в средних и малых городах, 4% (от 2,6% до 6,0%, соответственно) – в поселках городского типа и 12,9% (от 10,2% до 15,9%, соответственно) – в селах.

В течение всего периода наблюдения с 2002 по 2019 г. работники, не имеющие официального оформления, имели более низкий уровень образования, чем формально занятые работники. Среди неформально занятых доля тех, кто имеет неполное среднее образование, в наблюдаемый период в среднем составила 18,9%, в группе официально занятых работников этот показатель составлял 8,9%. Доля лиц с высшим образованием среди первых в период с 2002 по 2019 г. составляла 13,5%, а среди вторых – 31,9% (рис. 3). Несмотря на то что в последние годы количество неформально занятых с высшим образованием увеличилось, разрыв между двумя группами тоже увеличился, то есть уровень образования формально трудоустроенных работников растет быстрее, чем неформально занятых.

Согласно данным мониторинга, неформально занятые работники уступают формально за-

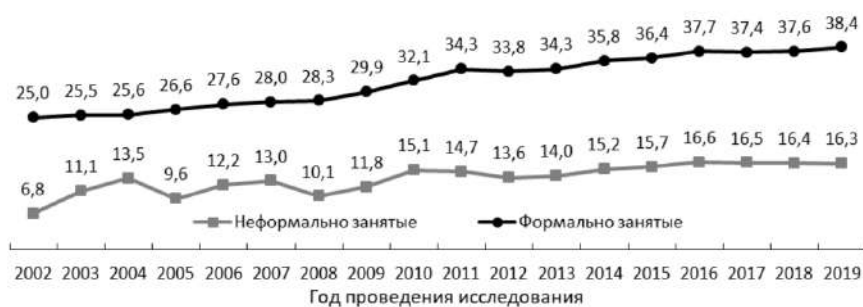


Рис. 3. Динамика изменения доли формальных и неформальных работников с высшим образованием, 2002–2019 гг., %

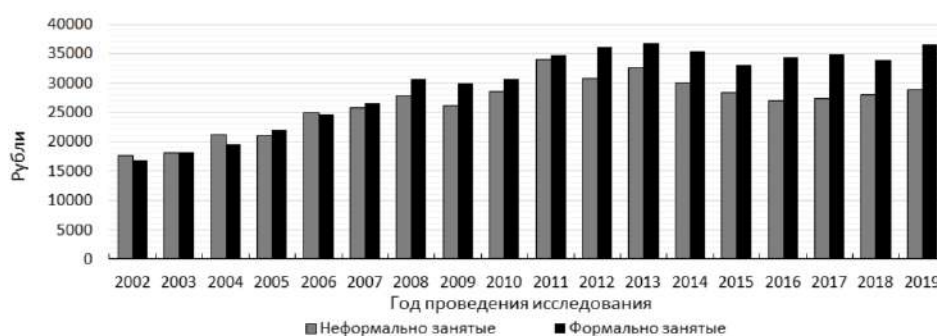


Рис. 4. Динамика изменения среднего индивидуального дохода в месяц, 2002–2019 гг., в рублях 2019 г.

нятым и по таким показателям, как доход и заработная плата. Стоит отметить, что в исследовании RLMS-HSE доход индивида включает в себя все денежные выплаты, которые человек получил за месяц, в том числе зарплату, пенсию, премии, какую-либо прибыль и др. Заработная плата – это то, что индивид получил за месяц по своему основному месту работы.

За 2002–2019 гг. доход неформально занятых в среднем был меньше дохода формально трудоустроенных на 3,2 тысячи рублей (в руб. 2019 г.), или на 10,7%. При рассмотрении изменений в динамике видим, что в начале 2000-х доходы обеих групп постоянно росли и были примерно одинаковыми (доходы неформально занятых работников даже были чуть больше). Однако ситуация начала меняться в конце первого десятилетия XXI века – средний доход формально занятого стал больше дохода неформально занятого, и за последнее десятилетие разрыв между двумя группами значительно увеличился. В 2019 г. средний доход неформально трудоустроенного работника был меньше на 7,8 тысячи (или 21,3%) (рис. 4). Достаточно информативной статистикой, позволяющей сравнить доходы разных категорий работников, является медианный доход: в группе не имеющих официального трудоустройства он составлял в 2019 г. 25000 руб., а в группе официально трудоустроенных – 30000 руб.

Если сравнивать две группы по уровню заработной платы, разрыв в среднем за весь период обследования был чуть меньше – 2,4 тысячи рублей, или 10,5%. Однако в остальном уровень заработной платы двух групп менялся так же, как и уровень их доходов, – рост и относительное равенство зарплат в период 2002 – 2011 гг., затем рост заработной платы формально занятых работников и стагнация зарплат неформально трудоустроенных. Например, в 2007 г. средняя заработная плата неформально и формально занятых работников составляла примерно 24 тысячи рублей, в 2019 г. средняя зарплата неформально занятого так и осталась на уровне 24 тысяч, а вот зарплата формально занятого выросла до 31 тысячи рублей (в среднем в 2019 г. зарплата формально занятого работника была на 22% выше).

Перейдем к рассмотрению трудовых показателей неформально и формально занятых работников. Данные RLMS-HSE позволяют рассмотреть, к какой профессиональной группе относится работник. В соответствии с данными за 2019 г. среди неформально занятых преобладают работники сферы торговли и услуг, рабочие, занятые ручным трудом. Они составляют половину всех неформальных работников. Среди формально занятых работников больше всего специалистов среднего и высшего уровня квалификации (табл. 1).

Таблица 1

Принадлежность к профессиональной группе, 2019 г., %

Профессиональная группа	Доля лиц, принадлежащих к профессиональной группе	
	Формально занятые	Неформально занятые
Военнослужащие	0.7	0
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	6.7	2.3
Специалисты высшего уровня квалификации	19.9	4.2
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	21.8	11.7
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	6.1	3.7
Работники сферы торговли и услуг	15.1	30.4
Квалифицированные работники сельского, лесного хоз-ва и рыбоводства	0.1	0
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	11.2	20.6
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	12.3	13.1
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	6.1	14.0



Рис. 5. Динамика изменения продолжительности рабочей недели неформально и формально занятых работников, 2002–2019 гг., %

Исследование RLMS-HSE содержит вопрос и о том, в какой отрасли работает респондент, в вопроснике 2019 г. предлагался выбор из 32 отраслей. Наиболее популярными отраслями для официально не трудоустроенных работников были торговля, бытовое обслуживание (43.7%); транспорт, связь (13.0%); строительство (11.5%). Для официально трудоустроенных работников – торговля, бытовое обслуживание (17.3%); образование (12.5%); транспорт, связь (8.7%); здравоохранение (8.4%).

Отсутствие профессиональных гарантий оказывает влияние на продолжительность рабочего дня и рабочей недели работника. По данным мониторинга, средняя продолжительность рабочего дня формально трудоустроенного работника в 2002–2019 гг. варьировалась от 9.3 до 9.6 часа, тогда как неформально занятые работники (прекариат) работают дольше – от 9.7 до 10.3 часа в день. С учетом 95% доверительного интервала в анализируемый период статистически значимое различие в продолжительности

рабочего дня прекариата и официально оформленных работников в среднем составляет от 35 до 45 минут.

При рассмотрении продолжительности рабочей недели различия еще более заметны. Продолжительность рабочей недели у формально занятых работников составляла 43 часа, у неформально занятых она варьировалась от 46 до 49 часов (рис. 5). Соответственно, в неделю общая продолжительность работы прекариата превышала эти показатели официально оформленных работников от 4.3 до 5.1 часа.

Различия между двумя группами работников видны и при рассмотрении такого показателя, как задолженность по заработной плате. В начале 2000-х большой процент как формально, так и неформально занятых работников сталкивались с задолженностями по зарплате. В период 2002–2007 гг. от 6 до 22% формально и от 11 до 19% неформально занятых работников говорили о задолженности со стороны работодателей. В последующие годы этот показатель



Рис. 6. Динамика изменения доли неформально и формально занятых работников, сменивших место работы/профессию/то и другое за прошедший год, 2002–2019 гг., %

Таблица 2

Уровень удовлетворенности различными аспектами трудовой деятельности формально и неформально занятых работников, 2002–2019 гг., %

Год исследования	Аспекты трудовой деятельности							
	Работа в целом		Условия труда		Оплата труда		Возможности проф. роста	
	Неф. работ.	Фор. работ.	Неф. работ.	Фор. работ.	Неф. работ.	Фор. работ.	Неф. работ.	Фор. работ.
2002	42	52	37	47	26	21	19	37
2003	38	45	36	43	24	19	24	35
2004	37	47	36	44	24	20	23	32
2005	40	49	36	45	27	21	26	34
2006	49	56	45	53	31	27	31	40
2007	48	60	45	57	32	29	30	43
2008	47	63	47	61	32	33	28	45
2009	49	65	51	63	31	31	27	50
2010	49	66	46	62	32	32	30	45
2011	49	68	47	66	31	35	31	49
2012	51	68	50	65	31	37	30	50
2013	55	68	53	65	34	37	36	49
2014	52	69	50	68	31	39	32	53
2015	48	67	48	66	28	36	33	51
2016	49	70	50	68	27	36	32	52
2017	54	69	52	67	31	36	33	52
2018	57	71	58	69	31	39	39	52
2019	56	71	61	71	31	37	41	55

сильно снизился для формально трудоустроенных работников и в 2019 г. был равен 2%. У неформально занятых работников этот показатель тоже снизился, в 2019 г. до 5%.

Отсутствие официального устройства оказывает влияние на то, как часто работник меняет место работы или даже профессию. Данные RLMS-HSE показывают, что за исследуемый период 27–55% официально не трудоустроенных работников в течение года меняли место работы или профессию, или и то, и другое вместе, среди формально занятых данный показатель равен 12–19% (рис. 6). Количество неформальных работников, сменивших свою трудовую деятельность в 2019 г., сократилось вдвое по сравнению с 2002 г. Это может свидетельствовать о том, что все больше работников рас-

сматривают неформальную занятость как основной вид деятельности, которым они планируют заниматься в долгосрочной перспективе, а не как временную занятость, подработку и т.д.

Особое внимание следует уделить социально-психологическому самочувствию неформально занятых работников и другим субъективным характеристикам. Данные RLMS-HSE дают нам представления, как работники оценивают свою рабочую деятельность, насколько они удовлетворены различными ее аспектами. Был рассмотрен уровень удовлетворенности условиями труда, оплатой труда, работой в целом, а также возможностями профессионального роста.

Анализ данных показывает (см. табл. 2), что неформально занятые работники менее удовле-

творены всеми рассмотренными аспектами труда. О удовлетворенности своей работой в 2002–2019 гг. говорили 37–57% неформально и 45–71% формально занятых работников. Удовлетворительные условия труда имели 36–61% неформально и 43–71% формально занятых работников. Обе группы работников показывали низкие показатели удовлетворенности оплатой труда – 24–34% против 19–39%, соответственно. Стоит отметить, что уровень удовлетворенности заработной платой формально трудоустроенных работников за 18 лет исследований значительно вырос, у неформально занятых рост был менее заметным. Возможностями профессионального роста были удовлетворены 19–41% неформально и 32–55% формально занятых работников. В целом за рассмотренный период удовлетворенность всеми аспектами трудовой деятельности выросла в обеих группах. За 18 лет наблюдения средний темп прироста уровня удовлетворенности работой в целом неофициально работающих составил 0.85%, в группе официально оформленных – 0.92%. Такие темпы прироста правомерно считать неудовлетворительными.

Отсутствие трудовых гарантий оказывает влияние на такой показатель, как уровень доверия руководству предприятия или организации. Анализ данных свидетельствует, что официально трудоустроенные работники в большей степени доверяют своим руководителям. В 2012 – 2019 гг. от 67 до 73% формально занятых доверяли своему руководству и от 8 до 12% не доверяли; среди официально не трудоустроенных работников показатели были от 51 до 66% и от 9 до 19%, соответственно. Отметим, что именно в 2019 г. уровень доверия достиг максимума в обеих группах рабочих.

Анализ данных RLMS-HSE показывает, что формально трудоустроенных работников больше беспокоит возможная потеря работы, чем неформально занятых. В 2002 – 2019 гг. о том, что их беспокоит потеря работы, говорили от 52 до 66% формально занятых и от 42 до 61% неформально занятых работников. В целом в обеих группах прослеживается высокий уровень обеспокоенности, когда речь заходит о потере работы, значительный рост данного показателя произошел после кризиса 2014–2015 гг. На вопрос: уверены ли респонденты, что в случае потери работы они смогут найти новую работу – неформально занятые работники значительно чаще давали положительный ответ – 45–61% (в 2002–2019 гг.) против 35–45% у формально трудоустроенных.

Неформально занятые работники в среднем чаще высказывали мнение о том, что они и их

семьи в будущем будут жить лучше, чем сейчас. В среднем за 2002–2019 гг. 43% неформально трудоустроенных работников соглашались с данным мнением и только 34% формально занятых работников. За весь же период исследования 27–54% неформально занятых говорили, что в будущем они будут жить лучше, и 28–40% формально занятых работников. Следует отметить, что хотя большой разрыв по данному показателю между двумя группами сохранялся почти на протяжении всего периода исследования, в 2017–2019 гг. их показатели сравнялись, и только около трети формально и неформально трудоустроенных работников смотрели в будущее с оптимизмом.

Важными субъективными показателями положения человека являются уровень удовлетворенности жизнью и материальным положением. Анализ данных показывает, что обе группы трудящихся имеют высокий уровень неудовлетворенности своим материальным положением. Среди неофициально работающих 58–71% респондентов в 2002–2019 гг. говорили о неудовлетворенности материальным положением и лишь 14–22% (в среднем 16% за весь период исследования) оценивали свое материальное положение как удовлетворительное. В тот же период 53–70% формально занятых работников были не удовлетворены своим материальным положением, а 14–26% удовлетворены.

При анализе удовлетворенности жизнью видно, что неформально занятые работники меньше удовлетворены жизнью (рис. 7). В 2002–2019 гг. об удовлетворенности жизнью говорили 28–46% неформально занятых работников, в 2019 г. данный показатель достиг максимума за весь период исследования. Доля официально трудоустроенных работников, удовлетворенных своей жизнью, варьировалась от 34 до 60%, тоже достигнув максимума в 2019 г.

Нами был проанализирован ряд объективных и субъективных показателей здоровья формально и неформально трудоустроенных работников. В первую очередь нас интересовало, как свое здоровье оценивают сами работающие. Анализ данных показал, что от 34 до 46% неформально занятых и от 31 до 47% формально занятых оценивали свое здоровье как «хорошее». Большинство неформально (51–62%) и формально (50–62%) занятых работников в 2002–2019 гг. оценивали свое здоровье как «среднее». О плохом самочувствии говорили 2–7% неформально и 3–7% формально трудоустроенных работников. Таким образом, можно говорить о том, что наличие или отсутствие трудового договора не оказывает влияния на самооценку здоровья работника. В 2002–2019 гг.

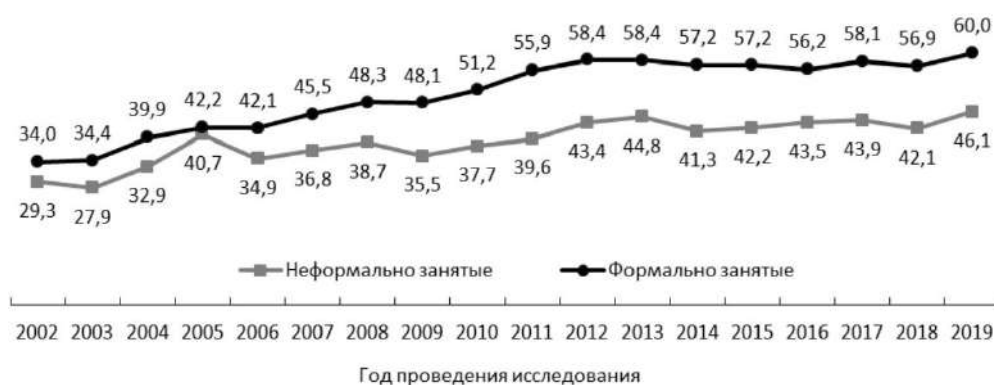


Рис. 7. Динамика изменения доли лиц, удовлетворённых своей жизнью, 2002–2019 гг., %

на вопрос о том, были ли у респондентов какие-либо проблемы со здоровьем в последние 30 дней, примерно одинаковое количество неформально и формально занятых работников отвечали положительно – 26–35% и 23–35% соответственно.

Отсутствие формального трудоустройства оказывает влияние на такие показатели, как частота посещения доктора и пропуск рабочих дней по болезни. Неофициально работающие гораздо реже посещают врачей. В период с 2004 по 2019 г. врача несколько раз в месяц посещали менее 2% неформально и формально трудоустроенных; один раз в месяц – 2–5% неформально и 4–6% формально занятых работников; 2–3 раза в год – 19–30% неформально и 31–41% формально трудоустроенных работников; раз в год врача посещали 16–26% неформально и 27–31% формально занятых работников; реже раза в год – 42–57% неформально и 24–36% формально трудоустроенных. Неформально занятые работники и реже пропускают работу по причине болезни – 12–18% против 17–24% у формально занятых (в 2011–2019 гг.). Учитывая, что обе группы работников говорят об одинаковом уровне здоровья, такие различия в посещении врачей, медицинских учреждений могут объясняться только отсутствием профессиональных гарантий, возможностью взять «больничный». Очевидно, что, если неформально трудоустроенный работник не может обратиться за медицинской помощью тогда, когда она необходима, из-за страха потерять работу, недополучить определенную сумму дохода, невозможности отпроситься с работы, это может негативно сказаться на его здоровье в будущем.

Заключение

Проанализировав социально-демографические, социально-психологические, трудовые, медицинские характеристики неформально и формально трудоустроенных работников можно

констатировать, что отсутствие профессиональных гарантий трудоустройства оказывает значительное влияние на жизнедеятельность человека. Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) свидетельствуют, что неформально занятые работники уступают формально занятым по целому ряду важных социально-демографических показателей. Уровень образования неформально трудоустроенных работников значительно ниже. Вследствие этого их доход и заработная плата тоже ниже, они вынуждены заниматься менее квалифицированным трудом, при этом продолжительность их трудовой недели значительно дольше. Отсутствие профессиональных гарантий оказывает негативное влияние на удовлетворенность трудовой деятельностью. Как показывают данные, неформально занятые работники меньше формально занятых боятся потерять работу или иметь проблемы с поиском новой. Это может свидетельствовать о том, что неофициально трудоустроенные работники больше привыкли к ситуациям неустойчивости и нестабильности на рынке труда их пугает меньше, чем формально занятых. В целом же подтверждается гипотеза, высказанная З. Бауманом в своей последней книге, о том, что «рынок труда стал тонким, как газовая ткань, и хрупким, как фарфор» [15].

В целом ситуация на рынке труда России крайне нестабильная и любые, даже незначительные, экономические флуктуации способны спровоцировать негативные изменения на рынке труда. Помимо роста прекариата такое развитие событий неуклонно приведет к росту так называемых «работающих бедных», все это с прибавлением последствий пандемии не может не способствовать увеличению социальной напряженности в обществе. В свете сказанного, дальнейшие исследования прекариата и смежных с ним социальных групп прежде всего должны быть сосредоточены на поиске факторов снятия социальной напряженности в сфере трудовых отношений.

Исследование показало, что доля неформально занятых работников среди всех работников формального сектора в 2002 – 2019 гг. медленно, но неуклонно возрастает и нет причин предполагать, что данное явление в ближайшее время исчезнет или пойдет на спад, а значит, неформальная занятость будет по-прежнему играть важную роль в формировании прекариата в России.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
2. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // *American Sociological Review*. 2009. 74 (1). P. 1–22. URL: <https://www.researchgate.net/publication/242208046> (дата обращения: 30.06.2020).
4. Bourdieu P. Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nowadays) // *Contre-feux*. Paris, 1998. P. 96–102.
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
6. Прекариат: становление нового класса: Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
7. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новая группа наёмных работников // *Уровень жизни населения регионов России*. 2015. №1 (195). С. 47–57.
8. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // *Социологические исследования*. 2015. № 12. С. 99–110.
9. Анисимов Р.И. Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // *Социологические исследования*. 2019. № 9. С. 64–72.
10. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 56 с.
11. Резолюция о статистике занятости в неформальном секторе, принятая 15-й Международной конференцией статистиков труда. 1993. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_234473.pdf (дата обращения: 02.03.2021).
12. Карабчук Т.С., Никитина М.В. Динамика и структура случайной и неформальной занятости в России // *Вестник РМЭЗ – НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)*. 2011. № 1. С. 97–109.
13. Труд и занятость в России. 2019 / Росстат. 2019. С. 39. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf (дата обращения: 02.03.2021).
14. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>). (дата обращения: 02.03.2021).
15. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / Пер. с англ. А.И. Самарин; Науч. ред. Т.Н. Раков. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. С. 241.

INFORMAL EMPLOYMENT IN RUSSIA AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF THE PRECARIAT

G.L. Voronin, A.D. Kramer

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article examines the phenomenon of informal employment as one of the factors in the formation of the precariat in Russia. Theoretical approaches to the definition of precariat and informal employment, as well as their features, were analyzed. A study was conducted of the scale of informal employment in Russia in the period from 2002 to 2019 based on data from «The Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics (RLMS-HSE)». The study examined the socio-demographic indicators of workers employed in informal employment, as well as some characteristics of their labor activity, their socio-psychological and medical characteristics. The results of the study showed that the share of informally employed workers in the formal sector of the economy increased over the period of the study. Among informally employed workers there are more men and residents of large cities (regional centers). Informally employed workers show lower results on a number of socio-demographic characteristics (level of education, wages, qualifications level). The lack of professional guarantees has a negative impact on a number of labor, socio-psychological and medical indicators.

Keywords: informal employment, precariat, precarious employment, formal employment, working conditions.

УДК 316.1

DOI 10.52452/18115942_2021_3_79

СОЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ ПРОЕКТЫ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВИДЫ МОЛОДЕЖНОГО УЧАСТИЯ

© 2021 г.

М.В. Певная, Д.В. Минченко, Н.А. Чусовитин

Певная Мария Владимировна, д.соц.н.; доц.; заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
m.v.pevnaya@urfu.ru

Минченко Дарья Вячеславовна, студентка Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
minchenkodarya@yandex.ru

Чусовитин Никита Андреевич, студент Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
nikita082001@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 20.05.2021**Статья принята к публикации 29.07.2021*

Статья посвящена социальным проектам, выделенным молодежью Свердловской области как лучшие городские практики при участии добровольных помощников. Актуальность изучения данной темы обусловлена расширением применения проектной технологии во всех сферах общественной жизни, а также массовой вовлеченностью молодежи в благотворительность и волонтерские движения в целом. Цель данной статьи – охарактеризовать лучшие, по мнению молодых людей и девушек Среднего Урала, социально значимые проекты, выявить специфику молодежного участия в них. На основе социологического опроса молодежи в возрасте от 14 до 24 лет ($n=1105$ чел., статья базируется на данных подвыборки, $n=537$), проведенного летом–осенью 2020 г., выявлены направления реализации городских проектов, описаны целевые аудитории. Определены источники информирования волонтеров о лучших социальных проектах, характер молодежного участия в этих городских практиках. Наиболее привлекательными для молодежи оказываются массовые, акционные (краткосрочные) социальные проекты по социальному и патриотическому направлению. По результатам исследования было установлено, что чаще всего молодежь получает информацию о социальных проектах благодаря среде образовательных учреждений и инициативам педагогов. Менее результативно по вовлечению молодежи в социальные проекты их ближайшее окружение и профессиональное сообщество организаторов социальной активности. В социальных проектах молодые люди и девушки могут реализовывать разные типы участия: проактивное, активное и пассивное. Именно в школе происходит массовое вовлечение молодежи в социальные проекты, где пассивное участие становится первой стадией вовлечения молодых людей и девушек, на которой они получают первый опыт участия, информацию о самой проектной деятельности и тех возможностях, которые открываются для молодежи. Уровень вовлеченности молодых людей и девушек в социальные проекты не формирует у них ответственное отношение за то, что происходит там, где они живут. Чем выше уровень вовлеченности в социальный проект, определяющий тип выделенного в исследовании молодежного участия, тем больше вероятность того, что молодые люди и девушки будут продолжать волонтерскую деятельность на этих же ролевых позициях в будущих социальных проектах.

Ключевые слова: молодежь, волонтерство, добровольческая деятельность, управление социальным участием, социальные проекты.

Введение

Социальные проекты в качестве организационной формы общественной активности становятся в России все популярнее. Проектное управление активно внедряется во все сферы общественной жизни. Только Фондом Президентских грантов с апреля 2017 г. по июнь 2020 г. было поддержано 14 977 проектов на общую сумму 30.9 млрд рублей [1].

Проектное управление массово внедряется в реализацию молодежной политики. По итогам

2020 года по таким направлениям, как «Вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность» и «Развитие молодежного самоуправления», было поддержано 6 446 проектов на сумму 251 млн рублей; 8 млн молодых людей и девушек было привлечено к участию в поддержанных проектах по данным направлениям [2].

Идеи молодежной политики, которые отражены в новом законе о молодежи, широко обсуждаются экспертным сообществом и исследователями социологии. Молодежная политика в федеральном законе определяется как «комплекс мер

нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, <... > и направленных на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности РФ» [3]. В свою очередь, ФАДМ (Росмолодежь) определяет, что целями направления «Вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность» являются «создание механизмов продвижения и популяризации *ценностей и практики добровольчества в обществе*, а также *вовлечение молодежи* в федеральные, региональные и вузовские *добровольческие мероприятия* через участие в программах направления» [4]. Выделяемые государством ресурсы и заданный молодежной политике вектор обусловили постановку исследовательских вопросов: насколько эффективны данные проекты с позиции вложения государственных средств в продвижение определенных идей, формирование молодежного сознания, социально ожидаемых паттернов поведения российской молодежи? Какие ценности и практики добровольчества продвигаются и популяризируются?

Таким образом, цель данной статьи – охарактеризовать лучшие, по мнению молодых людей и девушек Среднего Урала, социально значимые проекты, выявить специфику молодежного участия в них.

Обзор теоретических идей по участию молодежи в городских социальных проектах

Социологи отмечают, что российскую молодежь отличают от других поколений ценность здорового образа жизни [5], творческий потенциал [6], равнодушное отношение к правам человека, сочувствие нуждающимся в помощи; отношение к стране как месту проживания; толерантность, открытость ко всему иностранному и рационализм [7]. С одной стороны, молодые люди и девушки хотят быть оригинальными, отличаться от других, с другой стороны, они стремятся к объединению со сверстниками и жить насыщенной жизнью [8]. Социологи фиксируют разрыв желаемого и доступного, предпочтений и возможностей молодежи, которые приводят к рискам социальных и внутренних конфликтов, противоречивости выбора, смешению социальных ценностей, установок, целей и практик [5].

Молодые люди и девушки достаточно активно участвуют в различных формах социального обмена, хотя регулярные практики социальной поддержки и благотворительности ещё не нашли массового распространения. Тем не менее ориентация на включённость в социальные обмены среди миллениалов очень высока [9].

В России продолжают доминировать жесткие механизмы управления транзитом молодежи, а молодежные проекты в некоммерческом секторе изначально ориентированы на массовость и разовое участие. Дальнейшие перспективы социального участия и системной социально значимой деятельности не просматриваются [10]. Организационные формы работы с молодежью на сетевой основе с сильной кураторской поддержкой продолжают оцениваться как устойчивые и наиболее эффективные [11]. В последние годы происходит централизация в реализации проектов, нацеленная на объединение проактивной молодежи и их вовлечение в крупномасштабные общероссийские проекты и программы, форумные кампании различного уровня [12]. Однако такая «заорганизованность» молодежной активности приводит к эффектам «обратного» влияния социального давления на возможности «нормативного» социального самоопределения и феномену «бегства от свободы» [13]. В целом проблемы социализации молодежи, в том числе ее социального участия и формирования социокультурной идентичности, становятся основными теоретическими вопросами, связанными с реализацией государственной молодежной политики [14].

Социальное участие молодежи определяется как взаимодействие индивидов, социальных групп и сообществ в рамках некоммерческих организаций, различных ассоциаций, формальных и неформальных объединений. Если оценивать социальное участие с позиции актора, его мотивации, намерений и опыта, участие может быть следствием внешнего принуждения и инициативной практикой. По степени вовлеченности человека в проект и по характеру его деятельности, активности во взаимодействии с другими участниками молодежное участие может быть пассивным и активным. Пассивное и активное социальное участие также различается по содержанию, интенсивности и регулярности действий в различных практиках. Качество организационной среды и условия вовлечения определяют по интенсивности еще два вида участия: разовое и регулярное. По локализации общественной инициативы участие молодежи может быть неформализованным, базирующимся на самоорганизации людей, либо институционализированным, закрепленным в конкретной

структуре, организации, учреждении, оформленном движении. По характеристикам организованности процессов взаимодействия, по степени самостоятельности субъекта и природы его выбора в отношении конкретной практики можно выделить автономное и мобилизационное участие [15]. В организации молодежного участия важным аспектом является характер взаимодействия организаторов и молодых добровольцев. Исследователи выделяют пять уровней участия, где на первом уровне организаторы слушают молодежь, на втором уровне им оказывается поддержка в выражении своих взглядов, на третьем молодежи оказывается поддержка в выражении своих взглядов и при этом учитываются их мнения в проекте. На четвертом уровне молодежь является вовлеченной в процесс принятия решений, на последнем – власть и ответственность за принятие решений разделяется между организаторами и молодыми участниками [16].

Международный опыт создания условий для молодежного волонтерского участия, в том числе детско-юношеского, показывает, что «с одной стороны, организаторы обеспечивают подрастающему поколению максимально комфортные условия для жизни, взросления, всестороннего развития личности и раскрытия своих способностей. С другой стороны, должны стать условием формирования у них ответственного отношения к себе, своей семье, социальному окружению и обществу в целом» [17, с. 37].

Вторичный анализ научных подходов к изучению социального участия молодежи и организации молодежных проектов позволил сделать следующие предположения. Во-первых, суть проектов, которые видятся привлекательными и результативными для самой молодежи, могут и должны учитывать идеологию и цели реализуемой молодежной политики, достигая определенных результатов. Во-вторых, участие молодежи в выделенных социальных проектах, мероприятиях и акциях может (должно) коррелировать с чувством ответственности молодых людей и девушек за то, что происходит в их городе (селе, поселке), а сами проекты каким-либо образом менять качество социального участия молодежи.

Данные и методы

Опрос молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет проводился методом анкетирования по стандартизированному бланку опроса ($N=1105$, тип выборки – квотная, ошибка не более 3.5%) в период с 15.08.2020 г. по 15.10.2020 г. В основе выборки следующие

квоты: половозрастная структура молодежи; образование (в зависимости от уровня – школа, ссуз, вуз); тип города по численности населения. Расчет выборочной совокупности произведен в соответствии с данными официальной статистики (см.: Население / Управление Федеральной службы Государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Екатеринбург [Электронный ресурс]. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 11.05.2021). Свердловская область), данными Стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года (см.: Правительство Свердловской области. Об утверждении Стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года: постановление Правительства Свердловской области от 07.11.2019 года № 761-ПП / Свердловская область [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 11.05.2021)), результатами Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего и среднего специального образования (Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. Москва [Электронный ресурс]. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 12.05.2021)); Мониторинг эффективности деятельности организаций среднего профессионального образования. Москва [Электронный ресурс]. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_spo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 12.05.2021)). В выборку включены 47% юношей и 53% девушек; обучающихся образовательных организаций общего образования опрошено 40%, студентов колледжей и техникумов – 29%, студентов вузов приняло участие в исследовании 31%. Анкета была создана в SurveyMonkey и распространялась по социальным сетям. За весь период проведения опроса было собрано 1810 анкет респондентов в возрасте от 14 до 24 лет из 81 муниципального образования региона. На втором этапе выборка была скорректирована в соответствии с квотами. В данной статье анализируется подвыборка тех респондентов ($N=537$), кто положительно ответил на вопрос: «Можете ли Вы вспомнить лучший, самый интересный, по Вашему мнению, волонтерский проект или социальную акцию, в которой Вы принимали участие?» – и смог дать ответы на целый блок вопросов, затрагивающий управленческие аспекты организации социального участия молодежи как волонтеров в городских социальных проектах. В данной подвыборке оказались 60%

Таблица 1

Направления реализации лучших социальных проектов, по мнению молодых волонтеров Свердловской области

Направление	N	%
Социальное	209	39
Патриотическое	111	21
Спортивное	61	11
Экологическое	48	9
Культурное	45	8
Образовательное	35	7
Медицинское	28	5
Всего	537	100

Таблица 2

Целевые аудитории лучших социальных проектов, по мнению молодых волонтеров Свердловской области

Целевые аудитории выделенных проектов	N	%
Горожане	146	27
Ветераны ВОВ	106	20
Спортсмены, болельщики	62	11
Пожилые люди	41	8
Дети	39	7
Нуждающиеся граждане	37	7
Деятели и ценители искусства	36	7
Животные	24	4
Молодежь	18	4
Волонтеры	15	3
Люди с ОВЗ	13	2
Всего	537	100

девушек и 40% юношей. Среди них 38% студентов вузов, 26% студентов колледжей и 36% старшеклассников. В ходе статистического анализа реализованы процедуры корреляционного анализа.

Результаты исследования

О социальных проектах, которые молодежь Свердловской области считает лучшими

Отвечая на открытый вопрос о лучшем, по их мнению, проекте, 49% от числа всех респондентов опроса отметили в анкете название конкретного запомнившегося им социального проекта. В результате качественной обработки данных открытого вопроса все названия проектов были сгруппированы и классифицированы по основным направлениям их реализации (см. табл. 1).

Большинство выделенных респондентами в качестве лучших и привлекательных проектов реализуется по социальному направлению (39%). К проектам социального направления были отнесены такие акции, как «Добро в село», «Подарок на день пожилого человека», «День трезвости». На втором месте оказались проекты патриотического направления (21%). Среди мероприятий и проектов данного направления можно выделить такие, как «Мы помним», «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти». Важно отметить, что чаще всего (практически каждый второй) респонденты отмечали

в рамках данного направления общероссийский проект «Бессмертный полк». Третье место заняли проекты спортивного направления (11%). Самыми популярным и запоминающимися для молодых волонтеров стали «Чемпионат мира по футболу–2018» и «День физкультурника». Результаты опроса показали, что менее запоминающимися для самой молодежи проекты реализовывались в рамках экологического, культурного, образовательного и медицинского направлений. К экологическим проектам, реализующимся для всех горожан, были отнесены «Дубфест», «ЭкоБум», «Чистый берег» и др. К культурным и образовательным – «Ural Music Night», «Таврида-Арт», «WorldSkills» и т.п.

Открытый вопрос позволил определить и ключевые аудитории реципиентов (благополучателей), с целью поддержки которых были организованы социальные проекты с участием молодых волонтеров Свердловской области (см. табл. 2).

Отмеченные молодежью городские проекты зачастую направлены на всех горожан (27%). На втором месте по популярности оказались патриотические проекты, в которых молодежь помогала ветеранам. Практически в каждом десятом случае (11%) целевой группой социальных проектов являлись спортсмены и болельщики спортивных событий. На четвертом месте оказались социальные проекты, где целевой аудиторией были пожилые люди.

Таблица 3

**Источники информирования молодежи
о лучших социальных проектах**

Источник информирования о реализации социального проекта	N	%
Учитель, преподаватель	232	45
Интернет, социальные сети	74	22
Друзья, знакомые, коллеги	110	14
Организаторы проекта, волонтерские центры	26	5
Сотрудник библиотеки, музея	23	4
Родители	23	4
ТВ, радио	13	3
Тренер спортивной секции	13	3
Всего	512	100

Каналы информирования молодых граждан о реализации того или иного значимого проекта при участии помощников могут быть различны. Ответы опрошенных молодых людей и девушек на вопрос: «Вспомните, пожалуйста, откуда Вы узнали об этом проекте или акции?» – позволили условно разделить эти каналы на три ареала социального взаимодействия молодых волонтеров Свердловской области. В первый ближайший круг взаимодействия вошли члены семьи, родители, друзья, приятели. К кругу с социальной дистанцией шире можно отнести учителей, преподавателей образовательных учреждений, которые посещают добровольцы, тренеров спортивных секций. В третий круг по частоте и близости возможной коммуникации в повседневной жизни вошли работники музеев, библиотек, больниц. На вопрос ответили 512 (95%) респондентов анализируемой группы (см. табл. 3).

Основным источником информирования о реализации городских социальных практик при участии молодых людей и девушек области в качестве волонтеров является именно учитель, преподаватель образовательной организации (45%). Почти в каждом пятом случае (22%) информацию о социальном проекте, в котором можно было принять участие в качестве добровольного помощника, молодые люди и девушки получали благодаря социальным сетям. Друзья и знакомые рассказывали о социальных проектах и возможностях социального участия в них в 14% случаев. Таким образом, первый ближайший круг в целом существенно уступает по показателям распространения информации о социальных проектах для молодежи школе, колледжу и вузам. Менее значимыми источниками информации оказываются и специалисты – организаторы социальных проектов из различных сфер и организаций.

В любых проектах важное место занимает организационная коммуникация, в том числе особенности взаимодействия сотрудников или организаторов социальных практик с добровольными помощниками. Чтобы понять специ-

фику этой коммуникации в лучших социальных проектах, респондентам был задан вопрос: «Как бы Вы оценили характер работы с добровольцами в том проекте, в котором Вы участвовали?» 42% респондентов отметили, что организаторы выделенных самой молодежью проектов всегда прислушивались к мнению волонтеров. Почти в каждом пятом проекте (22%) добровольцы подчеркивали организаторскую поддержку при выражении своих взглядов; 16% ответивших отметили учет организаторами мероприятий, акций взглядов волонтеров. Каждый десятый проект характеризуется тем, что добровольцы непосредственно участвуют в принятии решений (9%) или разделяют с руководителями проектов всю полноту власти и ответственности (10%).

О видах молодежного участия в лучших городских социальных проектах

Участие молодежи в выделенных социально значимых проектах условно можно разделить на разные типы в зависимости от той функциональной роли, которую выполняет молодой человек или девушка в качестве волонтера. Ответы респондентов на вопрос: «Что конкретно Вы делали в социальном проекте, который Вам действительно запомнился?» – позволили выделить три типа участия в социальных проектах, а именно проактивное, включающее в себя респондентов, выполнявших роли волонтеров-организаторов (лидеров), активное, в рамках которого молодежь выступала в роли непосредственных участников, и пассивное – стороннее наблюдение добровольцев за ходом реализации проекта (см. табл. 4).

В соответствии с результатами опроса почти половина молодых уральцев (49%) принимали участие в выделенных мероприятиях в качестве организаторов и волонтеров. При этом 22% от числа всех респондентов являлись непосредственными участниками этих социальных проектов и выступали в роли только добровольных помощников, 29% молодых людей и девушек

Таблица 4

**Типы участия молодежи в городских социальных проектах,
% от числа ответивших**

Типы участия	Количество волонтеров, чел.	Количество волонтеров, %
Проактивное	250	49
Активное	111	22
Пассивное	149	29
Всего	510	100

Таблица 5

**Возрастные характеристики респондентов в соответствии с типами
их участия в выделенных проектах, % от числа ответивших в подгруппах**

Возрастная группа	Тип участия волонтеров в проектах					
	Проактивное		Активное		Пассивное	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 15	26	10	12	11	27	18
16–17	60	24	28	25	37	25
18–19	45	18	18	16	20	13
20–24	119	48	53	48	65	44

Таблица 6

**Уровень образования респондентов в соответствии с типами их участия
в выделенных проектах, % от числа ответивших в подгруппах**

Уровень образования	Тип участия волонтеров в проектах					
	Проактивное		Активное		Пассивное	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высшее	105	42	40	36	48	32
Среднее профессиональное	64	26	34	31	37	25
Общее	81	32	37	33	64	43

просто были вовлечены в социальные проекты как наблюдатели.

Рассмотрим социально-демографические характеристики волонтеров в соответствии с типами их участия. Респондентам был задан вопрос: «Ваш возраст?» На закрытый вопрос ответили 95% от числа всех респондентов анализируемой группы (см. табл. 5).

Статистически значимых различий по возрастным характеристикам молодежи с разным типом участия выявлено не было, кроме того, что в группе с пассивным участием представлена более молодая аудитория до 15 лет, их существенно больше, чем в других выделенных типах.

А вот зависимость типа участия от уровня образования респондентов проявилась. Респондентам был задан вопрос: «Уровень Вашего образования?» В соответствии с типами участия на данный закрытый вопрос ответили 95% от числа всех респондентов анализируемой группы (см. табл. 6).

Чем выше уровень образования, тем больше вероятность, что в проекте молодые волонтеры займут активные роли организаторов либо реальных помощников. Пассивное участие чаще встречается среди учащихся общеобразовательных школ, чем среди студентов ссузов и вузов. Таким образом, именно школа играет роль в организации массового участия молодежи в социальных проектах, выступает средой, в кото-

рой молодые люди и девушки получают первый опыт социального участия, становятся информированными о тех возможностях в этом направлении, которые сегодня есть.

Ответы молодых уральцев на вопрос «Ваш пол?» позволили определить их гендерную принадлежность. В соответствии с типами участия на данный закрытый вопрос ответили 95% от числа всех респондентов анализируемой группы (см. табл. 7).

Проактивный и активный типы участия характерны больше для девушек. В группе с пассивным участием примерно равное соотношение как девушек, так и юношей. Различий между типами участия по материальному положению семей респондентов выявлено не было. В целом по выборке 9% респондентов с низким уровнем дохода, у каждого четвертого (24%) доход семьи ниже среднего, 59% молодых уральцев из семей со средним доходом и 8% респондентов хорошо обеспечены материально.

В исследовании была проверена гипотеза: чем выше уровень вовлеченности молодых волонтеров в социальные проекты, тем выше их ответственность за происходящие вокруг них события в жизни их города, сообщества. Корреляционный анализ показал отсутствие статистически значимой связи между типом молодежного участия в проектах, выделенных по функционалу добровольцев, и чувством ответ-

Таблица 7

Пол респондентов в соответствии с типами их участия в выделенных проектах,
% от числа ответивших

Пол	Тип участия волонтеров в проектах					
	Проактивное		Активное		Пассивное	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Мужской	99	40	36	32	69	46
Женский	151	60	75	68	80	54
Всего	250	100	111	100	149	100

Таблица 8

Намерения респондентов принимать участие в городских социальных проектах в будущем
в соответствии с типами их участия, % от числа ответивших

Намерение продолжать волонтерскую деятельность	Тип участия волонтеров в проектах					
	Проактивное		Активное		Пассивное	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Да, безусловно, как участник и организатор	180	72	65	59	57	38
Да, скорее как участник	49	20	38	34	82	55
Скорее нет	21	8	8	7	10	7
Всего	250	100	111	100	149	100

ственности респондентов за происходящее в родном населенном пункте, а также оценками возможностей влияния опрошенного на события в его городе (селе, поселке). По данным опроса выявлено, что тип участия не связан с тем, чувствуют ли респонденты ответственность за происходящее в их городе (селе, поселке). В этом случае социальная ответственность – личное качество молодых волонтеров или мотив в структуре мотивации молодых добровольцев не может и определять характер их участия в выделенных в качестве наиболее успешных проектах, мероприятиях и акциях в целом.

Желание молодых людей и девушек Свердловской области продолжать оказание безвозмездной помощи при реализации проектов социальной направленности во многом может быть связано с типом волонтерского участия. Желание продолжать социальную деятельность может зависеть от того функционала, который выполняли волонтеры в выделенных мероприятиях как лучших и наиболее интересных практиках, с позиций самой молодежи. Респондентам был задан вопрос: «Хотели бы еще раз принять участие в таком проекте?» На закрытый вопрос ответили 95% от числа всех респондентов анализируемой группы (см. табл. 8).

В результате исследования была обнаружена корреляционная зависимость между типом участия добровольных помощников и их намерениями продолжать волонтерскую деятельность в дальнейшем в качестве организаторов и участников (коэффициент корреляции – 0.263, p-value – 0.000). Чем выше уровень вовлеченности в социальный проект, определяющий тип выявленного в исследовании молодежного участия, тем больше вероятность того, что молодые люди и девушки будут продолжать волонтерскую деятельность на тех ролевых позициях, которые они занимали в проектах ранее.

Заключение

и основные выводы исследования

В данной статье выделены основные характеристики социальных проектов, лучших и привлекательных для молодежи, по мнению самих молодых людей и девушек, проживающих в крупном российском регионе – Свердловской области. Эти проекты во многом характеризует массовость, широкомасштабная информационная и организационная поддержка в реализации молодежной политики на федеральном уровне. Большинство привлекательных для молодежи проектов реализуются по социальному и патриотическому направлению. Они краткосрочны, привязаны к определенным социально значимым событиям. Преобладающие целевые аудитории выделенных проектов – горожане и ветераны. Это может быть связано с тем, что социальное направление охватывает в качестве благополучателей широкий спектр социальных групп – социально незащищенных жителей разных населенных пунктов. Патриотическое направление является ключевым в государственной идеологии современной России, соответственно социальные проекты с участием молодых людей и девушек реализуются по всей стране, они нацелены на сохранение исторической памяти, включают в себя оказание помощи и поддержки ветеранам.

Молодые волонтеры в социальных проектах могут выполнять разные роли. Практически половина из числа молодых добровольцев Свердловской области занимают проактивную позицию, требующую от них не только рядового волонтерского участия, но и организаторских инициатив. Практически каждый пятый молодой человек и девушка в социальных проектах

участвовал как добровольный помощник, 30% из числа молодежи были вовлечены в социальные проекты и акции как наблюдатели.

Информируют и мотивируют молодежь к участию в социальных проектах чаще всего педагоги, с которыми они проводят достаточно много времени. Организаторы проектов, а именно сотрудники волонтерских центров, социальных, спортивных и культурных учреждений, в которых необходима помощь молодых волонтеров, напрямую информируют молодых людей и девушек о возможностях волонтерского участия значительно реже.

Проактивное, активное или пассивное участие молодежи в обозначенных социальных проектах не связано с их желанием и намерением изменить положение дел там, где они родились и выросли. Чувство ответственности за город, село, поселок, в котором проживает молодежь региона, также никак не коррелирует с контекстом выделенных молодыми людьми и девушками проектов и теми ролями, которые они в них выполняли. Отметим, что как организаторы, так и участники не были ведомыми чувством ответственности за свой город и желанием изменить положение дел в нем. Отсюда следует, что выделенные респондентами как лучшие городские практики социальные проекты слабо формируют культуру социального участия в молодежной среде. Как правило, те, кто являлся лидером, сохраняют намерение им и оставаться, а у тех, кто ограничивался лишь наблюдением, отсутствует желание изменить характер участия на более активный.

Исследование показало, что суть проектов, которые видятся привлекательными для самой молодежи, частично соответствует по своим социальным результатам тем формулировкам, которые отражены в целях направлений молодежной политики. Молодые люди и девушки действительно массово вовлекаются в различные мероприятия, требующие волонтерского участия через заданные на федеральном уровне программы и направления. Однако при популяризации краткосрочного, акционного волонтерского участия не происходит формирования основной из ценностей добровольчества в обществе, а именно ответственного отношения к тому, что происходит сегодня в стране, городе, поселке, в которых живут молодые люди и девушки. Сами же проекты практически не меняют качество социального участия молодежи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления» № 20-011-00471.

Список литературы

1. 2 402 СОНКО получают президентские гранты на общую сумму 4.6 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/Ui7Kx> (дата обращения: 07.05.2021).
2. Федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/Ui9Hz> (дата обращения: 06.05.2021).
3. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правового портала «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 06.05.2021).
4. Направление «Вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность» [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/scope/1> (дата обращения: 06.05.2021).
5. Филоненко В.И., Киенко Т.С. Социальные ценности и проблемы здоровьесбережения студенческой молодежи // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 164–170.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 170–191.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186.
8. Шаповалова И.С., Генкин (Филонова) Ю.Ю. Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 4. С. 91–102.
9. Аврамова Е.М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 78–95.
10. Смирнов В.А. Молодежная тематика в публикациях российских исследователей: ключевые тренды и противоречия // Социология образования. 2018. № 2. С. 23–33.
11. Юдашкина В.В. Управление молодежным обществом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 126–132.
12. Silvan K. Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present // The Universe of Russia. 2019. № 28 (1). P. 161–171.
13. Безруков А.В. Социальное самоопределение молодежи в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 109–115.
14. Ростовская Т.К., Саралиева З.Х. Особенности и жизненные стратегии молодых мигрантов из национальных республик Российской Федерации, проживающих в Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 1. С. 72–85.
15. Певная М.В. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктив-

ных практик: Монография. Изд-во Урал. ун-та, 2020. 246 с.

16. Shiery H. Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations // *Children and Society*. 2001. № 15. P. 107–117.

17. Судьин С.А. Опыт Германии в сфере детско-молодежного участия // В кн.: Зарубежный опыт участия детей и молодежи в решении вопросов, затрагивающих их интересы / Под общ. ред. А.Г. Филиповой. СПб.: Астерион, 2020. С. 35–59.

SOCIAL URBAN PROJECTS: MANAGEMENT CHARACTERISTICS AND TYPES OF YOUTH PARTICIPATION

M.V. Pevnaya, D.V. Minchenko, N.A. Chusovitin

Ural Federal University

The article is devoted to social projects identified by the youth of the Sverdlovsk region as the best urban practices with the participation of volunteer assistants. The relevance of studying this topic is due to the expansion of the use of project technology in all spheres of public life, as well as the mass involvement of young people in charity and volunteer movements in general. The purpose of this article is to characterize the best, in the opinion of young people and girls of the Middle Urals, socially significant projects, to identify the specifics of youth participation in them. Based on a sociological survey conducted in the summer-autumn of 2020, young people aged 14 to 24 years ($n = 1105$ people, the article is based on data from a subsample, $n = 537$), directions for the implementation of urban projects were identified, and target audiences were described. Sources of informing volunteers about the best social projects, the nature of youth participation in these urban practices have been identified. The most attractive for young people are mass, promotional (short-term) social projects in the social and patriotic direction. According to the results of the study, it was found that most often young people receive information about social projects thanks to the environment of educational institutions and the initiatives of teachers. Less effective in involving young people in social projects is their immediate environment and the professional community of organizers of social activity. In social projects, young people and girls can implement different types of participation: proactive, active and passive. It is at the school that the mass involvement of young people in social projects takes place, where passive participation becomes the first stage in the involvement of young people and girls, in which they get their first experience of participation, information about the project activity itself and the opportunities that open up for young people. The level of involvement of young people and girls in social projects does not form their responsibility for what is happening where they live. The higher the level of involvement in a social project, which determines the type of youth participation highlighted in the study, the more likely it is that young people and girls will continue to volunteer in the same role positions in future social projects.

Keywords: youth, volunteering, volunteering, social participation management, social projects.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_3_88

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УХОД ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ: ОТ ВРЕМЕННОЙ ПОМОЩИ К ПОСТОЯННОЙ ЗАБОТЕ

© 2021 г.

Н.А. Бухалова

Бухалова Наталья Александровна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры гуманитарных наук,
проректор по воспитательной работе
Нижегородского государственного инженерно-экономического университета
nat.buhalova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 16.03.2021**Статья принята к публикации 27.07.2021*

Рассмотрены проблемы формирования и функционирования системы долговременного ухода для людей позднего возраста. Представлен анализ социологических исследований отечественных и зарубежных ученых в сфере социологии семьи и социального обслуживания пожилых людей. По мнению автора, обеспечение долговременного ухода за пожилым больным человеком напрямую зависит от активной социальной позиции семьи. Представлены результаты авторского исследования проблем осуществления неформального долговременного ухода за пожилыми людьми в сельских районах Нижегородской области. Опрос выявил ряд проблем, решение которых возможно лишь при непосредственном участии государства. Семьям, осуществляющим неформальный долговременный уход за пожилым родственником, необходима комплексная помощь: в обучении грамотному уходу, переустройстве жилого пространства, дополнительное финансирование. Выявлены негативные последствия неформального долговременного ухода для родственников, его осуществляющих. Автор приходит к выводу, что организация долговременной социально-медицинской помощи пожилым людям является одной из приоритетных задач государства. Государственная поддержка должна реализовываться путем увеличения доступности социальных услуг, оказываемых семьям с больными пожилыми людьми, и создания наиболее благоприятных условий для неформальной помощи на дому.

Ключевые слова: пожилые люди, семья, государство, долговременный уход, неформальный уход, социальная поддержка, социально-медицинские услуги, супруги.

Введение

Актуализация проблем долговременного ухода за пожилыми людьми обусловлена такими объективными демографическими процессами, как увеличение продолжительности жизни и старение населения. В российском обществе доля пожилых людей продолжает расти и, по прогнозам демографов, в следующие пять лет увеличится до 40 млн человек [1; 2]. В данной работе маркером старости является достижение пенсионного возраста (60 лет для женщин и 65 лет для мужчин).

Демографическое старение и спрос на социально-медицинские услуги для граждан позднего возраста находятся в прямой корреляции, рост числа пожилых людей рассматривается как индикатор увеличения потребности в социальной поддержке и медицинском уходе. В 2016 г. Всемирная организация здравоохранения опубликовала доклад «О старении и здоровье», в котором утверждается, что «в XXI веке ни одна страна не может позволить себе не иметь скоординированную систему долговременного ухода» [3], необходимость и обязательность которой обосновывается правом каждого человека на условия жизни и деятельности, способ-

ствующие сохранению социальной субъектности личности вне зависимости от возраста и состояния здоровья. Целью системы долгосрочного ухода провозглашается обеспечение высокого уровня жизни в позднем возрасте, нивелирование установки на доживание возможностями самореализации. Общемировая тенденция развития социального обслуживания направлена на максимально долгое сохранение навыков автономности пожилых людей в привычной для них среде. В странах Западной Европы и Северной Америки система долговременного ухода начала формироваться в конце XX века. Например, французские специалисты сферы социального обслуживания с середины 90-х гг. прошлого века успешно применяют систему диагностики потребности пожилых людей в социально-медицинской поддержке AGGIR (Autonomie g rontologique groupe iso-ressources) [4]. В России государственный проект по созданию системы долговременного ухода был запущен только в 2017 г.

Обеспечение комфортных условий жизни в преклонном возрасте обусловлено полнотой и качеством социально-медицинского обслуживания. Исследования системы социальной работы в России выявили ее консервативность и не-

высокие адаптационные способности, что повлекло за собой несостоятельность государственной системы социально-медицинского обслуживания лиц пожилого возраста в условиях демографического старения [5–7]. В настоящее время в нескольких субъектах РФ проходит апробацию государственный проект по формированию и внедрению системы долгосрочной поддержки, целью которого является трансляция позитивного образа старости и создание благоприятных условий для поддержания физиологического, психологического и социального здоровья пожилых людей.

Методология

Проблемы долговременного ухода получили достаточно широкое освещение в научной литературе. Анализ отечественных и зарубежных публикаций показал, что наиболее исследованными являются медицинский, психологический и экономический аспекты долгосрочного ухода. Проблемы неформального ухода за пожилыми членами семьи, а также влияние долговременного ухода на лицо, его осуществляющее, остаются на периферии научного осмысления.

Цель данной работы – выявление роли семейного института в решении проблем социальной поддержки пожилых людей, нуждающихся в долговременном социально-медицинском уходе, а также определение влияния неформального ухода на членов семьи, осуществляющих долгосрочный уход. В работе представлен анализ социологических исследований отечественных и зарубежных ученых в сфере социологии семьи и социального обслуживания пожилых людей. Вторичному анализу подверглись результаты исследований социологов, геронтологов, психологов из России, США, Канады, Франции, Нидерландов, Англии, Китая, Литвы, Сербии.

Представлены результаты авторского исследования проблем осуществления неформальной долгосрочной поддержки пожилых людей. Метод исследования – полужформализованное интервью. Исследование проводилось в шести районах Нижегородской области. В качестве выборочной совокупности выступили пожилые люди, нуждающиеся в постоянном уходе, и родственники, его осуществляющие. Было опрошено 60 человек.

Результаты

Роль государственной помощи значительно возрастает после прекращения трудовой деятельности, когда пожилой человек ощущает

потерю социальных связей, дефицит общения, собственную ненужность. Особую группу пожилых людей составляют долгожители, нуждающиеся в профессиональных социальных и медицинских услугах. Проблема ухода за лицами старческого возраста решается с привлечением ресурсов различных социальных институтов, особую роль среди которых играет государство. Е.А. Здравомыслова подчеркивает важность межинституционального подхода к помощи пожилым, отмечает, что в последние годы осуществляется «микс» социальной работы [8]. Современная модель социальной поддержки предполагает множество действующих субъектов, когда заботу о пожилых включены общественные организации, государство, рынок, семья.

В странах Западной Европы, США, Канаде, Японии, Китае сформирована система государственной поддержки пожилых людей и оказания услуг долгосрочного ухода [9–11]. Стабильно высокий спрос на формальный долговременный уход ставит перед государственной системой социальной поддержки задачи по расширению спектра услуг и поиску альтернатив, одной из которых является неформальный уход. Во многих европейских странах система долгосрочного ухода в значительной степени зависит от неоплачиваемого или неформального ухода со стороны семей или друзей. Например, в Нидерландах прогнозируется рост спроса на социальные услуги по долговременному уходу в среднем на 1,6% в год в 2014 – 2030 гг. [12]. К 2032 г. в Англии прогнозируется нехватка 160 000 специалистов, обеспечивающих социальный и медицинский уход [13]. Часть этого растущего спроса, вероятно, будет удовлетворяться за счет неформального ухода со стороны родственников. Проблема предоставления неоплачиваемой помощи пожилым людям приобретает все большее значение для политики долгосрочного ухода.

Формирование эффективной системы ухода за пожилыми людьми невозможно без взаимодействия институтов семьи и государства. Брачный статус и наличие семьи, являясь одними из ключевых в современном российском обществе, особое значение приобретают на завершающем этапе жизни индивидов. Семейная группа для большинства российских пенсионеров выступает в роли основной площадки социальной активности, позволяющей сохранить высокий общественный статус. Авторская позиция о роли брака и семьи в жизни пожилого человека находит подтверждение в работах российских социологов [14]. При формировании системы долговременного ухода за пожилыми людьми необходимо рассматривать семью в

качестве полноправного субъекта неформального ухода. Сегодня бремя неформальной долгосрочной поддержки ложится на плечи членов семьи, что подтверждается зарубежными и отечественными исследованиями. В большинстве случаев неоплачиваемый уход за пожилыми людьми осуществляется либо их детьми, либо их супругами или партнерами. Например, в Англии около 1.4 миллиона пожилых людей с ограниченными возможностями, проживающих в собственных домах, получают неоплачиваемый, то есть неформальный, уход. Из них около 85% получают уход либо от взрослого ребенка, либо от супруга [13]. По данным исследования П. Баккса, супруги обеспечивают около трети всего неформального ухода за пожилыми людьми в странах Европы [15]. В ближайшее десятилетие количество супругов, ухаживающих за пожилым партнером, возрастет ввиду положительной динамики мужской смертности.

Супруг или партнер, остающийся рядом, помогающий и сопереживающий, несомненно, оказывает положительное влияние на эмоционально-психологическое состояние пожилого человека. Ведь в рамках ухода важно как поддерживать биологические функции организма, снизить болевые ощущения, сохранить ясность восприятия и памяти, так и обеспечить психологическую поддержку, помочь преодолеть стресс из-за потери автономности, способности к самообслуживанию. Однако супруг, осуществляющий неформальный уход, часто является ровесником партнера, нуждающегося в помощи. Семейный долговременный уход предполагает ежедневную напряженную работу, приводящую к переутомлению и снижению адаптивных способностей лиц, осуществляющих неформальную заботу о пожилых людях. Анализ данных европейских исследований [16–18], в частности обследования здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе, подтверждает негативные последствия неформального ухода для супругов, его осуществляющих. Долговременная забота приводит к усилению депрессивных симптомов и ухудшению самооценки здоровья. Более поздние исследования тоже фиксируют негативные последствия для здоровья супругов-опекунов. Уход за ослабленным пожилым партнером характеризуется супругом как стрессовый опыт, который может подорвать психологическое благополучие и физическое здоровье осуществляющего уход.

Помимо супруга/брачного партнера субъектом семейного неформального долгосрочного ухода за пожилым человеком являются дети. О.В. Архипова отмечает, что «появление пожилого человека в семье взрослых детей зачастую

является осложняющим моментом в жизни родственников, оказавшихся на положении опекунов и помощников» [19, с. 180]. Совместное проживание с пожилым родителем, нуждающимся в постоянной заботе, помимо чувства единения, морального удовлетворения от оказания помощи, может привести к негативным последствиям. Процессы нуклеаризации семьи, стремление детей дистанцироваться от старшего поколения после создания собственной семьи существенно осложняют взаимодействие между пожилыми родителями и взрослыми детьми. Необходимость совместного проживания разных поколений неизбежно влечет за собой перекраивание жизненного пространства, ограничение индивидуальной свободы, независимости как детей, осуществляющих уход, так и пожилых родителей. Таким образом, при разработке политики долговременного ухода необходим всесторонний анализ проблемы, максимально учитывающий интересы всех субъектов, включенных в процесс оказания и получения социально-медицинской и психологической поддержки на долгосрочный период.

Обозначенные выше проблемы детерминированы территориально и значительно обостряются в сельской местности, где отсутствие необходимой инфраструктуры, дефицит квалифицированных кадров и низкие доходы населения делают практически невозможным оказание социальных услуг по долговременному уходу. В 2018 г. автором была проведена серия интервью ($n=60$), посвященная проблемам оказания неформального долгосрочного ухода за представителями старшей возрастной когорты в сельских районах Нижегородской области. Исследование проводилось в сельских поселениях, где подавляющее большинство жителей – русские. Для интервью отбирались семьи, в которых родственниками осуществляется неформальный долговременный уход за пожилым человеком. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области, 31.8% сельского населения составляют лица старше трудоспособного возраста [20], подавляющее большинство из которых (69%) женщины. Типичным представителем старшей возрастной когорты сельских территорий Нижегородской области является пожилая вдова. Этот факт учитывался при отборе респондентов. Опрос выявил ряд вопросов, решение которых возможно лишь при непосредственном участии государства. Семья должна быть включена в систему долговременного ухода как полноправный субъект с соответствующим финансированием, материально-техническим обеспечением, возможностью дополнительного образования.

Наиболее острой проблемой, по мнению респондентов, является нехватка материальных средств. По официальным данным, средняя заработная плата работников сельского и лесного хозяйства Нижегородской области составила 24 380 рублей в октябре 2019 г. [21] и выросла до 28 239 рублей в 2021 г. Показатели официальной статистики значительно отличаются от данных авторского исследования, в ходе которого был определен совокупный доход работающих членов семьи, составивший в среднем 25 тыс. рублей. По данным Пенсионного фонда РФ, средний размер пенсии сельского жителя составил 11578,6 рубля в 2018 г. [22] и увеличился до 14167,3 рубля в 2021 г. Реалии сельской жизни таковы, что жителям сельских территорий приходится трудиться за минимальную заработную плату, а пенсия пожилого родственника является существенным финансовым подспорьем семьи. Низкий уровень доходов и минимальное государственное финансирование российских семей, осуществляющих долговременный уход за пожилым родственником, не покрывает сопутствующих расходов. Респонденты отвечали, что не рассчитывают на государственную помощь и вынуждены в одиночку справляться со всеми трудностями неформальной долгосрочной поддержки. Компенсационные выплаты назначаются лицам, осуществляющим уход за пенсионерами, достигшими восьмидесяти лет, и минимальны настолько, что не позволяют отказаться от профессиональной деятельности [23]. В остальных случаях члены семьи, ухаживающие за пожилым родственником, не получают социальной поддержки и обеспечения, то есть бремя долговременного ухода перекладывается на родственников безвозмездно. Нехватка материальных средств вынуждает родственников совмещать уход и профессиональную деятельность, об этом говорил каждый второй (53,3%) респондент.

Результаты зарубежных исследований тоже свидетельствуют, что финансовые трудности при осуществлении неформального долговременного ухода требуют более активных действий государства [24]. Китайские ученые Л. Чен, Х. Фан, Л. Чу пришли к выводу, что сочетание неформального ухода и профессиональной деятельности создает эффект двойного бремени, усугубляющийся по мере увеличения количества рабочих часов и ухода. Женщины, ухаживающие более 20 часов и работающие больше 50 часов в неделю, испытывают серьезное ухудшение здоровья. Двойное бремя ведет к ухудшению самочувствия по параметрам снижения физических нагрузок и повышения психологического стресса [25]. Длительное функ-

ционирование в условиях повышенных нагрузок, отсутствие возможности релаксации и восстановления значительно увеличивают вероятность физиологического и эмоционально-психологического выгорания лиц, заботящихся о пожилым родственнике. В сельской местности проблема двойной занятости родственников, осуществляющих неформальный уход, отягощается сезонным характером сельскохозяйственных работ и значительными физическими нагрузками. В семьях, где постоянный уход осуществляется за пожилым родственником более трех лет, члены семьи отмечали изменение самочувствия: депрессивные настроения, головные боли, нарушение сна. Респонденты говорили и о нестабильном морально-психологическом климате в семье, повышенном уровне нервозности, конфликтности как следствии хронической усталости.

Проблемы финансирования и двойной занятости отягощаются отсутствием у родственников, осуществляющих неформальный долговременный уход, необходимой профессиональной квалификации, то есть медицинских навыков, опыта психологической поддержки, социального обслуживания. Дефицит необходимых знаний и отсутствие возможностей их приобретения подчеркнул каждый второй респондент. Неспособность выполнить самостоятельно полную программу по уходу и нехватка времени вынуждают подавляющее большинство опрошенных (86,6%) прибегать к услугам специалистов. В условиях ресурсной и кадровой ограниченности на селе это проблематично, так как, по данным Росстата, количество специализированных отделений социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов сокращается на протяжении последнего десятилетия [26]. Реформа системы здравоохранения в 2017 г. привела к сокращению количества районных поликлиник, росту дефицита врачей-специалистов. Оптимизация здравоохранения, заключающаяся в сокращении количества больничных коек в районных больницах (почти на 40%), сокращении ставок и укрупнении территории обслуживания сельских фельдшеров, спровоцировала деградацию медицинской инфраструктуры на селе, снижение качества и скорости оказания бесплатных медицинских услуг. Родственники, осуществляющие долговременный уход, не имеют возможности обучиться и испытывают сложности в получении квалифицированной помощи. Вопрос об обучении неформальных опекунов актуален как для России, так и для Европы. В южных европейских странах, в частности, отсутствуют услуги по подготовке членов семьи к долговре-

менному уходу за пожилым родственником, в результате чего, не получив никакой подготовки, супруги и родственники, осуществляющие уход, часто чувствуют себя некомпетентными, беспомощными в личном уходе за пожилыми людьми [27].

Неформальный долговременный уход предполагает трансформацию домашнего пространства, что, по мнению опрошенных, является одной из наиболее острых бытовых проблем. Социально-медицинский уход в долгосрочной перспективе требует определенного технического оснащения, обустройства жилища таким образом, чтобы пожилой человек чувствовал себя максимально комфортно и как можно дольше сохранял способность к самостоятельной деятельности. Такие привычные повседневные процессы, как перемещение по квартире, принятие пищи, гигиенические процедуры, становятся затруднительными или невозможными без специализированного оборудования для ухода. Средства реабилитации и ухода за лежачими больными и пожилыми людьми недоступны большинству (68,3%) сельских семей из-за высокой стоимости и отсутствия пунктов проката. Проживание в частном сельском доме затруднено отсутствием газо- и водопровода. Особенно остро эти вопросы стоят в северных районах Нижегородской области: Ветлужском, Варнавинском, Шарангском, Шахунском, Тонкинском, Тоншаевском. В данных районах наиболее выражены негативные демографические процессы, деградация населения и отток молодежи в город. Пожилой человек, нуждающийся в долговременном уходе, в таких условиях проживания оказывается заперт в своем жилище без возможности социальной активности. Результаты авторского исследования соотносятся с данными научных работ российских и зарубежных ученых [28; 29]. В сельской местности именно семья исполняет роль главного субъекта неформального ухода за пожилыми людьми, что необходимо учитывать при формировании государственной системы долговременного ухода.

Вышеобозначенные проблемы невозможно решить без учета демографической ситуации в сельских поселениях. Отток трудоспособного молодого поколения из села в город деформирует функцию межпоколенной заботы и обрекает пожилых жителей сельских территорий на одинокую старость. Авторское исследование по проблеме неформального долговременного ухода показало, что в сельских населенных пунктах Нижегородской области численностью до 100 человек уход за стариками осуществляется пожилыми соседями на добровольных

началах либо социальным работником и фельдшером, оказывающими медико-социальную помощь нескольким клиентам одновременно. Уход носит эпизодический, фрагментарный характер и не удовлетворяет потребности пожилых людей в полном объеме.

Российская государственная система долговременного ухода, находясь в процессе активной трансформации, зависит как от глобальных демографических процессов, так и от государственной социальной политики. Пенсионная реформа и поправки в Семейный кодекс качественно изменяют межпоколенные отношения в семье. В частности, одним из негативных последствий увеличения пенсионного возраста является снижение роли прародителей в первичной социализации младшего поколения, размытие межпоколенческих связей. Исследования Г.С. Широкаловой, посвященные влиянию новой пенсионной политики на социальное здоровье населения [30; 31], выявляют губительные последствия увеличения пенсионного возраста как для пожилых людей, так и для молодого поколения. В перспективе мы получаем ускорение темпов нуклеаризации семьи, исчезновение традиционного «института бабушек», рост отчужденности между поколениями и, как следствие, вымирание расширенной многопоколенной семьи. Подобная траектория трансформации отношений между поколениями не позволит семье стать полноценным субъектом системы долговременного ухода и спровоцирует рост числа пожилых людей, нуждающихся в помощи государственных служб социальной защиты, что станет для последних непосильным бременем. Статья 87 Семейного кодекса РФ обязывает совершеннолетних детей «содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них» [32], но она не способна обеспечить духовную близость, эмоциональную привязанность между детьми и родителями, прародителями и внуками. Обязательность выплаты алиментов пожилым родителям отразится не только на внутрисемейных отношениях, но также на демографической политике, способствуя ориентации на карьеру, а не на рождение и воспитание детей.

Выводы

Семья традиционно является основным социальным институтом межпоколенческой заботы. Именно семья на позднем этапе жизни помогает пожилому человеку сохранить чувство собственной значимости, продлить ощущение социальной нужности, принадлежности к социуму. При формировании системы долговремен-

ного ухода важно установить баланс между специализированным социально-медицинским обслуживанием и внутрисемейной долговременной заботой. Неформальные опекуны из числа членов семьи оказывают большую часть помощи в повседневной жизни. Уход требует много времени и может быть обременительным, и отрицательные эффекты необходимо учитывать при сравнении затрат и выгод формального и неформального ухода.

Проблема формирования системы долговременного ухода должна решаться комплексно при конструктивном взаимодействии основных социальных институтов семьи и государства. Такие меры, как позиционирование семьи в качестве полноправного субъекта системы долговременного ухода, приобретение правового статуса, разграничение задач формального и неформального ухода, взаимодействие профессиональных работников сферы социального сервиса и членов семей в рамках одного правового поля позволят осуществлять полную программу долговременного ухода за пожилыми людьми. Развитие системы неформального долговременного ухода в будущем представляется ключевым фактором, который необходимо учитывать при разработке политики долгосрочного ухода.

Задачами первостепенной важности представляются:

- необходимость увеличения компенсационных выплат по уходу за пожилыми людьми старше восьмидесяти лет, так как сегодня выплата носит номинальный характер;
- возможность получения материальной помощи лицам, осуществляющим долговременный уход, при официальном трудоустройстве;
- расширение круга лиц, имеющих право на денежные выплаты при осуществлении долговременного ухода, что особенно актуально для сельских территорий при отсутствии возможностей поддержки у прямых родственников;
- осуществление социальной и демографической политики, направленной на сохранение межпоколенных связей в семье;
- развитие новых форм и методов оказания медико-социальной помощи пожилым людям.

Список литературы

1. Демографические прогнозы по России вызвали споры экспертов. От процветания до вымирания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mk.ru/economics/2018/07/24/demograficheskie-prognozy-po-rossii-vyzvali-spory-ekspertov.html> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни по Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. 19.09.2018

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

3. Всемирный доклад о старении и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. 2016 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/ageing/publications/worldreport-2015/ru/> (дата обращения: 05.04.2020).

4. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Оценки нуждемости в долговременном уходе: опыт Франции и России // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 3. С. 59–70.

5. Куприянова Т.А. Организация социального обслуживания пожилых людей в современных условиях // *Пожилый человек в обществе. Сборник статей* / Под ред. И.А. Григорьевой. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2010. С. 184–200.

6. Добрынина В.И., Добрынин В.В. Социальная работа в условиях демографического перехода // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014. № 2 (34). С. 37–41.

7. Васильчиков В.М., Чикарина Л.Я. Развитие системы социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов в нестационарных и полустационарных условиях: от советского времени до наших дней // *Современное общество и власть*. 2017. № 2 (12). С. 14–20.

8. Здравомыслова Е. «Сэндвич-синдром». Внутрисемейная забота о пожилых // *Деловой Петербург*. 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blog.dp.ru/post/8574/> (дата обращения: 16.04.2020).

9. Czaja S.J. Long-term care services and support systems for the elderly: the role of technology // *American Psychologist*. 2016. **71** (4). P. 294–301.

10. Polenick C.A., Leggett A.N., Kales H.C. Medical care activities among spouses of older adults with functional disability: Implication for caregiving difficulties and gains // *American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2017. **25** (10). P. 1085–1093.

11. Jacobs J.C., Laporte A., Van Houtven C.H., Coyte P.C. Caregiving intensity and retirement status in Canada // *Social Science & Medicine*. 2014. **102** (2). P. 74–82.

12. Bohm J., Buck P., Jester F., van Doorslaer E. Health effects of caring for parents and spouses about them // *Journal of the Economics of Aging*. 2019. Vol. 14. P. 100–196.

13. Pickard L. A growing care gap? The supply of unpaid care for older people by their adult children in England to 2032 // *Ageing & Society*. Published online by Cambridge University Press. 22 August 2013. P. 96–123.

14. Бельцова И.А. Семейное положение как условие успешности в «третьем возрасте» // *Проблемы брака и супружества в условиях полиэтничного общества: теоретико-эмпирический анализ: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* / Сост. и науч. ред. проф. Л.В. Карцева. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2012. С. 168–171.

15. De Zwart P.L., Bakx P., van Doorslaer E.K.A. Will you still need me, will you still feed me when I'm 64? The health impact of caregiving to one's spouse // *Health Economics*. 2017. **26** (S2). P. 127–138.

16. Francesca C., Ana L.N., Jérôme M., Frits T. OECD health policy studies: Help wanted? Providing and paying for long-term care. Paris: OECD publishing, 2011.
17. Kashchowitz J., Brandt M. The impact of informal health care in Europe: a longitudinal approach // *Social Sciences and Medicine*. 2017. **173**. P. 72–80.
18. Pinkwart M., Sorensen S. Spouses, adult children, and son-in-law as caregivers of the elderly: a meta-analytical comparison // *Psychology and Aging*. 2011. **26** (1). P. 1–14.
19. Архипова О.В. Роль семьи и учреждений социального обслуживания в самочувствии пожилого человека // *Отечественный журнал социальной работы*. 2018. № 1 (72). С. 178–182.
20. Половозрастной состав населения Нижегородской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: nizhstat.gks.ru ...Численность...по полу...возрасту.xlsx (дата обращения: 09.04.2021).
21. Рынок труда и занятость населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nizhstat.gks.ru/folder/38326?print=1> (дата обращения: 09.04.2021).
22. Пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877?print=1> (дата обращения: 09.04.2021).
23. Как оформить компенсационную выплату по уходу за 80-летним пенсионером // Пенсионный фонд России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pfrf.ru/> (дата обращения: 20.08.2019).
24. Chen L., Fan H.L., Chu L.L. The hidden cost of informal care: An empirical study on female caregivers' subjective well-being // *Social Science & Medicine*. 2019. **224**. P. 85–93.
25. Lu Chen, Hongli Fan, Lanlan Chu. The double-burden effect: does the combination of informal care and work cause adverse health outcomes among females in China? // *Journal of Aging and Health*. April 2020. <https://doi.org/10.1177/0898264320910916> (дата обращения: 07.12.2020).
26. Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 07.12.2020).
27. Brennan E., Di Novi K. Is caring for elderly parents harmful for a woman's mental health? The role of the European North-South Gradient // *Rev. Econ. Household*. 2016. **14** (4). P. 745–778.
28. Carr D., Cornman J.C., & Freedman V.A. Emotions related to disability and activity in later life: are the effects of supporting and straining close relationships blocked? // *Journal of Health and Social Behavior*. 2017. **58** (3). P. 387–403.
29. Ростовская Т.К., Королев М.А. Особенности организации медико-социальной службы в России // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2020. № 3. С. 88–95.
30. Широкалова Г.С. Пенсионная реформа как фактор разрушения «большой семьи» // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 2. С. 111–121.
31. Широкалова Г.С. Страна одиноких старух? // Социальный потенциал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Саранск, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39550614_76401040.pdf (дата обращения: 07.04.2021).
32. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law-126447/ (дата обращения: 07.04.2021).

LONG-TERM CARE FOR THE ELDERLY: FROM TEMPORARY CARE TO PERMANENT CARE

N.A. Buhalova

Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics

The text of the abstract. The problems of formation and functioning of the system of long-term care for late-aged people are considered. The article presents an analysis of sociological studies of domestic and foreign scientists in the field of family sociology and social services for the elderly. According to the author, the provision of long-term care for an elderly sick person directly depends on the active social position of the family. The article presents the results of the author's research on the problems of implementing informal long-term care for the elderly in rural areas of the Nizhny Novgorod region. The survey revealed a number of problems, the solution of which is possible only with the direct participation of the state. Families who provide informal long-term care for an elderly relative need comprehensive assistance: training in competent care, reconstruction of living space, additional funding. The negative consequences of informal long-term care for relatives who provide it are revealed. The author comes to the conclusion that the organization of long-term social and medical care for the elderly is one of the priorities of the state. State support should be implemented by increasing the availability of social services provided to families with sick elderly people, and creating the most favorable conditions for informal assistance at home.

Keywords: elderly people, family, state, long-term care, informal care, social support, social and medical services, spouses.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_95

ПРАКТИКИ МЕДИКАЦИИ И АГЕНТНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

© 2021 г.

К.А. Галкин

Галкин Константин Александрович, к.соц.н.; старший научный сотрудник
Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Санкт-Петербург
Kgalkin1989@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.01.2021**Статья принята к публикации 19.07.2021*

Жизнь пожилого человека в силу ряда причин, обусловленных возрастом, часто в большей степени зависит от лекарств, и наличие лекарств может быть необходимо для постоянного профилактического лечения заболевания или поддержания самочувствия. Хроническая болезнь создает особые режимы приема лекарственных препаратов, и повседневность индивида может значительно изменяться. Жизнь в сельской местности усиливает монополию врачей (отсутствие других врачей, кроме врача в амбулатории и ФАПе), которые назначают лекарственные препараты, вызывает сложности, связанные с географической удаленностью и доступностью лекарств, обеспеченностью аптек необходимыми лекарствами. В статье предпринята попытка проанализировать практики приема лекарств пожилыми людьми с использованием социологических методов и социологической оптики объяснения. Рассматривается, как и при каких условиях формируется агентность пожилых людей с хроническими заболеваниями в сельской местности через практики приема лекарств. Под агентностью пожилых людей понимается самостоятельность и возможность выбора необходимого препарата для лечения заболевания. Эмпирическую базу исследования составляют 25 биографических интервью ($n=25$) с пожилыми людьми с хроническими заболеваниями, имеющими различные группы инвалидности, проживающими в Ленинградской области. Возраст информантов 65–88 лет.

Ключевые слова: пожилые люди в сельской местности, практики медикации пожилых людей, хронические заболевания, сельская медицина, агентность пожилых людей.

Введение

Аптечки и лекарства как одна из важных частей нашей повседневности занимают значимое место в жизни каждого человека. Часто именно с домашней аптечки и лекарств, которые находятся в ней, начинается лечение различных заболеваний, борьба с экстренной болью, профилактическое лечение.

Изначально было предположение, что практики медикации и самолечения информантов отличаются на селе. Можно найти сразу несколько интуитивных подтверждений этого. Во-первых, на селе, в отличие от города, достаточно сложно быстро найти и купить необходимые лекарства и, следовательно, приходится покупать их про запас. Аптеки обычно располагаются в крупных поселках городского типа, при этом тенденцией последних лет стало закрытие аптек в таких поселках, что часто объясняется нерентабельностью и неперспективностью продажи лекарств в одном небольшом поселении – выгоднее организовать одну или несколько аптек в районном центре. Следовательно, из-за закрытия аптек многим информантам и жителям сел района приходится ездить в Лугу (малый город рядом с деревнями, где проводилось

исследование. – К.Г.) и покупать лекарства там. Это, как правило, подразумевает дополнительные расходы (билет на автобус или бензин для машины) и трату дополнительного времени и сил, а также другие сложности (например, необходимость поиска людей, которые смогут помочь с покупкой лекарств в случае ухудшения самочувствия). В среднем, от сёл, где проводилось исследование, дорога до Луги занимает около часа. Во-вторых, хронические заболевания часто требуют особых лекарств, которые не так просто достать и в Луге. Лекарственный ассортимент аптек Луги достаточно стандартен, чтобы приобрести лекарства для лечения хронического заболевания или «сложные» обезболивающие (как в случае с болями в спине у одного из информантов), нужно ехать в Санкт-Петербург (еще более двух часов времени в одну сторону).

Теоретико-методологические подходы

Исследование практик приёма лекарств – тема далеко не новая для медицины и фармакологии. Однако в социологии медицины и антропологии эту тему можно охарактеризовать как возникающую, которая, безусловно, имеет раз-

личные определения и разные трактовки понятийного аппарата, описывающие особенности практик, с точки зрения социологического анализа. В медицине сегодня относительно следований рекомендациям врачей используются два термина: «комплаенс» и «нон-комплаенс». Термин «комплаенс», который в русскоязычном варианте представляет собой кальку с англоязычного термина *compliance*, обозначает собой следование рекомендациям врачей при приёме лекарств, или дословно: соответствие. Non-compliance обозначает отсутствие следования рекомендациям врачей, несоответствие подобным рекомендациям [1].

Основная проблема использования подобных медицинских терминов в социологии медицины и при описании особенностей принятия лекарств состоит в том, что изначально они не предполагают исследования социальной роли лекарств в повседневности, исследования агентности, а именно проявлений активности пациентов относительно изменения графиков приёма лекарств и следования рекомендациям приёма лекарств. С другой стороны, копирование медицинского термина создаёт достаточно жёсткие рамки, в которых возможны два варианта: следование или отсутствие следования практикам приёма лекарственных препаратов [2]. При этом различные варианты, которые связаны именно с социальными вопросами и проблемами, например неравенством в возможностях жителей сельской местности и городов достать тот или иной препарат, подобный концепт не учитывает. В исследовании предлагается использование терминов практики медикации, чтобы показать социальные особенности приёма лекарств, рассмотреть пациента как ключевого агента подобных практик, встроенных в социальную жизнь и связанных с вопросами неравенства, в том числе пространственными ограничениями сельских периферийных поселений. Кроме того, если комплаенс и нон-комплаенс связаны исключительно со следованием рекомендациям врача, то рассматриваемые практики медикации представляют собой проявление агентности и самостоятельности пациентов, что обусловлено выбором различных лекарств и заменой назначенных лекарств другими препаратами [3].

Практики медикации наиболее распространены в самообслуживании в борьбе с болезнями, присутствуют повсеместно, но по-разному выражены в различных культурах. Подобные практики доступны, являются самыми простыми, как правило, более «мягкими» и, в отличие от профессионального лечения, более дешевыми [4]. Но в зависимости от заболевания, нали-

чия доступа к препаратам и необходимости принимать «серьезные» лекарства каждый день становится сложно согласиться с утверждением К. Дина, что практики медикации – мягкие, безопасные и низкотехнологичные [5]. Практики медикации разнообразны и зависят от самих людей, заболевания и симптомов заболевания, а также обусловлены различными ситуациями в жизни.

С этой точки зрения, показательным и важным выступает исследование С. Фэзанг, в котором автор определяет практики медикации как действия самих индивидов, не определенные профессиональным назначением, а являющиеся самостоятельным лечением, без участия врачей [6]. С. Фэзанг не является приверженкой радикальных позиций относительно понимания роли лекарств в лечении пациентов, в отличие от С. Уайта и Ш. ван дер Геест, полагающих, что в какой-то мере все практики лечения являются самолечением, поскольку врачи не могут контролировать прием лекарств пациентами [7].

Практики медикации пожилых людей происходят в двух контекстах, как отмечает Камилла Б. Варнер в диссертации «Medical self-care actions by older adults: a two paradigm approach». Первый – социокультурный (*constructionist*), в рамках которого стоит уделить внимание гендерным, этническим, экономическим, религиозным аспектам жизни человека. Второй контекст – контекст здоровья (*health context*), в рамках которого рассматриваются симптомы заболевания, понимание своего заболевания самим информантом, переживание хронического заболевания, доступность и возможности медицинской помощи. Таким образом, практики медикации, заботы о себе существуют в различных плоскостях социальной жизни и повседневности пожилого человека [8].

Геронтологические исследования, посвященные практикам медикации пожилых людей, обычно используют различные подходы к рассмотрению данного понятия – психологический, антропологический, социологический, чтобы их объяснить и обосновать мультивариативность подходов к изучению этих практик [9; 10]. В исследованиях, посвященных пожилым людям, проживающим в сельской местности, рассматривается различное влияние практик медикации на здоровье и лечение хронического заболевания [11; 12].

Для сёл в России характерна низкая плотность населения и удалённость населённых пунктов друг от друга. Средний радиус района обслуживания фельдшера может достигать 60 километров. При этом лекарства и необходимые препараты пациенты получают либо из аптеч-

ных пунктов при ФАПах (фельдшерско-акушерских пунктах) и амбулаториях, либо из аптек районного центра, расстояние до которых составляет до 100 километров. Удалённость пациентов как от участкового терапевта, так и от аптечного пункта при ФАПе, где находится необходимое лекарство, может достигать 10 и более километров. Часто между районным центром и сёлами, деревнями отсутствует регулярное автобусное сообщение [13].

Исходя из данных Счётной палаты за 2015 год, 17,5 тысячи сельских населённых пунктов не имеют никакой медицинской инфраструктуры и расположены на удалении 20 километров от ближайшей медорганизации (амбулатории или ФАПа), где есть аптечные киоски [14].

Статья предполагает рассмотрение особенностей повседневности приёма лекарственных препаратов пожилыми людьми в сельских периферийных поселениях, исследование того, как формируется их агентность в практиках медикации.

Эмпирическая база исследования

Исследование проводилось в Лужском районе Ленинградской области. Информантами были пожилые люди с различными хроническими заболеваниями, которые проживали одни в деревнях, где не было амбулатории или ФАПа, аптечного киоска или аптеки. Всего было собрано 25 биографических интервью ($n=25$). Исследования проводились в двух деревнях – Клубково и Клинье (названия изменены). Ближайшая аптека находилась в крупном поселке городского типа, расположенном за 7 километров от деревни Клубково. В том ФАПе, к которому была приписана другая деревня, не было аптечного киоска, и жители привозили лекарства исключительно из Луги. При формировании выборки учитывались возможные различия в практиках медикации у пожилых людей, которые жили как в деревне, где в ФАПе, к которому относилась деревня, был аптечный киоск, так и в той деревне, где подобного киоска не было, чтобы проанализировать возможные различия в этих двух случаях. Важными были истории об аптечках и лекарствах (как начало истории о практиках медикации), которые часто предваряли рассказы о заболевании и сложностях жизни с хроническим заболеванием, а также об особенностях сельской инфраструктуры и проблемах в сельской жизни. В исследовании приняли участие 15 женщин и 10 мужчин, практики медикации которых отличались.

Интервью представляли собой длинные беседы, в ходе которых информантов просили показать содержимое аптечек и рассказать о

лекарствах в аптечках, объяснить, какие лекарства нужны и для чего, какими лекарствами они обычно пользуются. Фиксировалось местоположение лекарств и то, какую роль сами лекарства играют в повседневной жизни информантов, как часто им приходилось брать лекарства и какими словами, фразами и выражениями описывались различные действия с лекарственными препаратами и рецептами, которые назначали врачи. Важная особенность проведения интервью и дальнейшего анализа данных в том, что рассматривалось, как устроены практики медикации у информантов с различными группами инвалидности и как отличается содержимое аптечек в зависимости от тяжести хронических заболеваний.

Особенности приема лекарств

Аптечки информантов разделялись на так называемые «огородные», то есть аптечки, в которых лежали средства в основном для остановки крови и лечения различных ран, и стол с лекарствами, который находился в жилой комнате, и на нем были необходимые лекарства для лечения хронических заболеваний:

«А вот здесь (показывает на шкаф над кроватью. – К.Г.) все лежит, ну, кроме еще там лекарств, которые портятся, они в холодильнике – корвалол и другие лекарства от сердца, желудка. Но это так... Вот эта желтая (информант показывает аптечку. – Прим. интервьюера) – это аптечка огородная, то есть та, которой пользуешься каждый день, и она поэтому обычно в шкафу или в тумбочке. Здесь жгут, бинт, йод, еще уголь активированный, пластырь и так, по мелочи – вот помада гигиеническая» (информантка, инвалид II группы, 66 лет).

Для наших информантов было характерно подобное разделение аптечек. Как правило, оно происходило по критериям сложности лекарственных препаратов, мер хранения и соблюдения правил хранения. Словами «аптечка», «аптека», «огородная аптечка» информанты называли лекарства первой помощи и те лекарственные средства, которые отпускаются без рецепта. Такие аптечки хранились в шкафу или комод, на полках, и, как правило, эти лекарства показывали исследователям довольно легко, отмечая, тем не менее, в разговоре их некоторую второстепенность. Такие аптечки могли даже храниться в неотапливаемой части дома (в сених):

«Вот, это аптечка простая, здесь все на каждый день, ну, такое – если порезался там или ожог, на огороде ободрался... Здесь хранятся самые, наверное, необходимые лекарства, но такие, которые у всех есть, все стандартно» (информантка, инвалид III группы, 71 год).

Подобные лекарственные препараты были важной составляющей практик медикации информантов, именно они традиционно покупались самими информантами без советов и рецептов врачей.

Про лекарства, которые были назначены врачом, не говорили «аптечка». Обычно их называли «мои лекарства», «лекарственные препараты», «стол с лекарствами», «рецепты и лекарства». Рецепты играли важную роль, так как были инструкциями по приему, причем, как правило, рядом с рецептами мог находиться рукописный вариант режима приема лекарств, и он мог быть скорректирован самим информантом по разным причинам. Наилучшим образом практики самостоятельной регуляции в описании приема лекарств характеризует следующая цитата из исследовательского дневника:

«Заметил у информанта рядом с рецептом (очень неразборчивым, от самого врача) лист, на котором нарисована таблица, и в ней вычеркнуты дни приема. Причем в некоторые дни написано «не принимал». Я решил уточнить значение этой таблицы, и зачем она была сделана. Ответ: «Да просто врач заставляет меня фиксировать прием препарата и количество выпитой воды после его приема. В общем, там тоже есть расчет, так сказать, по воде – где-то около 800 граммов в день воды. Но я, если честно, не всегда соблюдаю, потому что боюсь, что все-таки на морозе, да и лень вообще выходить. Так что немного скорректировал план врача и думаю, что, в принципе, правильно, так как не написано же, что обязательно нужно соблюдать вот так вот все рекомендации» (из исследовательского дневника, информант, инвалид II группы, 70 лет).

При этом некоторые из информантов предъявляли затем врачам свои записи, говорили о корректировке лечения или необходимости новых лекарств для лечения в процессе приема препаратов. Такие практики самостоятельной регуляции обусловлены чаще всего проблемами жизни в сельской инфраструктуре. Однако иногда информанты описывали и ситуации, связанные с тем, что лекарство переставало помогать им и приходилось, следовательно, обращаться к выбору другого лечения. Не всегда лечащий врач играл здесь главную роль, иногда, например, за советом, какие лекарства принимать, если не помогают прежние, приходили к соседям, обращались к провизорам в аптеках или сами пытались прочитать и найти необходимое лекарство в Интернете:

«Уже три года, как «Кардиомагнил» перестал помогать в принципе, хотя это и витаминные простые, но все равно вот уже не

помогает. И тогда я решила обратиться к своим родственникам сначала, а потом уже искала замену в Интернете и нашла ее в итоге» (информантка, инвалид III группы, 67 лет).

Среди информантов распространена закупка лекарств с запасом, причем часто это мотивировалось отсутствием аптек. Особенно характерной такая практика была для поселка Клинье, где в амбулатории отсутствовал аптечный киоск. Здесь нужно было либо ездить в Лугу покупать лекарства, либо просить о покупке необходимых препаратов соседей, отправляющихся в Лугу по делам. Информанты объясняли это, утверждая, что если бы они жили в городе, то покупка лекарств была бы более простой и не требовала запасов. Но жизнь в селе накладывает свои коррективы, поэтому им приходится запасаться лекарствами заранее:

«Вот, например, тот же «Верошпирон», вроде и лекарство, в принципе, простое, но у нас киоска аптечного нет, пять лет назад в селе закрыли последнюю аптеку. Так и приходится ездить за лекарствами в Лугу, поэтому беру вперед и храню здесь, в тумбочке – вот» (открывает и показывает лекарства в тумбочке; информантка, инвалид III группы, 67 лет).

Для хранения «запаса лекарств» нередко используются специализированные контейнеры, сделанные из бывших емкостей из-под масла и плавленого сыра. При этом закупка лекарств «с запасом» обычно выступала частью медикации повседневности, хотя, как отмечали информанты, сами врачи, наоборот, старались ограничить такую покупку, объясняя, что препараты могут очень быстро испортиться из-за неправильных условий хранения или истечения срока годности.

Практики медикации пожилых людей отличаются в гендерном аспекте. Для информантов-мужчин в большей степени характерно недоверие к назначениям врачей и покупка лекарств самостоятельно, без назначения врача, а также замена назначенных лекарств другими препаратами, про эффективность которых они ранее читали в Интернете или слышали от родственников, друзей:

«Нет, не доверяю я тому, что врачи выписывают, да и вообще тому, что они говорят, не доверяю. Считаю, что самый лучший способ – это всё же самому прочитать. Благо, дочка Интернет провела, всё доступно стало. И я вот сам читаю, нужную информацию нахожу, а потом уже думаю, какие лекарства можно принимать и какие препараты можно заменить из назначенных врачами» (информант, инвалид II группы, 78 лет).

Для информанток в целом характерно большее доверие к лекарствам, назначенным врачами, а также больший объем самих аптек. Это,

как отмечали информантки в интервью, было связано с тем, что подобный запас лекарств мог быть полезен и важен, например, в случаях резкого ухудшения самочувствия:

«Уж не знаю, правильно или неправильно врачи назначают, но всё равно одно точно могу сказать: доверять надо. Потому что если не врачи, то кто ещё может знать про лекарства? Никто. Поэтому стараюсь принимать лекарства, чтобы хотя бы как-то поддерживать себя. Других альтернатив здесь всё равно быть не может» (информантка, инвалид III группы, 76 лет).

По комплектации аптек тоже заметны отличия у информанток и информантов. Информанты в меньшей степени склонны комплектовать большим количеством лекарств «огородную аптечку» и в целом старались больше покупать, как они сами отмечали, «серьёзные лекарства» для лечения серьёзных заболеваний. Информантки уделяли внимание как антисептическим средствам и бинтам, которые включали в свои «огородные аптечки», так и средствам гигиены, которые тоже были неотъемлемыми компонентами «огородных аптек».

Другой особенностью выступает разное отношение к практикам соседского обмена лекарствами. Информанты в целом старались в меньшей степени обращаться к соседям за лекарствами: только в крайних и редких случаях. Информантки считали подобную практику важным компонентом реципрокного обмена и соседской помощи и при необходимости могли обращаться за нужными препаратами, которые закончились, к соседям:

«Если что, то я соседей и попрошу. Знаете, даже когда там лекарств от головы нет, то всё равно к соседям обращаюсь, потому что они всегда мне помогут и не откажут, если это необходимо, в лекарствах» (информантка, инвалид II группы, 81 год).

В интервью о лекарствах часто фигурировал контекст доступности препаратов, из-за чего лекарства необходимо было покупать заранее или запастись ими впрок. В интервью информанты – жители поселка, где в амбулатории был аптечный киоск, критиковали цены в аптеке, поэтому обычно покупка лекарств осуществлялась именно в Луге или в Санкт-Петербурге. В том поселке, где не было аптечного киоска, лекарства тоже покупались в Луге, однако количество препаратов, купирующих боль и необходимых для лечения острой боли, было больше в том поселке, где отсутствовал аптечный киоск в амбулатории. Это отметила и наша информантка в интервью:

«Аптечного киоска нет, и это значит, что так просто не побежишь за лекарствами, ко-

гда тебе нужно что-то срочное. Так что, вот поэтому и запасаясь, «Энапа» покупаю очень много, покупаю другие лекарства, связанные с лечением чего-то серьёзного, и то, что не купишь нигде – только в Луге или в Питере. Поэтому я так стараюсь себя обезопасить» (информантка, инвалид II группы, 75 лет).

При описании лекарств у наших информантов, которые проживали в Клинье, ощущался страх, что они закончатся, что их не хватит. Поэтому было необходимо покупать лекарства с запасом, и в особенности – сердечные лекарства и лекарства, связанные с купированием, снижением боли, лекарства от давления. Для жителей Клубково эта проблема решалась проще: обычно информанты из этого села полагались на возможности аптечного киоска или надеялись на то, что аптечный киоск будет полезен им или даже спасет жизнь в крайних случаях, когда нет лекарств. Всегда сохранялась возможность позвонить фельдшеру и попросить ее привезти все необходимые лекарства, хотя бы на время заболевания или в случае резкого ухудшения самочувствия и состояния.

Сельский контекст в описании лекарств, местах расположения лекарств, практиках их приема и создания запаса был связан с опасностью не купить вовремя необходимые препараты в случае критических состояний, со сложностью хранения лекарств, ввиду достаточно частых отключений электроэнергии, и проблем, связанных с отсутствием аптечных киосков в амбулаториях. В целом следует отметить, что лекарства, как и практики медикализации и самомедикализации, играли важную роль. Например, саморегуляция (*self-regulation*) была выражена в том, что сельская инфраструктура иногда диктовала особые условия приема лекарств и могла быть одной из причин, как это называли информанты, «усовершенствований» рекомендаций врачей или несоблюдения необходимых рекомендаций.

Лекарства и агентность пожилых людей

При описании лекарств в интервью можно выделить два сюжета, в рамках которых происходит формирование агентности пожилых людей. Первый связан с проблемной сельской инфраструктурой: географическая удаленность аптек и физические трудности, связанные с поездками на дальние расстояния, чтобы достать необходимое лекарство, формируют *вынужденную агентность* – необходимость искать замену или изменять свой график приема препарата. Текучесть лекарства как материального объекта в данном случае влияет на агентность возмож-

ностью найти необходимую замену препарату или включить, суметь подстроить свою повседневность под сам препарат, и тогда лекарство может быть рассмотрено как нетекучее:

«Это лекарство так просто не достать. В Луге его тоже нет, поэтому и нашла в итоге замену, правда, дженерик, но все равно помогает и достаточно хорошо, вот его сейчас и пью» (информантка, инвалид III группы, 67 лет).

Другой тип агентности, связанной с приемом лекарств (*защитная агентность*), заключался в необходимости и желании противостоять экспертной власти, монополии врачей и медицинского персонала, работающего в амбулатории. В данном случае возможность изменять или корректировать прием лекарств и принимать другие препараты выступает одним из способов вносить изменения в свое лечение и влиять на процесс лечения через покупку другого препарата. Общей тенденцией, которая встречалась в интервью, было описание недоверия сельским врачам и фельдшерам в назначении лекарств и, как следствие, поиск замены необходимых препаратов или поиск альтернатив. Текучесть в данном случае выражена через возможности быстро найти нужное лекарство и достать его, например, в городе:

«Что у нас фельдшер, это кошмар какой-то крошечный... Ну, врачиха назначает мне какой-то препарат, так я тоже ей не доверяю и, скорее всего, поеду в Лугу или в Питер, дорожке куплю. Так она назначает мне, а фельдшер в аптечном киоске скажет: «Так нет такого». И вот тебе, типа, цитрамон, там, а не «Энап» даже, с твоим давлением, получай, вот так-то» (информант, инвалид II группы, 80 лет).

Для информантов – участников исследования в большей степени был характерен тип защитной агентности, который выражался в поисках необходимого препарата в Интернете и противостоянии экспертной монополии врачей. В то же время для информанток – участниц исследования в большей степени был характерен вынужденный тип агентности, и он во многом был связан с необходимостью поиска замены препарата или другого препарата по причине его отсутствия в амбулатории или ФАПе.

Заключение

Мы рассматриваем медикацию как самолечение, покупку лекарств и применение их в повседневности, исходя из автономности самих пожилых людей и их контроля над течением своего заболевания, а также управления самим заболеванием. При этом мы не просто определяли медикацию как исключительно «бытовые»

практики, связанные только с приемом лекарств или покупкой лекарственных препаратов. Напротив, мы описывали медикацию информантов, в том числе исходя из того, какую роль играет для информантов в повседневности наличие лекарств, что задает тон течению дня и жизни с хроническими заболеваниями. Прием лекарств, медикация, действительно, во многом является автономной и независимой практикой, коррективы в которую вносили и сельская жизнь с проблемами инфраструктуры, и доступность (географическая) аптек, что обуславливало необходимость делать запасы лекарств, даже исходя не из финансовых трудностей и возможного удорожания препарата в будущем, а, скорее, потому, что не всегда была возможность доехать и добраться до аптеки, например по заснеженной дороге зимой или когда возникали сложности с ухудшением самочувствия. Отдельного внимания заслуживает и некая сакрализация описания медикации, и рассказы о лекарствах информантов, а также нежелание демонстрировать исследователям свои лекарства – в отличие от «огородной аптечки».

Следует отметить, что практики медикации информантов в сельской местности выступают хорошим показателем того, как через подобные практики конструируется самостоятельность и независимость в приеме лекарств, а также создается агентность пожилых людей. Есть возможность проанализировать и оценить социальные особенности лекарств, в том числе их географическую недоступность в сельской местности и влияние на практики заботы и заботы пожилых людей.

Истории информантов позволяют делать вывод о необходимости пересмотра концепции медикации в ее привычном понимании.

В будущем предстоит выяснить, как новые практики связаны с сельской местностью и возрастом информантов и характерны ли они только для сельских жителей.

Список литературы

1. Вольская Е.А. Пациентский комплаенс. Обзор тенденций в исследованиях // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2013. №11. С. 6–15.
2. Сиденкова А.П. и др. Теоретические аспекты проблемы комплаенса // Уральский медицинский журнал. 2019. № 14. С. 5–11.
3. Van der Geest S., Whyte S. R. The charm of medicines: metaphors and metonyms // Medical Anthropology Quarterly. 1989. V. 3. № 4. P. 345–367.
4. DeFries G.H., Konrad T.R. The Self-Care Movement and the Gerontological Healthcare Professional // Generations. 1993. V. 17. № 3. P. 37–40.
5. Dean K. Conceptual, theoretical and methodological issues in self-care research // Social Science & Medicine. 1989. V. 29. № 2. P. 117–123.

6. Fainzang S. The other side of medicalization: self-medicalization and self-medication // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. 2013. V. 37. № 3. P. 488–504.
7. Van der Geest S., Whyte S. (ed.). *The context of medicines in developing countries: Studies in pharmaceutical anthropology*. Springer Science & Business Media, 1988. V. 12. P. 233.
8. Warner C. B. Medical self-care actions by older adults: A two-paradigm approach. 2003. P. 370.
9. Liao S.J. et al. Medication Management in Frail Older People: Consensus Principles for Clinical Practice, Research, and Education // *Journal of the American Medical Directors Association*. 2021. V. 22. № 1. P. 43–49.
10. Brandão G.R. et al. Self-medication in older european adults: Prevalence and predictive factors // *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 2020. V. 91. P. 104189.
11. Limaye D. et al. Self-medication practices in urban and rural areas of Western India: a cross sectional study // *International Journal of Community Medicine and Public Health*. 2018. June. P. 2672–2685.
12. Cecyli C., Pragathi T. Assessment of knowledge and practice of self-medication among urban and rural population // *Drug Invention Today*. 2020. **13** (6). P. 1059–1064.
13. Стародубов В.И. и др. *Общественное здоровье и здравоохранение: национальное руководство*. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014.
14. Грицюк М. Лучше быть умным и здоровым. Счетная палата проверила доступность качественной медпомощи и образования // *Российская газета*. 2015. 14 апреля. URL: <https://rg.ru/2015/04/14/optimizacyasite.html> (дата обращения: 28.05.2021).

MEDICAL PRACTICES AND AGENCY OF ELDERLY PEOPLE WITH CHRONIC DISEASES IN RURAL AREAS

K.A. Galkin

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

The life of an elderly person, for a number of reasons due to age, is often more dependent on medications, and the availability of medications may be necessary for continuous preventive treatment of the disease or to maintain their well-being. Chronic illness creates special drug regimens, and an individual's daily routine can change significantly. At the same time, the experience of a chronic disease is associated with prescribed medications that are prescribed by a doctor, and patients are often forced to fulfill the conditions of appointment and take the necessary medications, which often limits the agency of an elderly person. Life in rural areas increases the monopoly of doctors (there are no doctors other than a doctor in an outpatient clinic) who prescribe medicines, causes difficulties related to the geographical distance and availability of medicines, and the availability of pharmacies with the necessary medicines. Medications are rarely analyzed sociologically and using sociological methods. This article attempts to analyze the practice of taking medications by older people using sociological methods. The paper analyzes the daily practices of taking medications by elderly people using sociological methods and sociological optics of explanation. The article examines how and under what conditions the Agency of elderly people with chronic diseases is formed in rural areas through drug administration practices. Under the agency of older people in the article is understood independence of choice and the ability to choose the necessary drug for the treatment of the disease. The empirical base of the study consists of 25 biographical interviews ($n=25$) with elderly people with chronic diseases and various disability groups living in the Leningrad region. The informants are 65–88 years old.

Keywords: elderly people in rural areas, elderly medical practices, chronic diseases, rural medicine, practice of medication of elderly people.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_3_102

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

© 2021 г.

Ю.В. Козлова

Козлова Юлия Владиславовна, к.психол.н.; доц.; старший научный сотрудник
Международной междисциплинарной научной лаборатории
«Технологии социально-гуманитарных исследований»
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
iris08@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 05.04.2021**Статья принята к публикации 23.07.2021*

Представлено обоснование концепта глобального города и его роли в системе мировых коммуникаций. Раскрываются теоретические подходы к трактовке категории города и общественного пространства в теории социальных систем Н. Лумана, миросистемном анализе И. Валлерстайна, концепции неопределенности И. Пригожина – И. Стенгера, теории сетевого общества М. Кастельса. С позиций теорий социальной мобильности Дж. Урри и текучей современности З. Баумана современный город характеризуется как гностическая и коммуникативная конструкция, позволяющая структурировать пространство и время, интегрировать индивидуальное в общественное. Рассматриваются пространственные и сущностные формы мобильности в современных городских пространствах как культурно-геополитический фактор становления и «основа социальности» «новой реальности». Дается характеристика понятий «глобальный город», «медийный город», «креативный город», «умный город» с точки зрения описания общественных пространств как ориентированных на развитие и поддержание социальной идентичности. Предпринимается попытка определить потенциал многоуровневой структуры городских коммуникаций для достижения социальной идентичности, формирования общественной позиции индивида. Приводятся прогнозные оценки ведущих современных социологов относительно тенденций становления глобальной сети городов и локальных инфраструктур.

Ключевые слова: глобальный город, мирсистемный анализ, концепция неопределенности, бифуркация, диссипативная структура, сетевое общество, мегаполисная идентичность, социальное время, номадизм, медийный город, креативный город, умный город.

Введение

Актуальность проблематики современного города обусловлена все возрастающей ролью городов в мировой общественной системе. Это связано с технологическими и бизнес-процессами, внедрением информационных и цифровых технологий, совершенствованием коммуникационных технологий. Конгломерат индустриальных мегаполисных субкультур стал в последние десятилетия значимым социальным фактором. Другой актуальный аспект исследования концепта современного города определяется глобальным кризисом, катализатором которого послужила пандемия COVID-19. Вынужденная локализация административной, профессиональной, рекреационной активности послужила импульсом к проявлению потенциалов социальной структуры города как самовоспроизводящейся системы внутри мировой системы.

Цель статьи – теоретически обосновать концепт современного города как составляющей мировой социальной системы, функциональные характеристики социального времени и социального пространства в условиях город-

ской среды, объяснить свойства городского пространства как потоковой мобильной структуры, внутри которой разворачивается социальная идентификация.

Основные задачи работы: 1) провести анализ общетеоретических научных источников по проблеме города как социальной системы в современных условиях; 2) дать на этой основе характеристику трансформационных процессов в обществе в постинформационный и постглобальный период; 3) определить роль социального пространства современного города в структурировании социального пространства/времени и формировании локальной идентичности; 4) описать актуальные тенденции развития города в глобальной коммуникативной системе.

Методологическая основа исследования. В рамках современных социологических подходов город характеризуется как ключевой элемент коммуникационной системы не только региона или страны, но и макросистемы мирового сообщества. Не случайно теоретико-методологическую базу нашей работы сформировала преимущественно общенаучная теория систем, и в частности социологическая концеп-

ция общества как системы (Н. Луман). По мнению Н. Лумана, «мир есть совокупность того, что для каждой системы является системой-и-миром», самосозидающейся системой, воплощающей суть и смысл человеческой жизни» [1, с. 165]. И это, прежде всего, – система активных смысловых переживаний в координатах относительного пространства и времени. Формирование системного миропорядка основано на переходе одних образцов и способов осмысления к другим [2, с. 24–25].

«Мир-система Модерна» (теория миросистемного анализа, предложенная И. Валлерстайном, 1974) объясняет цивилизационный процесс как поиск и сохранение способов достижения успеха, где экономическая форма жизнедеятельности преобразуется в социально-символическую, информационную, техническую и снова возвращается к категориям престижа, репутации, символических форм оценки и признания [3, с. 66–67]. При этом развитие различных территорий и стран следует сопоставлять друг с другом вне воображаемой оси идеального времени исторического процесса. Валлерстайн применяет принцип относительности для анализа развития отдельных государств и для человечества в целом [4, с. 48–49], что явилось инновационной идеей для гуманитарных исследований в 1980–1990-е годы XX века и получило новое звучание после глобального кризиса в 2010-х. В качестве концептуального обоснования гуманитарных исследований трансформационной реальности Валлерстайн применил модель хаотических бифуркаций (концепцию неопределенности) И.Р. Пригожина [5, с. 12].

Согласно Пригожину, детерминизм теряет свою объяснительную силу перед лицом необратимости и нестабильности [6, с. 96–97], а событие, происходящее в системе, определяется степенью устойчивости траектории системы. В случае низкой устойчивости возникает множество новых траекторий вероятности. Последовательность бифуркаций и их прохождение лежит в основе цивилизационного процесса, и в актуальных условиях информационно-технологического бума возникает дилемма: станет ли формирующееся сетевое общество иерархическим глобальным «человекойником» [7–10] или все же – миром индивидуальной свободы выбора. Немаловажна и роль самих технологических, информационных и социальных сетей как фактора новой массовизации уже не на интуитивно-эмоциональном, а на рационально-сознательном уровне.

И. Пригожин в работе «Сетевое общество» называет следующие системные свойства социальных бифуркаций: 1) связь с множественными вероятностями; 2) системную неравновес-

ность, проявляющуюся в условиях открытого универсального обмена энергией, материей и информацией; 3) нелинейность (чем больше элементов в системе, тем больше вероятностей) [11, с. 25–26].

По оценке О. Тоффлера, социальные системы развиваются в открытом обмене со средой. Причем этот обмен неустойчив и неравновесен, а сами системы состоят из постоянно флуктуирующих подсистем [12, с. 15–17]. Флуктуации могут привести к переломному состоянию, из которого система переходит в разрушение и хаос с освобождением ресурсов или к более дифференцированному уровню организации (диссипативной структуре), требующей больше энергии и ресурсов.

И. Пригожин утверждал, что даже микрособытия в неустойчивой системе могут привести к макроизменениям, например, строительство дороги или моста изменяет поведение местного населения, что сказывается на характере и способах связей внутри региона [12, с. 252]. А научное или технологическое открытие, создание инновационного товара могут вызвать конкуренцию с существующими, нарушив социальное и экономическое равновесие [12, с. 257].

В условиях глобализации – глокализации, быстрого развития сетевых цифровых технологий, изучение локальной системы современного города в контексте равновесия и эволюции мировой системы представляется нам актуальным и практически значимым.

Методы исследования

Применялись как общенаучные методы познания общественных явлений (индукция, дедукция, аналогия), так и культурно-исторический, междисциплинарный, а также сравнительно-сопоставительный методы, использование которых было направлено на комплексный анализ внутреннего содержания понятия *города* как части глобальной системы, сравнение постановки и решения связанных с этим понятием вопросов.

Результаты исследования и их обсуждение

Кризисные тенденции в экономике и политике, эпицентром которых стала серия локдаунов 2020–2021 гг., прогнозировались рядом исследователей в диапазоне от кризиса европейской культуры и политики [13] до ренессанса националистических режимов [14], но реальная форма и масштабы изменений оказались неожиданностью. И, безусловно, одной из примет времени, наряду с сокращением перемеще-

ний и ростом виртуальных коммуникаций, становится особая роль мегаполисных систем в социальной системе общества.

Именно глобально-локальная самоорганизация в формате «нового города», *smart-goroda*, а на определенном этапе – «глобального города», возможно, и есть та самая диссипативная структура, которую на примере транспортных потоков мегаполиса И. Пригожин рассматривал еще в 1970–1980 гг. [15].

Начало формирования таких структур по всему миру связано с перераспределением ресурсов, а их потенциалом является новая глобальная система коммуникационных потоков [16, с. 384–386], а также новая форма динамической социальной идентичности, основанной на локальной городской и мегаполисной идентичностях. Особая роль больших городов, связанных с глобальной системой и со структурными сегментами стран, состоит в том, чтобы преодолеть «локальную исключенность», сохранить и дать возможность развиваться местной социальной структуре, физической, территориальной и культурной среде [16, с. 379].

В данном контексте именно концепт города позволяет интегрировать фундаментальные и периферийные отрасли социального знания для понимания и решения актуальных проблем социального взаимодействия. Это важно, так как тенденция социальной диссоциации, снижения доверия к власти, к международным организациям, общее разочарование в эффективности противодействия кризисным социальным процессам возрастает во всем мире и в отдельных странах.

Другой аспект концепции неопределенности – проблема социального пространства и социального времени. Повторение и воспроизведение прошлого опыта в предметных, нормативных и гностических формах социальной культуры как основа линейного социального времени неизбежно утрачивает свое значение [17–19].

Если социальное время является неким внутренним выражением общественной жизни, включенным во «внешнее» социальное пространство, то оно позволяет оценить исторический путь, достижения, преобразования. Функциональное представление о времени, возникшее в связи с виртуализацией и цифровизацией, стало другим. На фоне вторжения технологий в повседневную жизнь поколения все больше разобщаются, а культурные отличия – нивелируются. Схемы социального строительства, ориентированные на сохранение и повторение прошлого или движение к желаемому будущему, сталкиваются с беспрецедентным неидентифицированным временем «новой реально-

сти», где прошлое недостижимо, будущее неопределенно, а в делящемся настоящем любое единичное событие потенциально может изменить всю мировую систему.

В самосогласованной теории времени [20, с. 166–168], в рамках которой Тоффлер говорит о футурошоке [21, с. 164–170], социальное время рассматривается как культурный стереотип, «предвкушение длительности», временная тренированность, необходимая для интеграции в социум. Сталкиваясь с беспрецедентным, «случайным» событием, этот стереотип дифференцируется, формируя новые требования, порядки, принципы распознавания реальности.

В этом смысле фраза Дж.Р. Толкиена: «Мир никогда уже не будет прежним, а солнце – таким же ясным, как раньше» [22, с. 324] – отражает форматирование прежнего стереотипа социального времени в массовом сознании, достижение некоего рубежа, после которого возникают новые основания для сотрудничества, сотворчества, инновационной деятельности, социального взаимодействия, но и для социального расслоения.

Естественно предположить, что в условиях вынужденной локализации на уровне стран, а где-то – на уровне регионов и населенных пунктов происходит формирование «новой глобальности», самосогласование мировой системы, подобное тому, как это происходило в эпоху промышленной революции XVIII–XIX веков, вызвавшей всплеск урбанизации и соответствующих социальных последствий.

В работе Дж. Урри «Социология за пределами общества» [23, с. 10–14] раскрывается содержание ключевых понятий «структура», «порядок», «конфликт» вне «традиционной идеи общества», вне территориальных и национальных ограничений. На смену категории *общества* приходит категория «мобильность», существующая в следующих формах: 1) физические перемещения; 2) воображаемые путешествия; 3) мобильность с применением «мгновенных» средств коммуникации; 4) коммуникация с применением традиционных (с отсроченной передачей) сообщений; 5) перемещение физических объектов.

Этим формам соответствуют потоки, направляемые руслами в соответствии с видами транспорта, грузоперевозок и телекоммуникационных систем всех уровней связи. Кроме того, такие технологии, как 3D-печать, могут в недалеком будущем окончательно размыть границу между объектами и идеями, открыв доступ к самостоятельному производству товаров на определенных условиях [24, с. 161]. А вот транспортный коллапс, ставший неизбежной проблемой каждого мегаполиса на рубеже ты-

сячелетий, потребует реализации инновационных решений, таких как новые виды беспилотного транспорта, замену физических перемещений их цифровыми формами, упрощение социальных практик с целью сокращения расстояний и достижения эффекта контрурбанизации [24, с. 227].

Наиболее пессимистичным вариантом выявленной тенденции, по мнению Дж. Урри, может стать крайнее экономическое расслоение, формирование «городов-крепостей» и ренессанс «местнических тенденций Средневековья» [24, с. 236]. Акцентируя антропогенные изменения климата как предвестие изменений во всей планетарной системе, Урри приводит в качестве примера безоглядного консьюмеризма город Дубай, «построенный на песке и долговых обязательствах» ради удовлетворения низменных запросов [24, с. 261].

Концепция текучей современности З. Баумана конструируется вокруг естественно-научного понятия твердого тела. Обращаясь к проблематике социального строительства, З. Бауман использует образ плавления, утверждая, что в переходную эпоху первыми теряют свою твердость «верность традициям, привычным правам и обязанностям, связывающим людей по рукам и ногам, препятствующим движениям и ограничивающим инициативу». И поэтому З. Бауман указывает, что для построения нового порядка необходимо «избавиться от неуместных обязательств, стоящих на пути рационального вычисления результатов», сделать сложную и вследствие этого негибкую систему социальных отношений разомкнутой и динамичной [25, с. 9].

Бауман подчеркивает, что современность на разных исторических отрезках не является уникальной, но может приобретать отличительные черты, которых не было на предыдущем этапе. Так, в наше время современности присущи две черты: полная дискредитация идеи идеального общества; «отмена государственного контроля и приватизация задач и обязанностей модернизации» [25, с. 36–37]. Соответственно, общественное развитие в его динамичном, «расплавленном» и текучем виде проявляется прежде всего в образе и стиле жизни реальных людей, воплощенных в пространственной среде и коммуникациях. Это – индивидуализация, персонализация жизненного пространства, где доминирует принцип автономии отдельных людей, преобразования идентичности из общественной данности в личную цель.

В эпоху текучей современности первыми трансформируются связи, объединяющие индивидуальный план и коллективный, иными словами, изменяются паттерны коммуникации

личность – коллектив. Указанные трансформации отражаются в процессах эмансипации, индивидуации, организации рабочих сообществ, а также в формах структурирования пространства и времени [25, с. 11–14].

Новая современность, по мнению Баумана, развивается, прежде всего, как средство освоения пространства и конкуренции за него, как развитие средств повышения мобильности для создания новых инструментов власти и доминирования. Возникает необходимость переосмысления паноптического контроля, значения постоянного места жительства, принадлежности к государству, принципа оседлости как такового. Бауман отмечает, что оседлость – для большинства, а экстерриториальность присуща управленческой элите [25, с. 19–20].

«Гражданин» в условиях текучей современности – это тот, кто способен добиваться личного благополучия через благополучие города, в противовес равнодушному, скептически и настороженно относящемуся к общественному благу, общественной справедливости «индивидууму». Объединение в общем пространстве-времени, природном и культурном ландшафте, совместный труд, осознанное самоограничение, соподчинение целесообразности и свободы дают обобщенные ориентиры гражданственности. Минимальная ее реализация – обеспечение прав человека, его физической и имущественной безопасности со стороны общественных служб.

Для индивидуума общественные пространства города привлекательны в первую очередь возможностью реализовать частные интересы (например, покупочная деятельность, развлечения, получение широкого социального и/или профессионального опыта). И сделать это конкретному человеку можно рядом с «такими же, как он», но не вступая в ненужные контакты, тем более не объединяясь, не нарушая анонимности и социально одобряемого одиночества [25, с. 47]. Если так устроена нынешняя повседневность, а власть уходит из реального измерения в виртуальное, то общественное пространство индивидуализируется, не будучи направленным на решение проблем сообществ.

Бауман указывает, что большинство форм социальной идентичности изменчивы и непостоянны, кроме того, у личности есть некоторая свобода выбирать, удерживать и отменять свою идентичность, «оплачивая» эти процессы временем, вниманием, физическими или умственными усилиями. Деадаптированная личность не идет дальше иллюзорной идентичности и нуждается в поддержке извне. В определенном смысле дезинтегрированным может быть и сам город, отделенный от внешнего пространства

ландшафтными, культурными и высокотехнологичными рубежами, системной целью которых является управление и контроль.

Тема ренессанса средневековой модели неоднократно возникает в связи с формирующейся социальной моделью современного города и его инфраструктуры. Акцентирование ограничений и разделений, поставленных на службу защиты интересов, неизбежно приводит к возникновению недоступных локаций, зарезервированных элитами, с одной стороны, и обедненных, зачастую криминализованных пространств для большинства, с другой. Такая тенденция противоречит самой сути происходящих трансформационных изменений и идее «облегчения», «смягчения» нормативной основы общества. Жизненное пространство (в конструктивном варианте своего развития) должно оставаться открытым, максимально доступным и пригодным для самоопределения, самопроявления, объединения с другими, то есть для проявления гражданственности [25, с. 91–102].

Городская среда как сфера формирования и передачи культуры требует наличия мест, где люди могли бы быть не только «рядом», но и «вместе» друг с другом, где право на сохранение приватности, «социальной маски» получало бы поддержку, но поощрялись бы и социальная солидарность, открытость, взаимодействие.

Можно утверждать, что город в условиях постглобализации является одним из общественных благ, предъявляемых социумом личности, но для получения этого блага от личности требуются определенные навыки, а от общества – поддержка и непредвзятость. Город как индивидуально-общественная форма жизни предлагает личности свою систему смыслов, повестку дня, расширяющие индивидуальную сферу, вовлекающие личность в общественную жизнь без принуждения. При этом возможны и «ношение общественных масок» (реальных и фигуральных), сохранение анонимности, инертность. Такие действия принимаются обществом, но они не являются предпочтительными для внутреннего развития самой личности [25, с. 103–104].

Переходной формой развития общественно-го пространства от частного к социокультурному является сфера потребительской активности, к которой, помимо торгово-развлекательных центров и моллов, относятся также концертные залы, выставочные и туристические комплексы, предприятия общественного питания, места получения услуг в области красоты и фитнеса. В таких локациях люди побуждаются к действию, но не к взаимодействию. Пребывание в одном пространстве с другими, занятыми подобной активностью, добавляет индивиду ощущения

важности этих действий, подтверждает их смысл и дает социальное одобрение. В основе подобного явления лежат механизмы групповой фасилитации и аттракции, обеспечивающие значимость любой совместной активности, даже при минимальном ее согласовании.

Городские пространства могут быть «защищенными», в них человек движется в потоке с другими «такими же, как он» (транспортные развязки, тоннели). Но могут быть и «запрещающими»: доступ в эти пространства ограничен или прямо запрещен (территории предприятий и режимных объектов).

Категория «немест» включает общественные по назначению, асоциальные вследствие особого положения в городской инфраструктуре пространства (аэропорты, автострады, анонимные гостиничные номера, общественный транспорт и т. д.), эти стигматизированные зоны требуют максимального отчуждения, деперсонификации, фактически «социального отсутствия». «Неместо» лишено символических средств для проявления идентичности, анонимно и, занимая значительную долю городского пространства, представляет проблему [25, с. 111–112].

Интересно, что, по мнению Баумана, каждый горожанин имеет свою «ментальную карту города», отражающую опыт, статус и уклад жизни человека, поэтому можно говорить, что модель города является не только функциональной коммуникативной, но и экзистенциональной конструкцией. Идея сообществ, таким образом, неизбежно связана с этнической принадлежностью или культурной идентичностью [25, с. 187]. Именно они при благоприятных условиях могут стать патриотизмом, согражданственностью и составить антитезу индивидуализации как иллюзорной форме свободы, в которой «право выбора» ограничивается правом самостоятельного отбора и потребления социальных продуктов. Если в эпоху средневековых городов-государств ключевым признаком гражданства было происхождение (и, как следствие, – владение языком, родство, право собственности), то в эпоху текучей современности таким признаком может стать проживание пространственно-временного плана города. Новое содержание «Мы–Они» определяется вопросами безопасности, комфорта и необходимостью защиты.

В работе «Глобализация. Последствия для человека и общества» [26] Бауман рассматривает рассогласованное существование между пространством потоков и пространством мест как главный тренд текучей современности. Соответственно, сосуществование потоков лишь в одном пространстве приводит к утрате доступа ко всей функциональности социума. «Про-

странство мест» является действительно необходимой сферой существования, условием создания актуальной модели пространства-времени. Утрата контакта с «пространством мест» приводит к номадизму, «бродяжничеству», а также к так называемому цифровому «кочевничеству» [27–29].

Роль города в самовоспроизведении и дифференциации мировой социальной системы в настоящее время меняется очень быстро, переходя из геополитического и социокультурного пространства в сферу экономики и коммуникаций, а затем – в область глобального сознания на цифровой основе.

Так, термин «мировой город», предложенный Дж. Фридманом [30], акцентирует проекцию мировой экономики на ландшафт социально-культурной инфраструктуры, на управленческую роль экономических потоков. «Мировой город» – это не просто место сосредоточения народонаселения и финансов, это – своеобразная «точка роста» цивилизации на мировом уровне. Данная тенденция предшествовала интернет-виртуализации [31] и создала для нее основу в виде всемирной иерархической структуры городов. Некоторые авторы, однако, не исключают, что такая структура существовала во все времена [32].

Глобальный же город (по С. Сассен) – это, прежде всего, постиндустриальный центр управления и контроля, узел мировой сети городов, имеющий как локальные, так и сетевые ресурсы [33; 34]. То есть «глобальный город» – концепт, раскрывающий роль городов в глобальном мире как центров управления, сосредоточения глобальной общественной власти и экономических процессов. Именно в данном ключе актуализируются проблемы поляризации городских пространств по оси «центр–периферия», дистанцирования элит и возникновения идей трансгуманизма [10]. Соотношение «центр–периферия» становится из геополитического универсальным и, прежде всего, социокультурным соотношением.

М. Кастельсу принадлежит знаковая социологическая характеристика города эпохи новых технологий – как сетевого «пространства потоков», открытого и естественного по своей природе [35]. Идея М. Кастельса о пространстве потоков (*space-of-flows*) – новом пространстве и времени, динамичной социальности – первоначально акцентировала роль технологий, развития информационных и транспортных систем. Кроме того, М. Кастельс описывал три биполярные оси трансформации городов в реальности потоков: глобальное/локальное, индивидуальное/общинное и потоки/места. В первой ди-

хотомии городское пространство интегрирует глобальные технологии, финансовые процессы, производство информации материальных объектов с частной жизнью горожан, культурной идентификацией в условиях повседневности. Задачей социального управления в данном случае будет прогнозирование состояния локальных городских сообществ и их конструирование.

Во второй дихотомии раскрывается реальность личностных смыслов и их репрезентации, социализация в больших и малых группах, составляющих общину как основу гражданских институтов в условиях сетевого общества. В третьей дихотомии рассматривается материальное пространство как основа социальных практик в границах физического контакта как сфера пересечения «реальности потоков» и «реальности мест».

Данные тренды, по оценке М. Кастельса, должны быть реализованы в городском управлении для сохранения города как культурной формы, интегрирующей городское планирование, архитектуру и дизайн.

Эти идеи нашли развитие в концепции «медийного города» С. Маккуайра [36], который рассматривает цифровые информационные сети как фактор развития информационного профиля каждого жителя и города в целом. Более того, мировоззрение, система мотивов, представление о качествах пространства и времени также меняются в информационной среде глобального медийного города, системным вектором развития которого является повышение конкурентности среди других глобальных городов. В дальнейшем идея «потока» получила развитие в рейтинговых исследованиях П. Тейлора, Дж. Биверстока и Р. Смита в рамках организованной в Университете Лафборо (Великобритания) международной исследовательской группы глобальных городов (Globalization and World Cities Research Network) [37].

Стоит акцентировать связь глобального города как формы социальной и социокультурной самоорганизации с экономическими и геополитическими процессами современного мира. В определенном смысле глобальный город – переходная форма от государства-нации к государству-макросистеме.

Глобальный город – понятие, связанное с феноменом глобального экономического сознания, отражающее противоречия и точки роста современного общества. Противовесом кризисному подходу формируется исследовательское направление, в рамках которого большие города описываются как «креативные» центры, вовлекающие в свою орбиту поколения творческих людей, открытых к созданию и реализации ин-

новаций, начинающих с малых, региональных групп и постепенно выходящих на глобальный уровень (например, Ч. Лэндри «Креативный город» [38]). Стимулирование интереса молодежи к социальным инициативам, научной, творческой активности как вид инвестиций требует от государства последовательного, системного подхода. Около 100 городов имеют сегодня статус «креативного города», в том числе Нью-Йорк, Амстердам, Берлин, прежде всего за счет эффективных коммуникаций с целевой аудиторией (горожанами), уникального набора ключевых ценностей, например предприимчивости и индивидуализма или традиционности и культурной преемственности.

Ч. Лэндри описывает противоречие современности: мировой город более привлекателен для талантливых инициативных личностей, и в нем больше возможностей для реализации их потенциала. Но одновременно, будучи *глобальным* городом, он более сложен, опасен, закрыт для индивидуальности, лишен уникального ландшафта, разнообразной городской среды, спланированной в соответствии с запросами и возможностями горожан [38].

Креативный город в отличие от глобального обеспечивает переживание вовлеченности, активности, уникальной ценности в контексте города. И создание такого контекста связано с тем, что градообразующим ядром города становятся не производство, торговля и управление, а природный ландшафт, в который вписана современная, гибкая система жизнеобеспечения горожан. То есть город – не только место для работы, но и место, где в шаговой доступности – все необходимое для жизни, причем это место имеет особую эмоциональную ценность, наполняет жизнь смыслами и поддерживает преемственность поколений. С этим связана, например, концепция посттравматического урбанизма 2020–2021 годов, воплощенная в проектировании пешеходных «15-минутных» (Париж, Буэнос-Айрес) и даже «7-минутных городов» (Куала-Лумпур, Сеул). Идея в том, чтобы минимизировать перемещения, особенно с помощью личного транспорта, а также создать в каждом районе функциональные зоны, где житель может реализовать свои запросы, не посещая центр (работать, лечиться, учиться, общаться, развлекаться, покупать, заниматься спортом).

Заполнение пространства большого города коммерческими объектами снижает ценность города как целостной структуры. Город начинает производить социальный капитал лишь развиваясь как концепт, как единый гомогенный проект, работающий в мировой системе и связанный с другими городами [39, с. 96–97].

Разработка технологии «умного города» (*Smart City*) или «умного города для людей» (*Human Smart City*) направлена именно на организацию такого сетевого взаимодействия, которое сделает жителя «потребителем инновационного типа». Горожанин становится потребителем глобальных трендов, реализованных в городском континууме, его экономике и культуре. Городская инфраструктура форматируется в цифровой инновационной системе, развивается как часть глобальной структуры.

Именно поэтому каждая новая технология интегрируется в «умный город» как функциональная возможность принятия эффективных решений, прогнозирования и планирования. Концепция развития «умных городов» направлена на полную реализацию перехода к использованию технологий искусственного интеллекта [40].

Характеристики «умного города», прежде всего, связаны с уровнем образования и информированности его жителей и распределенными технологиями самообучения горожан [41]. Для этого необходимы развитая инфраструктура, мобильный Интернет, разнообразные электронные платформы, облачные технологии, системы искусственного интеллекта, организованные в единую, быстро и эффективно решающую управленческие задачи, внедряющую инновации экосистему «умного города» [42]. В эту экосистему входит интеллектуальная система оперативного управления транспортом; социальная инфраструктура, включающая службы жизнеобеспечения (жилищные, медицинские); экономическая инфраструктура управления хозяйственной деятельностью и бизнесом; инженерная инфраструктура, осуществляющая техническое обеспечение жизни города [40, с. 253].

Заключение

Концепт глобального города начал формироваться в информационную эпоху во взаимосвязи с исследованием феномена мирового экономического сознания. В настоящее время выявление потенциала городской мировой сети для формирования социальной идентичности, для достижения нового баланса глобально-локального представляет как научный, так и практический интерес, является необходимым для интеграции отдельных групп в общественную структуру, преодоления разобщения и противостояния в обществе.

В XX веке индустриальное развитие привело к тому, что жизнь общества во многом стала городской жизнью, а символическая, знаковая структура города приобрела многообразие, сложность и особую динамику, интеграция

личности или группы стала многоуровневым и многофакторным процессом, к сожалению, не всегда успешным, о чем свидетельствуют негативные явления городской жизни. Общество как социальная система, в соответствии с идеями Н. Лумана, воплощает смыслы человеческой жизни в конкретном пространстве и времени, репрезентует для личности мир и побуждает ее к действию. Город, будучи составляющей этой системы, развивается на стыке глобального и локального.

На рубеже тысячелетий, в информационную эпоху город в полном смысле стал источником событий, смыслов, той средой, которая структурирует социальное пространство и время, объединяет перспективу и ретроспективу и фактически конструирует человека как личность. Идеи Э. Тоффлера, И. Пригожина о неопределенности как движущей силе развития, в том числе и развития социальных систем, приобрели новый конкретный смысл, поскольку благодаря средствам связи, мобильным технологиям, событиям, способные вывести систему из равновесия, инициировать глобальные изменения, могут произойти в любой момент и в любой точке мира (примером тому – террористические угрозы 2000-х годов, кибератаки на государственные структуры и мультикорпорации 2010-х и пандемия COVID-19).

На пороге цифровой эпохи именно научное осмысление социального функционала глобального города, мегаполиса, цифрового города позволяет определить актуальные задачи эмпирических социологических исследований и социального проектирования. И в этой связи представляется значимым применение идей З. Баумана о роли города в поддержании социальной идентичности и гражданственности в условиях «текучей», неопределенной и изменчивой современности, определение такого контекста, в котором город как традиционная форма социального конструирования приобретает глобальный функционал. Современный город является уникальным историческим ландшафтом, экономическим и информационным центром, пространством событий в реальном формате для его жителей и одновременно центром коммуникаций, в подлинном смысле обращенных *Urbi et Orbi* («городу и миру»). Мегаполисы и города, имеющие официальный международный статус «глобальных», «умных», «креативных», можно в этом отношении считать социальными «лабораториями», в которых создаются и апробируются социальные практики.

Данное исследование было инициировано концепцией М. Кастельса о системе глобальных городов в пространстве потоков и направлено

на изучение и систематизацию научных источников по проблематике глобального города. В дальнейшем представляется целесообразной и актуальной характеристика глобальной и локальной идентичности в условиях города, изучение потенциала городской среды как многоуровневого социально-культурного пространства.

Список литературы

1. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновский. М: Логос. 2004. 232 с.
2. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.
3. Дерлугьян Г. Иммануил Валлерстайн в мировосystemной перспективе // Новое литературное обозрение. 2018. № 2. С. 62–69.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общ. ред. канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкий. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001. 416 с.
5. Wallerstein I. The Heritage of Sociology, The Promise of Social Science Presidential Address, XIV World Congress of Sociology. Montreal, 26 July 1998 // Current Sociology. 1999. Vol. 47. № 1. P. 1–37.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2014. 240 с.
7. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2020. 352 с.
8. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
9. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 285 с.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2020. 208 с.
11. Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 24–27.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. Предисл. О. Тоффлер. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
13. Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 240 с.
14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
15. Prigogine I., Herman R. Kinetic theory of vehicular traffic. N.Y.: Elsevier, 1971. 100 p.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
17. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США / Отв. ред. и сост. Р.А. Гальцева. М.: Культ. инициатива; СПб.: Унив. кн., 2000. 637 с.
18. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.

19. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Прогресс: Изд. Фирма Пангея, 1993. 543 с.
20. Новиков И.Д. Эволюция вселенной. М.: Главная редакция физико-математической литературы Издательства «Наука», 1990. 192 с.
21. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
22. Толкиен Дж. Р.Р. Властелин колец. М.: ЭКС-МО-Пресс, 2001. 992 с.
23. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
24. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело»; РАНХиГС, 2018. 320 с.
25. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
26. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества: Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 188 с.
27. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
28. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 220–251.
29. Усовская Э.А. Установки номадизма в культуре постмодерна // Вести Института современных знаний имени А.М. Широкова. 2017. № 2. С. 98–101.
30. Friedmann J. The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. № 1. P. 269–383.
31. Cohen R.B. The new international division of labor: multinational corporations and urban hierarchy // Urbanization and Urban Planning in Capitalist Society. Routledge, 1981. P. 278–315.
32. Chase-Dunn C.K. Urbanization in the World-Economy. New York: Academic Press, 1985. P. 269–292.
33. Сассен С. Когда города значат больше, чем государства // Новое время. 2003. № 43. С. 15–35.
34. Sassen S. The global city: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton univ. press, 2001. 447 p.
35. Castells M. The rise of the network society, The information age: economy, society, and culture. John Wiley&Sons, 2011. V. 1. 656 p.
36. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: StrelkaPress, 2014. 300 с.
37. Мир в соответствии с GaWS // Сайт GaWS – The World According to GaW. URL: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/gawcworlds.html> (дата обращения: 1.04.2021).
38. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006. 399 с.
39. Матвеева О.Ю. Глобальные города, меняющие социально-культурное пространство // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 93–97.
40. Панкова Л.Н. «Умный город» как глобальная технология развития // Инновации и инвестиции. 2018. № 10. С. 252–255.
41. Cocchia A. Smart and Digital City: A Systematic Literature Review // Smart City: How to Create Public and Economic Value with High Technology in Urban Space. Springer, Cham, 2014. P. 13–43.
42. Экономика и менеджмент в условиях нелинейной динамики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, 2017. С. 545–570.

THE CONCEPT OF A GLOBAL CITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL MOBILITY AND FLUID MODERNITY

Yu.V. Kozlova

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

The article is devoted to the substantiation of the concept of a global city in the system of world communications. Such theoretical approaches to the interpretation of the category "city" and "public space" as the theory of social systems by N. Luhmann, the world system analysis by I. Wallerstein, and the theory of network society by M. Castells are considered. The modern city as a gnostic and communicative construction, which allows structuring space/time, integrating the individual into the public, is characterized from the standpoint of the theory of social mobility by J. R. R. Tolkien. Urri and the concepts of fluid modernity Z. Bauman. The article describes the concepts of "global city", "media city", "creative city", "smart city" in terms of the orientation of public spaces to achieve and maintain social identity.

Keywords: self-replicating system, world system analysis, concept of uncertainty, bifurcation, dissipative structure, network society, globalization, glocalization, megapolis identity, social space, social time, social mobility, concept of fluid modernity, nomadism, media city, creative city.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_3_111

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК СУБЪЕКТЫ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2021 г.

О.В. Красуцкая

Красуцкая Ольга Викторовна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
k.olga777@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.03.2021**Статья принята к публикации 15.07.2021*

Рассматривается участие молодежных общественных объединений предприятий в реализации корпоративной социальной политики. Выявляются основные направления деятельности молодежных объединений работников предприятий, среди которых научно-техническое, производственное, социальное, патриотическое, профориентационное, культурно-массовое, спортивное. Подчеркивается, что молодежные общественные объединения задействованы в реализации внутреннего и внешнего компонента корпоративной социальной политики. Внутренний компонент корпоративной социальной политики реализуется молодежными общественными объединениями через систему мероприятий, направленных на привлечение молодых сотрудников в организацию, оказание мер поддержки, содействие в профессиональном и карьерном росте, организации мероприятий для всех категорий сотрудников в рамках существующей корпоративной культуры. Участие молодежных объединений в формировании внешнего компонента корпоративной социальной политики осуществляется через реализацию проектов патриотической, профориентационной и социальной направленности. По результатам авторского пилотного исследования, включающего содержательный анализ положений о молодежных объединениях, утвержденных локальными актами промышленных предприятий ($n = 8$), и анализ результатов анкетного опроса представителей молодежных объединений предприятий ($n = 110$), выявлена структура мотивации участия молодых работников в общественной деятельности, описаны функции и наиболее востребованные формы работы молодежных объединений предприятий.

Ключевые слова: молодежь, молодежное объединение, корпоративная социальная политика, молодые работники, социальная ответственность, субъектность, корпоративная культура.

Введение

Согласно Основам государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. молодежь определяется как наиболее склонная к мобильности и восприимчивая к изменениям социальная группа, обладающая инновационным потенциалом, необходимым для экономического и социального развития регионов. В связи с этим поддержка и развитие молодежных общественных объединений выступает в качестве одной из стратегических задач социального партнерства государства и субъектов экономики, что объясняет актуальность изучения участия молодежных объединений работников в социальной политике предприятий.

Теоретико-методологическая база

Значимость корпоративной социальной политики актуализируется в рамках всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности», который проводится Министерством труда и социальной за-

щиты Российской Федерации с 2000 г. Цели, задачи и номинации конкурса отражают видение государством основных направлений социальной политики предприятий и организаций: формирование и развитие рабочих мест в организациях, сокращение производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, развитие кадрового потенциала, формирование здорового образа жизни, развитие социального партнерства, участие в решении социальных проблем территорий, создание условий для работников с семейными обязанностями, формирование инклюзивной среды [1].

В сфере корпоративной социальной ответственности предприятий и организаций наблюдается тенденция к росту количества субъектов, что подтверждается данными Национального Регистра корпоративных нефинансовых отчетов, формируемого общероссийской организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей». В 2008 г. количество отчетов компаний составляло 55, на начало 2015 г. – 151, на начало 2021 г. – 374 [2, с. 49].

Исследователи рассматривают корпоративную социальную политику как систему управ-

ленческих воздействий, сосредоточенных на оптимизации взаимодействия социума, государства и предприятия, предоставлении социальных гарантий работникам предприятия, формирование норм корпоративной культуры [3, с. 262].

И.В. Долгорукова выделяет две составляющие корпоративной социальной политики: внешнюю социальную политику компании и внутреннюю.

Внешний компонент корпоративной социальной политики подразумевает участие организации в жизни местного сообщества, взаимодействие с государством и партнерами.

Внутренний компонент социальной политики организации предполагает соблюдение компанией норм трудового законодательства, обеспечение социальных гарантий работникам, содействие профессиональному развитию специалистов [4, с. 69].

Внутренняя корпоративная социальная политика рассматривается как инструмент привлечения высококвалифицированных специалистов, а также как средство обеспечения лояльности, вовлеченности и развития работников при существенной дифференциации мер социальной поддержки для разных категорий сотрудников, индивидуализации вознаграждений и социальных льгот [5, с. 29].

Субъектами корпоративной социальной политики предприятий выступают руководители предприятия, отделы управления персоналом, профсоюзные организации, молодежные общественные объединения работников.

Согласно Федеральному закону от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежным общественным объединением является международное, общероссийское, межрегиональное, региональное, местное добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное в установленном законом порядке молодыми гражданами, объединившимися на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения [6].

С целью детального изучения деятельности молодежных общественных объединений работников предприятий обратимся к результатам содержательного анализа положений о молодежных объединениях, утвержденных локальными актами промышленных предприятий ($n = 8$), и авторского пилотного исследования «Реализация молодежной политики на промышленных предприятиях Нижегородской области», проведенного в период с декабря 2020 г. по январь 2021 г. методом анкетного опроса. В исследовании приняли участие представители молодежных объединений работников про-

мышленных предприятий Нижегородской области: ПАО «Русполимет», ОАО «Газпром», ОАО «ОКБМ Африкантов», ОАО «НПП «Полет», АО «Арзамасский приборостроительный завод им. П.И. Пландина», ПАО «Завод корпусов», ФКП «Завод им. Я.М. Свердлова», АО «Нижегородский завод 70-летия Победы» – в возрасте от 18 до 35 лет, среди которых 42.9% составили женщины, 57.1% – мужчины ($n = 110$ человек). Семейное положение респондентов: 51.4% состоят в браке, 48.6% – холосты / не замужем. Количество респондентов, не имеющих детей, превышает количество респондентов, у которых есть дети, на 9.6%. Среди респондентов преобладают люди с высшим образованием (специалитет, магистратура) – 51.5%. Цель исследования – изучить механизмы реализации молодежной политики на предприятиях Нижегородской области. Задачи исследования: изучить меры поддержки молодежи, работающей на предприятиях; выявить структуру мотивации молодых сотрудников участвовать в общественной деятельности; проанализировать участие молодежных объединений работников предприятия в формировании корпоративной социальной политики.

Результаты исследования

Молодежные объединения работников промышленных предприятий обладают вариативностью организационных форм, к которым относятся молодежные общественные организации, активы молодежи, советы молодых специалистов, советы молодежи предприятий, молодежные комиссии при профсоюзных комитетах. Указанные организационные формы отличаются структурой объединения, количественным составом участников, представительством молодых работников различных подразделений предприятия, локальным нормативным регулированием, способами финансово-экономического обеспечения деятельности объединения.

Основной целью деятельности молодежных объединений предприятий является повышение ресурсности молодых сотрудников, позволяющей увеличить результативность выполнения производственных задач.

Данные цели отражены в локальных нормативных актах предприятий следующим образом: *Оказание содействия молодым специалистам в самореализации, повышении квалификации, профессиональном и карьерном росте молодых специалистов на предприятии и решении производственных задач.*

Совместное решение различных производственных и социальных проблем, возникающих у

молодых работников, призванное содействовать профессиональному становлению, карьерному, творческому и интеллектуальному росту, максимальному использованию потенциала молодых работников.

Повышение эффективности производственной деятельности и развитие инициативы молодых работников, вовлечение их в общественную, социально значимую и культурно-оздоровительную жизнь предприятия.

Деятельность молодежных объединений работников можно классифицировать по следующим направлениям:

- научно-техническое – создание условий для научной, исследовательской, проектной, управленческой деятельности молодых работников;
- производственное – развитие профессиональных компетенций молодых сотрудников в целях обеспечения производственно-технического роста предприятия;
- социальное – совершенствование социальных программ предприятия, создание условий для отдыха и досуга семей работников предприятия, реализации волонтерских программ;
- профориентационное – содействие в профессиональном становлении детей и молодежи, повышение престижа рабочих и инженерных специальностей;
- культурно-массовое – формирование условий для творческой самореализации молодежи, поддержание корпоративной культуры предприятия;
- спортивное – популяризация ценностей здорового образа жизни и спорта среди молодых сотрудников;
- патриотическое – формирование гражданской позиции, духовно-нравственных ценностей молодых работников.

В качестве наиболее распространенных мероприятий, в проведении которых принимают участие молодежные объединения работников предприятий, респонденты отметили организацию спортивных и культурно-массовых мероприятий – 87.7%, проведение образовательных программ для молодых работников – 54.7%, реализацию программ наставничества – 50%, поддержку инновационных и рационализаторских инициатив – 36.8%.

Несмотря на то что участие в организации образовательных программ для молодых работников является одной из наиболее распространенных функций молодежных объединений предприятий, респонденты указали потребность во внедрении большего количества образовательных, научных и творческих мероприятий. Тематика обучающих мероприятий, востребованных у респондентов, сфокусирована на сле-

дующих вопросах: «Проектная деятельность», «Целеполагание», «Маркетинг», «Карьерный менеджмент», «Ораторское искусство», «Организация спортивных и культурно-массовых мероприятий», «Организация онлайн-мероприятий», что отражает восприятие молодежного общественного объединения предприятия как некоего социального лифта, а также понимание молодыми работниками необходимости формирования дополнительных компетенций, способствующих решению профессиональных задач и повышению уровня их востребованности на рынке труда.

Примером образовательной программы, реализуемой при участии молодежного объединения предприятия АО «Нижегородский завод 70-летия Победы», является проект по формированию образовательной и карьерной траектории молодых работников в рамках программы внедрения профессиональных стандартов. В ходе мониторинга соответствия уровня образования молодых работников профессиональным стандартам было выявлено, что у ряда работников отсутствует профильное образование или необходимый уровень образования. В целях решения данной проблемы было организовано обучение представителей рабочих специальностей по программам среднего профессионального образования, инженерно-технических работников – по программам бакалавриата и магистратуры. Обучение осуществлялось на бюджетной основе или на условии компенсации 50% стоимости. Учебные занятия проводились на территории работодателя в вечернее время.

В основе мотивации молодых работников участвовать в общественной жизни предприятия находится потребность в самореализации (73.8%), желание учиться новому (65%), потребность в укреплении отношений с коллегами (62.1%), осознание важности общественной деятельности для предприятия (44.7%).

Анализируя права и обязанности молодежных общественных объединений, закрепленные локальными нормативными актами промышленных предприятий, следует отметить высокий уровень субъектности данной структуры. В данном контексте субъектность рассматривается как способность решать общественно значимые задачи и достигать социальные цели, эффективно управляя имеющимися ресурсами.

Представители молодежных объединений работников промышленных предприятий имеют право:

- принимать участие в коллективном планировании деятельности предприятия по разработке механизмов совершенствования работы с молодыми специалистами, направленной на повышение уровня их защищенности в профес-

сионально-трудовой, социально-бытовой и экономической сферах;

– организовывать мероприятия, направленные на оказание помощи молодым специалистам в период адаптации в коллективе, в приобретении практических навыков и профессиональном росте;

– вносить предложения по созданию новых производственных и социальных проектов.

Таким образом, молодежное общественное объединение предприятия позволяет осуществлять представительство молодых работников в управленческих процессах предприятия, выполняет функции по защите прав молодых работников, а также активизации их трудового потенциала.

Внешний компонент корпоративной социальной политики находит отражение в патриотическом, профориентационном и социальном направлениях деятельности молодежных объединений работников предприятий.

Патриотическое направление работы молодежных объединений предприятий заключается в организации всероссийских акций и мероприятий, приуроченных к памятным датам истории России, военно-спортивных и военно-технических мероприятий и участия в них.

Мероприятия профориентационной направленности, реализуемые молодежными объединениями работников предприятий, включают организацию посещений учащимися образовательных организаций музея предприятия, экскурсий на производство, встреч с представителями различных профессий, работающих в организации, проведение олимпиад и деловых игр.

Социальная направленность деятельности молодежных объединений работников промышленных предприятий проявляется во взаимодействии с учреждениями системы социальной защиты, образовательными организациями, медицинскими учреждениями при оказании помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Заключение

Рассматривая молодежное общественное объединение предприятия как субъекта корпоративной политики, следует отметить, что данная структура позволяет не только привлекать и удерживать молодых сотрудников на предприятии, формируя кадровую смену, соответствующую

корпоративной культуре предприятия, накопившую необходимый социальный капитал, обладающую высоким уровнем специальных профессиональных знаний и навыков, получение которых возможно только в условиях конкретного предприятия, но и повышать вовлеченность в общественную жизнь всех категорий работников предприятия через организацию совместных социальных проектов, направленных на поддержку различных категорий населения.

Деятельность молодежных общественных объединений предприятий в большей степени направлена на реализацию внутреннего компонента корпоративной социальной политики, что соответствует задачам создания данного сообщества.

Молодежные объединения работников предприятий имеют значительный потенциал для осуществления внешнего компонента социальной корпоративной политики, поскольку основным мотивом заниматься общественной деятельностью у представителей данного сообщества является потребность в самореализации, которая может проявляться в создании проектов, подразумевающих привлечение ресурсов предприятия для поддержки местного сообщества.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4.03.2009 № 265-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6298243/> (дата обращения: 12.03.2021).
2. Коровина Л.Н. Тенденции социальной ответственности российского бизнеса: состояние и проблемы (Часть 1) // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 8. С. 48–55.
3. Долгорукова И.В. Разнообразие социальных практик реализации корпоративной социальной политики на российских предприятиях // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. № 13. С. 262–266.
4. Долгорукова И.В. Теоретико-методологические подходы к изучению корпоративной социальной политики // Социальная политика и социология. 2009. № 4 (46). С. 62–72.
5. Озерникова Т.Г., Кузнецова Н.В. Развитие внутрикорпоративной социальной ответственности в российских компаниях // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 23–34.
6. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 12.03.2021).

YOUTH ASSOCIATIONS OF INDUSTRIAL WORKERS AS SUBJECTS OF CORPORATE SOCIAL POLICY

O.V. Krasutskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The participation of youth public associations of enterprises in the implementation of corporate social policy is considered. The main areas of activity of youth associations of employees of enterprises, including scientific and technical, industrial, social, patriotic, career guidance, cultural and mass, sports, are identified. It is emphasized that youth public associations are involved in the implementation of the internal and external components of corporate social policy. The internal component of the corporate social policy is implemented by youth public associations through a system of measures aimed at attracting young employees to the organization, providing support measures, promoting professional and career growth, organizing events for all categories of employees within the existing corporate culture. The participation of youth associations in the formation of the external component of corporate social policy is carried out through the implementation of projects of patriotic, career-oriented and social orientation. Based on the results of the author's pilot study, which includes a substantive analysis of the provisions on youth associations approved by local acts of industrial enterprises ($n = 8$) and an analysis of the results of a questionnaire survey of representatives of youth associations of enterprises ($n = 110$), the structure of motivation of young employees to participate in public activities is revealed, the functions and the most popular forms of work of youth associations of the enterprise are described.

Keywords: youth, youth association, corporate social policy, young employees, social responsibility, subjectivity, corporate culture.

УДК 316.43+316.023.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_116

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

© 2021 г.

Н.М. Лавренюк-Исаева

Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна, к.соц.н.; доц.; старший научный сотрудник
Центра изучения социального развития и формирования человеческого капитала
ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан»;
доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа
nmlavr@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 15.12.2020**Статья принята к публикации 15.07.2021*

Семьи каждый день решают стоящие перед ними задачи. Одни семьи не справляются и оказываются в трудной жизненной ситуации, в социально опасном положении, получают статус неблагополучных и попадают в фокус внимания государства и его семейной политики. Другие семьи решают жизненные задачи с переменным успехом. Третьи успешно справляются, приобретают новый опыт, ставят цели и достигают их апробированными инструментами. Такое развитие событий обусловлено многими факторами. В зависимости от субъектности респондентов в официальном браке (далее – семейные респонденты) в статье выделены и описаны характер и типы внутрисемейной политики на основе эмпирических фактов социологических исследований, реализованных в Республике Башкортостан в 2019 и 2020 г. Результаты анализа позволили гипотетически рассматривать внутрисемейную политику как фактор успешной адаптации к изменяющимся ситуациям тех семей, которые имеют четкое видение действий на основе стратегий и тактик внутренней семейной политики. Ответы семейных респондентов в зависимости от их субъектности позволили выделить семьи с четко определенной, с нечетко определенной и с неопределенной внутренней политикой. Поскольку чем больше семей с внутренней системой инструментов регулирования и саморазвития, тем больше шансов у общества на эффективное регулирование и развитие, постольку перспективы дальнейшего исследования связаны с поиском и разработкой ответов на вопрос о том, как эффективно формировать внутрисемейную политику с активной стратегией ее реализации. В прикладном аспекте результаты будут полезны как представителям органов исполнительной власти в реализации семейной политики, так и дружественным семьям некоммерческим структурам.

Ключевые слова: семья, семья в браке, стратегия, планирование, тактика поведения, внутрисемейная политика.

Введение

В современной социологической практике активно изучается трансформация институтов семьи, брака, родства, родительства, материнства, отцовства и детства (С.И. Голод, А.А. Клецин [1], Т.А. Гурко [2–4], К.А. Кузьмина [5], F. Williams [6], Г.А. Банных, А.И. Кузьмин, С.Н. Костина, Е.В. Зайцева [7]). Разброс суждений о развитии семейных институциональных процессов варьируется *от угроз духовной и демографической безопасности общества* (А.В. Верещагина, С.И. Самыгин [8], Н.Х. Гафиатулина [9], А.И. Антонов [10], Т.А. Гурко [11]) *до нормы* (С.И. Голод [12]). С одной стороны, происходит ослабление роли семьи как посредника во взаимодействии личности и общества и его превращение из объединения семей в объединение индивидов (А.И. Антонов) [13]. С другой – растет ее престиж как малой социальной группы, сохранившей свое жизненное значение для индивидов (Л.В. Карцева). «Каждая семейная общность самостоятельно устанавливает для себя грани-

цы прав и обязанностей без посредничества социума» [14, с. 94].

Семья как малая группа объединена семейной жизнедеятельностью и включена определенным образом в систему общественных отношений. Порядок организации семейной жизнедеятельности и включение в систему общественных отношений определяются семейной политикой каждой семьи. По А.И. Донцову, в числе признаков отнесения группы к социальной – «наличие органов (инстанций) планирования, координации, контроля групповой жизнедеятельности и индивидуального поведения, которые персонифицированы в лице одного из членов группы» [15]. В семье функции планирования и координации деятельности выполняют супруги как совместно, так и отдельно. По мере взросления детей их мнения могут влиять на семейное самоуправление. Все это делает семью весьма динамичной структурой [16, с. 145]. Динамика семьи регламентируется как внешней, так и внутренней семейной политикой по отношению к ней. *Вопросы внешней семей-*

Таблица 1

Население Республики Башкортостан по состоянию в браке

Семейный статус по состоянию в браке	ВПН-2002		ВПН-2010	
	Человек	%	Человек	%
Население в возрасте 16 лет и более, из них:	3 232 338	100.0	3 330 015	100.0
Состоящие в браке	1 939 871 (969 936 семей)	60.0	1 924 689 (962 345 семей)	57.8
Никогда не состоявшие в браке	685 129	21.2	703 177	21.1
Вдовы	357 919	11.1	375 704	11.3
Разведенные официально и разошедшиеся	247 213	7.7	266 645	8.0
Не указавшие состояние в браке	1 816	0.1	59 257	1.8

Источник: Брачное состояние населения в Республике Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012. С. 6.

ной политики популярны у современных отечественных исследователей [17–19]. Она не одобряется одними специалистами, которые считают, что при минимизации финансовых и социальных гарантий и поддержки со стороны государства институт семьи исчезнет полностью [20], и одобряется другими из-за улучшения положения семей по таким направлениям, как поддержка детей с несовершеннолетними детьми, защита института семьи со стороны государства [21]. Вопросы внутренней семейной политики менее популярны. Как верно отметила З.Х. Саралиева: «Гарантом и катализатором сбережения, накопления сильного ресурсного потенциала служит максимальное соответствие социальных норм, определенных для семьи как социального института, с ценностями и интересами самой семьи... Чем выше степень развитости социальной субъектности семьи, тем ближе мы к реальному, гуманному, свободному гражданскому обществу. Чем выше... компетентность, субъектность семьи, тем стабильнее её положение, совершеннее семейное взаимодействие, позитивнее функционирование семьи» [22, с. 199]. Субъектность семейных респондентов служит индикатором ее адаптивных возможностей.

Стратегии семей и их членов изучаются в направлении формирования новых моделей государственного и социального управления в семейной сфере Е.А. Пановой, Е.В. Андрюшиной, Н.С. Григорьевой [23]. Авторы публикации пришли к выводу о доминировании у отечественной студенческой молодежи партнёрской модели брачных отношений, в которой наблюдается баланс распределения функций за каждым из партнёров [23, с. 261]. Следовательно, в определении векторов развития будущих и настоящих семей участвуют оба партнера как субъекты; оба принимают решения о планах семьи.

Выдвигаемая гипотеза – с помощью индикаторов планирования и тактик реализации стратегий семейных респондентов с разной субъектностью можно определить внутрисемейную

политику, от которой зависит положение семей как организованных единиц, и задать целевой вектор работы с семьями. Цель данной статьи – концептуальное обоснование внутрисемейной политики, выделение и описание ее характера и типов в зависимости от субъектности респондентов в официальном браке на основе эмпирических фактов социологических исследований, реализованных в Республике Башкортостан в 2019 и 2020 г. Задачи: 1) концептуальное обоснование внутрисемейной политики; 2) выделение и описание характера и типов внутрисемейной политики в зависимости от субъектности респондентов в официальном браке.

Предметный анализ внутрисемейной политики сфокусирован на семьях Республики Башкортостан. По данным ВПН-2010, в регионе проживает 4 миллиона человек, 962 345 семей. Каждый пятый в возрасте 16 лет и старше представляет внебрачное население¹. Брачное состояние и его изменение за период между ВПН-2002 и ВПН-2010 в регионе приведено в табл. 1.

Динамика двух предыдущих переписей показывает снижение числа семей при росте численности взрослого и внебрачного населения. Увеличение числа не отметивших состояние в браке потенциально указывает на совместное проживание без официальной регистрации.

Методология

Концептуальное обоснование взаимосвязи внутрисемейной политики, стратегии и тактики реализовано на основе индикативного социального моделирования как инструмента «создания... комплексной системы индикаторов, отражающих достижение поставленных целей, позволяющих сфокусировать внимание... на основных приоритетах развития» [24, с. 99]. «Индикатор – интегральный показатель, количественно определяющий качественные характеристики

ки процесса. Они определяются как параметры границ, в пределах которых система...может устойчиво функционировать и развиваться» [25, с. 21]. «Индикатор представляет частичное отражение реальности, основанное на неопределенных и несовершенных моделях... Мы нуждаемся во множестве индикаторов, потому что у нас разные мировоззрения, а индикаторы помогут сблизить их. Индикаторы не обязательно должны быть совершенно объективными, и на самом деле лишь немногие из них таковы. Несмотря на трудности и неопределенность мы не можем управлять без индикаторов» [26].

Принимая во внимание суждения:

1) «Являясь гомоморфными образами объективной реальности, модели упрощают ее и представляют в виде ряда абстракций...их локальный характер неизбежно сужает круг задач, для решения которых они предназначены...Мягкие модели интерпретируются качественно и отражают тенденции в функционировании социальных процессов» [27, с. 80];

2) «Попытки заменить мягкое моделирование жестким обычно приводят к иерархии все более сложных и громоздких математических построений, ... реальная ценность которых зачастую не превосходит в сущности простых (хотя без математики и не очевидных) выводов, основанных на анализе именно простейших моделей» [28, с. 14], автор опирается на следующие модели социологических индикаторов.

1. *Модель субъектности через мировоззренческие установки.* Ответы на вопрос: «Почему люди поступают так, а не иначе?» – зависят от мировоззренческих установок в основе субъектной (активной), объектной (пассивной) или субъект-объектной жизненных позиций супругов. Субъектная или объектная жизненная позиция и соответствующие им активная или пассивная внутрисемейная политика рефлексированы в инструментарии опросов через две пары суждений. Первая пара: 1.1 «Я смогу сам обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в помощи» и 1.2 «Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить». Вторая пара: 2.1 «Человек сам кузнец своего счастья» и 2.2 «Жизнь человека в большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его усилиями». Активная внутрисемейная политика характерна в большей мере для тех респондентов в официальном браке, кто разделяет суждения 3-й пары: 3.1 «Мне нравятся перемены, жить в меняющемся обществе», – поскольку они к ним готовы, в противовес суждению 3.2 «Все перемены к худшему; я хочу, чтобы мир не менялся». При этом внутрисемейная полити-

ка может быть активной в обоих случаях, в т. ч. для сохранения семейного мира без изменений. Традиционные и инновационные установки рефлексии в 4-й паре суждений: 4.1 «Главное – инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и в жизни» и 4.2 «Главное – это уважение сложившихся обычаев и традиций». Сторонников первого варианта больше среди семейных респондентов с официальной регистрацией брака по данным опроса «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» (2019 год)².

2. *Модель индикаторов стратегий поведения семейных респондентов в отношении их семей.* Соотношение стратегий и тактик поведения семейных респондентов определено в случае столкновения с ситуацией ухудшения материального положения на основе данных online-опроса «Оценка реального уровня и структуры бедности в Республике Башкортостан» (2020 год)³. С помощью вопроса: «Какие действия Вы намерены предпринимать в случае ухудшения Вашего материального положения и Вашей семьи?» – были выявлены стратегии и тактики поведения семейных респондентов. Они соответствуют активной, проактивной (экономии) или пассивной (иждивенческой) стратегиям поведения (табл. 2).

3. *Планы семейных респондентов на смену работы, жительства и рождение детей как факторы внутрисемейной политики,* т.к. принимаемые решения касаются основных аспектов жизнедеятельности семей. Наличие планов указывает на наличие целей и приоритетов, а их отсутствие – на неотрефлексированность перспектив развития. Для анализа структуры множества объектов – респондентов в официальном браке ($N = 564$, опрос 2019 г.) и их планов реализован кластерный анализ методом К-средних. С помощью фильтра отбора данных для анализа была выделена группа респондентов в зарегистрированном браке. В итоге разбиения множества объектов на однородные совокупности получено 5 кластеров с помощью евклидовой меры. Кластеры выбраны так, чтобы разница между наблюдениями внутри группы респондентов в официальном браке в разных кластерах была максимальной.

Актуальность и достоверность указанных социологических исследований позволяет считать методику обоснованной и достаточной для достижения обозначенной цели.

Результаты

Решение задачи № 1. Поскольку семейная политика в широком понимании – это все

Таблица 2

Индикаторы стратегий поведения респондентов в ответах на вопрос: «Какие действия Вы намерены предпринимать в случае ухудшения Вашего материального положения и Вашей семьи?»

Активная (действий)	Проактивная (экономии)	Пассивная (выжидания помощи)
1 – «Поменять профессию или место работы»	1 – «Экономить на питании»	1 – «Ждать поддержки от государства»
2 – «Использовать дополнительные возможности заработка»	2 – «Экономить на одежде и обуви»	2 – «Ждать помощи от благотворительных или религиозных организаций»
3 – «Буду активнее использовать дачный (приусадебный) участок»	3 – «Экономить на отдыхе»	3 – «Ждать помощи от общественных организаций»
4 – «Поменяю место жительства, перееду в другой населенный пункт»	4 – «Экономить на лечении, лекарствах»	4 – «Попытаюсь взять кредит»
5 – «Попытаюсь продать что-нибудь из имущества»	–	5 – «Обращусь за помощью к родственникам или знакомым»

Примечания: 1) инструментарий оценки разработан сотрудниками Центра социального развития и формирования человеческого капитала ГАНУ ИСИ РБ. 2) Возможны комбинации стратегий.

действия во всех областях, которые оказывают влияние на семью и индивидов (занятость, здравоохранение, образование, социальное страхование и др.) [29], то ее можно определить как институциональное регулирование семейных отношений в обществе. Институциональное регулирование представляет взаимосвязанную систему социальных институтов, оказывающих прямое и косвенное воздействие на семейные отношения. Косвенное регулирование реализуют институты досуга, образования детей и взрослых. В прямое регулирование включены основные институты: государство, бизнес, социальное предпринимательство, право, мораль, сама семья. Государство реализует государственную семейную политику. «В самом общем виде государственную семейную политику можно определить как комплекс мер, реализуемых государством в отношении семьи с несовершеннолетними детьми, в основе которых лежат представления о том, каковы отношения государства и семьи и какой должна быть роль государства в ее жизнедеятельности... В узком смысле семейная политика – это меры государства в отношении семей с несовершеннолетними детьми» [29, с. 75]. Каждый из агентов реализует свою семейную политику, включая семью. Например, Ф.Б. Бурханова пишет: «...Сама семья является агентом предоставления заботы о детях и других членах семьи» [30, с. 76]. Однако внутрисемейная политика не сводится только к заботе, а служит системой воспроизводства новых членов общества и ключом к самореализации не только детей, но и супругов, близких родственников.

Каждая семья с момента создания строит свои отношения, которые основаны на представлениях и жизненном опыте. Формирует согласованное (или у каждого отдельно) видение своей семьи и уклада семейной жизни. Определяет цели, дина-

мику и порядок реализации планов, продвижение интересов семьи во внешнюю среду.

Внутрисемейную политику определим как механизм реализации семейной стратегии через тактику – комплекс инструментов жизнедеятельности, исходя из представлений о том, какой должна быть семья, как должны быть реализованы роли супругов и детей на разных этапах ее жизненного цикла: от принятия решения о совместном ведении домохозяйства без или с регистрацией брака до развода или смерти супругов.

В сложившейся практике в отношении семей проводится активная государственная политика, а общественная политика самих семей не является доминантой. Поведение семей в современной России и в ее регионах обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. Т.К. Ростовская и О.В. Кучмаева выделили две группы факторов детерминации необходимости реализации семейной политики: 1) объективного воздействия (внешние по отношению к семье) и 2) субъективного действия (внутрисемейные). Вторые связаны с общекультурным и образовательным уровнем и состоянием здоровья членов семьи, с их потребностями и установками, с регламентами отношений через традиции и правила [31, с. 161–162].

М.Д. Шапсугова верно отметила, что в модели семейной политики должны быть принципы гармонизации публичного и частного в сфере семейных отношений [32, с. 140]. Т.Н. Каменева и В.В. Зотов, анализируя возможности мягкого управления в семейной политике, как условия снижения рисков ее реализации, пришли к выводу, что «основой такой политики должны стать механизмы институционализации и идеологизации, которые способствуют формированию просемейного тезауруса и габитуса института семьи» [33]. Таким образом, внутрисемейная политика изучается в контексте семейной политики в целом, а не как таковая.

Таблица 3

Распределение ответов состоящих в браке респондентов о мировоззренческих суждениях в зависимости от состояния в официальном зарегистрированном браке в 2015 и в 2019 г., %

Статус/Вариант ответа	Состою в официально зарегистрированном браке
Варианты суждений	Состою в официально зарегистрированном браке
	2015 г./2019 г.
1.1. Я смогу сам обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в помощи	39.1/38.2
1.2. Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	60.9/61.8
<i>Всего</i>	<i>100.0/100.0</i>
2.1. Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи в его руках	67.0/71.8
2.2. Жизнь человека в большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его усилиями	33.0/29.2
<i>Всего</i>	<i>100.0/100.0</i>
3.1. Мне нравятся перемены, жить в меняющемся обществе	54.3/58.4
3.2. Все перемены к худшему, я хочу, чтобы мир не менялся	45.7/41.6
<i>Всего</i>	<i>100.0/100.0</i>
4.1. Главное – инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и в жизни	47.0/47.1
4.2. Главное – это уважение сложившихся обычаев и традиций	53.0/46.9

Источник: составлено автором по результатам опросов 2015 и 2019 гг.

Внутренняя политика и стратегия семей. Выделим подход К. Маннгейма, который предложил различать бюрократическую деятельность по регулированию социальных систем в соответствии с заданными нормативами и политическую – по изменению этих нормативов. Здесь политика понимается как разновидность инновационной деятельности по переводу социальных систем в новое качество в социальных системах другого уровня [34]. Таким образом, в политике есть идеологический смысл (целевой замысел) и инструментальный – совокупность приемов и способов перевода системы в новое качество для реализации целевого замысла.

В научных источниках специалисты выделяют два подхода к описанию соотношения стратегии и политики: «стратегического соответствия» (strategic fit) и «стратегического растяжения» (strategic stretch). Идея «strategic fit» была выдвинута представителями Мичиганской школы [35]. Смысл «стратегического соответствия» – «естественное» соотношение отдельных параметров стратегии и политики семьи и элементов семейной политики других институтов. Г. Хамел и К. Прахалад [36] отметили, что несоответствие между ресурсами и амбициями (целями) ведет как к инновациям, так и к поиску более экономных методов организации основных функций. В таком ключе подход «стратегического растяжения» (strategic stretch) означает оптимальную организацию через рационализацию и экономию ресурсов («субоптимальные решения») [37, с. 3].

Внутрисемейная стратегия определяет, какой количественно-качественной ценной системой быть семье в долгосрочной перспективе, а внутрисемейная политика – как через правила,

принципы и нормы должно быть организовано взаимодействие с ее членами, чтобы семья могла успешно реализовать свои жизненные стратегические цели.

Результаты решения задачи № 2. Выделение и описание характера и типов внутрисемейной политики в зависимости от субъектности респондентов в официальном браке.

Анализ индикаторов модели субъектности через мировоззренческие установки. По данным опроса 2019 г., в браке состояло более половины респондентов. Суждения респондентов (табл. 3) показывают, что без поддержки государства (61.8% в среднем от ответивших) не обойтись. Сторонников перемен в жизни, инициативы и предприимчивости, как и сторонников традиционного уклада жизни, почти поровну.

Среди респондентов, состоящих в официальном браке, соотношение сторонников суждений первой пары в 2015 и 2019 годах было 40/60. Фактически на 20% больше семейных респондентов с пассивной, зависимой позицией. Соотношение сторонников суждений второй пары в 2015 и 2019 годах было 67.0/33.0% и 71.8/28.2% соответственно. За 4 года почти на 5% среди тех, кто считает «Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи в его руках», – выросло число семейных респондентов с субъектной жизненной позицией с 67.0% до 71.8%. Таким образом, респонденты группы считают, что в большей мере способны влиять на счастье и успех, чем на финансовое и материальное благополучие своих семей.

Результаты кластеризации показали, что только в одном кластере 5 респонденты 45–54 лет могут самостоятельно обеспечить себя и свою

Таблица 4

Планы семейных респондентов в кластерах

Планы	Кластер 1 25–34 года	Кластер 2 25–34 года	Кластер 3 25–34 года	Кластер 4 35–44 года	Кластер 5 45–54 года
На смену работы: «Планируете ли Вы в ближайшие 1–2 года сменить место работы?»	Да	Нет	Да	3/о	Нет
На смену места жительства: «Планируете ли Вы в ближайшее время переезд в другой населенный пункт?»	3/о	Да, в ближайшие 12 месяцев	Нет	Да, в ближайшие 12 месяцев	Нет
На рождение детей: «Планируете ли Вы родить еще одного ребенка? Если да, то когда?»	В течение года	Нет	Как получится	Нет	Нет
Доля кластера (всего 100.0%)	10.7	16.2	25.1	12.2	35.8

Источник: составлено автором (опрос 2019 г.)

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие действия Вы намерены предпринимать в случае ухудшения Вашего материального положения и Вашей семьи?» в зависимости от состояния в браке, %**

Стратегия	Состоит в браке			Не состоит в браке		
	Да	Нет	Всего	Да	Нет	Всего
Активная	29.6	70.4	100.0	22.8	77.2	100.0
Экономии	23.8	76.2	100.0	18.2	81.8	100.0
Пассивная	17.1	82.9	100.0	10.8	89.2	100.0

Источник: Результаты опроса «Оценка реального уровня и структуры бедности в Республике Башкортостан», 2020 год.

Примечания: 1) группы следующих той или иной стратегии получены путем суммирования положительных ответов по индикаторам (таблица 2); 2) в столбце «не состоит в браке» даны усредненные суммированные ответы респондентов, указавших статусы: «холост/не замужем, в браке никогда не состоял(а)», «живем вместе без официальной регистрации», «разведен/разведена», «вдовец/вдова», «другое»; 3) в таблицу не включены затруднившиеся ответить.

семью и не нуждаются в поддержке государства. Представителям остальных четырех более «молодых» кластеров без поддержки государства выжить сложно. Иметь свое собственное дело (ИП, частное предприятие, фермерство и др.) хотят исключительно респонденты самого малочисленного кластера 1.

В системе управления семьей политика выполняет двоякую роль. С одной стороны, способствует общему идеологическому представлению и видению согласованного взаимодействия выделенных подсистем в общем образе, какой должна или может быть их семья. С другой стороны, внутрисемейная политика обеспечивает связь стратегии и тактики через планы, как достичь нормативного или желаемого образа и позиции семьи. Планы в отношении изменения своего положения имеют примерно 4/5 семейных респондентов. Основные вопросы, связанные с местом жительства, работой, рождением детей, респонденты реализуют к 45–54 годам (кластер 5). В кластере 4 (35–44 года) есть планы на смену работы и место жительства, репродуктивные планы реализованы. В кластерах 1–3 (25–34 года) актуальны планы по всем трем вопросам. При этом четкую позицию в отношении их реализации занимают респонденты кластера 2.

В кластере 1 респонденты реализуют репродуктивные планы в текущем году, а в кластере 3 «как получится» (табл. 4).

Анализ индикаторов модели стратегий поведения семейных респондентов в отношении их семей. Активная стратегия поведения в случае ухудшения материального положения респондента и его семьи включает действия в разной мере интенсивного характера и укладывается в рамки подхода «стратегического соответствия». Проактивная стратегия описывается экстенсивными действиями, которые в той или иной мере соответствуют подходу «стратегического растяжения». Выбор стратегии поведения, действий или бездействия так или иначе согласуется в семье; или решение принимается единолично. В любом случае это связано с политикой поведения на основе тактических решений по принципу соответствия стратегии и политики (табл. 5).

Согласно данным, респонденты в браке более активно выбирали индикаторы во всех трех стратегиях, чем респонденты вне брака. Позиция первых отрефлексирована более четко. Выбирая варианты действий или бездействия, они принимают решение с меньшими затруднениями, чем остальные опрошенные.

Обсуждение

Ответы семейных респондентов позволили выделить семьи с четкой определенной, с нечетко определенной и с неопределенной внутренней политикой. К первой группе можно отнести семьи респондентов, которые давали четкие ответы, с конкретным видением стратегий, планов и тактик в их реализации (примерно 50%). Во вторую группу включены респонденты, которые на одни вопросы дали четкие ответы, на другие – нет. Их доля составила примерно 36%. В третью группу включены затруднившиеся отвечать на вопросы анкеты. На основе расчета среднего значения в эту группу вошли 13.4% семейных респондентов. Если отталкиваться от данных ВПН-2010 (см. таблицу 1), то в числовом выражении в группе 257 908 человек, 128 954 семьи. Это группа с неопределенной внутренней политикой. Внутренние процессы не регламентированы, процессы принятия решений в отношении планов и тактик не определены четко. Эти семьи, скорее всего, обладают низкими адаптивными компетенциями в силу меньшей организованности и сплоченности. В целом этим трем группам соответствуют активная, проактивная (экономии) и пассивная (изживенческая) стратегии поведения (табл. 2 и 5).

Заключение

Внутрисемейная политика как системное образование входит в управление внутрисемейными процессами и событиями для создания и сохранения своих семейных ценностей. Она формируется через согласование установок супругов разной субъектности в виде планов и определения на их основе правил и действий в рамках внутрисемейных отношений.

Новые данные ВПН-2021 покажут изменения, а новые результаты научных исследований позволят найти ответ на вопросы о том, как увеличить долю первой группы, какие инструменты применить к подгруппам семей разного статуса внутри общности. Поскольку в прикладном аспекте, чем больше семей с внутренней системой инструментов регулирования и саморазвития, тем больше шансов у общества на эффективное развитие в зависимости от стадии жизненного цикла и типа семьи.

С помощью индикаторов планирования и тактик реализации планов семейных респондентов можно определить внутрисемейную политику, от которой зависит положение семей как организованных единиц. Ответ на исследовательский вопрос о том, как эмпирически соотносятся типы внутрисемейной политики (четкая, нечеткая, неопределенная), стратегии и

тактики поведения (активная, проактивная, пассивная) и степень адаптации к условиям среды, кроется в субъектности семейных респондентов в официальном браке и вне его и требует дальнейшего изучения. Перспективы исследования связаны с разработкой и адаптацией мягких моделей индикаторов и поиском корреляций на других массивах релевантных данных. Несмотря на то что модель субъектности через мировоззренческие установки классически используется для оценки локус-контроля (внешний или внутренний), потенциал для интерпретации шире. В прикладном аспекте перспективы связаны с изучением мирового опыта и разработкой технологий развития гибких семейных компетенций.

Автор выражает признательность организаторам и исполнителям социологических исследований – сотрудникам Центра изучения социального развития и формирования человеческого капитала ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» за профессионализм.

Статья выполнена по теме НИР в рамках выполнения госзадания «Социально-экономические и демографические факторы развития человеческого капитала в Республике Башкортостан».

Примечания

1. Брачное состояние населения в Республике Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012. С. 11.

2. Дизайн исследования: «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» – ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ». Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объем выборки – 1000 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–август 2019 г.

3. Дизайн исследования: «Оценка реального уровня и структуры бедности в Республике Башкортостан»: ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан». Объект исследования – постоянное население муниципальных образований РБ в возрасте от 18 до 74 лет. Выборка квотная по полу, возрасту, образованию и месту проживания. Объем выборки – 1500 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (online-анкеты в Google-формах). Сроки проведения полевых работ: 26 мая – 15 июня 2020 г.

Список литературы

1. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типоло-

- гический анализ, эмпирическое обоснование. Санкт-Петербургский филиал Ин-та социологии РАН, 1994. 42 с.
2. Гурко Т.А. Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 73–94.
3. Гурко Т.А. Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 63–73.
4. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. 7–2. С. 65–80.
5. Кузьмина К.А. Трансформация модели семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 201–216.
6. Williams F. Rethinking Families. London: Calouste Gulbenkian Foundation. 2014. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19200655/> (дата обращения: 13.10.2020).
7. Банных Г.А., Кузьмин А.И., Костина С.Н., Зайцева Е.В. Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений // Вопросы управления / Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Электронная версия регулярного бумажного издания УИУ РАНХиГС. 2008–2020. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2019/01/03/?print> (дата обращения: 13.06.2020).
8. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Семья и социальная безопасность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 116–120.
9. Гафиатулина Н.Х. Социологический анализ концептуальных моделей социального здоровья индивида // Инженерный вестник Дона. 2013. № 4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/2011 (дата обращения: 13.06.2020).
10. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000. 414 с.
11. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., 2008. 325 с.
12. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 106–119.
13. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования. 2014. Апрель. URL: <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (дата обращения: 01.09.2019).
14. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100.
15. Донцов А.И. О понятии «группа» в социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 17–25.
16. Юмкина Е.А. Социальная психология семейных отношений. Глава 12 // Социальная психология: традиции и современность: Монография / Под общ. ред. А.Л. Свенцицкого, С.Д. Гуриевой, составитель Т.Б. Позднякова. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 142–164.
17. Антонов А.И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники [Электронный ресурс] // Demographia.ru. 2010. 01 февр. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245 (дата обращения: 08.11.2020).
18. Гурко Т.А. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. 2008. № 6. С. 10–15.
19. Малимонов И.В., Король Л.Г., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2015. №10 (54). С. 202–219.
20. Захаров С. Рожать сегодня... и не рожать завтра // Научно-образовательный портал IQ – НИУ «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. 2010. 3 марта. URL: http://www.opec.ru/12128_49.html (дата обращения: 05.05.2019).
21. Борисенков В.П., Гукаленко О.В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Наукovedение». 2014. № 5 (24). С. 1–24. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).
22. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2002. № 1. С. 192–200.
23. Панова Е.А., Андриюшина Е.В., Григорьева Н.С. Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 77. Декабрь 2019 г. С. 246–273.
24. Нагимова А.М. Индикативная модель управления социально-экономическими системами как механизм обеспечения качества жизни населения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indikativnaya-model-upravleniya-sotsialno-ekonomicheskimi-sistemami-kak-mehanizm-obespecheniya-kachestva-zhizni-nasele-niya/viewer> (дата обращения: 12.06.2020).
25. Петров А.Н., Демидова Л.Г., Климов С.М. Индикативное планирование: теория и пути совершенствования: Монография. СПб.: Знание, 2000. 94 с.
26. Indicators and Information Systems for Sustainable Development. URL: <http://www.nssd.net/pdf/Donella.pdf> (дата обращения: 12.06.2020).
27. Лебедева И.П. Мягкие модели как форма математизации социологического знания // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 79–84.
28. Арнольд В.И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. М.: МЦНМО, 2004. 32 с.
29. Чернова Ж.В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008. 328 с.
30. Бурханова Ф.Б., Комлева Р.Н., Кадыров С.Х., Праведников А.В., Чурсина К.В., Шамсутдинова Н.К., Ягафарова Д.Г., Лавренюк Н.М. Семейная политика: теоретические основы и практические аспекты реализации // В кн.: Демографический доклад. Вып. 3 / Под общ. ред. Г.Ф. Хилажевой, Н.К. Шамсутдиновой. Уфа: Башк. энцикл., 2018. С. 75–100.

31. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных институтов общества. М., 2015.
32. Шапсугова М.Д. Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года и гармонизация частноправовых начал в сфере семейного и предпринимательско-правового регулирования // *Colloquium-journal*. 2019. № 5–6(29). С. 62–64.
33. Каменева Т.Н., Зотов В.В. Мягкое управление в семейной политике как условие снижения рисков ее реализации // *Государство и общество: вчера, сегодня, завтра*. Серия: Социология. 2014. № 12 (1). С. 23–34.
34. Основные подходы к пониманию политики. URL: <http://kulturoznanie.ru/politology/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-politiki/> (дата обращения: 13.06.2020).
35. Tichy N.M., Fombrun C.J., Devanna M.F. Strategic human resource management // *Sloan Management Review*. 1982. № 23 (2).
36. Hamel G., Prahalad C. K. Strategy as stretch and leverage // *Harvard Business Review*. 1993. March–April. Vol. 71. № 2. P. 75–84.
37. Гурков И.Б., Зеленова О.И., Мутовин А.А. Социально-кадровая политика российских предприятий // *Мир России*. 2007. № 4. С. 3–18.

STRATEGY AND TACTICS OF INTRA-FAMILY POLICY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

N.M. Lavrenyuk-Isaeva

The Center for the Study of Social Development and Human Capital Formation of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa

Families solve their problems every day. Some families do not cope and find themselves in a difficult life situation, in a socially dangerous situation, receive the status of disadvantaged and fall into the focus of attention of the state and its family policy. Other families solve their life problems with varying degrees of success. Others successfully cope, gain new experience, set goals and achieve them with proven tools. This development is due to many factors. The article shows the impact of intra-family policy on the situation of families through the strategy and tactics of its implementation based on empirical facts of sociological research implemented in the Republic of Bashkortostan in 2019 and 2020. The results of the analysis allowed us to draw conclusions about the direct dependence of successful adaptation to changing situations of those families who have a clear vision of actions based on strategies and tactics of internal family policy (intra-family policy). Respondents' responses allowed us to identify families with clearly defined, unclear and uncertain internal policies. In General, these three groups correspond to active, proactive (active) and passive (dependent) behavioral strategies. Since the more families with an internal system of regulatory and self-development tools, the more likely society is to effectively regulate and develop, the prospects for further research are related to the search and development of answers to the question of how to effectively form an intra-family policy with the active strategy for its implementation. In the applied aspect, the results will be useful both for representatives of Executive authorities in implementing family policy, and for non-profit organizations that are friendly to families.

Keywords: family, strategy, planning, behavior tactics, intra-family policy.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_125

СПЕЦИФИКА ЗАНЯТОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021 г.

А.В. Ермилова, Д.В. Захаров

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru

Захаров Дмитрий Валерьевич, магистрант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zdvcorp@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 14.03.2021**Статья принята к публикации 27.07.2021*

Актуализируется проблема положения пожилых людей в сфере занятости населения в условиях пандемии. Для изучения заявленной проблемы было проведено социологическое исследование «Проблемы интеграции пенсионеров в рынок труда», осуществленное с помощью анкетирования ($N=120$ чел.) и интервьюирования ($N=20$ чел.) данной категории населения в марте–апреле 2020 г., в результате чего были выявлены особенности и причины интеграции пенсионеров в рынок труда на примере Нижегородской области. Рассматривается проблема сохранения рабочего места после выхода лица на пенсию с выявлением наиболее «безопасных» сфер деятельности, где могут работать пожилые люди. Анализируется проблема восприятия пожилыми людьми себя как категории, испытывающей дискриминацию в социально-трудовой сфере. Фиксируется факт нарушений трудовых прав пенсионеров и специфика их проявлений в гендерном разрезе. Несмотря на перспективность и востребованность концепции активного старения, в большинстве случаев выявляется отрицательное отношение пенсионеров к трудовой деятельности после выхода на заслуженный отдых, что связано в значительной мере с их вынужденной интеграцией в сферу занятости. Оцениваются достаточность и эффективность существующих государственных мер, направленных на социальную защиту пожилых людей, продолжающих работать после выхода на пенсию.

Ключевые слова: занятость, лица пожилого возраста, пенсия, пандемия.

Введение

Проблема положения пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений является многоаспектной, а в современных условиях развития российского общества усиливает свою значимость. Потребность интеграции данной категории населения в рынок труда очень велика, что может быть связано как с желанием пожилых продолжать работать после выхода на заслуженный отдых, так и с демографическими проблемами в РФ. Демографический кризис в России, продолжающийся уже несколько десятилетий, представляет собой социальную болезнь, которую пытаются преодолеть с помощью государственных мер (например, материнский капитал), направленных на повышение рождаемости, забывая о возросшей смертности в Российской Федерации (по данным Росстата, за январь – октябрь 2019 г. число умерших в России на 259,6 тыс. больше числа родившихся [1]).

Естественно, вышеуказанные социально-демографические факты не могли не отразиться на рынке труда, основной характеристикой которого является нехватка «рабочих рук», что связано с тенденцией убыли трудоспособного

населения в нашей стране [2]. В 2012–2018 гг. число трудоспособного населения сократилось с 62,1% до 55,5% [3]. В сложившихся условиях потребность в пожилых работниках, казалось бы, должна возрастать, что в итоге нашло свое отражение в проведенной в 2018 г. пенсионной реформе, требованием которой является более продолжительное пребывание пожилых на рынке труда. Однако в реальности ситуация может развиваться по-другому. Непосредственно сама пандемия является тем обстоятельством, которое прервало трансформацию российского рынка труда, о чем свидетельствуют также данные социологического исследования проф. В.Г. Доброхлеб [4]. К тому же и времени после осуществления реформирования пенсионной системы прошло еще слишком мало, что позволит нам в будущем оценить в полной мере процесс интеграции пожилых в социально-трудовые отношения.

Большой вклад в изучение вопроса занятости пожилых людей внесла И.Л. Сизова, выявляя специфику занятости и незанятости пенсионеров в региональном разрезе [5; 6]. Образ жизни пенсионеров, в том числе особенности их интеграции в трудовую сферу, был проанализирован исследовательской группой в составе

И.А. Григорьевой, Л.А. Видясовой, А.В. Дмитриевой, О.В. Сергеевой [7], а также С.В. Монасыповой [8]. Внимание научно-исследовательского коллектива под руководством З.Х. Саралиевой направлено на выявление влияния пенсионной реформы на межпоколенное взаимодействие в сфере занятости населения [9].

В условиях текущей пандемии, которая негативным образом отразилась на экономике страны (зафиксировано ее сокращение на 4.8% [10]), обострились типичные социально-экономические проблемы (инфляция, безработица, дискриминация, бедность, теневизация, фиктивная занятость), среди которых превалирует проблема дискриминации, в том числе и в отношении пожилой категории населения. Стоит заметить, что проблема дискриминации пожилых работников в сфере занятости была актуальной еще и до пандемической ситуации, что подчеркивает значимость вопроса социальной незащищенности работающих пенсионеров [11]. Типичными проявлениями дискриминации пожилых людей в сфере занятости выступают предлагаемые им малопrestiжные виды трудовой деятельности, а также более низкий уровень оплаты труда по сравнению с коллегами более молодого возраста, обладающими равной квалификацией [12–14], что является отражением стереотипизации восприятия пожилых в представлении современных работодателей. Так или иначе, проблема дискриминации пенсионеров в сфере занятости в период адаптации к пандемии начинает усугубляться, что еще в большей степени обостряет в целом проблему эйджизма в социуме [15], в том числе и на российском рынке труда. По мнению авторов, это связано, во-первых, со снижением в целом спроса на рабочую силу в связи с уменьшением необходимых рабочих мест в условиях самоизоляции; во-вторых, что вызывает особую тревогу, с отсутствием работы как таковой, что обусловлено банкротством и закрытием предприятий, не сумевших адаптироваться и продолжить работать в условиях пандемии; в-третьих, со структурной безработицей вследствие возросшей потребности уменьшения штата работников, необходимого для поддержания дистанционной трудовой деятельности предприятия в условиях самоизоляции. В такой обстановке именно люди пожилого возраста могут попадать под сокращение, ввиду отсутствия необходимых условий, связанных с возможностью осуществления дистанционной занятости.

Эмпирическая база

Данные обстоятельства подтолкнули авторов к проведению социологического исследова-

ния «Проблемы интеграции пенсионеров в рынок труда», осуществленного с помощью анкетирования ($N=120$ чел.) и интервьюирования ($N=20$ чел.) в марте–апреле 2020 г. Объект исследования – рынок труда как сфера интеграции пожилых работников в современный социум. Предмет исследования – трудовая деятельность пожилых людей. Цель исследования – выявление проблемного поля в ходе осуществления трудовой деятельности лицами пенсионного возраста в период пандемии. Интегрированные в сферу занятости пожилые люди, принявшие участие в исследовании, представлены преимущественно женщинами (64% жен.; 36% муж.), средний возраст которых составляет 66 лет. Значительная часть пенсионеров состоит в браке – 51%, хотя достаточно большое количество женщин пожилого возраста являются вдовами (25%).

Результаты исследования

Известно резкое падение благосостояния россиян, завершивших трудовую деятельность, что подталкивает значительную их часть к продолжению трудовой деятельности либо к возвращению на рынок труда через определенный промежуток времени после выхода на пенсию. Следствие такого положения дел – 83% опрошенных еще до выхода на пенсию планировали продолжать трудовую деятельность.

Опрос исследовательского холдинга «Ромир» подтверждает выявленную тенденцию: почти две трети респондентов (62%) после выхода на пенсию не планируют прерывать свою трудовую деятельность [16].

Однако вовлечение пенсионеров в трудовую деятельность носит скорее вынужденный характер. Согласно опросу ВЦИОМ, занятость пенсионеров россияне объясняют прежде всего недостаточным объемом пенсионных выплат, причем за 25 лет солидарных с этим мнением стало в 1.5 раза больше (с 49% в 1990 г. до 75% в 2015 г.) [17].

Пожилые люди, принявшие участие в нашем исследовании, указали, что интеграция в трудовые отношения после выхода на заслуженный отдых в большей степени связана с низким уровнем пенсионного обеспечения (78.3%):

«На пенсию в 12000 руб. я точно не смогу прожить, конечно, планирую и дальше работать» (женщина, 66 лет);

«Пенсию насчитали 13400 руб. Я живу с дочерью и двумя внуками. Естественно, планировала и дальше работать. Выбора нет» (женщина, 64 года);

«У меня жена инвалид, да и пенсия будет, как у всех, маленькая. Вынужден и дальше работать» (мужчина, 66 лет).



Рис. 1. Причины интеграции в трудовые отношения, % (n=120 чел.)

Именно вынужденный характер интеграции в трудовые отношения в связи с низким уровнем пенсионного обеспечения может способствовать в целом негативному восприятию трудовой деятельности после выхода на заслуженный отдых. Соответственно, европейская концепция активного старения [18] весьма уязвима перед лицом тех реалий, с которыми сталкиваются пенсионеры в России, еще более обострившихся под влиянием пандемии COVID-19 [19]. О вышесказанном красноречиво свидетельствуют причины интеграции в социальные трудовые отношения после приобретения статуса «пенсионер» (см. рис. 1).

Как и ожидалось, доминирующей причиной, побуждающей пенсионеров продолжать работать, является в первую очередь низкий уровень пенсионного обеспечения – 84%, который сохранился по сей день, несмотря на реформирование пенсионной системы. Однако достаточно большая группа пенсионеров продолжают работать в связи с их востребованностью на рынке труда (34%). На данный факт указывают и исследователи И.А. Григорьева, Л.А. Бершадская и А.В. Дмитриева, подчеркивая, что для многих пенсионеров не менее важно сохранить достигнутый к зрелому возрасту социальный статус, из которого следуют как уважение окружающих, так и уровень заработной платы [20].

Актуальность проблемы несоответствующего качества жизни пенсионеров в связи с недопустимо низким уровнем пенсионного обеспечения наших отцов/матерей, бабушек/дедушек фиксируют многие исследователи на протяжении уже нескольких десятилетий [21–23]. Полученные авторами данные свидетельствуют, что почти половине респондентов денежных средств хватает только на питание, на приобретение чего-либо еще им приходится накапливать сбережения (см. рис. 2).

В связи с низким уровнем пенсионного обеспечения, а также необходимостью оказания материальной помощи родственникам, значительная часть которых приобрела статус «безработные» в условиях пандемии, пожилые люди вынуждены интегрироваться в сферу занятости либо всеми силами удерживаться в ней, в большей степени



Рис. 2. Материальное положение пожилых, % (n=120 чел.)

осуществляя трудовую деятельность на постоянной основе (80% пенсионеров работают на постоянной основе, 20% – время от времени).

Данные интервью тоже указывают на выявленную тенденцию продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию в связи с неудовлетворительным уровнем пенсионного обеспечения:

«Вы же понимаете, пенсия у учителя музыки не самая высокая, а учитывая, как у нас постоянно цены катастрофически увеличиваются, лучше я поработаю дополнительно» (женщина, 75 лет);

«Семье нужен был дополнительный заработок помимо пенсии» (женщина, 66 лет);

«Ну, главная причина – это, конечно же, нехватка денежных средств» (мужчина, 67 лет);

«Деньги нужны, потому вот так и тружусь» (мужчина, 62 года).

Следовательно, низкий уровень пенсионного обеспечения и, как следствие, вынужденный характер трудовой деятельности являются основными характеристиками положения пенсионеров в современном российском социуме. По мнению большинства пенсионеров (76.4%), такая ситуация в ближайшее время пока не изменится, что свидетельствует о низком уровне доверия к проводимой государственной социальной политике в РФ.

Самым важным фактором, влияющим на возможность осуществления трудовой деятельности после выхода на пенсию, является состояние здоровья, которое у большинства участников опроса соответствует удовлетворительному уровню (54%). Однако 20% пенсионеров признались, что испытывают постоянные проблемы со здоровьем, связанные с обострением тех или иных хронических заболеваний. По их мнению, именно состояние здоровья в первую очередь влияет как на возможность их интеграции в трудовые отношения, так и на прекращение трудовой деятельности:

«Еще пару лет точно, если здоровье не подведет, конечно» (женщина, 65 лет);

«Пока есть такая возможность, буду продолжать работать, пока и здоровье позволяет» (женщина, 75 лет);

Таблица 1

Сохранность прежнего рабочего места после выхода на пенсию в зависимости от сферы деятельности, %
(n=120 чел.)

Сфера деятельности	Занятость до выхода на пенсию	Степень сохранности прежнего рабочего места после выхода на пенсию		
		Сохранили без проблем	Сохранили, но были сложности	Не сохранили
Производство	22	23	13	64
Сфера обслуживания	15	0	27	73
Образование	13	77	23	0
Транспорт	12	8	25	67
Медицина, здравоохранение	8	75	25	0
Сельское хозяйство	8	88	12	0
Финансовая сфера	7	14	14	72
Культура, искусство	6	100	0	0
Автоматика, информатика	5	60	0	40
Гуманитарная, социальная	4	50	50	0

«На здоровье не жалею пока, потому об уходе и не думала. Надеюсь, в ближайшее время оно не подведет» (женщина, 74 года).

Стоит заметить, что практически все пожилые работники, занятые на постоянной основе, указали, что занятость в пожилом возрасте негативным образом отражается на их самочувствии. Следовательно, осуществленная пенсионная реформа и, как следствие, более продолжительное нахождение работников старшей возрастной категории в сфере занятости может негативным образом отразиться на их здоровье. Авторам пенсионной реформы следовало бы учесть данный аспект и на законодательном уровне предусмотреть возможность государственной поддержки лиц старше 55/60 лет в продолжении трудовой деятельности на принципе неполной занятости.

Немаловажной характеристикой сферы занятости населения является возможность сохранности рабочего места после приобретения статуса «пенсионер». Большинство участников опроса испытывают ту или иную степень неуверенности, связанную с возможностью трудиться на том же рабочем месте, которое они занимали до выхода на пенсию:

«Сложно загадывать, не думаю, что здесь меня долго держать еще будут. А идти еще куда-то устраиваться проблематично в моем возрасте» (женщина, 61 год);

«Пока здесь не сокращают, буду работать. Что же еще остается?» (мужчина, 62 года);

«А что загадывать-то, как жизнь дальше сложится. Надеюсь, пару лет еще меня поддержат» (мужчина, 66 лет).

Такие пессимистические настроения вполне обоснованны, так как, по результатам исследования, только 41% респондентов смогли без проблем сохранить свое положение в системе занятости; 20% участников опроса столкнулись с опре-

деленными сложностями в ходе резервирования своего рабочего места, порой идя на те или иные уступки работодателю; 40% пожилых людей были уволены в связи с пенсионным возрастом.

Хотелось бы обратить внимание на актуальность проблемы увольнения работников в связи с выходом на пенсию, несмотря на их желание оставаться на рынке труда. Проблема возрастной дискриминации работников затрагивает и лиц предпенсионного возраста, несмотря на существование статьи 144.1 Уголовного кодекса, которая была введена в период реформирования пенсионной системы. Она подразумевает наказание за необоснованный отказ в приеме на работу специалистов, которым осталось меньше пяти лет до выхода на пенсию. В обоих случаях предусмотрен штраф до 200 тыс. рублей (или в размере зарплаты осужденного за полтора года) либо до 360 часов обязательных работ [24]. Тем не менее число неработающих предпенсионеров растет. По данным Минтруда, по итогам второго квартала 2019 г. в органах службы занятости было зарегистрировано 122.6 тыс. граждан этого возраста — на 8.5% больше, чем в первом квартале. Если же сопоставлять данные Пенсионного фонда России и Росстата, получается, что официально трудоустроены только 40% из 10.1 млн граждан предпенсионного возраста [24]. По оценкам специалистов, уровень безработицы среди предпенсионеров находится на экстремально высоком уровне [25].

Возможность сохранения своего рабочего места после выхода на пенсию тесно коррелирует со сферой трудовой деятельности населения. В большинстве своем старшая возрастная категория лишилась работы, осуществляя трудовую деятельность в сфере обслуживания, транспорта, производства (см. табл. 1).

Наиболее безопасными, с точки зрения минимизации риска потери рабочего места, для пожилых людей оказались следующие, пре-

Таблица 2

**Сохранность прежнего рабочего места после выхода на пенсию
в зависимости от пола, % (n = 120 чел.)**

Пол	Сохранили без проблем	Сохранили, но были сложности	Не сохранили
Женщины	46	22	32
Мужчины	30	14	56

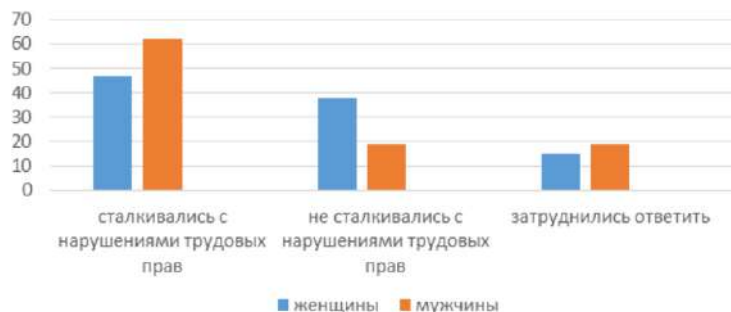


Рис. 3. Наличие факта нарушений трудовых прав в зависимости от пола, % (n=120 чел.)

Таблица 3

Оценка наличия различных типов нарушений трудовых прав пожилых работников, % (n=120 чел.)

Нарушение	Сталкивались	Никогда не сталкивались
Урезание, задержка или невыплата заработной платы	48	52
Отказ в приеме на работу из-за возраста	44	56
Отказ в возмещении убытков и предоставлении компенсации	43	57
Необоснованное понижение в должности	41	59
Необоснованное увольнение или сокращение	40	60
Ухудшение условий труда	26	74
Применение дисциплинарного взыскания	22	78
Принудительное сокращение рабочих часов	15	85
Отказ в оплачиваемом отпуске	7	93

имущественно бюджетные сферы трудовой деятельности: культура и искусство, сельское хозяйство, образование, в которые в большей степени интегрированы лица женского пола. Несмотря на невысокий уровень пенсионного обеспечения, в частности работников бюджетной сферы, осуществление трудовой деятельности не является только вынужденным, о чем свидетельствуют данные интервью:

«Да, у меня небольшая пенсия, но я не представляю своей жизни без моего трудового кол-лектива» (женщина, 63 года);

«Я люблю свою работу, мне важно чувствовать, что во мне нуждаются коллеги» (женщина, 66 лет).

На проблему гендерной дискриминации пожилых работников в сфере трудовой деятельности указали и сами участники опроса (см. табл. 2).

Как было указано выше, в большей степени пожилые работники подверглись увольнению из сфер трудовой деятельности, представителями которых в значительной степени являются мужчины (например, сферы производства и транспорта). В условиях пандемии, как показал

опрос, проблема возрастной дискриминации еще в большей степени усугубилась, ударив прежде всего по мужской части занятого населения, осуществляющего трудовую деятельность в таких сферах, где невозможно применить дистанционную технологию.

Анализ полученной информации позволил зафиксировать факт нарушений трудовых прав пенсионеров в гендерном разрезе, не говоря уже об увольнении в период пандемии. В целом по выборке столкновение с нарушениями трудовых прав наблюдалось у 52% пожилых работников, в большей степени представленных мужской аудиторией (см. рис. 3).

Следовательно, мужчины-пенсионеры в условиях пандемии оказались в большей степени подвержены нарушениям их трудовых прав, что нашло выражение в следующих проявлениях (см. табл. 3).

Практически половина респондентов (48%) отметили такие проблемы, как урезание, задержка или невыплата заработной платы. Помимо этого, в профессиональной жизни опрошенных пожилых в предпенсионный и пенсионный периоды часто имели место следующие

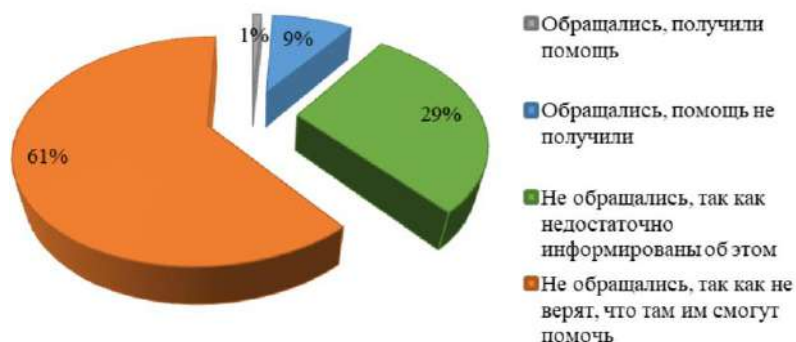


Рис. 4. Специфика обращений в профсоюз респондентов в случае нарушения трудовых прав, % (n=120 чел.)

нарушения: отказ в приеме на работу – 44%, отказ в возмещении убытков и предоставлении компенсации – 43%, понижение в должности – 41%, а также упомянутое ранее необоснованное увольнение или сокращение – 40%. Важно заметить, что по факту специфических проявлений нарушений трудовых прав пожилых работников в реальности с ними столкнулись гораздо большее количество пенсионеров, чем было указано выше (84%, а не 52%).

По мнению пенсионеров, интегрированных в рынок труда, указанные выше нарушения их трудовых прав вовсе не связаны с тем, что они выполняют работу хуже, чем их более молодые коллеги. Наоборот, они уверены, что способны составить достойную конкуренцию другим работникам, на что указало 58% участников опроса. Пенсионеры, осуществляя в настоящее время трудовую деятельность, сообщили о присутствии в их рабочих коллективах стереотипного отношения к ним, как к категории населения, неспособной работать в полную силу в связи с возрастными изменениями, что в итоге отражается, например, на заработной плате.

Можно сделать вывод, что причиной увольнений, понижений в должности, невыплат заработной платы вовсе может являться не некачественное выполнение профессиональных обязанностей пожилыми работниками, а, скорее всего, дискриминационные действия руководства, на которые вынуждены идти управленцы особенно в условиях пандемии, что еще в большей степени подчеркивает значимость проблемы социальной незащищенности пожилых работников. В подтверждение этого следует указать на мнение пенсионеров относительно их защищенности как категории населения в сфере трудовых отношений. Большинство из них считает (64%), что Трудовой кодекс не отражает их интересы. Казалось бы, такая низкая оценка правовой стороны системы занятости населения, а также нарушения, с которыми сталкиваются пенсионеры в ходе трудовой деятельности, должны активизировать их обращаемость в профсоюзные организации и инспек-

ции по труду, способные представлять и защищать их трудовые права и интересы. Однако в реальности положительный опыт обращений в профсоюзы характерен только для 10% участников опроса (см. рис. 4).

Оценка специфики обращаемости пенсионеров в профсоюзы указывает на следующие негативные тенденции, имеющие отношение к современной системе занятости населения: во-первых, больше половины пожилых людей, интегрированных в трудовые отношения (61%), проявляют недоверие к профсоюзам, считая их неспособными защитить интересы пожилых работников; во-вторых, 1/3 респондентов имеют низкий уровень информированности относительно защиты их трудовых прав после выхода на пенсию. По их мнению, деятельность профсоюзов распространяется только на работающих людей предпенсионного возраста, что является заблуждением. Вышеуказанные обстоятельства подталкивают пожилых работников к идентификации себя как слабозащищенной категории населения в трудовых отношениях. И, как следствие, чувство социальной незащищенности в сфере трудовой деятельности испытывают большинство участников опроса (60%) независимо от пола и стажа трудовой деятельности.

Итак, анализ положения пожилых людей в сфере занятости населения выявляет негативные аспекты трудовой деятельности в пенсионном возрасте, среди которых доминируют:

- отрицательное отношение пенсионеров к трудовой деятельности после выхода на заслуженный отдых, что связано в большей степени с вынужденным характером их интеграции в социально-трудовые отношения;

- наличие гендерной специфики дискриминации пожилых людей в трудовых отношениях, которая могла усилиться в период пандемии на фоне негативных процессов в экономической сфере;

- разной направленности нарушения трудовых прав пожилых работников, например необоснованное понижение в должности, необоснованное увольнение или сокращение, ухудшение условий труда;

– восприятие себя пожилыми людьми как незащищенной категории, с точки зрения государственных мер, направленных на социальную защиту людей, продолжающих осуществлять трудовую деятельность после выхода на пенсию.

В связи с этим первоочередной задачей государства в сфере защиты интересов пенсионеров, вынужденно или добровольно вовлеченных в трудовые отношения, является предоставление гарантированной, бесплатной и качественной комплексной социальной поддержки в виде организации программ по трудовой реинтеграции, профессиональной оценке и обеспечению трудоустройства граждан данной категории. Данные программы должны включать следующие разделы:

1) всесторонняя оценка профпригодности (уровень компетентности, психические и физические качества человека);

2) обучающие программы/курсы переподготовки (60+);

3) предоставление вакансий с учетом выявленного уровня компетентности и состояния здоровья;

4) обеспечение своевременного информирования обо всех имеющихся возможностях трудоустройства лиц предпенсионного и пенсионного возрастов посредством деятельности профсоюзов во взаимодействии с центрами занятости.

В завершение стоит отметить, что увеличивающаяся численность пожилых людей, особенно в условиях негативного влияния пандемии, придает первостепенную значимость мониторингу жизнедеятельности данной категории населения и выработке дифференцированных подходов к методологии оценки профессиональной пригодности. В качестве результата такого комплексного подхода в решении обозначенных проблем логично будет ожидать:

– снижения социальной напряженности в обществе, связанной с осуществленной пенсионной реформой;

– качественного перехода вопросов интеграции пожилых людей из вынужденных в разряд добровольно мотивированных, что, несомненно, явится позитивным сдвигом в ее решении;

– актуализации превентивного характера деятельности профсоюзных организаций в своевременном информировании лиц предпенсионного и пенсионного возрастов о наличии комплексных программ, направленных на интеграцию пожилой категории населения в социально-трудовые отношения, в тесном взаимодействии с центрами занятости.

Список литературы

1. В Госдуме объяснили рекордную убыль населения в России: прогноз [Электронный ресурс]. Ре-

жим доступа: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/13122019/100485?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 20.09.2020).

2. Кремль заявил о кульминации демографической ямы в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/13/12/2019/5df359459a79473ba3df8b63> (дата обращения: 26.09.2020).

3. Дореформировались? В России в 2019 году смертность превысила рождаемость [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/adb06c44> (дата обращения: 20.09.2020).

4. Доброхлеб В.Г. Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 166–173.

5. Сизова И.Л. WORK FIRST: Занятость и незанятость пожилых в современной России // Материалы Международной научно-практической конференции «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия» в рамках 3 Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодым». Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 692–696.

6. Сизова И.Л. Занятость лиц пенсионного возраста в г. Санкт-Петербург // Материалы Международной научно-практической конференции «Инвалиды – инвалидность – инвалидизация». Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. С. 686–689.

7. Grigoryeva I., Vidiasova L., Dmitrieva A., Sergeyeva O. Elderly population in modern Russia: Between work, education and health. Springer, 2019.

8. Монасыпова С.В. Образ жизни пенсионеров в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/obraz-zhizni-pensionerov-v-sovremennoi-rossii/read> (дата обращения: 27.09.2020).

9. Саралиева З.Х., Судьин С.А., Ермилова А.В. Пенсионная реформа как источник конструирования социальных рисков: когортный аспект // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. № 1-2. С. 143–153.

10. Аналитики оценили влияние пандемии на экономику России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/08/09/2020/5f570b589a7947a7d20d6a74> (дата обращения: 20.09.2020).

11. Бобровская О.Н. О стратегических задачах России и опыте Японии в создании рабочих мест для граждан нового возраста трудоспособности: экономико-правовое исследование // Успехи геронтологии. 2019. Т. 32. № 6. С. 870–881.

12. Клепикова Е.А., Колосницын М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента / Russian Management Journal. 2017. Т. 15. № 1. С. 69–88.

13. Коган Е.А. Проблемы трудоустройства лиц пенсионного возраста // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 805–808.

14. Эксперты констатировали деградацию занятости пожилых мужчин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/14/06/2019/5d0262ab9a79474943dcfa86> (дата обращения: 20.09.2020).

15. Микуленене С., Юркевич А., Раполене Г. Потребность в общении и роль эйджизма в ее реализации: качественное исследование пожилых людей // Успехи геронтологии. 2019. Т. 32. № 1–2. С. 273–281.
16. Опрос Ромир: хорошим стимулом к более позднему выходу на пенсию могло бы стать увеличение ее размера // Лаборатория пенсионной реформы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pensionreform.ru/112016> (дата обращения: 30.04.2021).
17. Выход на пенсию – не повод бросать работу? // ВЦИОМ. 2015. № 2978 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115470> (дата обращения: 30.04.2021).
18. Сидаренко А. Активное долголетие (Активное старение) Европейский подход [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://isp.hse.ru/data/2020/04/28/1544886310/02%20Sidorenko_Doklad%20KPA_D_HSE_28-04-2020.pdf (дата обращения: 27.09.2020).
19. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и в России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. 12 (2). С. 187–211.
20. Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 151–167.
21. Агранович М.Л. Оценка шансов на занятость работников пенсионного и предпенсионного возрастов // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 90–109.
22. Кижикина В.В. Уровень жизни пенсионеров и детей – как индикативные критерии социальной ситуации в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 3. Ч. 3. С. 28–33.
23. Сони́на Ю.В., Колосни́цына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 37–53.
24. За давностью лет: в РФ не заводят дела за увольнение предпенсионеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/932926/anna-ivushkina-sergei-izotov/za-davnosti-let-v-rf-ne-zavodiat-dela-za-uvolnenie-predpensionerov> (дата обращения: 26.09.2020).
25. Эксперты оценили уровень безработицы среди предпенсионеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2227541/> (дата обращения: 27.09.2020).

SPECIFICS OF EMPLOYMENT OF ELDERLY PEOPLE IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC: SOCIOLOGICAL ASPECT

A.V. Ermilova, D.V. Zakharov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The problem of the situation of older people in the field of employment in the context of a pandemic is being actualized. To study the stated problem, a sociological study “Problems of integrating pensioners into the labor market” was carried out using a survey ($N = 120$ people) and interviews ($N = 20$ people) of this population category in March–April 2020. As a result, the peculiarities and reasons for integrating pensioners into the labor market were identified using the example of Nizhny Novgorod region. The problem of keeping a job after a person retires is considered, identifying the most “safe” areas where older people can work depending on their socio-demographic characteristics. The problem of the perception of older people as a category experiencing discrimination in the social and labor sphere is being analyzed. The fact of violations of pensioners’ labor rights and the specifics of their manifestations from a gender perspective are identified. Despite the perspective and demand for the concept of active ageing, in most cases, there is a negative attitude of pensioners to work after a well-deserved vacation, which is largely due to their forced integration into employment. The sufficiency and effectiveness of existing state measures aimed at social protection of elderly people who continue to work after retirement are assessed. Prospects for further study of the problem are associated with the development of differentiated approaches to the methodology of assessing the professional suitability of representatives of older age groups.

Keywords: employment; elderly people; pension; pandemic.

УДК 316.47+314.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_133

ГРУППОВОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2021 г.

С.Ю. Елисеева

Елисеева Софья Юрьевна, аспирант, преподаватель кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
sonia.eliseeva@bk.ru

*Статья поступила в редакцию 29.03.2021**Статья принята к публикации 15.07.2021*

Представлен аналитический обзор результатов зарубежных исследований, опубликованных в рецензируемых журналах в 2000 – 2020 гг., о влиянии группового социального капитала на индивидуальное здоровье. Были выявлены и описаны индикаторы измерения группового социального капитала и индивидуального здоровья. Раскрыты два направления влияния группового социального капитала на здоровье индивида: прямое, или «композиционное» (compositional), и косвенное, или «контекстуальное» (contextual). В рамках этих направлений автором установлены пять механизмов связи социального капитала на уровне группы и здоровья индивида: 1) создание психосоциальной среды, 2) использование ресурсов группы для решения вопросов здоровья, 3) деятельность группы, направленная на создание пространства и практик, оказывающих влияние на индивидуальное здоровье, 4) контроль и регулирование поведения членов группы в отношении своего здоровья, 5) предоставление социально-экономического статуса для получения ресурсов для индивидуального здоровья. Описаны примеры реализации выявленных механизмов с учетом положительного и отрицательного влияния социального капитала на здоровье.

Ключевые слова: социальный капитал, индивидуальное здоровье, косвенное и прямое влияние, механизмы связи.

Введение

В 2011 г. на Всемирной конференции по социальным детерминантам здоровья (Рио-де-Жанейро, Бразилия) Всемирная организация здравоохранения актуализировала вопрос значимости социальных факторов в формировании общественного и индивидуального здоровья. Было отмечено, что для уменьшения неравенства в отношении здоровья необходимо искать новые, дополнительные ресурсы [1]. Одним из главных источников этих ресурсов является социальный капитал, во многом обуславливающий качество и образ жизни индивида.

На протяжении последнего столетия концепция социального капитала все чаще становится объектом внимания социологических и медицинских исследований [2–7] и позволяет находить новые объяснения влияния социальной среды на популяционное и индивидуальное здоровье.

Несмотря на то что достигнут значительный прогресс в понимании роли и механизмов, с помощью которых социальный капитал может прямо или косвенно влиять на здоровье и благополучие индивида и общества, роль социального капитала до сих пор не учитывается при разработке политики здравоохранения на международном уровне [8]. Это связано с противо-

речивостью эмпирических результатов исследований, возникающей вследствие отсутствия общепринятого подхода к пониманию социального капитала и его структурных компонентов. Наблюдается несоответствие между теоретическими подходами и эмпирическим измерением концепта [9]. Исследователи социального капитала концептуализируют данную категорию по-разному: начиная с фокуса на ресурсах, которые извлекаются из социальных сетей, в которых состоит индивид [2, 4], и заканчивая пониманием социального капитала как свойства социальной сети [3, 5] или доверия [6, 10]. Помимо этого, социальный капитал разделяют на формальный и неформальный (например, участие в политической организации и встречи с друзьями), на внутренний и внешний [11], на структурный и когнитивный [12], а также на «сплачивающий» («bonding»), «наводящий мосты» («bridging») [13] и «соединяющий» («linking») [14]. Все эти концептуальные разграничения связаны с дискуссией о том, кто является носителем социального капитала – индивид, социальная группа или общество в целом.

В научной литературе в равной степени представлены интерпретации социального капитала как индивидуальной или групповой характеристики (собственность коллектива = property of the collective), так и свойства терри-

тории, региона и даже страны. На каждом уровне выделяются особые механизмы влияния на индивидуальное и популяционное здоровье. Среди отечественных исследований представлены масштабные работы лишь о влиянии странового социального капитала на здоровье общества [15, 16]. Изучение связи индивидуального или группового социального капитала и здоровья практически отсутствует. Для развития исследований группового социального капитала и здоровья на российской выборке нам видится необходимым изучение зарубежных исследований по данной тематике. Фокус представленной работы сконцентрирован на социальном капитале малой группы и его влиянии на индивидуальное здоровье, поскольку малые группы представляют собой непосредственный контекст повседневной жизни индивида и определяют его поведение (в том числе в сфере здоровья) в максимальной степени [17].

Методология

Цель работы – аналитический обзор результатов зарубежных исследований влияния группового социального капитала на индивидуальное здоровье. В качестве базы исследования были выбраны научные статьи на английском языке, посвященные изучению связи социального капитала на уровне группы и здоровья индивида. Отбор статей осуществлялся в полнотекстовой базе данных SpringerLink по ряду критериев – дата публикации, открытость доступа к статье, наличие слов, референтных теме исследования. На первом шаге были отобраны статьи, где в названии, аннотации или в ключевых словах встречаются сочетания *social capital* (социальный капитал) и *individual health* (индивидуальное здоровье), опубликованные в рецензируемых журналах в 2000 – 2020 гг. и находящиеся в открытом доступе. Временной период 2000–2020 гг. был выбран исходя из того, что а) до начала 2000-х гг. социологическое изучение социального капитала носило преимущественно теоретический характер, б) проблема влияния социального капитала на здоровье начинает подниматься в медико-социологических исследованиях тоже лишь с начала 2000-х гг. Для последующего анализа было выделено 9745 статей как потенциально соответствующих критериям отбора. Формирование базы данных было завершено 9 ноября 2020 г.

На втором этапе, после ознакомления с аннотациями статей, из массива были исключены тексты, не соответствующие локальной исследовательской тематике, то есть не относящиеся к исследованию влияния группового социально-

го капитала на здоровье индивида. Второй шаг позволил сократить количество статей до 497.

На третьем шаге были отобраны статьи, в которых групповой социальный капитал исследовался на уровне малой социальной группы (то есть предполагалось, что члены группы находятся в непосредственном личном взаимодействии, разделяя групповые нормы и ценности). В общей сложности было выбрано 46 статей, которые в дальнейшем подлежали углубленному анализу. В последующем отобранный пул статей был дополнен публикациями из библиографического списка проанализированных статей, в которых содержалась значимая информация об исследованиях группового социального капитала и индивидуального здоровья. Автором была составлена вспомогательная аналитическая таблица, содержащая указание на источник публикации, год издания, страновую аффилиацию публикации, тип изучаемого группового социального капитала, метод и выборку исследования (для эмпирически ориентированных статей), способы измерения социального капитала и индивидуального здоровья, основные результаты исследования, дополнительные переменные.

Результаты и обсуждение результатов

Проведенный анализ показал, что индивидуальное здоровье в исследованиях в основном представлено с трех позиций: 1) самооценка здоровья, 2) объективные показатели здоровья/нездоровья и 3) поведенческие привычки, связанные со здоровьем. Самооценка здоровья измеряется, как правило, вопросом: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?» (порядковая шкала с вариантами «отлично», «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо») [11, 18]. Реже в качестве маркера для измерения здоровья используют субъективную оценку благополучия через вопрос: «Чувствуете ли Вы себя счастливым в целом?» [19]. Встречалось измерение здоровья через личную оценку трудностей в осуществлении повседневных, «обычных» дел (*instrumental activities of daily living*) в зависимости от состояния здоровья [20].

Объективные показатели здоровья/нездоровья оцениваются отдельно для физического и психологического здоровья. Для измерения уровня физического здоровья используются данные о количестве хронических заболеваний и индексе массы тела [21], антропометрии [22], наличии в данный момент времени заболеваний [23], серьезных травм или болей в теле [24]. Встречается вопрос, насколько часто индивид

был или не был «на больничном» по крайней мере 10 дней в течение последних 12 месяцев [25]. Индивидуальное психологическое здоровье измерялось через 1) наличие депрессивных симптомов, установленных специалистом [26], 2) уровень стресса при оценке психосоциальной среды [24]: участие в ссорах и конфликтах [25], переживания, связанные с насилием в семье [17], со смертью или болезнью близкого человека, потерей работы, приобретение ипотеки, развод или супружеские проблемы [27], 3) оценку склонности человека к самоубийству [28].

Состояние индивидуального здоровья связывают с образом жизни человека, а точнее с его поведением, повседневными привычками. Как следствие, оценивается а) поведение, «компрометирующее» (подрывающее) здоровье (health-compromising behaviours) [29] (курение, употребление алкоголя и психоактивных веществ), и б) здоровьесберегающее поведение – режим питания (употребление горячего обеда, овощей и фруктов), режим и качество сна и отдыха, подвижность / физическая активность или занятия спортом [18].

При изучении связи группового социального капитала и здоровья для оценки последнего использовались показатели о потенциальных возможностях индивида в отношении своего здоровья. Например, медицинская грамотность, то есть оценка индивидом навыков, которые определяют мотивацию и способность получать доступ к информации и использовать ее для поддержания хорошего здоровья [30, 20], или риск заражения ВИЧ через оценку структурной среды сообщества, в которую включен индивид [31].

В научных исследованиях даются противоречивые, зачастую противоречащие друг другу интерпретации сущности и структуры группового социального капитала. Можно выделить несколько подходов к трактовке и измерению исследуемой категории. Первый подход определяет социальный капитал как способность индивидов извлекать выгоду из социальных сетей [4], поэтому подразумевается, что качество группового социального капитала зависит от индивидуального социального капитала членов группы. Так, например, в исследовании D. Kim и I. Kawachi показатели уровня сообщества были получены путем агрегирования соответствующих показателей индивидуального уровня: социальное доверие, неформальные социальные взаимодействия, уровень вовлеченности в различные группы [11]. Таким же образом был измерен групповой социальный капитал школы в исследовании японских ученых [17].

Второй подход базируется на том, что групповой социальный капитал – это коллективное благо или свойство социальных структур, по-

этому не может сводиться к сумме индивидуальных социальных капиталов членов группы [3]. Представители данного подхода измеряют частоту и количество контактов, тип взаимоотношений в группе. В качестве эмпирических индикаторов используются вопросы: «Как бы Вы описали свое чувство сопричастности к группе?»¹ [32], «Вы бы сказали, что большую часть времени люди в Вашей компании стараются быть полезными или что они в основном заботятся о себе?»² [33].

Третий подход рассматривает социальный капитал через участие граждан в организациях и группах, что в последующем ведет к образованию сетей, доверию внутри сети и появлению ресурсов [5], то есть ядро социального капитала составляют коллективные действия. Участие в организациях измеряется через 1) формальное и неформальное членство в группах: «Являетесь ли Вы членом следующих организаций: политические организации, религиозные и спортивные группы, группы по интересам (хор, фотография, горные походы и т. д.)?»³ [34], 2) активность в группах: «Насколько Вы активно принимаете участие в следующих организациях: политическая партия, профсоюз, экологическая группа, ассоциация родителей / школ, церковная организация, группа пенсионеров, спортивный клуб и другие?»⁴ [35].

Четвертый подход – ресурсный, который является доминирующим в исследованиях, связанных со здоровьем [36], и обозначает групповой социальный капитал как коллективные ресурсы, возникающие в социальных сетях благодаря социальным нормам и доверию [2, 37]. В данном случае измерение строится на следующих показателях: «Можете ли Вы попросить своих соседей купить и принести Вам лекарства, если Вы болеете?»⁵ [29], «Среди Вашего окружения кто-то может свозить Вас в продуктовый магазин, если Вы болеете?»⁶ [39], «Могли бы Вы попросить соседа посидеть с Вашим ребенком?»⁷ [19].

Представители пятого подхода, напротив, полагают, что групповой социальный капитал – это показатель доверия, а социальные сети и ресурсы – это то, что возникает в результате социального капитала, но не образует его [10]. Данный тезис подтверждается на эмпирическом уровне через постоянство связи обобщенного доверия и здоровья (в 65% случаев связь сохраняется независимо от включения/исключения из анализа других потенциальных предикторов здоровья) [35]. Социальный капитал через стандартный вопрос о доверии: «Как Вы считаете – большинству людей можно доверять или нужно быть осторожным?» В одном из исследований

семейного социального капитала респондентам было предложено назвать до пяти доверенных лиц, с которыми они чаще всего обсуждали важные вещи, оценить, насколько они близки друг другу, как часто они взаимодействуют с каждым из своих доверенных лиц, а также как часто каждый из них взаимодействует с каждым из своих других доверенных лиц [23].

В эмпирических исследованиях перечисленные подходы часто смешиваются [38] или объединяются [31, 40].

Несмотря на вариативность концептуализации группового социального капитала, стоит отметить, что его существование невозможно в отрыве от социальных отношений [3]. Доверие, нормы, ресурсы – все это образуется в отношениях между индивидами. Но так как основания для этих социальных отношений могут быть различными, следовательно, исследования проводятся на примере разных социальных групп [7] – трудового коллектива [28, 33], семьи [17, 41], группы по интересам, например спортивные команды [19], малого территориального сообщества, например соседской, сельской общины [42, 18]. Особое внимание уделяется группам риска – пожилым людям от 60 лет [21, 26, 43], беременным женщинам [27, 29], индивидам, подверженным риску серьезных заболеваний [31], посетителям больниц [22], общинам мигрантов [20, 44] (как к имеющим ограниченный доступ к медицинским ресурсам).

Особняком стоят некоторые исследования соседского социального капитала. С одной стороны, соседей можно отнести к малым территориальным сообществам [18], с другой стороны, некоторые соседские районы настолько большие, что сложно говорить об их взаимодействии face-to-face, поэтому их следует относить к макроуровню (социальный капитал больших территорий).

Интересно, что исследования группового социального капитала и здоровья проводятся не только на уровне реальных социальных групп, но и на уровне виртуальных социальных сообществ, где тоже выстраиваются определённые социальные отношения и возникают ресурсы. К таким сообществам можно отнести как те малые реальные группы, внутри которых цифровизировалась коммуникация, так и, например, пользователей внутри одного форума. Проведение контент-анализа двух форумов (4739 онлайн-сообщений от 575 пользователей форумов «VARE» (посвящен вопросам использования электронных сигарет) и «HRT» (обсуждение менопаузы у женщины)) позволило сделать вывод, что онлайн-общение является удобным инструментом не только для поиска информации,

связанной со здоровьем, но и для получения поддержки от людей, находящихся в аналогичных обстоятельствах [45]. Виртуальные сообщества привлекательны в силу снятия стигматизации из-за анонимности, а также возможности быстрого и удобного общения.

В ходе анализа было установлено, что влияние группового социального капитала на индивидуальное здоровье можно разделить на прямое и косвенное. В работе исследователей из Южной Кореи эти два направления получили названия «композиционное» (compositional) и «контекстуальное» (contextual) [46]. Прямое, или композиционное, влияние подразумевает, что социальная группа непосредственно влияет на физическое и психическое здоровье индивида во время взаимодействия без дополнительных инструментов. Контекстуальное, или опосредованное, влияние группового социального капитала на индивидуальное здоровье проявляется через медиаторы, такие как: 1) внутригрупповые нормы и санкции в отношении здоровья членов группы, 2) социальная активность группы, оказывающая влияние на здоровье членов группы, 3) социально-экономический статус, обуславливающий доступ к ресурсам для индивидуального здоровья.

К механизмам композиционного влияния относится 1) создание психосоциальной среды и 2) использование ресурсов группы для решения вопросов здоровья. К механизмам контекстуального влияния – 3) деятельность группы, направленная на создание пространства и практик, оказывающих влияние на индивидуальное здоровье, 4) контроль и регулирование поведения членов группы в отношении своего здоровья, 5) предоставление социально-экономического статуса для получения ресурсов для индивидуального здоровья. Стоит отметить, что указанные выше механизмы могут оказывать как положительное влияние, способствующее сохранению и восстановлению здоровья индивида, так и, наоборот, – негативное (см. табл.).

Остановимся подробнее на действии данных механизмов. Во-первых, социальная группа, в которую включен индивид, обуславливает безопасность или стрессогенность психосоциальной среды для индивида. Наличие здоровых социальных отношений и чувство социальной поддержки может быть защитным фактором от стресса [24]. Так, соседские сообщества с высоким социальным капиталом обладают высоким социальным доверием, которое связано с высокой самооценкой здоровья, так как обеспечивает эмоциональную поддержку, способствует развитию взаимного уважения и взаимных отношений среди соседей [34]. И наоборот – ин-

Таблица

Механизмы влияния группового социального капитала на индивидуальное здоровье

	Прямое влияние	Опосредованное влияние
Положительное влияние	1. Создание психосоциальной безопасной среды для индивида 2. Предоставление ресурсов, необходимых для поддержания и восстановления индивидуального здоровья	3. Создание пространств и практик для здоровьесбережения индивида 4. Контроль и регулирование здоровьесохранного поведения индивида 5. Высокий социальный статус группы определяет доступ индивида к качественным ресурсам
Отрицательное влияние	1. Возникновение небезопасной психосоциальной среды, создание стрессовых ситуаций для индивида 2. Ограничение в ресурсах, необходимых для поддержания и восстановления индивидуального здоровья	3. Вовлечение индивида в высокорисковую среду для здоровья 4. Распространение в группе рискованных практик для индивидуального здоровья 5. Низкий социальный статус группы ограничивает доступ индивида к ресурсам и снижает их качество

Таблица составлена автором на основе анализа зарубежных исследований.

дивиды, включенные в соседские группы с низким социальным капиталом, чаще сообщают о плохом самочувствии и страхе выходить на улицу, что связано с недостаточным доверием соседям [38]. У работников с низким социальным капиталом на рабочем месте (независимо от пола и характеристик работы) повышен риск возникновения суицидальных идей (по сравнению с работниками с высоким социальным капиталом) [28]. Низкое чувство принадлежности к сообществу (значимой группе) оказывает прямое влияние на тяжесть депрессии, а социальная поддержка уменьшает самоощущение стресса [47].

Во-вторых, социальная активность группы способствует укреплению здоровья через совместную организацию пространств и практик для здоровьесбережения. Высокий социальный капитал группы увеличивает индивидуальные выгоды от коллективного социального участия [32]. Например, исследователями из Нидерландов было доказано, что люди, живущие в районах с высоким уровнем социального капитала, имеют на 118% больше шансов быть физически активными, так как соседи занимаются вместе с ними [18]. Участие в беговых клубах и занятиях по обучению правильному питанию может непосредственно влиять на уровень физической активности членов клуба и их здоровое питание [30]. Участие в групповых спортивных мероприятиях полезно не только для физического, но и для психологического здоровья, так как повышает у индивида чувство общности и принадлежности к группе, что влияет на его благополучие [19].

В-третьих, в группе осуществляется регулирование и контроль поведения ее членов в отношении здоровья через формальные и неформальные нормы и санкции. С одной стороны, члены социальной группы могут напоминать друг другу, в особенности пожилым людям, о

медицинских назначениях [48] или контролировать друг друга в отношении своего здоровья. Так, более сплоченные «рабочие места» будут более эффективны в поддержании здоровых норм, так как направляют коллег, которые кажутся «истощенными», на прием к врачу или в отпуск, а также контролируют соблюдение медицинских рекомендаций [28, 33]. Отсутствие контроля ведет к нездоровому поведению (было установлено, что если беременная женщина живет без партнера и отдельно от родительской семьи, то она более склонна к неадекватному питанию на протяжении всей беременности [29]). С другой стороны, в группе могут распространяться рискованные практики, и стремление индивида соответствовать групповым стандартам может привести к аддиктивному поведению, что отрицательно скажется на его здоровье [30]. В результате фокус-группового исследования американские ученые пришли к выводу, что для борьбы с ВИЧ недостаточно работать только с индивидуальным поведением в отношении здоровья, необходимо учитывать наличие поддержки и ресурсов сообщества, в которые включен индивид, – социальная среда индивида может либо снижать риск заражения за счет совместного использования ресурсов, или, наоборот, способствовать вовлечению индивида в высокорискованное поведение [31]. «Темная сторона» социального капитала в этом механизме проявляется еще и в том, что индивид может испытывать психологическое давление группы в случае несоответствия нормам и ценностям большинства [11].

В-четвертых, группа предоставляет своим членам различные ресурсы (информационные, инструментальные, оценочные [49]), необходимые для индивида при решении вопросов, связанных со здоровьем. Наиболее востребованный ресурс в социальных сетях при решении вопросов здоровья – это информационная поддержка,

то есть предоставление различных видов знаний, информации и рекомендаций относительно индивидуального здоровья. В группах, где наблюдается высокий уровень социального капитала, информация о возможностях сохранения и улучшения здоровья распространяется быстрее. Например, индивид имеет возможность узнавать не только о врачах, но и о качестве медицинского обслуживания через свои социальные сети, уточняя отзывы о работе врачей и медицинских организациях [50]. Социальный капитал здесь выступает в качестве (частичной) замены формы образования для повышения медицинской грамотности, предоставляя соответствующую информацию о профилактике и лечении заболеваний [21]. Однако стоит учитывать, что может распространяться и ложная, вредная для здоровья индивида информация. Инструментальная поддержка заключается в оказании помощи с удовлетворением потребностей, а также помощи в осуществлении повседневных дел в ситуации болезни. Например, мигрантские сообщества, у которых ограничен доступ в медицинские организации, надеются на роль общины в оказании первичной медико-санитарной помощи [51]. Члены группы с высоким социальным капиталом при заболевании помогают друг другу в осуществлении повседневных, «обычных» дел (приготовление пищи, покупка продуктов и предметов первой необходимости, выполнение домашних обязанностей, уход за собой, перемещение по дому и оплата счетов) [20]. Оценочная поддержка – это предоставление обратной связи и помощи индивиду в принятии решения относительно здоровья. В исследовании Х. Chen с соавторами доказано, что если люди не получают взаимности в ответ от членов своей группы, при этом затрачивая ресурсы на установление контактов, они испытывают стресс [42].

В-пятых, социально-экономический статус группы оказывает влияние на качество и получение ресурсов, необходимых для восстановления и поддержания индивидуального здоровья членов группы. Высокий социальный статус группы определяет доступ ее членов, например, к качественному питанию и получению квалифицированных медицинских услуг [52]. Результаты исследований в Швеции и Великобритании продемонстрировали, что группы с высоким уровнем социального капитала и социально-экономического статуса, как правило, следуют принципам здорового питания [53, 54]. Однако бедные сельские общины вынуждены пренебрегать этими правилами – их члены не обращаются к квалифицированным специалистам, стыдятся своих заболеваний и не переда-

ют информацию о них своей общине [31]. Группы с низким социально-экономическим статусом зачастую обладают низкой медицинской грамотностью (и меньшими шансами развить навыки поиска и понимания медицинской информации) [30].

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить и описать особенности измерения и результаты исследования связи группового социального капитала и индивидуального здоровья. Здоровье индивида в эмпирических работах измеряется по маркерам: 1) самооценка здоровья, 2) объективные показатели здоровья/нездоровья, 3) поведенческие привычки, связанные со здоровьем, 4) уровень медицинской грамотности индивида (как показатель потенциала здоровья). Групповой социальный капитал интерпретируется как 1) способность индивида извлекать выгоду из социальных сетей, 2) коллективное благо или свойство социальных структур, 3) участие индивидов в организациях и группах, 4) коллективные ресурсы, образующиеся в социальном взаимодействии, 5) показатель доверия. Влияние группового социального капитала на здоровье бывает прямым и косвенным и реализуется посредством пяти механизмов: 1) создание психосоциальной среды и 2) использование ресурсов группы для решения вопросов здоровья, 3) деятельность группы, направленная на создание пространства и практик, оказывающих влияние на индивидуальное здоровье, 4) контроль и регулирование поведения членов группы в отношении своего здоровья, 5) предоставление социально-экономического статуса для получения ресурсов для индивидуального здоровья.

Опираясь на полученные результаты, нам видится перспективным проведение исследований связи группового социального капитала и здоровья индивида на российских выборках, результаты которых могут оказать весомое влияние на эффективность политики в сфере укрепления здоровья граждан.

Примечания

В оригинале формулировки вопросов звучат следующим образом:

1. «How would you describe your sense of belonging to your neighbourhood?» [32].

2. «Would you say that most of the time people in your company try to be helpful, or that they are mostly just looking out for themselves?» [33].

3. «Are you a member of the following organizations: political associations, trade associations, social service groups, citizen's movement, consumer cooperative groups, religious groups, sports groups and clubs,

hobby groups or clubs (chorus, photography, mountain hiking, etc.)?» [34].

4. «How active you are of any of the following group or organizations: political party, trade union, environmental group, parents' / school association, tenants' / residents' group or neighbourhood watch, church organization, voluntary service group, pensioners group / organization, social club / working men's club, sports club and the Women's Institute?» [35].

5. «Is it comfortable asking a neighbour to collect prescription if ill in bed?» [29].

6. «Are you knowing someone who can get you to a grocery store if you ill?» [39].

7. «If you were caring for a child and needed to go out for a while, would you ask a neighbor for help?» [19].

Список литературы

- Социальные детерминанты здоровья: итоги Всемирной конференции по социальным детерминантам здоровья (Рио-де-Жанейро, Бразилия, 2011 г.). Доклад Секретариата. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB130/B130_15-ru.pdf (дата обращения: 11.11.2020).
- Bourdieu P. The forms of capital. Handbook of theory and research for the sociology of education. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Coleman J.S. Foundations of social theory. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 993 p.
- Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. P. 1–24.
- Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
- Fukuyama F. Social capital and civil society. Washington DC. IMF Working Paper, 2000. 18 p.
- Kawachi I., Berkman L. Social cohesion, social capital, and health // Social Epidemiology. New York: Oxford Univ. Press, 2000. P. 174–190.
- Kawachi I., Subramanian S., Kim D. Social capital and health: A decade of progress and beyond. Springer, New York, 2008. P. 1–26.
- Gannon B., Roberts J. Social capital: exploring the theory and empirical divide // Empir. Econ. 2020. № 58. P. 899–919.
- Fukuyama F. Trust: the social values and the creation of prosperity. New York, 1995. 457 p.
- Kim D., Kawachi I. A multilevel analysis of key forms of community- and individual-level social capital as predictors of self-rated health in the United States // J. Urban Health. 2006. № 83. P. 813–826.
- De Silva M.J., Huttly S.R., Harpham T., Kenward M.G. Social capital and mental health: a comparative analysis of four low-income countries // Social Science and Medicine. 2007. Vol. 64. P. 5–20.
- Gittel R., Vidal A. Community organizing. Building social capital as a development strategy. California: SAGE Publications, 1998. 206 p.
- Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33. № 4. P. 650–667.
- Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100.
- Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Социальные риски депрессии в Европе и России: значение демографии, образования и социального капитала // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 82–106.
- Nawa N., Isumi A., Fujiwara T. Community-level social capital, parental psychological distress, and child physical abuse: a multilevel mediation analysis // Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol. 2018. № 53. P. 1221–1229.
- Mohnen S.M., Völker B., Flap H. et al. Health-related behavior as a mechanism behind the relationship between neighborhood social capital and individual health – a multilevel analysis. BMC Public Health, 2012. 116 p.
- Kim A., Ryu J., Lee C. et al. Sport participation and happiness among older adults: a mediating role of social capital // J. Happiness Stud. 2020. P. 1–21.
- Baiden P., den Dunnen W., Arku G. et al. The role of sense of community belonging on unmet health care needs in Ontario, Canada: findings from the 2012 Canadian community health survey // J. Public Health. 2014. 22 (5). P. 467–478.
- Arezzo M.F., Giudici C. The effect of social capital on health among european older adults: an instrumental variable approach // Soc. Indic. Res. 2017. № 134. P. 153–166.
- Malino C., Kershaw T., Angley M. et al. Social capital and hypertension in rural Haitian women // Matern. Child Health J. 2014. № 18. P. 2253–2260.
- Wong J.S., Waite L.J. Marriage, social networks, and health at older ages // Population Ageing. 2015. № 8. P. 7–25.
- RezaeiNiaraki M., Roosta S., Alimoradi Z. et al. The association between social capital and quality of life among a sample of Iranian pregnant women // BMC Public Health. 2019. № 19. P. 1497.
- Kiss P., De Meester M., Kristensen T.S. et al. Relationships of organizational social capital with the presence of «gossip and slander», «quarrels and conflicts», sick leave, and poor work ability in nursing homes // Int. Arch. Occup. Environ. Health. 2014. № 87. P. 929–936.
- Jang Y., Park N.S., Chiriboga D.A. et al. Social capital in ethnic communities and mental health: a study of older Korean immigrants // J. Cross Cult. Gerontol. 2015. № 30. P. 131–141.
- Morozumi R., Matsumura K., Hamazaki K. et al. Impact of individual and neighborhood social capital on the physical and mental health of pregnant women: the Japan Environment and Children's Study (JECS) // BMC Pregnancy Childbirth. 2020. № 20. P. 1–16.
- Hori D., Takao S., Kawachi I. et al. Relationship between workplace social capital and suicidal ideation in the past year among employees in Japan: a cross-sectional study // BMC Public Health. 2019. № 19. P. 1–11.

29. Tofani A.A., Lamarca G.d.A., Sheiham A. et al. The different effects of neighbourhood and individual social capital on health-compromising behaviours in women during pregnancy: a multi-level analysis // *BMC Public Health*. 2015. № 15. P. 1–17.
30. Chen W.L., Zhang C.G., Cui Z.Y. et al. The impact of social capital on physical activity and nutrition in China: the mediating effect of health literacy // *BMC Public Health*. 2019. № 19. P. 1–20.
31. Cene C.W., Akers A.Y., Lloyd S.W. et al. Understanding social capital and hiv risk in rural african american communities // *J. Gen. Intern. Med.* 2011. № 26. P. 737–744.
32. Chappell N.L., Funk L.M. Social capital: does it add to the health inequalities debate? // *Soc. Indic. Res.* 2010. № 99. P. 357–373.
33. Suzuki E., Fujiwara T., Takao S. et al. Multi-level, cross-sectional study of workplace social capital and smoking among Japanese employees // *BMC Public Health*. 2010. № 10. P. 1–20.
34. Hibino Y., Takaki J., Ogino K. et al. The relationship between social capital and self-rated health in a Japanese population: a multilevel analysis // *Environ. Health Prev. Med.* 2012. № 17. P. 44–52.
35. Giordano G.N., Merlo J., Ohlsson H. et al. Testing the association between social capital and health over time: a family-based design // *BMC Public Health*. 2013. № 13. P. 1–20.
36. Rostila M. A resource-based theory of social capital for health research: Can it help us bridge the individual and collective facets of the concept? // *Soc. Theory Health*. 2011. № 9. P. 109–129.
37. Lin N. Inequality in social capital // *Contemporary Sociology*. 2000. № 29 (6). P. 785–795.
38. Lindén-Boström M., Persson C., Eriksson C. Neighbourhood characteristics, social capital and self-rated health. A population-based survey in Sweden // *BMC Public Health*. 2010. № 10. P. 1–20.
39. Moore S., Shiell A., Haines V. et al. Contextualizing and assessing the social capital of seniors in congregate housing residences: study design and methods // *BMC Public Health*. 2005. № 5. P. 1–20.
40. Onyx J., Bullen P. Measuring social capital in five communities // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2000. № 36 (1). P. 23–42.
41. El-Dardiry G., Dimitrakaki C., Tzavara C. et al. Child health-related quality of life and parental social capital in greece: an exploratory study // *Soc. Indic. Res.* 2012. № 105. P. 75–92.
42. Chen X., Wang P., Wegner R. et al. Measuring social capital investment: scale development and examination of links to social capital and perceived stress // *Soc. Indic. Res.* 2015. № 120. P. 669–687.
43. Lim J.Y., Lee H.H., Hwang Y.H. Trust on doctor, social capital and medical care use of the elderly // *Eur. J. Health Econ.* 2011. № 12. P. 175–188.
44. Bhattacharya G. Acculturating Indian immigrant men in New York City: applying the social capital construct to understand their experiences and health // *J. Immigrant. Minority Health*. 2008. № 10. P. 91–101.
45. Baptista N., Pinho J.C., Alves, H. Examining social capital and online social support links: a study in online health communities facing treatment uncertainty // *Int. Rev. Public Nonprofit. Mark.* 2020. № 18r(2). P. 1–38.
46. Han S., Kim H., Lee E.S. et al. The contextual and compositional associations of social capital and subjective happiness: a multilevel analysis from Seoul, South Korea // *J. Happiness Stud.* 2013. № 14. P. 1183–1200.
47. Choenarom C., Williams R.A., Hagerty B.M. The role of sense of belonging and social support on stress and depression in individuals with depression // *Arch. Psychiat. Nurs.* 2005. № 19 (1). P. 18–29.
48. Bryant T., Leaver C., Dunn J. Unmet healthcare need, gender, and health inequalities in Canada // *Health Policy*. 2009. № 91 (1). P. 24–32.
49. Berkman L., Glass, T., Kawachi I. Social integration, social networks, social support, and health // *Social Epidemiology*. New York: Oxford Univ. Press, 2000. P. 158–162.
50. Ellen I.G., Mijanovich T., Dillman K.N. Neighborhood effects on health: exploring the links and assessing the evidence // *J. Urban Aff.* 2001. № 23 (3-4). P. 391–408.
51. Lin Y., Chu C., Chen Q. et al. Factors influencing utilization of primary health care by elderly internal migrants in China: the role of social contacts // *BMC Public Health*. 2020. № 20. P. 1–16.
52. Marmot M. Status syndrome. How your social standing directly affects your health and life expectancy. London: Bloomsbury, 2004. 311 p.
53. Poortinga W. Do health behaviors mediate the association between social capital and health? // *Preventive Medicine*. 2006. Vol. 43, № 6. P. 488–493.
54. Lindström M., Hanson B.S., Ostergren P.O. Socioeconomic differences in leisure-time physical activity: the role of social participation and social capital in shaping health related behavior // *Social Science and Medicine*. 2001. Vol. 52. № 3. P. 441–451.

GROUP SOCIAL CAPITAL AND INDIVIDUAL HEALTH: REVIEW OF FOREIGN STUDIES

S.Yu. Eliseeva

Perm State University

The paper presents an analytical review of the results of foreign studies published in peer-reviewed journals from 2000 to 2020 on the impact of group social capital on individual health. It identified and described indicators for measuring group social capital and individual health. In the course of the analysis, two directions of the influence of group social capital on the health of an individual were revealed: compositional, contextual. Within these areas, the author has established five mechanisms of communication between social capital at the group level and individual health: 1) creating a psychosocial environment, 2) using group resources to address health

issues, 3) group activities aimed at creating spaces and practices that affect individual health, 4) monitoring and regulating the behavior of group members in relation to their health, 5) providing socio-economic status to obtain resources for individual health. The article describes examples of the implementation of these mechanisms, taking into account the positive and negative impact of social capital on health.

Keywords: social capital, individual health, indirect and direct influence, communication mechanisms.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_3_142

ПЕДАГОГИ ОМСКОГО РЕГИОНА О ПРИЧИНАХ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

© 2021 г.

Е.В. Шенгалъц

Шенгалъц Екатерина Владимировна, ассистент кафедры истории, философии
и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета
shengaltsekaterina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 24.12.2020**Статья принята к публикации 15.07.2021*

Представлены результаты социологического исследования, проведенного в Омском регионе в 2019–2020 гг. методом структурированного интервью. Опрошены педагоги, имеющие опыт социального взаимодействия со школьниками с ограниченными возможностями здоровья, а также опыт их обучения (совместно со здоровыми школьниками и индивидуально) ($N=70$). Приведены мнения экспертов-педагогов о причинах, влияющих на увеличение численности школьников с ограниченными возможностями здоровья и на возникновение задержки психического развития детей. Полученные данные объединены в основные группы: медико-биологические, социально-психологические, социально-экономические, экологические факторы.

Ключевые слова: детская инвалидность, школьники с ограниченными возможностями здоровья, учителя общеобразовательных школ, педагоги общеобразовательных школ, факторы задержки психического развития детей.

Актуальность

В современном мире одной из значимых и достаточно острых проблем общества и государства является проблема инвалидности, ограниченных возможностей здоровья детей (далее – ОВЗ). Необходимо отметить, что происходит рост не только детской инвалидности, но и ограниченных возможностей здоровья у детей, все большее количество детей страдает задержкой психического развития (далее – ЗПР).

Актуальность изучаемой в рамках данной работы социальной проблемы подтверждается и статистическими данными, свидетельствующими о росте инвалидности детей в РФ (табл. 1).

Из табличных данных мы видим, что в РФ в целом и во всех федеральных округах наблюдается рост детской инвалидности.

Важным представляется рассчитать темпы прироста детской инвалидности, что позволит увидеть, каким образом изменяется значение показателя за определенный период (увеличение или уменьшение). Темпы прироста были рассчитаны по следующей формуле: $(\text{численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет в РФ (2019 г.)} / \text{численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет в РФ (2015 г.)} - 1) * 100\%$:

Российская Федерация – 10.8%;

Центральный федеральный округ – 12.7%;

Северо-Западный федеральный округ – 11.1%;

Южный федеральный округ – 19.8%;

Северо-Кавказский федеральный округ – 13.1%;

Приволжский федеральный округ – 4.2%;

Уральский федеральный округ – 9.1%;

Сибирский федеральный округ – – 3.7%;

Дальневосточный федеральный округ – 47.7%.

Вышеизложенное позволяет говорить, что в 2015 – 2019 гг. самый высокий темп прироста детской инвалидности выявлен в Дальневосточном федеральном округе (47.7%), а падение детской инвалидности наблюдается в Сибирском федеральном округе (–3.7%).

Из анализа статистических данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод, что за последние несколько лет происходит увеличение численности детей с инвалидностью как в целом по РФ, так и в отдельных федеральных округах. Несмотря на это, в некоторые периоды в отдельных федеральных округах наблюдается небольшой спад, однако затем вновь происходит её рост.

Рассмотрение проблемы детской инвалидности в целом по РФ и по федеральным округам представляется актуальным и по возрастным группам. На основании материалов статистики целесообразно представить информацию о количестве детей с инвалидностью по возрастным группам в РФ и в федеральных округах (см. табл. 2).

Из данных таблицы 2 мы видим, что самой многочисленной является возрастная группа детей 8–14 лет, а самой малочисленной 0–3 года. Такая тенденция характерна как в целом для РФ, так и для большинства федеральных округов.

Таблица 1

Численность детей с инвалидностью в возрасте до 18 лет в РФ (по состоянию на 1 января); чел. [1]

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Российская Федерация	604850	616905	636024	651043	670006
Центральный федеральный округ	116106	118766	123889	126951	130869
Северо-Западный федеральный округ	44308	44347	45719	47439	49247
Южный федеральный округ	51670	55644	57452	59775	61904
Северо-Кавказский федеральный округ	132829	142128	146970	147937	150203
Приволжский федеральный округ	106336	104815	105051	107747	110819
Уральский федеральный округ	48114	48573	49395	50386	52471
Сибирский федеральный округ	80429	77207	82384	74865	77472
Дальневосточный федеральный округ	25058	25425	25164	35943	37021

Таблица 2

Численность детей-инвалидов по возрастным группам в РФ [2]

2017 г.				
Возраст	0–3	4–7	8–14	15–17
РФ	65044	154391	310990	120697
ЦФО	14662	29817	58304	24168
СЗФО	5477	11637	21407	8918
СКФО	9757	36392	77234	24554
ЮФО	5912	13979	28573	11311
ПФО	12086	24650	49481	21530
УрФО	5380	12384	23364	9258
СФО	9246	19535	40430	16023
ДФО	2515	5976	12160	4923
2018 г.				
Возраст	0–3	4–7	8–14	15–17
РФ	61790	155490	323360	129446
ЦФО	14241	30325	60704	25599
СЗФО	5248	12095	22316	9588
СКФО	8713	34328	80230	26932
ЮФО	5669	14343	29839	12053
ПФО	11625	25295	51139	22760
УрФО	5196	12865	24518	9892
СФО	8763	19962	42203	17316
ДФО	2326	6257	12369	5297
2019 г.				
Возраст	0–3	4–7	8–14	15–17
РФ	59031	154836	333041	137417
ЦФО	14075	31745	63279	27391
СЗФО	5015	12292	22984	10008
СКФО	7873	30106	80244	28343
ЮФО	5671	15079	31138	13137
ПФО	10960	25862	52698	23847
УрФО	4991	13181	25895	10556
СФО	7092	17744	38446	16204
ДФО	3311	8755	18209	7893

Самой многочисленной группой заболеваний являются болезни нервной системы, врожденные аномалии, а также психические расстройства и расстройства поведения (см. табл. 3).

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период (2015–2019 гг.) наблюдается тен-

денция увеличения численности детей с инвалидностью не только в целом, но и по некоторым формам болезней (табл. 3) из представленных в самой многочисленной группе (8–14 лет), а именно психические расстройства и расстройства поведения (2015–2018 гг.), болезни нервной

Таблица 3

Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней в РФ, чел. (по данным Минтруда России) [3]

Формы болезней	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Психические расстройства и расстройства поведения	17243	17825	18867	19428
Болезни нервной системы	14203	14465	14932	14197
Врожденные аномалии (пороки развития), деформация и хромосомные нарушения	12375	13108	13398	12216

Таблица 4

Распределение повторно признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней, чел. (по данным Минтруда России) [4]

Формы болезней	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Психические расстройства и расстройства поведения	61184	60896	60428	55920
Болезни нервной системы	44293	46897	47405	43899
Врожденные аномалии (пороки развития), деформация и хромосомные нарушения	42113	42052	42254	38553

Таблица 5

Заболеваемость детей с психическими расстройствами и расстройствами поведения в РФ, чел. (данные Минздрава России) [5]

	2015	2016	2017	2018
Всего детей с психическими расстройствами и расстройствами поведения	250377	245914	247587	247607
Число детей в возрасте 0–14 лет с психическими расстройствами и расстройствами поведения	186341	184914	185805	183914
Число детей в возрасте 15–17 лет с психическими расстройствами и расстройствами поведения	64036	61000	61782	63693

системы (2015–2017 гг.), врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (2015–2017 гг.). Вместе с тем зафиксировано и сокращение численности детей с инвалидностью по следующим формам болезней: болезни нервной системы (2017–2018 гг.), врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (2017–2018 гг.).

Стоит также проанализировать численность детей, повторно признанных инвалидами по формам болезней (табл. 4). Самыми многочисленными группами являются те же группы заболеваний, что и впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней в РФ.

Из табличных данных видно, что психические расстройства и расстройства поведения, а также врожденные аномалии (пороки развития), деформация и хромосомные нарушения имеют тенденцию к уменьшению, но, несмотря на уменьшение количества, остаются большими. Болезни нервной системы в период с 2015 г. по 2017 г. увеличиваются (на 3112 человек), а к 2018 г. происходит их уменьшение.

На фоне общей детской инвалидности необходимо указать и численность детей без инвалидности, но имеющих заболевания, связанные с психическими расстройствами и расстройствами поведения. Среди данной группы забо-

леваний выделяют психозы и состояния слабости; шизофрению, шизоаффективные психозы, шизотипическое расстройство, аффективные психозы с неконгруэнтным аффекту бредом; психические расстройства непсихотического характера; умственная отсталость. Данные представлены в таблице 5.

На основании представленных в таблице 5 данных можно сделать вывод, что количество детей в возрасте 0–17 лет с психическими расстройствами и расстройствами поведения в период с 2015 г. по 2016 г. уменьшается, а в период с 2017 г. по 2018 г. – увеличивается. Говоря о детях 0–14 лет, стоит указать, что в 2015 – 2016 гг. наблюдается уменьшение числа заболеваемости, в 2016 – 2017 гг. – увеличение, затем вновь снижение (2017 – 2018 гг.). Рассматривая детей в возрасте 15–17 лет, мы видим тенденцию к уменьшению в 2015 – 2016 гг., а с 2016 г. по 2018 г. – тенденцию к увеличению.

Целесообразным представляется рассмотреть, что является причинами возникновения ОВЗ и инвалидности у детей.

Так, базисной причиной для признания инвалидности у детей служит заболевание, приводящее к последствиям, из-за которых ребенок не может вести обычную жизнь, свойственную его возрасту [6, с. 61]. Ранее нами были обозначены формы болезней, обуславившие возник-

новение инвалидности у детей. Так, одной из самых многочисленных групп заболеваний выступили врожденные аномалии.

Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти» отмечает, что патологии, в результате которых возникает инвалидность, являются врожденными аномалиями и присутствуют у 3–5% новорожденных. Серьезные аномалии происходят с вероятностью около 1%. Европейская академия по изучению проблем детской инвалидности указывает, что примерно 75% случаев тяжелых врожденных аномалий и 33% случаев прочих аномалий приводят к инвалидности [7]. Ученые отмечают, что к факторам риска врожденных заболеваний относятся патология беременности, интра- и постнатальные травмы нервной системы, позднее установление диагноза [8, с. 5].

Медико-биологическая группа факторов, по мнению А.А. Шабуновой, включает в себя: характеристику здоровья родителей, наличие противопоказаний к рождению ребенка, наличие хронических заболеваний у ребенка, возраст родителей, самочувствие во время беременности, характеристику протекания беременности и родов, наличие отклонений в здоровье женщины во время беременности, характеристику здоровья новорожденного ребенка [9, с. 207–208]. К этой же группе факторов нами были отнесены: генетика, состояние развития системы здравоохранения.

Отметим и другие причины детской инвалидности и ОВЗ. Так, исследовательский центр «Инноченти» указывает следующие причины: ухудшение состояния здоровья матери и ребенка, а также доступ к услугам; повышение потенциала работников системы здравоохранения, благодаря чему возможна более широкая регистрация детской инвалидности и более высокий уровень выявления случаев инвалидности [7].

Важно указать, что исследовательский центр «Инноченти» отмечает и социально-экономические причины, влияющие на возникновение детской инвалидности и ОВЗ: бедность семей, которую можно рассматривать не только как причину, но и как следствие возникновения инвалидности у детей; стремление получить денежные пособия на детей с ОВЗ (характерно для стран Центральной и Восточной Европы, стран Балтики, Закавказья) [7]. В данном случае мы ссылаемся именно на материалы исследовательского центра ЮНИСЕФ «Инноченти», поскольку публикации центра включают в себя достаточно широкий диапазон мнений различных специалистов, а также его деятельность связана с правами ребенка.

Таким образом, научный анализ позволил сделать вывод, что ученые рассматривают несколько групп факторов, влияющих на состояние здоровья, ОВЗ у детей, а также возникновение инвалидности. Укажем выделенные исследователями группы факторов: экономические, экономико-правовые, социально-психологические, социально-гигиенические, социально-демографические, медицинские, медико-биологические, медико-демографические, экологические группы факторов [8–10].

Процедура исследования

Обратимся к мнениям педагогов, работающих с детьми с ОВЗ, а также непосредственно с их семьями, чтобы выяснить, какие причины, с их точки зрения, влияют на возникновение ОВЗ, а именно на возникновение ЗПР.

Методом сбора данных являлся опрос экспертов в форме структурированного интервью, проведенный в 2019–2020 гг. В качестве экспертов выступали педагоги Омского региона, имеющие опыт социального взаимодействия со школьниками с ОВЗ, а также опыт их обучения как совместно со здоровыми школьниками, так и индивидуально. Было опрошено 70 педагогов, из них: директора (13), заместители директора по учебно-воспитательной работе (7), учителя начальной школы и учителя-предметники (44), социальные педагоги (3), педагоги-психологи (3). Интервьюировались педагоги сельских и городских территорий Омского региона. Использована неслучайная целевая выборка, поскольку именно она строится по принципу принадлежности респондентов к интересующей нас социальной группе, а именно педагоги инклюзивных школ или имеющие опыт общения с обучающимися с ОВЗ, то есть наша целевая группа. Выбранный объект является достаточно малочисленной целевой группой, поэтому поиск ее представителей происходил на рабочем месте, в общеобразовательных организациях, в которых обучаются либо обучались школьники с ОВЗ. В ходе интервью более детально исследовались, с точки зрения опрошенных, причины увеличения численности школьников с ОВЗ, а именно школьников с ЗПР.

Цель работы заключается в том, чтобы изучить мнения педагогов о причинах увеличения численности школьников с ОВЗ. Нами были выбраны именно педагоги, поскольку они могут оценить не только социальные последствия и эффекты, но и указать причины, оказывающие влияние на возникновение ЗПР у детей. Педагоги могут указать, во-первых, причины непосредственно с профессиональной точки зрения – со-

Таблица 6

Группы факторов	
Группы факторов	% (абсолютная частота)
Медико-биологическая группа факторов	80.0 (56)
Социально-психологическая группа факторов	76.0 (53)
Социально-экономическая группа факторов	23.0 (16)
Экологическая группа факторов	17.1 (12)
Всего	196.1 (137)

циально-психологические, но и также медико-биологические, социально-экономические и экологические. Объясняется это тем, что педагоги не работают обособленно от других специалистов. Говоря о работе с детьми с ОВЗ, педагоги (в нашу выборку входят и учителя, и педагоги-психологи, и социальные педагоги) взаимодействуют в первую очередь с семьями детей с ОВЗ. Между учителем и семьей ребенка с ОВЗ, как правило, практически всегда налажен достаточно тесный контакт, особенно когда речь идет о младших школьниках. В данном случае и учителя выступают для семей агентами социализации, и наоборот. Родители, законные представители достаточно подробно знают особенности ребенка, его семьи, диагноз, причины возникновения ЗПР и т.д.

Отметим, что учителя взаимодействуют с врачами, с представителями психолого-медико-педагогической комиссии, посещают не только педагогические советы, но и курсы повышения квалификации, где выступают эксперты в области медицины, педагогики, психологии, экологии и экономики.

Таким образом, вышеизложенное позволяет говорить о том, что педагоги могут высказывать свое мнение не только о социально-психологических причинах, но и других. Важно отметить, что социально-психологические причины они объясняют с профессиональной позиции, а другие причины – исходя из полученного опыта посредством социальных связей.

Гендерный состав респондентов выглядит следующим образом: 97.1% – женщины, 2.9% – мужчины. Мужчины-эксперты представлены только в одной профессиональной группе – директора общеобразовательных организаций, что составляет 15.4%, а женщины-эксперты из числа директоров – 84.6%.

Гипотезы исследования заключались в следующем. Подавляющее большинство опрошенных на вопрос: «Какие Вы видите причины увеличения количества детей с ЗПР?» (поливариантная шкала) – ответит следующим образом: можно предположить, что в объяснении причин ЗПР у детей школьного возраста педагоги образовательных учреждений будут делать акцент на социально-психологической группе факторов, что обусловлено спецификой их професси-

ональной деятельности, а также на медико-биологической группе факторов, поскольку ЗПР относится к категории здоровья.

Наши гипотезы основываются на том, что на возникновение ЗПР у детей влияет совокупность нескольких групп факторов. ЗПР мы отнесем к категории здоровья, но необходимо указать, что оно складывается из нескольких составляющих. В данном случае мы можем рассматривать здоровье как ценность. В свою очередь, за выработку ценностей отвечают социальные институты – семья и здравоохранение. Если здравоохранение как социальный институт отвечает в большей степени за медицинскую составляющую здоровья, то семья включает и ее социально-психологическую составляющую. Так, девиантное поведение может быть нормой для семьи, а ребенок, развивающийся и воспитывающийся в таких условиях, будет лишен должного внимания, заботы и любви, и как следствие – возникающие проблемы со здоровьем, которые могут приводить к ЗПР.

Группы факторов

Из указанных интервьюируемыми причин, которые могут оказывать влияние на возникновение ЗПР у детей, нами были сформированы четыре основные группы факторов (табл. 6).

Более подробно рассмотрим каждую группу факторов.

Отметим, что мнения учителей в вопросе увеличения количества школьников с ОВЗ соотносятся с доступными статистическими данными, свидетельствующими об увеличении численности детей с инвалидностью, заболеваемости детей психическими расстройствами и расстройствами поведения [1, 3–5], а также с мнениями специалистов в области экономики, медицины, отмечающих влияние медико-биологических, социально-психологических, социально-экономических, экологических групп факторов [8–10].

Медико-биологическая группа факторов

Было выявлено, что самой многочисленной, по мнению экспертов, является группа медико-биологических факторов: 80% указали именно ее.

Педагоги отметили следующие причины, которые были отнесены нами в медико-

Таблица 7

Медико-биологическая группа факторов

Медико-биологическая группа факторов	% (абсолютная частота)
Генетика	60.7 (34)
Период беременности	28.6 (16)
Родовые травмы	25.0 (14)
Недоношенность детей	12.5 (7)
Заболевания в раннем детстве	10.7 (6)
Всего	137.5 (77)

биологическую группу факторов: генетика (60.7%), период беременности (28.6%), родовые травмы (25%), недоношенность детей (12.5%), заболевания в раннем детстве (10.7%) (табл. 7).

Отметим наиболее часто встречающиеся ответы педагогов:

«Возникновение ЗПР вследствие различных биологических причин, прежде всего, течение беременности (гипоксия плода, внутриутробные инфекции, недоношенность, сам родовой процесс – возможные асфиксия и родовые травмы), а также среди возможных причин может быть генетика и тяжелые инфекции в раннем возрасте» (социальный педагог);

«Наследственные и хронические заболевания ребенка, ребенок нежеланной беременности у несовершеннолетней матери» (учитель начальных классов);

«Генетическая обусловленность, тяжелая беременность, врожденные заболевания ребенка, преждевременные роды» (заместитель директора по учебно-воспитательной работе);

«Частые болезни детей инфекционными заболеваниями» (учитель начальных классов);

«Различные варианты патологии беременности, различные соматические заболевания» (директор школы);

«Недоношенные дети, рожденные намного раньше срока» (учитель начальных классов);

«Несвоевременное оказание помощи родителям (законным представителям) ранней диагностики детей» (директор школы);

«Тяжелая беременность мамы, черепно-мозговая травма ребенка во время родов» (учитель начальных классов);

«Серьезные болезни ребенка в детстве» (педагог-психолог);

«Патологии и осложнения во время беременности; инфекционные, токсические и травматические» (учитель начальных классов).

Социально-психологическая группа факторов

Из полученных ответов респондентов мы также сформировали вторую группу факторов – социально-психологическую. Ее удельный вес в общем числе ответов составил 76%.

Приведем наиболее часто встречающиеся ответы участников интервью:

«Вредные привычки матери: курение, употребление спиртных напитков. Ссоры, сканда-

лы, стрессы в семье» (учитель начальных классов);

«Педагогическая запущенность, ограничение эмоционального контакта с ребенком как на более ранних этапах развития, так и на более поздних» (учитель начальных классов);

«Родители не уделяют должного внимания развитию ребенка, начиная с самого рождения» (директор школы);

«Плохой уход, оставление матерью ребенка на попечение других членов семьи, вредные привычки у матери, алкоголизм и наркомания родителей, агрессивность родителей» (социальный педагог);

«Воспитание в неблагополучных, неполных семьях, предоставление детей самим себе, бесконтрольность со стороны родителей» (учитель начальных классов);

«Гиперопека в семье, отсутствие свободного пространства у ребенка, собственного выбора действий и поступков, отсутствие или ограничение общения со сверстниками, постоянное давление взрослых, гаджеты, редкие прогулки и игры на улице, на свежем воздухе» (учитель начальных классов);

«Сейчас дети предоставлены самим себе. Ими полноценно никто не занимается. Очень много детей рождается в неблагополучных семьях» (учитель математики);

«Воспитание в семье, где родители говорят на двух языках» (учитель начальных классов);

«Отсутствие любви матери; дети, брошенные на попечение бабушек и дедушек» (учитель начальных классов);

«Враждебность взрослых» (педагог-психолог);

«Безнадзорность, гиперопека, авторитаризм, неблагоприятные условия воспитания, дефицит общения, социальная депривация, длительное ограничение жизнедеятельности» (учитель начальных классов);

«Педагогическая запущенность как следствие отсутствия родительской любви, заботы и внимания. Безнадзорность. Деспотизм родителей. Гиперопека. Давление со стороны родителей» (учитель начальных классов);

«Неблагополучные семьи. Стресс у ребенка, скандалы, умственная перегрузка, много дополнительных занятий, организм не выдерживает» (учитель начальных классов);

Таблица 8

Социально-психологическая группа факторов

Социально-психологическая группа факторов	% (абсолютная частота)
Девиянтное поведение родителей	28.3 (15)
Образ жизни семьи	22.6 (12)
Педагогическая запущенность	20.8 (11)
Дефицит общения с ребенком	20.8 (11)
Отсутствие должного воспитания	13.2 (7)
Конфликты, стрессовые ситуации в семье	13.2 (7)
Всего	118.9 (63)

Таблица 9

Социально-экономическая группа факторов

Социально-экономическая группа факторов	% (абсолютная частота)
Низкий уровень жизни семей	68.8 (11)
Рождение детей ради повышения материального уровня	12.5 (2)
Плохое питание	12.5 (2)
Низкий интеллектуальный уровень родителей	6.3 (1)
Отсутствие высшего образования у родителей	6.3 (1)
Социально-экономическая политика и ее последствия	6.3 (1)
Всего	112.7 (18)

«Рождение детей в неблагополучных семьях: семьи с низким социальным и материальным статусом в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно, не справляющихся с возложенными на них функциями, их адаптивные способности существенно снижены. Процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно, малорезультативно» (социальный педагог);

«Непрохождение коррекционных занятий до поступления в школу» (заместитель директора по учебно-воспитательной работе);

«Нехватка специалистов в дошкольных и общеобразовательных учреждениях (логопеды, психологи, дефектологи, социальные педагоги)» (директор школы);

«Ранний отрыв ребенка от матери и воспитание в полной изоляции в условиях социальной депривации; дефицит полноценной, соответствующей возрасту деятельности: предметной, игровой, общение со взрослыми. Искаженные условия воспитания ребенка в семье» (директор школы);

«Неполная семья, отсутствие родительской заботы, ссоры и конфликты в семье, жестокое обращение с детьми» (учитель начальных классов).

Укажем причины, попавшие в социально-психологическую группу факторов (табл. 8): девиантное поведение родителей (28.3%, 15 ответов), образ жизни семьи (22.6%, 12 ответов), педагогическая запущенность (20.8%, 11 ответов), дефицит общения с ребенком (20.8%, 11 ответов), отсутствие должного воспитания (13.2%, 7 ответов), конфликты, стрессовые ситуации в семье (13.2%, 7 ответов).

Социально-экономическая группа факторов

Респонденты указывали следующие причины, которые были отнесены нами к группе социально-экономических факторов. Данные представлены в таблице 9.

Удельный вес данной группы факторов составил 23% от всей совокупности ответов опрошенных. Из 16 респондентов, которые были взяты нами за 100%, педагоги указывали и такие причины, как низкий уровень жизни семей (68.8%, 11 ответов), являющийся самым распространенным ответом в группе социально-экономических факторов, рождение детей ради повышения материального уровня (12.5%, 2 ответа), плохое питание (12.5%, 2 ответа), низкий интеллектуальный уровень родителей (6.3%, 1 ответ), отсутствие высшего образования у родителей (6.3%, 1 ответ), социально-экономическая политика и ее последствия (6.3%, 1 ответ).

Отметим ответы педагогов:

«Рождение детей ради повышения материального уровня семьи, в основном в неблагополучных семьях (так называемые «дети материнского капитала»), где воспитание и развитие сводится только к удовлетворению материальных потребностей ребенка» (социальный педагог);

«Воспитание в неблагополучных семьях, отсутствие минимальных условий для жизни ребенка» (педагог-психолог);

«Воспитание ребенка в семье, находящейся в трудной жизненной ситуации» (социальный педагог);

«Недостаточное питание» (заместитель директора по учебно-воспитательной работе);

«Социально-экономическая политика и ее последствия (в том числе низкий уровень жизни

Таблица 10

Экологическая группа факторов	
Экологическая группа факторов	% (абсолютная частота)
Экологическая обстановка	100 (12)
Всего	100 (12)

населения, выплаты на рождение ребенка)» (директор школы);

«Отсутствие сбалансированного питания» (педагог-психолог);

«Условия жизни и быта ребенка» (учитель начальных классов);

«Воспитывают матери-одиночки» (учитель русского языка и литературы);

«Низкий уровень социально-экономических условий» (директор школы).

Экологическая группа факторов

Рассмотрим причины, отнесенные нами к экологической группе факторов (табл. 10).

Педагоги указывали и причины, которые мы объединили в экологическую группу факторов, набравшую 17.1% в общей совокупности ответов (из 70 человек 12 попали в данную группу): «Экология и состояние окружающей среды» (учитель начальных классов); «Экологическое неблагополучие» (заместитель директора по учебно-воспитательной работе).

Заключение

Исходя из вышеизложенного, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

– в РФ увеличивается численность детей с инвалидностью в возрасте до 18 лет (по состоянию на 1 января) по данным за 2015 – 2019 гг.;

– в федеральных округах за указанный период наблюдается прирост детской инвалидности, исключением является Сибирский федеральный округ;

– возрастной анализ детей с инвалидностью свидетельствует о том, что самой многочисленной является группа детей в возрасте 8–14 лет, а самой малочисленной – дети 0–3 года;

– отмечается тенденция роста численности детей с инвалидностью, впервые и повторно признанных инвалидами по некоторым формам болезней, являющихся многочисленными в данной группе (2015 – 2018 гг.): психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения.

Результаты социологического исследования позволяют утверждать, что наши гипотезы подтвердились:

– педагоги дали наиболее типичные ответы на вопрос: «Какие Вы видите причины увеличения количества детей с ЗПР?» Причины, указанные интервьюируемыми, мы разбили на

4 основных группы факторов. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что медико-биологическая и социально-психологическая группы факторов, с точки зрения экспертов, могут оказывать наибольшее влияние на возникновение ЗПР у детей.

– Медико-биологическую группу факторов составили следующие причины: генетика (60.7%, 34 ответа), период беременности (28.6%, 16 ответов), родовые травмы (25.0%, 14 ответов), недоношенность детей (12.5%, 7 ответов), заболевания в раннем детстве (10.7%, 6 ответов).

– Среди причин, образующих социально-психологическую группу факторов, были получены следующие ответы: девиантное поведение родителей, образ жизни семьи, педагогическая запущенность, дефицит общения с ребенком, отсутствие должного воспитания, конфликты, стрессовые ситуации в семье.

– Среди причин, образующих социально-экономическую группу факторов, респонденты отмечают низкий уровень жизни семей, являющийся самым распространенным ответом, рождение детей ради повышения материального уровня, плохое питание, низкий интеллектуальный уровень родителей, отсутствие высшего образования у родителей, социально-экономическую политику и ее последствия.

Экологическую группу факторов образует следующая причина – экологическая обстановка. Ее указали все респонденты, отметившие данную группу факторов.

Список литературы

1. Численность детей с инвалидностью в возрасте до 18 лет в РФ (по состоянию на 1 января) (человек) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/invalid/8-1.doc (дата обращения: 01.06.2020).
2. Численность детей-инвалидов по возрастным группам в разрезе субъектов Российской Федерации // Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-vozrastu?territory=52000000> (дата обращения: 01.06.2020).
3. Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней в РФ (человек) // Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov>.

ru/storage/mediabank/8-4.xlsx (дата обращения: 01.06.2020).

4. Распределение повторно признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней (человек) // Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/invalid/8-5.doc (дата обращения: 01.06.2020).

5. Заболеваемость детей с психическими расстройствами и расстройствами поведения в РФ (данные Минздрава России), человек // Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/family/3-10.xls (дата обращения: 26.11.2020).

6. Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Терлецкая Р.Н., Антонова Е.В. Некоторые факторы риска формирования инвалидности у детей // Медико-

социальная экспертиза и реабилитация. 2017. № 20 (2). С. 60–64.

7. Точка зрения «Инноченти». Проблемы детской инвалидности в переходный период в странах ЦВЕ/СНГ и Балтии. URL: <https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/disability-rus.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

8. Инвалидность и смертность – доминанты, снижающие жизненный потенциал и безопасность общества: Монография / Под ред. А.Л. Санникова. Архангельск: Солти, 2007. 376 с.

9. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: Монография. Волгоград: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.

10. Светличная Т.Г., Нестерова И.В. Эволюция нормативно-методических подходов к изучению детской инвалидности // Экология человека. 2008. № 2. С. 50–53.

OMSK REGION TEACHERS ABOUT THE REASONS OF INCREASING THE NUMBER OF PUPILS WITH DISABILITIES

E.V. Shengalts

Omsk State Technical University

The study presents the results of a sociological study conducted in the Omsk region in 2019–2020 by the method of structured interview. The teachers who have experience of social interaction with schoolchildren with disabilities as well as the experience of teaching them (together with healthy students and individually) were interviewed ($N = 70$). The opinion of expert educators on the reasons influencing the increasing of number of schoolchildren with disabilities and the occurrence of mental retardation in children are presented. The data are combined into the main groups: medico-biological factors, socio-psychological factors, socio-economic factors, environmental factors.

Keywords: children's disability, schoolchildren with disabilities, teachers of secondary schools.

УДК 316.4.06

DOI 10.52452/18115942_2021_3_151

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ИНФРАСТРУКТУРА КАК ВАЖНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА

© 2021 г.

А.Н. Плещенко

Плещенко Александр Николаевич, ассистент кафедры предпринимательского права, арбитражного и гражданского процесса Волгоградского государственного университета, соискатель кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета
pleshchenko@volsu.ru

*Статья поступила в редакцию 28.01.2021**Статья принята к публикации 21.07.2021*

Речь о том, что сформированный, привычный социокультурный ландшафт современного российского города может подвергаться трансформации под влиянием организации транспортно-дорожной инфраструктуры, испытывая также влияние фундаментальных политических процессов на общественное устройство. Уделено внимание двум неотъемлемым факторам формирования структур физического и политико-культурного пространства, которые, на взгляд автора, взаимосвязаны неразрывно и участвуют в развитии социокультурного ландшафта местности/территории вместе с такими институциональными понятиями, как «гражданин» и «нация». В исследовании полагается, что города России сформированы как среды, удобные административным, управленческим структурам, но редко с учетом комфортности для рядового гражданина, что, в свою очередь, ведет к снижению социокультурного развития.

Дисбаланс внутренних компонентов социокультурного ландшафта, ощущающий на себе как влияние организации инфраструктуры, так и воздействие политико-правовой реальности, может привести к трудноразрешимому системному кризису в социокультурных отношениях. Тревожные социальные процессы можно заметить, понаблюдав за тем, как проходит протекание потоков технolandшафта и идеологических потоков в политической реальности.

Переосмысление организации физического и политического пространства должно осуществлять не всегда базируясь на экономико-административном императиве, а учитывая явления и процессы, происходящие в социальной и культурной сфере.

Ключевые слова: социокультурный ландшафт, регион, транспортная инфраструктура, политическая реальность, гражданское общество.

Введение

Мысль о символическом понимании политики в развитии цивилизации (общества, культуры, человеческих практик, общественных пространств, социокультурных ландшафтов) не нова. Достаточно подробно подобное символическое понимание излагал в своей концепции К. Леви-Стросс [1]. В данной работе предпринята попытка рассмотреть воздействие политических и инфраструктурных факторов пространства на формирование и развитие именно социокультурного ландшафта. Микросоциальные процессы выступают как универсальные характеристики реальности, они вовлечены во взаимодействие с макроструктурами, соответственно и с социокультурным ландшафтом, который интегрирует как макросоциальные, так и микросоциальные процессы, содержит в себе высокую степень общественного значения и может служить маркером стабильного социального равновесия во многих сферах.

Попробуем выделить в социокультурном ландшафте моменты функционирования структур, важные для отдельного индивида и его общностей. Рассматривая устройство социальных структур и институтов как набор символических конструкций (по предложенной Леви-Строссом концепции), мы тем самым утверждаем определенную характеристику всех социальных процессов, которые в них происходят. Каждый индивид с рождения интегрируется в функционирование социокультурного ландшафта, воспринимая влияния обстановки, которая воздействует непосредственно на него и его социальную группу. Вследствие восприятия идей, информации, пользования техносферой или использования созданной в данном пространстве инфраструктуры формируется непосредственный социальный и культурный опыт. Этот опыт впоследствии выступает в качестве немаловажного регулятора жизнедеятельности человека, его след фиксируется в человеке-индивиде, затем в структурных общественных

элементах, следом в системе общественно-политических отношений.

Цивилизацию характеризует стремление к контакту и коммуникации, поэтому способы передвижения являются решающими для формирования и развития и её социокультурного ландшафта. Жизнедеятельность населения можно представить как совокупность нескольких функций территории: быт, работа, общественное обеспечение (политические, образовательные, культурно-досуговые, развлекательные функции). Транспортная инфраструктура в любом современном обществе – это главная связующая часть, обеспечивающая перемещение ресурсов: людей и товаров. Развитие этой сферы соответствует уровню и детерминирует развитие остальных функций территорий антропогенного ландшафта. Такое правило работает в любых масштабах — от небольшого поселения до крупных агломераций и даже регионов. Развитие или отсутствие развития транспортной инфраструктуры задает направление как связующего, так и разделяющего [2].

Нельзя недооценить значения двух главных факторов, формирующих в широком смысле организацию пространства. Эти факторы содержат диалектическое противоречие – отражать и программировать социокультурный ландшафт любой местности:

1) инфраструктура или доступная на территории населенного пункта организация передвижения. В современном мире важны транспортная инфраструктура, состояние дорог, благоустройство территорий для пешеходов;

2) политическая культура и политическая реальность. Со времен Древней Греции важным в полисе являлось функционирование общественного и политического пространства. Так и в современном пространстве региона эти отношения являются важными и первостепенными.

Если в этих двух составляющих существует огромный пласт нерешенных и непереосмысленных проблем, такая ситуация означает обреченность всей структуры в широком смысле, а в перспективе предвещает её масштабную социокультурную деконструкцию.

Основная часть

Расположение места/региона было так или иначе связано с транспортной развязкой, то есть удобное положение дорог, бродов, причалов, транспортных схем и способов передвижения по ним — все это оказывало огромное влияние на формирование антропогенного ландшафта. Транспортная развязка формирует пейзаж местности, являясь одним из главных факторов ур-

банизации. Транспортная инфраструктура, в свою очередь, как правило, вписывается в ландшафт местности, программируя его социокультурную и политическую ситуацию. В наше время обилие моторного транспорта, общественного и личного, создало в регионах проблему, которая влияет как на физическое планирование пространства местности, так и на его социокультурный ландшафт. Невозможность интенсивного социокультурного развития на периферии по сравнению с двумя центрами, такими как Москва и Санкт-Петербург, выступает еще одной причиной бегства населения и упадка социокультурного ландшафта региона. За последние время число жителей Волгограда сократилось, уезжает в том числе образованная, творческая молодежь. Среди причин такого упадка – отсутствие возможности на российских окраинах влиять на политическую и культурную жизнь, плачевная ситуация с техноландшафтом (транспорт, инфраструктура и т.д.) и более динамичное развитие социокультурной сферы и инфраструктуры только в крупных столичных центрах.

Социолог, политический философ С.Г. Кордонский (начальник экспертного управления Администрации Президента РФ в 2000–2004 гг., действительный государственный советник РФ 1 класса) в своей публичной лекции 2004 г. замечал о политической структуре российского социума: «У нас нет общества в традиционном политологическом смысле, у нас общество порождается государством. Всё наше политически активное общество – это остатки старых аппаратов» [3].

В крупных прогрессивных государствах имперского типа люди на периферии живут в таком культурно-политическом ландшафте, который представляется населению как бы не в полной мере наделенным реальной властью. Центр власти удален и практически репрезентуется как некая «божья помощь», если удастся выйти с ней на связь, если получится пожаловаться или о чём-то попросить. Местная региональная власть в глазах провинциального населения – вообще не власть: она не совсем настоящая, не в полной мере распоряжается средствами/ресурсами (например, в сфере того же транспорта) и от неё мало что зависит. Муниципальные политики – исполнители воли центра – гегемона/суверена, которым только он в крайнем случае может сделать внушение, обязать к действиям. Без центра, как говорят обыватели, «на местных правителей нет, и не может быть никакой управы». Важно, что себя в качестве реализующей социально-политический процесс фигуры гражданин, как правило, тоже не видит.

Проблему внутренних компонентов социокультурного ландшафта можно заметить, понаблюдав за тем, как проходит движение потоков технolandшафта (technoscapes) [4, p. 97] и идеологических, политических (ideoscapes) [4, p. 94] потоков. Отсутствие исследования, игнорирование должного администрирования этих пространственных потоковых составляющих, в свою очередь, может привести к рассогласованию граждан как с техносферой, так и с социосферой, в итоге в пространстве происходит нарастание динамики кризисов и катастроф. Историческим примером служит ситуация перехода средневековой Европы к городу, где бурное развитие городов осуществлялось при отсутствии/потере технических знаний периода античности, например, утрате известных еще в Древнем Риме технологий водоотведения и канализации. В результате – вспышка пандемии холеры и чумы, погружение социального и культурного пространства Европы в «темные века». Ситуация той катастрофы произошла по многим причинам, но, на наш взгляд, в том числе из-за недостаточной развитости необходимой на данном уровне физической технологии и не соответствующей ей совокупности политической культуры, социально-гуманитарных, управленческих технологий. В Средние века, однако, были изобретены печатный станок, механические часы и т.д., но мы понимаем, что лишь малая часть населения средневекового города могла воспользоваться плодами указанных технологий.

Сегодня тоже в обществе возник вопрос к урбанистам в период пандемии – как сделать город подходящим к карантину. Однако такой городской среды, которая гарантировала бы адекватную защиту от напасти, не существует. Заболеваемость – не градостроительная проблема. Такая ситуация делает урбанистов посторонними большому социальному процессу и ставит под вопрос их идеи и устремления. Что сам по себе представляет такой поп-урбанизм? Прежде всего, популярный урбанизм в узком смысле – это «карго-культ» европейской идеи friendly-city с развитой коммуникацией. Это благоустроенные общественные пространства, это мейнстрим культуры образованной городской молодежи, пешеходы-хипстеры с кофе, самокаты, велосипеды, террасы-лавочки-газоны, фестивали и фримаркеты. Реальная проблема в России – это не отсутствие велодорожек и лавочек, а кризис транспортной инфраструктуры. Состояние городского технolandшафта продемонстрировано, например, в «докладе «Императивы развития транспортных систем городов России» Института экономики транс-

порта и транспортной политики на XXI Апрельской конференции ВШЭ» [5]. Из доклада мы видим, что в городах России (с некоторыми оговорками, не учитывая московскую ситуацию) общественный транспорт не является приемлемой альтернативой личному. С начала 90-х заметны существенные сокращения парка городских автобусов и объема автобусных перевозок в расчете на численность населения в 2.5 раза [5]. Объем перевозок трамваем тоже уменьшался. Вместе с тем, однако, происходило интенсивное развитие так называемых «маршруток». Во многих региональных администрациях возобладала точка зрения, что трамваи приносят значительные расходы городского бюджета. Возможно, в связи с этим было демонтировано больше 15% трамвайных линий и закрыто значительное количество трамвайных депо. Сами же эксплуатируемые вагонные составы – достаточно старые, значительная их часть старше 25 лет. В большинстве случаев «трамвайные пути не обособлены от общего потока транспортных средств. Отдельно только по трамваям для 61 города страны, где они есть (в позднем РСФСР трамваи были в 70 городах), на замену парка на современные составы необходимо 250 миллиардов руб. – это 5.6 тыс. трамваев. В целом же на замену парка общественного транспорта необходимо до 900 млрд руб. Это – без существенного расширения его сети (просто улучшение качества того, что уже есть)» [5].

При переходе с примеров проблематики в транспортном аспекте техногенного ландшафта города к рассмотрению идеологических потоков социокультурного ландшафта возникает задача проанализировать, на каком уровне находятся социально-гуманитарные технологии, ощущают ли воздействие социокультурные ландшафты от сложившейся политической реальности и какие «правила игры» влияют на них.

Р. Брубейкер – американский социолог, исследователь проблем этничности и национализма [6], и австрийский историк, эксперт по Восточной Европе А. Каппелер пришли к схожим выводам о социально-политических процессах на постсоветском пространстве: «Либеральная модель гражданства в постсоветских странах – лишь идеологическая ширма, а по сути, этнократическая форма правления, обеспечивающая культурное доминирование и политическую гегемонию господствующей государствообразующей нации» [7]. Во всех бывших советских республиках, начиная с развала советского государства, новые власти начали быструю постройку местного национализма. В РФ формировалась «гражданская нация россияне», до-

вольно непривычная культурная идентичность «россиянин» не имеет четкого, консолидирующего эффекта. У формальных граждан мотивация участия в политической жизни и убежденность в том, что у них есть реальное влияние на политические процессы, на достаточно низком уровне [8, с. 54–68]. Например, в условиях ощущения опасности этническая солидарность становится мобилизирующим триггером. В 2017 г. 38% россиян в той или иной мере были согласны с тем, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа» [9]. В исследовании 91% респондентов разделяли позицию «я никогда не забываю о своей национальности» и «человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», вместе с этим четко позиционировали себя гражданами России. Половина россиян разделяли мнение «Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ»; 30% полагают, что «у нас многонациональная страна, но русские, как большинство, должны иметь больше прав»; позицию «Россия общий дом и все народы должны обладать равными правами» среди русских разделяет 45%, а среди других национальностей 73% [9].

На наш взгляд, цивилизованный политический ландшафт формируется лишь в партикулярных рамках четко установленных идентичностей, в обществах, признанных и наделенных субъектностью наций, в понятных глобальному миру и неразмытых культурах. Охраняя комфорт гражданина от вероломного и необоснованного вмешательства со стороны государственного аппарата, содействие с его стороны идеям культурного, социокультурного развития, этнической терпимости, этическим воззрениям народа, благоприятная политическая реальность создается на сравнительно однородном в социальном и культурном отношении ландшафте, где основная масса граждан согласна принять предлагаемые «правила игры».

Проведенный автором статьи анкетный опрос среди молодых людей возраста 20–25 лет на тему общего отношения к социокультурному ландшафту Волгоградской области отразил и негативное отношение к организации инфраструктуры региона. Отвечая на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из нашего региона?» – положительно ответили 36% – «хотят уехать», «скорее да, хотели бы уехать» – 28%. Однозначно хотели бы остаться в регионе всего 5% респондентов, «скорее нет, чем да» ответили 26% опрошенных, не определились 5%.

Были заданы вопросы об этнической идентичности респондентов, задан вопрос – нравит-

ся ли им организация инфраструктуры в Волгоградской области. В частности инфраструктурой полностью не удовлетворены 32% респондентов, 41% опрошенных инфраструктура «скорее не нравится, чем нравится». Опрос показал слабую привязанность молодых людей к своему социокультурному ландшафту, размытое осознание молодежью политико-пространственных процессов в родном регионе. Недостаточное отождествление себя со своей культурной идентичностью и политической субъектностью у лиц с преобладающей этнической идентичностью (в опросе участвовало большинство русских – 71%), однако представители других этнических идентичностей, участвующих в опросе, например азербайджанцы 4,5%, армяне – 3,6%, в основном четко отождествляли себя со своим этносом и культурой.

В организации же такого сложного в аспектах «нации» и «гражданства» общества по-прежнему используются принципы представительной демократии (механизм конца XVIII столетия), система разделения властей вообще восходит еще к Аристотелю, принципы международного права, разработанные Гуго Гроцием в XVII веке, до сих пор функционируют [10]. Гуманитарные технологии рассинхронизированы с физическими технологиями минимум на две сотни лет. Это ставит текущие формы культуры и социума на грань предела сложности. Беспомощность в этом плане преобладающих формаций идеологии, права, культуры (за редкими исключениями) и их заикленность на экономике ведут к неизбежной оптимизации, тем или иным образом. А оптимизация начинается с очищения от избыточных, с точки зрения сиюминутной экономической выгоды, идей. Изнутри системы это все выглядит очень противоречивым. Чтобы подкрепить сказанное, попытаемся отразить историческую подоплеку политического ландшафта. Ведь оформление либерально-буржуазной мысли принадлежит также XVII веку. Формирование социальных отношений между верхами и низами проходило на фоне отказа западноевропейских обществ от доктрины божественного права королей и родовой аристократии управлять подданными из низших сословий. Получив доступ к большим деньгам и образованию, коммерсанты, лавочники и ремесленники разуверились в уникальной высоте дворянского происхождения, культуры, воспитания, образа жизни. Поняв, что они в относительном большинстве и что их сила не уступает возможностям латифундистов, городские труженики и буржуа заявили: социальная власть не есть результат сильной воли меньшинства, но продукт согласия всех. Лучшим

выразителем интеллектуальных тенденций середины XVII столетия стал Томас Гоббс, автор труда «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» [11]. Труд составил философскую опору учения конституционализма и учений об общественном договоре [12, с. 386], что оказало огромное влияние на современную политическую реальность. Философ Гоббс говорит, что в первобытном положении примерное равенство сил и разума индивидов подстрекает их к соперничеству за материальные блага, а невозможность рассчитывать на добрые нравы других – к взаимному недоверию [11, с. 94]. Такая обстановка неизбежно приводит к «войне всех против всех» [11, с. 95] – неограниченному применению силы с целью реализовать право на всё окружающее. Для собственной сохранности разумнее не ждать нападения, но, пользуясь произволом, атаковать первым. Таково естественное право в субъективном смысле (его ещё можно назвать естественным правомочием). Однако разум и опыт наблюдения подсказывают, что человеку, как и всякому живому существу, свойственно всеми путями искать самосохранения – так формулируется естественное право в объективном смысле (можно ещё сказать «естественный закон») [11, с. 98]. На первый взгляд две трактовки натурального права представляются игрой слов, разными способами говорить одно и то же. В реальности это не так: они соотносятся как краткосрочная и долгосрочная рациональности [12, с. 381]. Максимально агрессивная политика, несомненно, является выгодной, но прибегать к ней приходится в условиях, разумность которых сама по себе дефектна. Большинство скорее предпочтёт отказаться от удовольствия грабить, чем станет терпеть несчастье быть ограбленным и, вероятно, убитым самому, – стремление к миру заставляет в перспективе искать выхода из природной анархии. Таким образом, люди приходят к согласию признать юрисдикцию (термин в широком смысле, в смысле международного права) сообщества. Боязнь насилия и риск потерять жизнь и здоровье – единственный стимул для вступления в пространство социокультурных обязательств. Строго говоря, общественный договор носит не юридический, а фактический и фактический характер: с политической реальностью согласен любой, кто до сих пор не устроил мятеж, причём подчинение плохой власти обычно выгоднее возвращения в «естественное» (по Гоббсу) состояние. Но что делать, если желанная безопасность в реальности не обеспечена и государством? Поскольку «обязанности подданных по отношению к суверену предполагаются суще-

ствующими лишь в течение того времени и не дольше, пока суверен в состоянии защищать их» [11, с. 172], статус участника социального контракта может быть отозван в любой момент, когда подданный почувствует себя в худшем положении, чем он был бы без правителя. Сам Гоббс привёл несколько случаев такого кризиса: желание сообщества навредить жизни и здоровью индивида (в частности – наказание казнью либо членовредительством); наложение обязанности убить или искалечить себя, друга, родственника и подобных лиц; принуждение к свидетельству против себя или вышеуказанных людей; атака товарищей по мятежу или заговору о восстании; приказ продолжить очевидно опасный для жизни бой; невозможность уберечь подданного от пленения; распад сообщества из-за гражданской войны; его захват иностранным завоевателем; нахождение подвластного лица на территории, которую правительство не контролирует [11, с. 167–173]. В этом плане современные исследования показывают: «...основной признак гражданской нации – гражданская субъектность, реализация принципа народного суверенитета – не укрепляется в России» [13]. Модель развития в глазах рядового гражданина выглядит так: либо сохранение статус-кво (вечный режим гегемона в далёком центре), либо распад, анархия, бардак и произвол местных элит (с негативным отношением к их представителям у местного населения). При наличии настоящих и ответственных местных элит, наделенных доверием граждан, в регионах могли бы сформироваться реальные альтернативные управленческие центры. Но таковых нет – сам центр силы, как правило, старается об этом позаботиться. И альтернативных гражданских структур, потенциально способных перехватить управление политическим ландшафтом в провинции, тоже нет – все зачатки самоорганизации последовательно и тщательно будут размываться. Возможно, вариант регионализации видится для центра сегодня как угроза хаоса.

Заключение

В городах России возникли инфраструктурные проблемы. В первую очередь от автомобилизации (потому что типичный российский город изначально не создавали под такое количество автомобильного транспорта), при этом:

- 1) низкая дорожная плотность в мегаполисах. Например, в Москве она составляет до 10%, при масштабных финансовых вложениях в неё. В провинциальных крупных городах, таких, например, как Нижний Новгород, дорожная плотность около 6%. Для сравнения: в круп-

ных городах Канады этот показатель 30–33%, в городах стран Западной Европы – 20% [5]. Существенно такую ситуацию в российских городах сложно трансформировать;

2) высокая плотность населения в мегаполисах. Исправить ситуацию помогло бы обдуманное, масштабное и ускоренное развитие общественного транспорта, но администрации, опирающиеся, как мы выяснили в статье, на современную политическую реальность, в этом не заинтересованы.

На первый взгляд, общественное пространство в эпоху пандемий, эпидемий, где желаемая безопасность не зависит или плохо обеспечена сувереном, погружено в состояние, которое уже не кажется слишком устойчивым. Возможно, многих популистов, которые говорили, что пандемия «переформирует несправедливую политическую реальность», постигнет разочарование; однако, на наш взгляд, возникшая ситуация создаёт для существующего положения вещей возможность лишь перезагрузиться с последующим укреплением, а вовсе не угрожает обрушением. Достаточно наполнять медиапространство или поддерживать быстрый, тревожный поток медиаландшафта (mediascape) для основной массы граждан. В итоге граждане могут согласиться с любыми чрезвычайными мерами – с цифровым контролем, с любым ужесточением в передвижении, полицейщиной, принудительной вакцинацией (против которой они же изначально могли и выступать или высказываться). Реальная ли в конкретном случае угроза или мнимая в данном контексте – совсем не важно. Важно, как гражданин её оценивает. Поэтому в сформированном социокультурном ландшафте России в его политическом аспекте существует тенденция перезагрузки в какой-нибудь более суровый режим, необходимо лишь актуализировать иррациональный страх безвластия, анархии, беззакония. Добавив к нему угрозу эпидемий, противостоять которой может только сильная централизованная власть. Даже если на самом деле центр слаб и ни на что не способен – неважно. У населения с отсутствующей гражданской субъектностью отсутствует установка требовать систематическую, партикулярную поддержку от властей. Главной политической функцией центра, предположительно, будет силовая и усиление принудительно-репрессивной составляющей – на это средств в сложившейся обстановке, как правило, хватает. Главной задачей суверена выступают сохранение все той же реальности.

Рассмотрев два важных фактора в формировании современного российского социокультурного ландшафта, как двух взаимосвязанных тенденций в установлении современного про-

странства «политического» и «инфраструктурного», скажем: в течение определенного времени способы организации инфраструктуры города могут трансформироваться, но при определенных сложностях, и на данный момент заметны кризисные явления. Социальная структура и политическая реальность по большому счету остались на принципах, наложенных либерально-буржуазной мыслью XVII века на «российскую почву», где функционируют символические политические аппараты советского наследия, что, в свою очередь, нуждается в переосмыслении, а усиление процессу фрагментации социокультурного ландшафта России придает сложная национально-гражданская и культурная консолидация.

Список литературы

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001. 512 с.
2. Kotas P. Dopravní systémy a stavby. Praha: Nakladatelství ČVUT, 2007.
3. Социальная реальность современной России. Полит.ру публикует расшифровку публичной лекции Симона Кордонского. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2004/05/11/kordon/> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Lechner F., Boli J. The Globalization Reader. 5 ed. Malden MA: John Wiley & Sons, Ltd., 2015.
5. Доклад ИЭТПП НИУ ВШЭ «Императивы развития транспортных систем городов России» на XXI Апрельской конференции 30 апреля по проблемам развития экономики и общества. Режим доступа: <https://itetps.hse.ru/news/361085781.html> (дата обращения: 12.12.2020).
6. Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // Ab Imperio. 2006. № 2. С. 59–79.
7. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: Сборник. М.: Новое издательство, 2010. 426 с.
8. Общественное мнение. Ежегодник. 2016. М.: Левада-Центр, 2016.
9. Дробужева Л.М. Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Ежегодник «Россия реформирующаяся» Института социологии РАН. Вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. 592 с.
10. Дидманидзе У.Т. Вклад Гуго Гроция в развитие концепции о «справедливой войне» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 226–235.
11. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
12. Martin R. Hobbes and the Doctrine of Natural Rights: The Place of Consent in His Political Philosophy // The Western Political Quarterly. 1980. Sep. Vol. 33. № 3. P. 380–392.
13. Общественное мнение. Ежегодник. 2019. М.: Левада-Центр, 2019.

**POLITICAL REALITY AND INFRASTRUCTURE AS IMPORTANT FACTORS
IN SHAPING THE SOCIOCULTURAL LANDSCAPE**

A.N. Pleschenko

Volgograd State University

The article deals with the fact that the formed, customary socio-cultural landscape of the modern Russian city can be transformed under the influence of the organization of transport and road infrastructure, experiencing as well the influence of fundamental political processes on the social structure. Attention is paid to two integral factors in the formation of physical and political-cultural space structures, which, in the author's opinion, are interrelated with each other and participate in the development of the socio-cultural landscape of the area/territory inseparably together with such institutional concepts as "citizen" and "nation". The study believes that Russian cities are formed as environments convenient to administrative, managerial structures, but rarely with regard to the comfort for the average citizen, which in turn leads to a decline in socio-cultural development.

The imbalance of the internal components of the socio-cultural landscape, which is influenced by both the organization of infrastructure and the impact of the political and legal reality, can lead to a hard to solve systemic crisis in socio-cultural relations. Disturbing social processes can be observed by observing how the flows of the techno-landscape and the ideological flows in political reality take place. The rethinking of the organization of physical and political space should not always be based on an economic-administrative imperative, but on the phenomena and processes taking place in the social and cultural sphere.

Keywords: socio-cultural landscape, transport infrastructure, political reality, civil society, space structure.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.1+316

DOI 10.52452/18115942_2021_3_158

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЦЕНТРАХ ПРИ ГРАЖДАНСКИХ ВУЗАХ, ДЛЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО КОНТРАКТУ (НА ПРИМЕРЕ ННГУ)

© 2021 г. *А.Н. Абрамов, А.С. Донской, С.А. Рябинин, С.А. Судьин, В.В. Трембовецкий*

Абрамов Александр Николаевич, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры воздушно-космических сил
военного учебного центра при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского
abramov@fvo.unn.ru

Донской Александр Семенович, начальник цикла – старший преподаватель военного учебного центра
при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского
asdonkoy@yandex.ru

Рябинин Сергей Александрович, к.т.н.; доц.; начальник военного учебного центра
при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского
rsa@unn.ru

Судьин Сергей Александрович, д.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой общей социологии
и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sergeysudin@fsn.unn.ru

Трембовецкий Валерий Владимирович, начальник учебной части – заместитель начальника
военного учебного центра при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского
vtrem@vuc.unn.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2021

Статья принята к публикации 16.07.2021

Кадровые офицеры – выпускники военных учебных центров (ВУЦ) гражданских вузов, по отзывам командиров воинских частей, куда они направлены для прохождения военной службы, имеют высокий уровень военно-профессиональной подготовки, но отстают от выпускников вузов Министерства обороны Российской Федерации по уровню физической подготовленности. Указанное отставание обусловлено следующими основными причинами: недостаточным количеством учебных часов на физическую подготовку, предусмотренных ФГОС любой специальности (направления подготовки) высшего образования; разными статусами курсанта-военнослужащего, подчиняющегося распорядку дня, и студента, который самостоятельно планирует свое время за пределами часов учебных занятий; отсутствием возможности включить в программу военной подготовки кадровых офицеров учебную дисциплину «Физическая подготовка». В ВУЦ при ННГУ им. Н.И. Лобачевского проведены социологические исследования, результаты анализа которых показали, что у студентов, обучающихся по программам подготовки кадровых офицеров, имеется достаточный резерв внеучебного времени и его можно использовать для проведения с ними различных массовых и индивидуальных мероприятий, направленных на повышение уровня их физической подготовленности. Предлагается разработанная в ВУЦ модель (система) использования внеучебного времени для повышения физической подготовки (а в перспективе – и других видов военно-профессиональной подготовки) будущих кадровых офицеров – выпускников ВУЦ. Реализация данной модели позволит ликвидировать отставание выпускников ВУЦ от выпускников военных вузов.

Ключевые слова: военный учебный центр, офицеры кадра, внеучебное время, модель, система, совершенствование, физическая подготовленность, военно-профессиональная подготовка.

Введение

Наряду с вузами Министерства обороны Российской Федерации одним из источников комплектования войск офицерскими кадрами

являются военные учебные центры (ВУЦ) при гражданских высших учебных заведениях, которые реализуют программы военной подготовки офицеров для военной службы по контракту (офицеров кадра) на базе основных образова-

тельных программ высшего образования, в основном уровня «специалитет», а по отдельным направлениям подготовки – «бакалавриат». ВУЦ были созданы Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.03.2019 № 427-р при 93 федеральных образовательных государственных организациях высшего образования на базе ранее функционировавших учебных военных центров (УВЦ) и/или факультетов военного обучения (военных кафедр). В последние несколько лет количество выпускников гражданских вузов – офицеров кадра составляет значительный процент от всех выпускников вузов Минобороны России, а по отдельным военно-учетным специальностям сравнимо с числом выпускников военных вузов или даже превосходит его.

ВУЦ при ННГУ им. Н.И. Лобачевского также был создан в 2019 г. на базе УВЦ и военной кафедры, которые на тот момент имели богатую историю, традиции и опыт подготовки кадровых офицеров, а также офицеров, солдат и сержантов запаса.

В 2004–2009 гг., на базе в то время еще факультета военного обучения при ННГУ, по заданию Министерства обороны Российской Федерации была выполнена научно-исследовательская работа (НИР) и проведена серия экспериментов, в результате которых был разработан и законодательно закреплён механизм подготовки офицеров для военной службы по контракту в Вооружённых силах Российской Федерации и созданы УВЦ при некоторых вузах России. Всего, с учётом первого экспериментального выпуска из ННГУ офицеров кадра с 2007 г. и по июль 2020 г., в университете подготовлено более 300 офицеров для военной службы по контракту, имеющих инженерно-технические или гуманитарные специальности высшего образования, которые заключили контракты с Министерством обороны Российской Федерации и были назначены на офицерские должности в воинские части и учреждения в соответствии с военно-учётными специальностями (ВУС).

По итогам войсковых стажировок и отзывов о службе на офицерских должностях выпускников ННГУ, командиры воинских частей отмечают высокий уровень их подготовки, дисциплины, инициативность, самостоятельность и добросовестное отношение к выполнению служебных обязанностей. Срок становления в должности выпускника университета в среднем составляет не более трёх месяцев. При этом в отзывах отмечаются их особенно высокая техническая и тактико-специальная подготовка, глубокое знание современных компьютерных технологий, умение работать с документами,

информацией, желание служить в Вооружённых силах Российской Федерации и многие другие положительные качества.

Вместе с тем в отдельных вопросах офицеры – выпускники ННГУ, равно как и выпускники других вузов, отстают от выпускников высших военных учебных заведений, и в первую очередь – по уровню физической подготовленности. Налицо актуальная задача выявления причин вышеуказанного отставания и определение путей ликвидации данного отставания. По мнению авторов, повышение уровня физической подготовленности выпускников ВУЦ возможно на основе разработки и внедрения системы (модели) повышения физической подготовки (а в перспективе – и других видов военно-профессиональной подготовки) будущих кадровых офицеров – выпускников ВУЦ за счёт использования внеучебного времени.

Анализ публикаций с момента начала массовой подготовки офицеров кадра в гражданских вузах с 2009 г. и по настоящее время показывает, что научные исследования в рассматриваемом направлении не проводились, проблема совершенствования физической подготовки вышеуказанной категории студентов не ставилась и в научных публикациях не представлена. Данный вывод подтвердился при обсуждении указанной проблемы на III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные аспекты организации военно-политической (воспитательной) работы в военных учебных центрах при высших учебных заведениях. Теория и практика военного образования в гражданских вузах: педагогический поиск», организованной ВУЦ УГУ – УПИ (г. Екатеринбург) 26–27 ноября 2020 г., в которой приняли участие представители большинства ВУЦ вузов России [1].

Методология и методы исследования

Исследования проводились методом анкетирования и охватили 98% студентов, обучающихся в ВУЦ при ННГУ.

Для выявления уровня физической подготовленности студентов и его динамики был проведён анализ результатов сдачи нормативов за 5 лет (сила – подтягивание на перекладине, быстрота – бег на 100 м, выносливость – бег на 3 км). При проведении данного анализа учитывались результаты, показанные на испытаниях по физической подготовленности при поступлении в ВУЦ теми абитуриентами, которые стали его студентами; при проведении сборов на втором курсе и стажировки на выпускном курсе в воинских частях; при сдаче нормативов, орга-

низуемых в ВУЦ (до 01.09.2019 – в институте военного образования) каждый семестр в соответствии с годовыми планами работы.

При разработке модели повышения физической подготовки будущих кадровых офицеров – выпускников ВУЦ авторы опирались на теоретические материалы, представленные в научных статьях И.О. Котляровой и В.Г. Свиarenко [2; 3].

Результаты и их обсуждение

Анализ сложившейся ситуации выявил следующие причины более низкой физической подготовки офицеров – выпускников ВУЦ по сравнению с выпускниками военных вузов.

1. Различаются возможности по организации мероприятий военно-профессиональной направленности (включая мероприятия по физической подготовке), что обусловлено статусом курсанта-военнослужащего, подчиняющегося распорядку дня, и студента, который самостоятельно планирует свое время за пределами часов учебных занятий и других обязательных мероприятий учебной работы.

2. Объем учебного времени, предусмотренный практически любым федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОС ВО) на физическую подготовку, недостаточен для достижения требуемого уровня физической подготовленности будущего кадрового офицера. Так, ФГОС ВО специальностей (направлений подготовки), являющихся базовыми для соответствующих ВУС, предусматривают только 400 учебных часов на физическую подготовку студентов, которые реализуются на первом и втором курсах, при сроках реализации программ ВО уровня «бакалавриат» 4 года, а «специалитет» 5 или 5.5 лет; т.е. на 3 и 4 курсах с будущими бакалаврами и на 3–5 (6 – при сроке обучения 5.5 лет) курсах с будущими специалистами занятия по физической подготовке не предусмотрены [4–6].

3. Отсутствует возможность включить в программу военной подготовки учебную дисциплину «Физическая подготовка», а значит, и возможность проводить регулярные плановые занятия по физической подготовке. Так, на реализацию программы военной подготовки офицеров для военной службы по контракту Приказом Министра обороны Российской Федерации и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.02.2020 № 66/212 предусмотрено не менее 42 зачетных единиц, то есть 1512 учебных часов [7]. Вышеуказанный либо несколько больший объем учебного времени с трудом позволяет реализовать в рамках любой специальности (направления подготовки) ВО

лишь обязательные технические, тактико-специальные и общевоеенные дисциплины, предусмотренные квалификационными требованиями к соответствующему ВУС, не оставляя возможности для занятий по физической подготовке.

4. Уровень физической подготовленности выпускников общеобразовательных учреждений невысок. Абитуриенты, поступающие в ННГУ и желающие стать кадровыми офицерами, имеют достаточно высокие баллы сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ), что позволяет им успешно осваивать программу по выбранной специальности (направлению подготовки) ВО. Вместе с тем уровень их физической подготовленности зачастую минимален для зачисления на программы подготовки офицеров для военной службы по контракту, и они не имеют постоянной внутренней потребности и стремления самостоятельно и регулярно заниматься физической культурой и спортом. В дальнейшем, в период обучения в университете и в ВУЦ, из-за недостаточной интенсивности занятий по физической подготовке на 1 и 2 курсах вуза и их полного отсутствия на последующих курсах, уровень физической подготовленности данной категории будущих офицеров, как правило, еще более снижается.

Выходом из создавшейся ситуации, то есть способом существенного повышения уровня физической подготовленности будущих офицеров кадра – выпускников ВУЦ, может стать внедрение модели (системы) использования внеучебного времени для повышения физической и других видов военно-профессиональной подготовки данной категории студентов.

Опираясь на более чем пятнадцатилетний опыт подготовки офицеров кадра, авторский коллектив ВУЦ при ННГУ совместно со специалистами факультета социальных наук (ФСН) и факультета физической культуры и спорта (ФКС) ННГУ в 2020 г. приступил к выполнению инициативной прикладной НИР «Исследование возможности использования внеучебного времени для совершенствования военно-профессиональной подготовки студентов, обучающихся в военном учебном центре по программам подготовки офицеров для военной службы по контракту».

Целью НИР является исследование возможности и достижение уровня физической подготовленности (а в будущем и других видов военно-профессиональной подготовленности) офицера – выпускника ВУЦ для военной службы по контракту, соответствующего квалификационным требованиям, предъявляемым Министерством обороны Российской Федерации к выпускникам военных вузов, за счет эффективного использования резерва внеучебного времени.

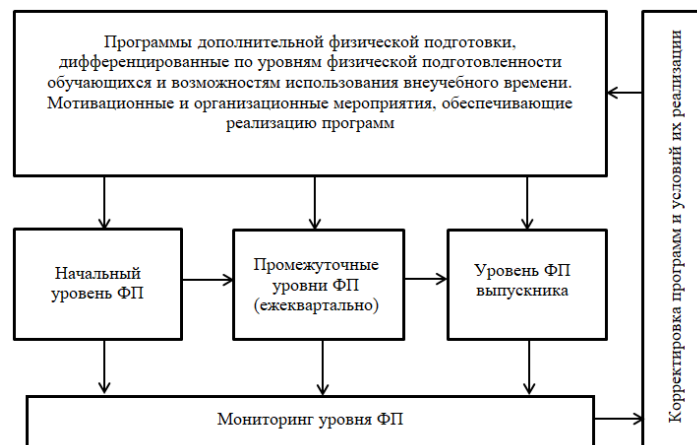


Рис. Основные элементы модели (системы) совершенствования физической подготовки студентов ВУЦ, обучающихся по программам военной подготовки офицеров кадра

НИР планируется выполнить в течение 5 лет, и она предусматривает следующие основные мероприятия и предполагает следующие результаты.

1. Проведение педагогических исследований среди студентов, обучающихся в ВУЦ при ННГУ. Данные исследования направлены на выявление реального резерва внеучебного времени (дифференцированного по курсам, условиям проживания, ВУС, уровням успеваемости и другим параметрам) и готовности студентов к его использованию для повышения своего уровня физической подготовленности.

2. Проведение анализа физической подготовленности студентов по результатам дополнительных вступительных испытаний в ННГУ (сдачи нормативов для поступления в ВУЦ), сдачи нормативов в период обучения и при прохождении сборов (стажировок) в войсках, на основе которого осуществляются:

- формирование базы данных их физической подготовленности, дифференцированной по курсам, ВУС и результатам сдачи нормативов по конкретным упражнениям;

- распределение студентов по группам с приблизительно одинаковыми или близкими уровнями физической подготовленности (результатами сдачи нормативов);

- определение требуемого количества, видов и периодичности занятий (тренировок), необходимых для достижения требуемого уровня их физической подготовленности (в соответствии с Наставлением по физической подготовке Вооруженных Сил Российской Федерации [8]);

- определение возможности организации и организация необходимого количества дополнительных занятий и тренировок (с учетом наличия свободного от занятий времени) для достижения требуемого уровня физической подготовленности будущих офицеров.

3. Разработка методик и рекомендаций по проведению дополнительных занятий и тренировок во внеучебное время, попутных тренировок в период проведения занятий и самостоятельной работы в дни военной подготовки, а также на учебных сборах и на стажировках в войсках.

4. Разработка и внедрение в практику воспитательной работы ВУЦ системы мотивационных мероприятий по вовлечению студентов во внеучебную работу военно-профессиональной направленности, включающей:

- формирование у студентов активной и позитивной позиции по использованию внеучебного времени в интересах повышения личного уровня военно-профессиональной подготовки;

- организацию воспитательной работы и определение конкретных воспитательных мероприятий, направленных на мотивацию студентов к физически активному образу жизни и достижению требуемых результатов личной физической подготовленности;

- организацию и проведение дополнительных занятий по физической подготовке, массовых состязаний, спортивных праздников и других мероприятий соответствующей направленности с широким освещением результатов и поощрением передовиков;

- систематизацию и внедрение в практику внеучебной работы дополнительных форм совершенствования других направлений военно-профессиональной подготовки (конкурсы, викторины, соревнования, дополнительные занятия, тренировки и т.п.).

5. Мониторинг:

- физической подготовленности студентов на основе организации регулярного (ежеквартального) контроля выполнения нормативов по физической подготовке;

- уровня других составляющих военно-профессиональной подготовленности на основе анализа успеваемости по соответствующим

Таблица 1

Распределение свободного от занятий времени по результатам социологического опроса студентов

	Подготовка к занятиям	Общение с друзьями	Физическая подготовка	Просмотр ТВ	Социальные сети	Онлайн-игры	Помощь по дому	С девушкой	ТРК, магазины	Гуляют на улице
Нисколько	2%	8%	5%	80%	2%	58%	7%	32%	41%	11%
Менее часа	16%	27%	23%	10%	20%	16%	59%	25%	41%	45%
1–2 часа	35%	54%	66%	3%	51%	12%	26%	19%	15%	32%
Больше 2 часов	47%	10%	7%	2%	27%	13%	7%	24%	1.5%	11%

Таблица 2

Мотиваторы на занятия физической культурой

Мотиваторы для дополнительных занятий физической культурой и спортом	Мнения студентов (в % к опрошенным)
Ужесточение требований	51
Положительные оценки, зависть друзей	9
Мнение девушки (девушек)	14
Примеры зависимости карьерного роста от уровня ФП	78
Пример друзей, возможность занятий по ФП с ними	27
Дополнительные бонусы (стипендии) по аналогии с научными и учебными достижениями	91
Конкуренция, нежелание отставать от лидеров	15
Родительская гордость за сына	16

профильным дисциплинам программы военной подготовки.

Предусмотрено также проведение регулярного анкетирования студентов для корректировки параметров системы внеучебной работы в ВУЦ.

6. Сравнительный анализ уровней и динамики физической подготовленности (а также подготовленности по другим направлениям военно-профессиональной подготовки) студентов, обучающихся в ВУЦ после внедрения системы организации внеучебной работы, и студентов, обучавшихся в военном учебном центре до внедрения (в том числе с учетом соответствующих данных отзывов из войск), что дает возможность оценить ее эффективность.

7. Внедрение модели (системы) совершенствования физической подготовки студентов ВУЦ, обучающихся по программам военной подготовки офицеров кадра, предполагающей использование резерва внеучебного времени, и выработка механизма формирования рекомендаций по ее оптимизации на основе постоянного мониторинга практических результатов и эффективности работы всех звеньев системы. Основные элементы данной модели (системы) представлены на рисунке.

По каждому из вышеуказанных пунктов ведутся научные исследования и детальная проработка механизмов их практической реализации, нацеленные на конкретный конечный результат. На данном этапе проведены опросы

студентов всех курсов, обучающихся в ВУЦ при ННГУ по программам офицеров кадра (более 350 человек), которые показали, что у них имеется резерв времени 2 часа в день и более, который при желании и соответствующей организации может быть использован в целях совершенствования физической и других видов военно-профессиональной подготовки (табл. 1).

В целом можно отметить, что значительная часть свободного времени большинства студентов, по их собственным оценкам, уходит на подготовку к занятиям и совершенствование своей физической формы. Однако необходимое время на дополнительные занятия по физической подготовке можно получить за счет сокращения общения в социальных сетях, изменения формата общения с друзьями и прогулок на улице. При этом есть основания полагать, что та часть студентов, которая мало уделяет времени подготовке к занятиям и физической подготовке, больше тратит его на менее полезные для своего совершенствования мероприятия.

Реальную возможность использования свободного времени в этих целях видят и сами студенты, что показали результаты их анкетирования (табл. 2).

Как ни печально, но из таблицы 2 видно, что рыночные ценности и прагматичность – это определяющая основа мотивации студентов для дополнительных занятий физической подготовкой: главными стимулами являются финансовая

поддержка (91%) и успехи в профессиональной деятельности (78%).

При этом относительное большинство (51%) студентов восприимчиво к административному воздействию и готово повысить внимание к физической подготовке при ужесточении требовательности в данном вопросе.

Таким образом, результаты исследований показывают наличие резерва свободного времени у рассматриваемой категории студентов ВУЦ и возможность его использования для совершенствования военно-профессиональной подготовки.

На основе социологических исследований и анализа физической подготовленности студентов ВУЦ проведено их распределение по группам с близкими результатами (уровнями) показателей сдачи нормативов (сила, быстрота, выносливость). Для каждой из таких групп разработаны методические рекомендации преподавателям и студентам по видам, количеству, интенсивности, времени, способам проведения дополнительных занятий и тренировок – как самостоятельно, так и под руководством преподавателей ВУЦ. Данный блок мероприятий, по мнению авторов, составляет основу предлагаемой модели совершенствования физической подготовки студентов ВУЦ, обучающихся по программам военной подготовки офицеров кадра.

Заключение

Результаты проведенных исследований позволяют сделать два основных вывода:

1) студенты, обучающиеся в ВУЦ по программам подготовки офицеров кадра, имеют достаточный резерв внеучебного времени, который при соответствующей мотивации и организаторской работе со стороны преподавательского состава ВУЦ дает возможность реализовать гипотезу о повышении их физической подготовленности до требуемого уровня;

2) для достижения требуемого уровня физической подготовленности рассматриваемой категории выпускников ВУЦ необходимо внедрение модели совершенствования физической подготовки студентов ВУЦ, обучающихся по программам военной подготовки офицеров кадра, предполагающей использование резерва внеучебного времени и учитывающей индивидуальные уровни физической подготовленности обучающихся.

Список литературы

1. Абрамов А.Н., Рябинин С.А., Судьин С.А., Трёмбовецкий В.В. Актуальные аспекты организации военно-политической (воспитательной) работы в военных учебных центрах при высших учебных за-

ведениях // Теория и практика военного образования в гражданских вузах: педагогический поиск. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции 26–27 ноября 2020, г. Екатеринбург. Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 189–194.

2. Котлярова И.О. Метод моделирования в педагогических исследованиях: История развития и современное состояние // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. Т. 11. № 1. С. 6–20. URL: <https://vestnik.susu.ru/ped/article/view/File/8445/6884> (дата обращения: 08.04.2021).

3. Свиначенко В.Г. Педагогическое моделирование как метод научного исследования и метод продуцирования // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/10/84392> (дата обращения: 08.04.2021).

4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.03.2015 № 202 «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (уровень бакалавриата)». URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-12.03.2015-N-202/> (дата обращения: 16.04.2021).

5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 11.08.2016 № 1019 «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования по специальности 11.05.02 «Специальные радиотехнические системы» (уровень специалитета)». URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-11.08.2016-N-1019/> (дата обращения: 16.04.2021).

6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16.11.2016 № 1426 «Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования по специальности 10.05.02 «Информационная безопасность телекоммуникационных систем» (уровень специалитета)». URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-16.11.2016-N-1426/> (дата обращения: 16.04.2021).

7. Приказ Министра обороны Российской Федерации и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.02.2020 № 66/212 «Об установлении Порядка замещения должностей работников военного учебного центра при федеральной государственной образовательной организации высшего образования, Перечня отчетных документов, а также документов, которые ведутся в военном учебном центре при федеральной государственной образовательной организации высшего образования, документов по планированию, организации проведения образовательной деятельности, учету граждан, проходящих военную подготовку, учету и обслуживанию военной техники, Порядка контроля организации деятельности военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и проведения военной подготовки». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003240025> (дата обращения: 16.04.2021).

8. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 21.04.2009 № 200 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902164483> (дата обращения: 16.04.2021).

WAYS OF IMPROVING OF FUTURE OFFICERS' PHYSICAL TRAINING STUDYING IN MILITARY TRAINING CENTERS AT CIVILIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS FOR THE MILITARY SERVICE BY CONTRACT (ON THE EXAMPLE OF THE UNN)

A.N. Abramov, A.S. Donskoy, S.A. Ryabinin, S.A. Sudin, V.V. Trembovetsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Career officers – graduates of military training centers (MTC) of civil universities, according to the commanders of military units where they are sent for military service, have a high level of military professional training, but lag behind the graduates of Russian Defense Ministry higher education institutions in terms of physical preparedness. This lag is due to the following main reasons: insufficient number of studying hours for physical training, provided for by the Federal State Educational Standards of any specialty (direction of studying) of higher education; different statuses of a military cadet who obeys the daily routine and a student who independently plans his time outside the hours of training; the lack of an opportunity to include the discipline "Physical training" in the military training program of career officers. In the MTC of the UNN named after N.I. Lobachevsky, sociological studies were carried out, the analysis results of which showed that students enrolled in training programs for career officers have a sufficient reserve of extracurricular time and it can be used to conduct various mass and individual events aimed at increasing their level of physical preparedness. A model (system) of using extracurricular time to improve physical, and, in future plans, other types of military professional training of future career officers-graduates of the MTC, is proposed. The implementation of this model will make it possible to eliminate the gap between graduates of the MTC and graduates of military higher education institutions.

Keywords: military training center, career officers, extracurricular time, model, system, improvement, physical fitness, military professional training.

УДК 37.02

DOI 10.52452/18115942_2021_3_165

МОДЕЛЬ ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ

© 2021 г.

И.В. Гребенев, Е.В. Чупрунов, И.Ю. Зворыкин

Гребенев Игорь Васильевич, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
grebenev@phys.unn.ru

Чупрунов Евгений Владимирович, д.ф.-м.н.; проф.; заведующий кафедрой кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
chuprunov@phys.unn.ru

Зворыкин Илья Юрьевич, заведующей лабораторией кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zvorykin@phys.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 26.05.2021**Статья принята к публикации 27.07.2021*

Описан вариант организации проектно-ориентированного обучения физике в системе основного и дополнительного образования. Предполагается наличие кружка экспериментальной физики или лаборатории исследовательского эксперимента в системе дополнительного образования, занятия в которых рассматриваются как части единого учебного процесса. Выполнение исследовательского ученического проекта определяется как конечная цель обучения физике, детерминирующая экспериментальный компонент образовательного процесса. Практическая часть выполнения проекта распределена между уроками физики и занятиями в структурах дополнительного образования, образуя спектр индивидуальных образовательных траекторий, выбираемых каждым учеником в соответствии с возможностями и желанием. Результаты учебной, в том числе экспериментальной, деятельности учащихся образуют последовательность формирования важнейших предметных знаний и умений, обеспечивая в то же время теоретическую и экспериментальную базу выполнения учебно-исследовательского проекта. Реализация проектной части учебного процесса в системе дополнительного образования позволяет создать нелинейный вариант учебного процесса и обеспечить индивидуальные образовательные траектории для значительной группы учащихся.

Ключевые слова: проектное обучение, преподавание физики, учебно-исследовательская деятельность.

Постановка проблемы

Выполнение учебных проектов по большинству учебных предметов общеобразовательной школы становится важной задачей развития образовательного процесса, средством повышения качества образования в современных условиях, оставаясь при этом серьезной проблемой для теории и практики обучения [1]. Проблема состоит в необходимости включения проектной деятельности как в общую логику процесса обучения в школе в целом, так и в логику процесса обучения отдельному предмету. Пытаясь организовать проектную деятельность учащихся в рамках учебного процесса по предмету (физике), учителя сталкиваются с трудноразрешимой задачей – как составить проектное задание, имеющее по определению практически значимый результат, и в то же время органично встроить его в процесс формирования систематических предметных знаний и умений.

Теоретические и исторические рамки

История этой проблемы насчитывает не один десяток лет. Дьюи предложил метод проектов как альтернативу систематическому изучению основ наук, бесполезному, по его мнению, с утилитарной, прагматической точки зрения [2]. Категоричную форму чисто проектного обучения пропагандировала В. Килпатрик, хотя впоследствии отошла от крайностей применения метода проектов в сторону сочетания его с традиционным обучением. Современная система взглядов также (во всяком случае, формально) примиряет проектное и традиционное обучение: «Проектное обучение отличается от проектного подхода тем, что оно объединяет обе фазы, то есть **приобретение навыков и их применение, в один процесс**» [3, с. 17]. В российской современной педагогике метод проектов рассматривается не как альтернатива систематическому предметному обучению, а, наряду с ним, как компонент системы образования [4].

Высказанные выше утверждения, при всей их обоснованности, не реализуются в практике школьного образования. В.В. Гузеев 20 лет назад писал, что основная проблема, сдерживающая распространение проектного обучения, состоит в трудности сопряжения проектных заданий с требованиями образовательных стандартов. Практически не удается сформулировать проектные задания так, чтобы можно было использовать стандартные знания, умения, навыки (точнее – чтобы в них возникла необходимость) при выполнении учениками этих заданий [5]. Т. Лазарев спустя 10 лет отмечает непонимание смысла и значения проектной деятельности в практике ее применения: «Проектная деятельность учащихся воспринимается как нечто самостоятельное, происходящее в стороне от учебно-воспитательного процесса. В основе образовательного процесса сохраняется прежняя традиционная технология обучения, направленная на освоение учащимися заложенной в программе совокупности знаний, умений и навыков. В этом случае отношение к проектированию можно охарактеризовать скорее как к кружковой деятельности (!), а не ключевой педагогической технологии» [6]. Отдельно отметим мнение автора, что формула «чем больше проектов сделали ученики, тем лучше показатели работы учителя» является способом дискредитации этой формы обучения. Отметим также замечание автора о кружковой деятельности как весьма прозорливое. В дальнейшем под термином «кружок» мы будем понимать различные формы экспериментальной работы учащихся в системе дополнительного образования (ДО).

Характерно, что В.В. Гузеев и 15 лет спустя вновь видит те же недостатки в реализации проектного обучения [7]. Мы далее покажем, что в настоящее время прогресс мало заметен.

Трудности в реализации обучения, основанного на проектах (project based learning, PBL), отмечаются и за рубежом, где оно начало развиваться на несколько десятилетий ранее. Обратим внимание на характерное название следующей интересной работы – «Project-Based Learning: 'Promising but Not Proven,' Researchers Say» – и на выводы относительно проектно-ориентированного обучения (PBL): «Хотя практики и сторонники реформы образования заинтересованы в масштабировании PBL, данные исследований не поспевают за растущим интересом к PBL со стороны практики обучения. Необходимы более строгие доказательства для того, чтобы подтвердить, является ли PBL лучшим подходом для подготовки учащихся к колледжу и карьере, чем традиционные методы, ориентированные на учителя» [8].

Возьмем несколько тем ученических проектов, рекомендованных для реализации в учебном процессе по физике: «Разработка способов оценки КПД бытовых приборов»; «Выявление факторов, влияющих на рост кристаллов»; «Разработка технологии преобразования энергии геотермальных источников водяного пара в электрическую энергию»; «Разработка технического устройства, сигнализирующего о критическом похолодании в овощехранилище».

Вот формулировки в виде заданий для выполнения учебных проектов: «Разработайте техническое устройство, которое автоматически включает уличное освещение при наступлении темноты», «Разработайте прибор для измерения атмосферного давления», «Разработайте прибор для проверки однородности стальных стержней» [9].

Хорошо видно, что эти предложения по преимуществу ориентированы на выполнение конкретного технического задания, но отнюдь не на поддержку учебного процесса, не на развитие знаний и умений в какой-либо области школьного содержания учебного предмета физики. Разумеется, некоторые знания и умения по физике потребуются применить при выполнении этих работ и, соответственно, развить в ходе применения; однако оценка успешности выполнения проектов будет производиться не по критерию прироста знаний и умений, а по практической значимости сделанного. К сожалению, такой подход преобладает сегодня в практике проектного обучения. Еще одной проблемой является шаблонность выбора тематики исследований и формальное представление его результатов – в виде рефератов, докладов, которые не являются по-настоящему творческими.

Можно отметить, что в мировой практике существует два основных подхода к реализации проектного метода. «Согласно исторически более древнему подходу, студенты делают два шага: сначала они обучаются в систематическом курсе изучения определенных навыков и фактов, затем они применяют эти навыки и знания, творчески и самостоятельно направляя их на подходящие проекты. Согласно второму подходу, процесс обучения предмету *не предшествует проекту, а интегрируется в него*. Другими словами, учащиеся сначала выбирают проект, затем обсуждают, что им нужно знать для решения проблемы, и изучают необходимые методы и концепции. Наконец, они сами выполняют выбранный проект» [10]. Как проекты, реализующие первый подход, приведенные выше задания кажутся приемлемыми, поскольку при их выполнении учащиеся применяют изученное ранее содержание и реализуют соответствующие умения.

Однако нам ближе точка зрения В.С. Лазарева: «Если мы хотим, чтобы включение учащихся в проектирование приводило к развитию их мышления, то нужно обеспечивать, чтобы, разрабатывая проект, учащиеся одновременно решали **учебные задачи**, связанные с освоением способов этой деятельности» [11, с. 37], что возвращает нас к необходимости выполнения проекта **в ходе** изучения содержания. «Всякий проект реализуется, когда есть потребность в чем-то новом или в усовершенствовании чего-то уже существующего. То есть, прежде чем начнет реализовываться проект, возникает актуальная потребность, нужда в чем-то. Но, если мы знаем, как можно удовлетворить эту потребность, то проект не нужен. Нужно просто реализовать известный нам (стандартный) способ действий. Проект нужен тогда, когда сознается потребность в чем-то, но те, у кого эта потребность возникла, не знают, что и как нужно сделать, чтобы ее удовлетворить. В таком случае говорят, что существует проблема. В широком **смысле проект сегодня понимается как особый способ постановки и решения проблем**» [11, с. 37].

Модель и методика проектно-ориентированного обучения в системе основного и дополнительного образования

Мы понимаем метод проектов как организованную **поисковую, исследовательскую деятельность учащихся**, которая предусматривает не просто достижение практически значимого продукта, но **организацию эффективного учебного процесса** в ходе достижения этого результата. Поэтому при выполнении ученического исследовательского проекта ценностью обладает не только и не столько результат выполнения в смысле созданной установки или обнаруженной закономерности, но сам процесс познавательной деятельности. Хотя проектное обучение является непрямым в том смысле, что его целью не является прямая передача знаний или формирование умений, но нужные элементы содержания (знания, творческие умения, навыки создания и эксплуатации экспериментальных установок) формируются при выполнении практических заданий, расширяющих и дополняющих **актуальное содержание** учебного предмета [12]. Методическое мастерство учителя как раз и состоит в том, чтобы процесс выполнения каждого этапа исследовательского проекта приносил бы прирост предметных, физических знаний и умений².

Мы делаем отсюда следующий вывод: выполнение проекта в его физической части должно идти параллельно (или с небольшим опозданием) с усвоением основной части учебного материала, расширяя знания и совершенствуя умения и навыки. Аналогичную задачу решал в недавнем прошлом физический практикум, исчезновение которого из учебного процесса было серьезной утратой. Быть может, реализация проектного обучения в изложенной далее трактовке поможет восполнить эту утрату и даже привести к прогрессу в экспериментальном компоненте школьного физического образования.

Трудности в реализации проектного обучения в существующей методической и организационной структуре учебного процесса говорят нам о том, что требуется принципиально иное сопряжение этих двух альтернативных, как мы указывали вначале, концепций и подходов к организации учебного процесса. Мы делаем вывод, что иначе как в системе дополнительного образования реализовать потенциал проектного обучения невозможно. В рамках данной системы успешно решаются задачи формирования основ элементарной исследовательской деятельности учащихся, что жизненно необходимо для выполнения проектных работ [13]. Но для системы дополнительного образования экспериментального направления (кружки, лаборатории при вузах) актуальна та же проблема – отрыв содержания и уровня деятельности учащихся в них от задач изучения систематического курса физики в школе. Поэтому результативность их деятельности достигается скорее в плоскости воспитательно-развивающей, чем в обучающей. А методически обоснованное сопряжение содержания и методики выполнения элементарных исследовательских проектных работ в системе дополнительного образования с задачами основного курса физики могло бы дать колоссальный эффект в развитии знаний и умений по предмету.

Таким образом, мы приходим к пониманию проектной деятельности учащихся как выполнения во **внеурочной деятельности** некоторой практически значимой и предметно содержательной работы, основанной на проблеме, возникшей в ходе основного учебного процесса по физике. Выполнение учебного проекта приводит к разрешению возникшей проблемы в виде нового уровня знаний и предметных умений учащихся и затем – к созданию **на этой основе** реального устройства, экспериментальной установки, демонстрирующих **существенное продвижение в усвоении учебного предмета физики**.



Рис. Модель проектно-ориентированного обучения

Основой нашей модели организации проектной деятельности является школьный физический кружок, выросший в нашей практике в специализированную школьную проектную лабораторию (элективные курсы, факультативы с точки зрения учебного плана), занятия в котором заменяют по методической нагрузке исчезнувший физический практикум – применение и расширение в собственной экспериментальной деятельности содержания основного курса физики (рис.).

Приведенная модель описывает выполнение проектных работ в системе основного и дополнительного образования (ДО) и включает в себя демонстрационный и лабораторный эксперименты на уроке, занятия в системе дополнительного образования, посвященные решению экспериментальных задач, и участие отдельных школьников в разработке проекта, основанного на созданной в ходе урока проблемной ситуации. Эта проектная деятельность осуществляется в специально созданной школьной или внешкольной лаборатории. В нашем опыте организации проектной работы наиболее сложные работы выполнялись в лаборатории школьного физического эксперимента при физическом факультете ННГУ, хотя многие проектные работы были выполнены и в школьных лабораториях, выросших из исходного кружка экспериментальной физики.

Приведенная модель фактически переносит часть экспериментальной деятельности учащихся во внеурочную, внеклассную форму, реализуя практически ИОТ для тех учащихся (особенно при двухчасовой физике), которые имеют интерес к этому учебному предмету, но не могут посещать профильные школы и классы.

Дискуссионное поле

Мы видим серьезные возражения против предложенной модели выполнения учебных проектов, состоящие в том, что в силу выполнения основной части проектной деятельности в ходе практикума во внеурочной форме не все учащиеся получают желаемые нами приращения знаний и умений. Но, во-первых, при любой форме выполнения проекта в нем участвуют лишь некоторые учащиеся из класса. Во-вторых, в этом состоит одна из форм создания индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ), о которых много говорят, но которые мало показывают в практической реализации. В-третьих, при реализации приведенной далее схемы создания ИОТ мы планируем «возвращение» некоторой части полученных группой учащихся во внеурочной деятельности образовательных результатов в основной образовательный процесс (рис.) (толщина стрелок пропорциональна числу учащихся каждой образовательной траектории).

Аналогичные предложения по организации проектно-ориентированного обучения известны в литературе, посвященной проектному обучению в зарубежной школе: «Вместо планирования масштабного проекта процесс обучения можно сделать более управляемым, разделив проект на более мелкие части, с частыми контрольными точками, **встроенными в график обучения**» [14, с. 28].

Отметим, что современные взгляды на организацию проектной деятельности предусматривают также познавательное взаимодействие различных групп учащихся. Сложные методические структуры при выполнении проектной

работы описаны в зарубежных моделях проектно-ориентированного обучения, где выделяются сложные проекты со структурированными задачами, поэтапное решение проблем, чередование и сочетание индивидуального и коллективного обучения. Предусматриваются как самостоятельная работа участников проекта по своим индивидуальным или групповым исследовательским, творческим задачам, так и промежуточные обсуждения полученных данных в группах [15].

Прежде чем привести примеры реализации этой модели, выделим нелинейность и проектную ориентированность реализуемого в ней учебного процесса. Сама по себе нелинейность организации процесса обучения не является чем-то новым и хорошо известна в теории и даже практике. «Нелинейность – возможность многовариантного развития педагогического процесса, обучающей системы. Появляется необходимость управления знаниями: нужные знания в нужное время людям для решения задач» [16]. Мы реализуем, таким образом, нелинейный учебный процесс на основе исследовательских проектов в среде смешанного обучения, предполагающей интеграцию классно-урочной (лекционно-семинарской) системы с системой дополнительного образования. Возможная нелинейность учебного процесса не является недостатком предложенной модели, а, скорее, описывает её преимущества, т.к., по мнению В.В. Лаптева, «нелинейность в отборе содержания и построении обучения неизбежно влечет за собой изменение основной единицы учебной деятельности, например, образовательной ситуации» [17, с. 47]. В качестве этой новой **основной единицы учебного процесса** выступает в нашем предложении выполнение учебно-исследовательского проекта.

Обсуждая возможность реализации проектно-ориентированного обучения, отметим, что недостатки проектных методик были хорошо понятны создателям и отчетливо осознаются их пропагандистами сегодня. Его недостатки перевешиваются тем, что проектное обучение соединяет учащихся с реальным миром, готовит их к принятию и решению проблем в реальном мире, отражая то, что профессионалы делают каждый день [14]. Составителям программ и организаторам процесса обучения придется рано или поздно решать, перевешивает ли потенциальный выигрыш в готовности выпускников к реальной жизни (в ходе проектного обучения) потери в систематичности изучения учебных копий базовых наук – тем более что в действительности эта систематичность носит зачастую (особенно при двухчасовой физике в неделю)

иллюзорный характер, поскольку рассказанные учителем фрагменты теории изолированы и не подкрепляются продуктивной практической деятельностью учащихся.

Таким образом, нами предлагается **проектно-ориентированный вариант** учебного процесса, при котором конечной целью изучения конкретных тем курса физики является выполнение учащимися учебно-исследовательских практико-ориентированных работ, учебных проектов. Успешное выполнение этих работ послужит доказательством: а) усвоения теории; б) достижения более высокого уровня практических предметных умений и навыков; в) развития творческих, практически важных качеств личности учащихся. Подобная методика была описана Е.И. Вараксиной для профессионального образования: выполнение проекта завершает цикл экспериментальной подготовки студентов-физиков в педагогическом вузе [18]. Развитая методика проектно-ориентированного обучения весьма востребована для подготовки преподавателей физики в вузе [19].

Следует отметить, что сегодня в школе под давлением объективной реальности реализуется задачно-ориентированный учебный процесс: при изучении любых тем цель обучения решению задач ЕГЭ преобладает над другими целями; при этом наблюдается пренебрежение целостностью содержания, экспериментальной основой обучения и всеми другими не менее важными элементами методики. Именно это и привело к почти полному вытеснению учебного, а тем более проблемного или исследовательского эксперимента в уроке. Более того, сами лабораторные работы относятся в системе повышения квалификации уже к инновационным формам, которыми еще только предстоит овладеть нашим учителям [20].

Поэтому прямо скажем, что мотивационной основой всех наших предложений является необходимость возвращения учебного, в идеале – учебно-исследовательского, эксперимента в процесс обучения физике. Мы поддерживаем точку зрения, несколько категорично высказанную В.В. Майером в ходе научной дискуссии на XIX конференции по проблемам учебного физического эксперимента в Глазовском пединституте: «Если на уроке не было эксперимента, то это был урок не по физике, а по другому предмету». Во всяком случае, так можно смело говорить о цикле уроков по одной теме с экспериментом, если уточнить само понятие «эксперимент» как основу познавательной деятельности учащихся. Какой эксперимент можно поставить в школе, да и в вузе по теории относительности? Но учитель должен убедительно и

физически достоверно не просто рассказать об опыте Майкельсона как эмпирической основе СТО, но вовлечь учащихся в обсуждение его результатов и следующих из них выводов.

Кроме ЕГЭ-задачной ориентированности учебного процесса, вымыванию учебного эксперимента из реальной школьной жизни способствовала чрезмерная узость его методической базы, преобладание использования эксперимента для иллюстрации рассказа учителя или лабораторных работ по готовым инструкциям.

Сошлемся на серию зарубежных исследований [21; 22], в которых обнаружен давно подозреваемый нами эффект: использование учебного эксперимента без активного участия обучаемых в проведении опыта (выдвижение гипотез, проектирование хода выполнения опыта, предсказание и обсуждение результатов) не приводит к статистически достоверным сдвигам в уровне усвоения содержания. Учителя наших школ эмпирически пришли к этому же выводу: стандартное репродуктивное использование учебного эксперимента занимает время и не повышает уровень подготовки, следовательно, убираем его из учебного процесса. В то же время доказано, что активная работа с физическими основами наблюдаемых опытов (предсказание результатов, описание наблюдаемых эффектов и корреляция их с теорией, самостоятельные выводы из наблюдений) существенно повышает уровень усвоения научных основ изучаемого материала. Точно так же выполнение лабораторных работ по готовым инструкциям не ведет к значимым учебным результатам, и лишь поисковая деятельность при самостоятельном выполнении практических работ повышает продуктивность учебного процесса.

Утверждения о необходимости организации исследовательской лабораторной деятельности учащихся можно найти в методической литературе 50-летней давности: «Настоятельной является потребность видоизменения в самой системе обучения. На смену весьма условной лабораторной практике приходит тенденция к обучению в процессе работы» [23, с. 6]. Сегодня самые авторитетные зарубежные исследователи утверждают, что «*Learning of physics is doing physics*» [24], что точно соответствует предыдущей цитате: усвоение физического знания происходит в процессе работы с физическим содержанием, в ходе выполнения учащимися физических исследований.

Проектно-ориентированный вариант организации учебного процесса органически включает в себя выполнение исследовательского учебного эксперимента в различных его вариантах – от демонстрационного на первом уроке до само-

стоятельного исполнения практической части учебно-исследовательского проекта на заключительном этапе работы в малой группе. Тем самым развитие методики проектно-ориентированного обучения и его практическая реализация позволят одновременно повысить роль эксперимента в учебном процессе, способствовать эффективности применения учебного физического эксперимента, повышению уровня подготовки учащихся в этом важнейшем компоненте физического образования.

Конечной целью учебного процесса по ФГОС являются обязательное успешное выполнение некоторой группой учащихся исследовательской проектной работы и усвоение всеми учениками заданного стандартом объема знаний и умений [25]. Эта цель детерминирует содержание экспериментальной деятельности и во многом методическую нагрузку учебного процесса в определенном временном интервале, в ходе изучения некоторой темы (электрический ток в металлах в следующем нашем примере). Выбранный квалифицированным преподавателем объект ученического исследования (проект) раскладывается им в ходе проектирования завершенной части учебного процесса, темы на различные элементы, которые должны быть усвоены, на предполагаемые познавательные результаты, которые должны быть получены на каждом этапе выполнения проекта. Этим конечным результатом определяется содержание (в границах, допускаемых нормативными документами) нижележащих компонентов целостного процесса: занятия кружка или проектной лаборатории, содержание и методики выполнения проблемных экспериментов, форма и методика изучения базовых элементов в ходе уроков.

Пример из практики

Приведем для ясности пример из практики выполнения проектных работ. Для выполнения проектной исследовательской работы выбрана тема «Тепловое излучение лампы накаливания». Несмотря на простоту названия, работа содержит значительный проблемный компонент, связанный с установлением зависимости мощности излучения ламп накаливания от температуры, определяемой законом Стефана–Больцмана [26].

Для выполнения этой работы в групповой форме на заключительном этапе необходимо иметь зависимость сопротивления нити накала от температуры, а также связь температуры с рассеиваемой мощностью. Урочные формы работы не позволяют изучить все эти вопросы с

достаточной полнотой, тем более получить основные результаты в ходе самостоятельной поисковой экспериментальной деятельности. Факт существования первой зависимости предполагается обнаружить в ходе выполнения простейшей лабораторной работы непосредственно в ходе урока, основанной на следующей простейшей проблемной ситуации: рассчитывается рабочее сопротивление лампы по её паспортным характеристикам и затем сравнивается с измеренным в эксперименте при низких напряжениях. Величины рассчитанного и измеренного сопротивлений различаются в 10 и более раз! Возникшее противоречие разрешается вначале сообщением факта зависимости сопротивления металлов от температуры, что демонстрируется учителем в ходе фронтального эксперимента, и поисковой работой по установлению полной зависимости $R(T)$ вплоть до рабочих температур в ходе исследовательской работы группы учащихся (кружка). На следующем уроке результаты исследования этой группы докладываются, фиксируются и усваиваются всем классом.

При обсуждении далее в классе закона Джоуля–Ленца вновь возникает необходимость в детализации результатов и продолжении исследования в групповой работе – как зависит температура нити накаливания лампы от потребляемой мощности. Результаты этой работы учащихся в кружке будут темой сообщения на одном из следующих уроков и послужат уже непосредственной базой для выполнения основной части проектной работы – установить связь температуры нити накала с рассеиваемой мощностью, сопоставить полученные результаты с законом Стефана–Больцмана, выяснить возможные причины в случае отклонения от него. Содержание и цели проектной деятельности полностью основаны на результатах классной и групповой работы, что обеспечивает мотивационную основу, теоретическую базу и экспериментальные навыки для желающих выполнить эту работу.

Заключение

Многолетние попытки внедрения проектного обучения в систематические курсы школьных программ не привели к успеху. В настоящее время в связи с новыми нормативными требованиями обязательности выполнения учебных проектов возникает необходимость интенсивных методических поисков таких вариантов включения проектной деятельности в учебный процесс, которые позволили бы не только не снижать уровень предметной подготовки, но повысить его за счет усиления про-

блемных и исследовательских компонентов обучения. Предложенный нами вариант проектно-ориентированного обучения позволяет использовать методические и организационные возможности системы основного и дополнительного образования, органично включая кружковую (лабораторную) деятельность учащихся для компенсации имеющегося дефицита экспериментальных, практических методов обучения. Учащиеся в предложенной системе имеют возможность выбора из нескольких образовательных траекторий, причем в любой момент каждый из них может реализовать достаточно широкий спектр вариантов.

Разумеется, предложенная система требует как минимум наличия лабораторной базы и кадрового обеспечения деятельности системы дополнительного образования. Как показывает известный нам опыт, эта проблема решается в различных формах.

Примечания

1. Knoll M. «I had made a mistake»: William H. Kilpatrick and the project method // Teachers College Record. 2012. № 114 (2). P. 45.
2. Таким образом, термины «проектная деятельность» и «исследовательская деятельность» являются ортогональными методическими характеристиками (форма и метод), поскольку первый описывает форму представления результата, а второй – уровень познавательной деятельности учащихся.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413 в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1645. URL: <https://base.garant.ru/70188902/> (дата обращения: 12.04.2021).
2. Encyclopedia of Educational Theory and Philosophy / Ed. D.C. Phillips. Thousands Oaks, CA: Sage, 2014. Vol. 2. 665 p.
3. Ильин Г.Н. Проектное образование и становление личности // Профессиональное образование. 2016. № 4. С. 15–22.
4. Шахмарова Р.Р. Проектно-исследовательская деятельность обучающихся в контексте ФГОС: проблемы и пути решения // Педагогика и просвещение. 2017. № 2. С. 49–56.
5. Гузеев В.В. Планирование результатов образования и образовательная технология. М.: Нар. образование, 2001. 238 с.
6. Лазарев Т. Проектный метод: ошибки в использовании // Первое сентября. 2011. № 1. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/680287> (дата обращения: 15.04.2021).
7. Гузеев В.В. Образовательная технология: от приема до философии. М.: Сентябрь, 2015. 168 с.

8. Schaffhauser D. Project-Based Learning: 'Promising but Not Proven,' Researchers Say. URL: <https://thejournal.com/articles/2017/11/08/project-based-learning-promising-but-not-proven.aspx> (дата обращения: 03.03.2021).
9. Стефанова Г.П., Путилина Д.К. Обучение учащихся проектной деятельности при изучении школьного курса физики // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26044> (дата обращения: 03.03.2021).
10. Kołodziejek M. al Project method in educational practice // University Review. 2017. Vol. 11. № 4. P. 26–32. URL: https://www.researchgate.net/publication/321747866_Project_method_in_educational_practice (дата обращения: 03.03.2021).
11. Лазарев В.С. Новое понимание метода проектов в образовании // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 33–39.
12. Rohman F., Fauzan A., Yohandri. Project, technology and active (protective) learning model to develop digital literacy skills in the 21st century // International Journal of Scientific and Technology Research. 2020. № 1. V. 9. P. 12–16.
13. Масленникова Ю.В. Формирование умений учащихся использовать научный метод познания в системе основного дополнительного образования: Дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2019. 381 с.
14. Holubova R. Project-based learning in physics // US-China Education Review. 2008. Vol. 5. № 12 (Serial No. 49). P. 27–35.
15. Erdogan N., Bozeman T.D. Models of Project-Based Learning for the 21st Century // Sahin A. (eds) A Practice-based Model of STEM Teaching. Rotterdam: SensePublishers, 2015. P. 31–42.
16. Акулова О.В. Проблема построения нелинейного процесса обучения в информационной среде // Человек и образование. 2005. № 3. С. 7–11.
17. Лаптев В.В., Ларченкова Л.А. Проблематика диссертационных исследований в области физического образования // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 31–56.
18. Варакина Е.И., Гуляев И.М. Оценка готовности выпускников педагогического вуза к организации проектной деятельности по физике в массовой школе // Fundamental Research. 2014. № 8. P. 444–448.
19. Мокляк Д.С. Методическая подготовка будущих учителей к организации проектной деятельности обучающихся по физике // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 4-5 (89-90). С. 61–71.
20. Барылкина Л.П., Остапенко Г.С. Проблемы введения и реализации ФГОС и профессионального стандарта педагога // Перспективы науки и образования. 2015. 1 (13). С. 81–85.
21. Miller K., Lasry N., Chu K., Mazur E. Role of physics lecture demonstrations in conceptual learning // Phys. Rev. St. Phys. Educ. Res. 2013. 9. P. 020113.
22. Crouch C., Fagen A., Callan J.P. Classroom demonstrations: Learning tools or entertainment? // Am. J. Phys. 2004. 72. P. 835–838.
23. Лейкин Е. Предисловие редактора перевода // Сквайрс Дж. Практическая физика. М.: Мир, 1971. С. 3–8.
24. Etkina E., Gregorcic B., Vokos S. Organizing physics teacher professional education around productive habit development: A way to meet reform challenges // Phys. Rev. Phys. Educ. Res. 2017. 13. P. 010107.
25. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2015. 272 с.
26. Саранин В.А., Колупаев В.Ф. Механизмы отклонения от закона Ома в лампах накаливания с вольфрамовой нитью // Физическое образование в вузах. 2014. Т. 20. № 4. С. 75–80.

MODEL OF PROJECT-ORIENTED PHYSICS TRAINING

I.V. Grebenev, E.V. Chuprunov, I.Y. Zvorykin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article describes the option of organizing project-oriented physics training in the basic and additional education system. It is assumed that there will be a circle of experimental physics or a laboratory of research experiment in the system of additional education, classes in which are considered as part of a single learning process. The implementation of the research student project is considered as the ultimate goal of learning physics, determining the experimental component of the educational process. The practical part of the project is divided between physics lessons and classes in the structures of additional education, forming a range of individual educational trajectories chosen by each student in accordance with opportunities and desire. The results of the curriculum, including the experimental activities of the students, form a sequence of the formation of the most important subject knowledge and skills, while at the same time providing a theoretical and experimental basis for the implementation of the training and research project. The implementation of the project part of the educational process in the system of additional education allows to create a non-linear version of the learning process and to implement individual educational trajectories for a significant group of students.

Keywords: project training, physics teaching, research and education.

УДК 378.4

DOI 10.52452/18115942_2021_3_173

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

© 2021 г.

Г.А. Кручинина, И.А. Сорокин

Кручинина Галина Александровна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры педагогики и управления образовательными системами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinakruchinina2009@gmail.com

Сорокин Иван Александрович, аспирант института аспирантуры и докторантуры, преподаватель кафедры управления в спорте Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sorokin@fks.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 01.06.2021**Статья принята к публикации 29.07.2021*

Описываются педагогические условия, способствующие более эффективному формированию экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта». Представленное исследование содержит две составляющие: теоретическую и экспериментальную. Теоретическая составляющая исследования включает в себя анализ литературных источников по вопросам применения компетентностного подхода в высшем образовании, формирования экономической компетентности будущих бакалавров, разработки и реализации педагогических условий формирования экономической компетентности. Отмечаются педагогические условия формирования экономической компетентности будущих бакалавров профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта»: формирование положительной мотивации, формирование ценностных установок, разработка содержания учебного материала, организация самостоятельной работы преподавателем, самоконтроль, системное применение средств цифровых технологий в аудиторной и внеаудиторной работе, контроль изучения каждого раздела изучаемой дисциплины, контроль выполнения творческих заданий. Экспериментальная составляющая исследования включает реализацию педагогических условий в обучении будущих бакалавров экономическим дисциплинам и экономическим темам неэкономических дисциплин и оценку их значимости. Экспериментальная составляющая связана с применением следующих методов: анкетирование, психологическая методика, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, количественный и качественный анализ экспериментальных данных. Установлено, что практически все выделенные нами педагогические условия оценены будущими бакалаврами экспериментальной группы выше, чем бакалаврами контрольной группы.

Ключевые слова: высшее образование, будущие бакалавры, экономическая компетентность, педагогические условия, мотивация, ценностные установки, средства цифровых технологий, организация самостоятельной работы студентов.

Введение

В национальной доктрине образования в Российской Федерации на период до 2025 года отмечаются приоритет высшего образования в государственной политике, стратегия и основные направления его развития. Вузы все чаще становятся ключевыми институтами экономического роста и социального развития страны [1]. В начале марта 2021 года в Республике Татарстан на совещании с ректорами российских вузов, посвященном развитию кадрового потенциала выпускников для приоритетных отраслей цифровой экономики, обсуждались проблемы, связанные с подготовкой Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации. Её основой является подготовка

высококвалифицированных кадров. На данном совещании были определены главные задачи вузов: обеспечение качественной подготовки студентов, актуализация образовательных программ, инновационная деятельность. Одним из направлений совершенствования системы образования является её цифровизация. Она необходима, поскольку в настоящее время в образовательном процессе широко применяются электронные учебники, интернет-порталы, базы данных; активно развиваются системы онлайн-курсов и дистанционного обучения [2; 3].

В области педагогики высшей школы рассматриваются различные подходы к обучению будущих бакалавров, специалистов, магистров: компетентностный, деятельностный, системный, контекстный, модульный, личностно ори-

ентированный и др. Одним из основных подходов, реализуемых в системе высшего образования, благодаря внедрению Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, в настоящее время является компетентностный подход. Его применение в обучении позволяет формировать у будущих бакалавров, специалистов и магистров профессиональные компетенции, повышающие конкурентоспособность выпускников университета на рынке труда.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту 3++, компетентность включает совокупность универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций [4]. Профессиональной компетентностью будущих бакалавров, специалистов и магистров, готовящихся к работе в сфере экономики, является экономическая компетентность. Значимость сформированности экономической компетентности выпускников образовательной организации высшего образования состоит в её влиянии на повышение уровня экономического развития нашей страны. В соответствии с этим требуется совершенствование экономической подготовки студентов в университете.

Областью нашего исследования является формирование экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта», так как, по нашему мнению, она является основной составляющей их профессиональной компетентности.

В педагогических исследованиях отечественных авторов рассматриваются определенные обстоятельства учебной (аудиторной и внеаудиторной) деятельности студентов, необходимые для эффективного формирования профессиональной (экономической) компетентности, называемые педагогическими условиями ([5; 6] и др.).

Целью исследования является выявление педагогических условий формирования экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта», оценка их значимости.

Задачи исследования:

- анализ научной литературы по проблеме выявления и реализации педагогических условий при формировании экономической компетентности будущих бакалавров;

- выявление педагогических условий формирования экономической компетентности будущих бакалавров при обучении экономиче-

ским дисциплинам и экономическим темам неэкономических дисциплин;

- определение значимости выявленных педагогических условий формирования экономической компетентности для будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта».

Обзор литературы

Различные методологические и общетеоретические положения обучения в высшей школе и применения компетентностного подхода в образовательном процессе рассматриваются в исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых (В.И. Байденко, А.А. Вербицкий, М.В. Кручинин, Г.А. Кручинина, И. Лапина, М. Немиленцев, Т. Никитина, L. Clarke (Л. Кларк), A. Westerhuis (А. Вестерхейс), C. Winch (К. Винч), I. Psifidou (И. Псифиду), A. Ranieri (А. Раньери) и др.) ([7–13] и др.). В исследованиях рассматриваются возможности построения и изменения профессионального обучения студентов в университете на основе компетентностного подхода. А.А. Вербицкий считает, что профессиональная компетентность проявляется в «способности специалиста эффективно выполнять производственные функции, практически решать определенные классы задач и проблем» [8, с. 28]. Применение компетентностного подхода в обучении студентов образовательных организаций высшего образования способствует повышению практико-ориентированности образования, его предметно-профессионального аспекта [8]. Этому способствует также реализация контекстного подхода, так как формирование профессиональной компетентности студентов осуществляется в контексте их будущей профессиональной деятельности [2].

Совершенствование экономической подготовки и формирование экономической компетентности является областью исследования Н.А. Кувардиной, А.В. Кулинченко, А.К. Орешкиной, Л.А. Петровой, О.А. Пучковой, М.Г. Сергеевой, А.М. Ястремского, С. Siegfried (К. Зигфрид), E. Wuttke (Э. Вуттке) и др. [14–17]. Нами проанализированы исследования по формированию экономической компетентности будущих бакалавров в образовательных организациях высшего образования. Экономическую компетентность можно охарактеризовать как сложное качество, включающее в себя экономические знания, умения и навыки, мотивацию их получения, опыт решения проблемных ситуаций в профессиональной деятельности и по-

вседневной жизни, а также способность критически их оценивать. Современными авторами выделяются различные компоненты экономической компетентности. Мы считаем, что оптимальным является выделение мотивационно-ценностного, когнитивно-деятельностного и рефлексивно-оценочного компонентов экономической компетентности.

Важной частью университетского обучения являются выявление и реализация педагогических условий эффективного формирования экономической компетентности у будущих бакалавров. Разработка и реализация педагогических условий, направленных на формирование экономической компетентности, освещены в работах В.С. Хорешман, В.А. Захаревич, М.А. Федоровой и др. ([5; 6; 18] и др.). Согласно исследованиям данных авторов, требуется совершенствование не только содержания обучения, но и условий организации образовательной деятельности. В.С. Хорешман выявила педагогические условия и представила их в виде иерархической системы, в которой выделяет 3 уровня [5]. К *первому уровню* относится положительная мотивация к учебно-познавательной деятельности. Важность положительной мотивации и ценностных установок студентов отмечается в работах О.И. Крушельницкой, Т.А. Шульгиной, А.В. Салькова, О.А. Кожевниковой [19–22]. Ко *второму уровню* относится соответствие учебно-познавательных и личностных целей, содержания учебной деятельности и профессиональных задач; применение цифровых технологий и др. Необходимость цифровизации высшего образования и её эффективность подтверждается в исследованиях Н.А. Кувардиной, А. Skulmowski (А. Скулмовски), G.D. Rey (Г.Д. Рей) [14; 23]. *Третий уровень* педагогических условий включает в себя использование индивидуального подхода, применение инновационных методов, поэтапного контроля за самостоятельной работой студентов [5].

Методы и материалы

В нашем исследовании задействованы: анализ научной педагогической литературы по применению компетентностного подхода в высшем образовании, формированию экономической компетентности, применению различных педагогических условий при формировании экономической компетентности, анализ опыта работы в образовательной организации высшего образования авторов данного исследования; анкетирование, методика диагностики направленности учебной мотивации Дубовицкой Т.Д., педагогическое наблюдение, педаго-

гический эксперимент, количественный и качественный анализ полученных экспериментальных данных.

Исследование состояло из двух частей: теоретической и экспериментальной. На основании теоретической составляющей исследования и опыта работы в университете мы выявили педагогические условия формирования экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» и распределили их по пяти уровням (рис.).

1. Педагогические условия первого уровня:

- формирование положительной мотивации;
- формирование ценностных установок: образованности, профессионализма, значимости экономической компетентности и применения средств цифровых технологий в будущей профессиональной деятельности.

2. Педагогические условия второго уровня –

разработка и реализация технологии обучения будущих бакалавров: содержание учебного материала и методы обучения студентов экономическим дисциплинам («Экономика», «Экономика физической культуры и спорта», «Экономика и предпринимательская деятельность в спорте», «Бухгалтерский учет в сфере физической культуры и спорта» и др.) и экономическим темам неэкономических дисциплин («Философия» – «Место экономики в системе наук»; «Правовые основы профессиональной деятельности» – «Основные вопросы трудовых отношений в спорте» и др.; «Планирование физкультурно-спортивной деятельности» – «Этапы финансового планирования и формы финансовых планов», «Текущее финансовое планирование» и др.), которые соответствуют не только требованиям основной образовательной программы, но и интересам студентов.

3. Педагогические условия третьего уровня –

организация самостоятельной и творческой работы студентов, самоконтроля при формировании экономической компетентности.

4. Педагогические условия четвертого уровня –

системное применение средств цифровых технологий в аудиторной и внеаудиторной работе студентов при формировании экономической компетентности. При обучении будущих бакалавров применяются платформа для аудио- и видеоконференций Zoom; презентации Microsoft PowerPoint; онлайн-офис от Google (Google Docs, Google Forms, Google Slides, Google Drive); мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram); электронные управляемые курсы по учебным дисциплинам на платформе e-learning, при обучении которым формируется эконо-

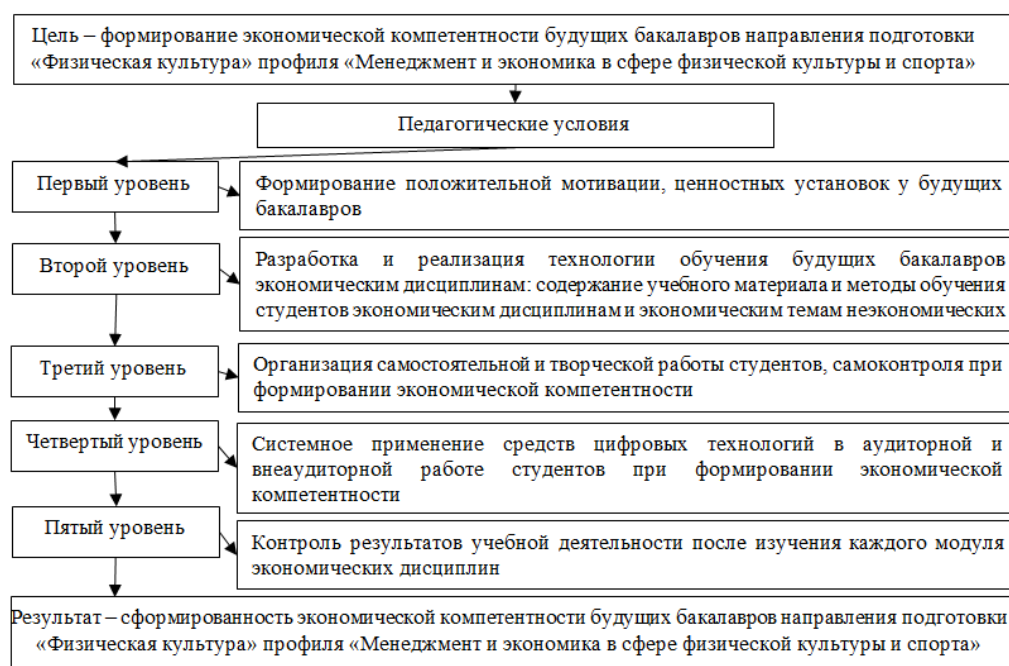


Рис. Педагогические условия формирования экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в сфере физической культуры и спорта»

мическая компетентность; электронная образовательная среда университета; электронные библиотеки («Лань», Znanium, «Юрайт»), научная электронная библиотека (eLibrary) и др.; электронные книги, порталы и сайты экономической направленности.

5. *Педагогические условия пятого уровня* – контроль результатов учебной деятельности будущих бакалавров после изучения каждого модуля учебной дисциплины; выполнения практических и творческих заданий, в том числе по методу проектов; тестирование; итоговый контроль с применением средств цифровых технологий (зачет, экзамен).

Экспериментальное исследование было направлено на определение значимости выявленных нами педагогических условий в процессе обучения студентов направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта». Экспериментальная составляющая исследования состояла из трех этапов:

- подготовка материалов для его проведения;
- проведение педагогического эксперимента;
- статистическая обработка полученных данных, их анализ.

Результаты исследования, их анализ и выводы

В экспериментальном исследовании по оценке значимости педагогических условий формирования экономической компетентности

принимали участие будущие бакалавры направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» ($n=60$). В контрольной группе (КГ) будущих бакалавров обучение проводилось по традиционной технологии, в экспериментальной группе (ЭГ) – с применением выявленных и сгруппированных нами педагогических условий. Результаты оценки значимости педагогических условий представлены в таблице.

Наиболее значимые различия наблюдаются в оценке контроля после изучения каждого раздела изучаемой экономической дисциплины ($M_1 = 3.61$ балла, $M_2 = 4.55$ балла); содержания учебного материала ($M_1 = 3.65$ балла, $M_2 = 4.50$ балла); организации самостоятельной работы преподавателем ($M_1 = 3.70$ балла, $M_2 = 4.40$ балла); самоконтроля ($M_1 = 3.87$ балла, $M_2 = 4.45$ балла); положительной мотивации ($M_1 = 3.74$ балла, $M_2 = 4.20$ балла), системного применения средств цифровых технологий в аудиторной работе ($M_1 = 4.04$ балла, $M_2 = 4.30$ балла). Различия между экспериментальными данными в оценке не перечисленных выше педагогических условий статистически недостоверны (оценки имеют близкие значения). Общая средняя оценка значимости выявленных нами педагогических условий в экспериментальной группе выше, чем в контрольной ($M_1 = 3.875$ балла, $M_2 = 4.385$ балла).

Таблица

**Оценка значимости педагогических условий
для формирования экономической компетентности будущих бакалавров**

Уровень педагогических условий	Педагогические условия	Оценка значимости педагогических условий в КГ			Оценка значимости педагогических условий в ЭГ			Достоверность различий
		M1	G1	Δ для M1	M2	G2	Δ для M2	
1	Положительная мотивация	3.74	0.45	0.10	4.20	0.52	0.11	$p \leq 0.05$
	Ценностные установки	4.13	0.46	0.10	4.30	0.57	0.13	$p \geq 0.05$
2	Содержание учебного материала	3.65	0.49	0.11	4.50	0.51	0.11	$p \leq 0.05$
3	Организация самостоятельной работы преподавателем	3.70	0.63	0.14	4.40	0.50	0.11	$p \leq 0.05$
	Самоконтроль	3.87	0.63	0.14	4.45	0.51	0.11	$p \leq 0.05$
4	Системное применение средств цифровых технологий в аудиторной работе	4.04	0.56	0.12	4.30	0.44	0.10	$p \leq 0.05$
	Системное применение средств цифровых технологий во внеаудиторной работе	4.22	0.52	0.11	4.20	0.41	0.09	$p \geq 0.05$
5	Контроль изучения каждого раздела изучаемой экономической дисциплины	3.61	0.50	0.11	4.55	0.51	0.11	$p \leq 0.05$
	Контроль выполнения творческих заданий	3.83	0.65	0.14	4.15	0.59	0.13	$p \leq 0.05$
	Общая средняя оценка значимости	3.875			4.385			

Примечание: оценка экспериментальных данных осуществлялась по 5-балльной шкале, где минимальный балл 1, максимальный – 5.

Практически все педагогические условия будущими бакалаврами ЭГ оценены выше, чем бакалаврами КГ. Близкие значения оценок системного применения средств цифровых технологий во внеаудиторной работе студентами КГ и ЭГ можно объяснить изменениями в образовательном процессе, связанными с пандемией (COVID-19), так как образовательные организации высшего образования были вынуждены проводить учебные занятия в смешанном и дистанционном форматах (т.е. с непосредственным применением средств цифровых технологий).

В результате проведенного исследования можно сделать заключение, что формирование экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» будет более эффективным при реализации в учебном процессе выявленных нами педагогических условий. Данные педагогические условия являются структурными элементами модели дидактической системы формирования экономической компетентности будущих бакалавров профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта», внедренной на факультете физической культуры и спорта Национального исследовательского Нижего-

родского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Список литературы

1. Maniglio F. The Global Transformation of University in the Economy of Knowledge Paradigm // Italian Journal of Sociology of Education. 2018. Vol. 10. № 2. P. 137–154.
2. Вербицкий А.А. Теория и технологии контекстного образования: Учебное пособие. М.: МПГУ, 2017. 268 с.
3. Sousa R., Karimova B., Gorlov S. Digitalization as a New Direction in Education Sphere // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 159. P. 1–7.
4. Приказ Минобрнауки России от 19.09.2017 № 940 [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/490301_B_3_30102017.pdf (дата обращения: 28.04.2021).
5. Хорешман В.С. Педагогические условия формирования и развития учебно-познавательной компетентности студентов в образовательном процессе вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2015. 23 с.
6. Захаревич В.А. Педагогические условия формирования социальных компетенций студентов бакалавриата в процессе педагогической практики: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2015. 21 с.
7. Байденко В.И. Болонский процесс: в преддверии третьего десятилетия // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 136–148.

8. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: ИЦ ПКПС, 2004. 84 с.
9. Кручинин М.В., Кручинина Г.А., Седов Д.С., Сорокин И.А. Традиционные и цифровые технологии обучения в оценке студентов высшей школы // Человек и образование. 2020. № 3. С. 55–61.
10. Кручинина Г.А., Сорокин И.А. Формирование экономической компетентности будущих бакалавров направления подготовки «Физическая культура» с применением средств цифровых технологий // Гуманитарные науки и образование. 2020. № 3. Т. 11. С. 60–66.
11. Nikitina T., Lapina I., Ozolins M., Irbe M.M., Priem M., Smits M., Nemilentsev M. Competences for Strengthening Entrepreneurial Capabilities in Europe // J. Open Innov. Technol. Mark. Complex. 2020. Vol. 6. № 3. P. 62–69.
12. Clarke L., Westerhuis A., Winch C. Comparative VET European research since the 1980s: accommodating changes in VET systems and labour markets // Journal of Vocational Education & Training. 2020. Vol. 73. № 3. P. 1–21.
13. Psifidou I., Ranieri A. European cooperation in vocational education and training: towards a common ambition // Revista Española de Educación Comparada. 2020. Núm. 36. P. 32–53.
14. Кувардина Н.А. Формирование экономической компетентности бакалавров юридического направления подготовки с использованием информационно-коммуникационных технологий: Дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2020. 228 с.
15. Пучкова О.А. Формирование экономической компетентности студентов технических специальностей в учреждениях среднего профессионального образования с применением средств информационных и коммуникационных технологий: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2014. 24 с.
16. Sergeeva M.G., Oreshkina A.K., Yastremsky A.M., Kulinchenko A.V., Petrova L.A. Development and structure of professional competences in the conditions of continuing economic education // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE). 2019. Vol. 8. № 12. P. 785–789.
17. Siegfried C., Wuttke E. How can Prospective Teachers Improve their Economic Competence? Results of an Intervention Study // Zeitschrift für ökonomische Bildung. 2016. № 4. S. 65–86.
18. Федорова М.А. Педагогические условия формирования учебной самостоятельной деятельности в процессе дидактической подготовки // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 3(76). С. 340–343.
19. Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н. Мотивация получения высшего образования у студентов первого и выпускного курсов (сравнительный анализ) // Высшее образование в России. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-polucheniya-vysshego-obrazovaniya-u-studentov-pervogo-i-vypusknogo-kursov-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 10.03.2021).
20. Шульгина Т.А., Кетова Н.А., Холодова К.А., Северинов Д.А. О мотивации студентов к участию в организации мероприятий профессиональной направленности // Образование и наука. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-motivatsii-studentov-k-uchastiyu-v-organizatsii-meropriyatiy-professionalnoy-napravlenosti> (дата обращения: 10.03.2021).
21. Сальков А.В., Касьяненко-Божок Р.В. Ценностные ориентации студентов в университете как основа их ценностного самоопределения // Современное педагогическое образование. 2020. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studentov-v-universitete-kak-osnova-ih-tsennostnogo-samoopredeleniya> (дата обращения: 10.03.2021).
22. Кожевникова О.А. Ценностные ориентации современного студента // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-sovremennogo-studenta> (дата обращения: 10.03.2021).
23. Skulmowski A., Rey G.D. COVID-19 as an accelerator for digitalization at a German university: Establishing hybrid campuses in times of crisis // Hum. Behav. Emerg. Technol. 2020 May 28;10.1002/hbe2.201. doi: 10.1002/hbe2.201. Epub ahead of print. PMID: 32838228; PMCID: PMC7283701.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING THE ECONOMIC COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS OF THE DIRECTION OF TRAINING «PHYSICAL CULTURE»

G.A. Kruchinina, I.A. Sorokin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article describes the pedagogical conditions that contribute to a more effective formation of the economic competence of future bachelors of the training direction 49.03.01 "Physical culture" of the profile "Management and economics in the field of physical culture and sports". Our research consists of two parts: theoretical and experimental. The theoretical component of the research includes: analysis of literary sources on the application of the competence-based approach in higher education, the formation of the economic competence of future bachelors, the development and implementation of pedagogical conditions for the formation of economic competence. We have identified pedagogical conditions for the formation of the economic competence of future bachelors of the profile "Management and Economics in the field of physical culture and sports": the formation of positive motivation, the formation of value attitudes, the development of the content of educational material, the organization of independent work by the teacher, self-control, the systematic use of digital technologies in the classroom and extracurricular work, control of the study of each section of the studied discipline, control of the implementation of creative tasks. The experimental component of the research includes the implementation of pedagogical

ical conditions in teaching future bachelors in economic disciplines and economic topics of non-economic disciplines and an assessment of their significance. In the experimental part of the research, the following methods were used: questioning, psychological methods, pedagogical observation, pedagogical experiment, quantitative and qualitative analysis of experimental data. According to the results of the research, practically all the pedagogical conditions we have identified were assessed by future bachelors in the experimental group higher than in the control group.

Keywords: higher education, future bachelors, economic competence, pedagogical conditions, motivation, value attitudes, means of digital technologies, organization of students' independent work.

УДК 372.881.111.1

DOI 10.52452/18115942_2021_3_180

ПОВЫШЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

© 2021 г.

Л.И. Новожилова, А.Ю. Перевезенцев

Новожилова Людмила Ивановна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры английского языка
для естественно-научных специальностей

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
novozhilovali@yandex.ru

Перевезенцев Александр Юрьевич, преподаватель кафедры английского языка
для естественно-научных специальностей

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lexquell@list.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2021

Статья принята к публикации 23.07.2021

Обобщается опыт по преодолению разрыва между мышлением и речью на родном языке и недостаточно развитыми речевыми навыками и умениями на иностранном языке; представляется описание роли родного языка в процессе развития новой речи, т.е. речи на иностранном языке. Рассматривается интерферирующий результат взаимодействия двух систем. Особое внимание уделяется выделению циклов методического управления, отражению психолингвистических аспектов взаимоотношений единичных циклов управления, подчёркивается их взаимосвязь, субординация и координация. Анализируется значение автоматизированных компонентов речевой деятельности, стержневой линией которой является автоматизированность речевого навыка. При выделении автоматизированности как важнейшего качества такого навыка указывается наличие в нём механизмов самоконтроля. Утверждается, что уровень самоконтроля является важнейшим показателем степени совершенства речевых навыков и умений. Отмечается необходимость учёта взаимоотношений и взаимовлияний родного и иностранного языков.

Ключевые слова: языковая интерференция, самокоррекция, коммуникативные умения, языковой барьер.

Введение

Целью речевого общения является получение или сообщение определённой информации, вызванное внешними стимулами или внутренними мотивами слушающего или говорящего. Указанный процесс представляет собой комплекс органически связанных речевых действий, а информация, извлекаемая из текста в процессе слушания, находит своё отражение в определённой логико-синтаксической структуре взаимосвязанных задач, включающих самоконтроль и самокоррекцию.

Специфика дисциплины «Иностранный язык» не предопределяет безразличия к его содержанию аспекту. Соответственно, к тематике и содержанию текстового материала предъявляются требования наличия нравственного потенциала и актуальности для конкретного поколения обучающихся. Следовательно, чтобы задать вопрос или ответить на него, обучающимся необходимо овладеть соответствующими конструкциями иностранного языка.

Сказанное выше определило задачи нашей работы, а именно нахождение и описание

наиболее гибких и правильных путей приобретения обучающимися речевого опыта на иностранном языке с учётом положительного и отрицательного опыта в родном языке и, что особенно важно, формирование механизма самоконтроля.

Теоретико-методологические основы

Имея в виду последующее использование в учебных целях оригинального иноязычного текста для аудирования, важно выявить некоторые существенные, с точки зрения теоретико-методологического подхода, психолингвистические особенности порождения речи на основе прослушанного текста.

Методические основы приобретения обучающимися речевого опыта на иностранном языке представлены в работах А.А. Леонтьева [1], И.И. Китросской [2], а самоконтроль как компонент речевой деятельности и уровни его становления – в трудах И.А. Зимней [3], К.А. Мичуриной [4]. Психологическая характеристика двуязычия рассматривается рядом исследователей, и наиболее интересными для нашего ис-

следования в данной области являются идеи Е.М. Верещагиной [5].

Как следует из краткой характеристики упомянутых исследований, в этой области накоплен определённый теоретический и практический материал и намечены некоторые пути решения данной проблемы. Однако ряд вопросов по-прежнему требует дальнейшего совершенствования и уточнения, особенно в условиях стремительного развития интернет-технологий и средств мобильного доступа, доступных современному поколению обучающихся.

Актуальность и важность темы исследования обусловлены задачами и спецификой обучения иностранному языку, практической задачей которых является овладение умением свободного общения на иностранном языке в устной и письменной формах, умением грамотно, последовательно и логично излагать свои мысли.

В существующих исследованиях по методике и психологии обучения иностранным языкам принято различать, с одной стороны, интерференцию внутреннюю и межъязыковую, с другой стороны – интерференцию явную и скрытую. Характер языковых систем в сознании обучающегося зависит от степени совпадения или отличия явлений изучаемого и родного языков [6].

Независимо от желания обучающихся, родной язык участвует в формировании системы иностранного языка, а ошибки обучающихся свидетельствуют о трудностях перехода от внутреннего высказывания к его внешней реализации.

Поскольку речевые иноязычные связи образуются при непосредственном участии первой системы и механизмы сличения и выбора, предназначенные для родного языка, продолжают функционировать, то можно предположить, что импульсы, возникающие в результате предъявления иноязычной формы, еще не имеющей своего следа, вступают во взаимодействие со следом родного языка [7]. Интерферирующий результат двух систем (родного и иностранного) находит своё отражение в языковых системах двух языков [8].

Роль родного языка в процессе развития новой речи двойственна: он служит целям своей же замены (сначала частичной, а затем и полной) средствами нового языка. Поэтому привлечение родной речи к усвоению второго языка весьма сложно и в основном зависит от возраста обучаемых и условий обучения. Соотношение внутренней речи на родном и иностранном языках – таков вид взаимодействий, с которым мы встречаемся при обучении новой речи. Таким образом, важно учитывать большую роль родной внутренней речи обучаемого. Суще-

ственно, что при рациональной организации усвоения нового языка проявление родной речи занимает ничтожную долю всего времени учебного процесса.

С психологической точки зрения ошибки явные и скрытые являются чаще всего показателем недостаточного владения иноязычной речью. Подобные ошибки свидетельствуют, например, о том, что навыки и умения иноязычной речи непрочные, а интерферирующие навыки и умения родного языка автоматизированные и более прочные.

Обучая студентов иностранному языку, не следует забывать о необходимости одновременного формирования у них механизма самокоррекции и самоконтроля. Необходимо помнить и известное положение о факторах, обуславливающих функционирование механизма самоконтроля и самоисправления ошибок.

Результаты исследования и их обсуждение

Из вышесказанного следует: процесс обучения иностранному языку в условиях отсутствия иноязычной среды требует выработки более гибкой и эффективной системы сознательного контроля обучаемым своего речевого высказывания, так как в самостоятельной речевой деятельности самоконтроль является единственным средством самокоррекции. При этом мы отмечаем: чем быстрее исправляется ошибка, тем выше у обучающихся уровень речевых автомеханизмов, основывающихся на процессе обратной афферентации.

Проведённый анализ позволит преподавателю выявить круг проблем для уменьшения интерференции родного языка, предупредить некоторые ошибки в речи обучаемых путём соответствующих разъяснений и выполнения необходимого количества упражнений [9].

Специалисты в области психологии обучения иностранному языку утверждают, что развитие речи на втором языке протекает по-разному, преломляясь через психологическую индивидуальность обучаемого. Неодинаковыми оказываются как распределение усилий при усвоении нового языка в целом, так и количество необходимых упражнений. Чем активнее происходит выполнение упражнений, тем меньше времени уходит на усвоение языка. Сообщение сведений об усваиваемых грамматических структурах подчинено общим задачам овладения языком. Систематизация этих сведений и, соответственно, их активация происходят успешнее тогда, когда они психологически оправданно опираются на усвоенный ранее материал. Акцент только на запоминание был бы

правомерен, если бы переводное запоминание нового материала считалось конечной целью обучения данному языку.

Необходимо также рассмотреть вопрос об отношении содержания и формы при овладении иностранным языком. Известно, что при совершенном владении языком имеет место единство содержания и формы, так называемого «плана содержания» и «плана выражения».

В начале процесса овладения иностранным языком у обучаемых это единство отсутствует в силу того обстоятельства, что обучающийся может выражать сложные мысли на родном языке, но не в состоянии оформить их иноязычными средствами. Между тем необходимо содержание привести в соответствие с новой языковой формой. Такая задача может быть решена поэтапно: на первом этапе обучаемые овладевают преимущественно формой на ограниченном содержании по формуле «от формы – к ее функции в речи». На данном этапе осуществляется создание прочных речевых навыков (автоматизмов). На втором этапе продолжается дальнейшее совершенствование владения языковым материалом по формуле «от содержания (смысла) к адекватным формам выражения», предполагающей выбор из всего арсенала речевых средств, которыми обучаемый владеет, наиболее адекватных целям и условиям речевой коммуникации.

Правильность такого подхода обеспечивает умение преподавателя сформулировать перед студентами конкретные цели и помочь осознать их.

Результаты проведенных авторами исследований свидетельствуют о том, что наилучшим типом упражнений, способствующих приобретению обучающимися речевого опыта на иностранном языке и формированию механизма самоконтроля, являются упражнения типа «multiple choice», отличающиеся своей спонтанностью, заданностью фактическим логико-коммуникативным и языковым материалом текста, позволяющие в максимальной степени задействовать как слуховые, так и зрительные механизмы, что в значительной мере способствует нивелированию отсутствия языкового окружения. Подобная речевая практика, под которой понимается не механическое заучивание, а самостоятельное использование речевого материала, способствует формированию индивидуального речевого опыта обучающегося и развитию механизма самоконтроля.

В качестве примера подобного типа упражнений приведем видеофрагмент художественного фильма «The Girl with the Dragon Tattoo»¹ режиссёра Нильса Ардена Оплева с оригиналь-

ными диалогами (который предлагается обучающимся для просмотра и аудирования – Приложение А) и задания к нему (Приложение Б).

Анализируя представленные задания, мы видим, что они в основном направлены на обеспечение коммуникативного общения на основе текста для аудирования. Сопоставляя приведённые после текста на аудирование варианты ответов (единственный правильный выбор из четырёх предложенных вариантов ответа), обучающиеся решают поставленную перед ними задачу.

Эффективность таких заданий состоит в том, что ответ управляется и формой вопроса, и полученной из текста информацией.

Выводы

Достигнутые результаты в полной мере соответствуют поставленным нами целям и задачам в плане определения и описания наиболее гибких путей приобретения обучающимися речевого опыта на иностранном языке, формирования механизма самоконтроля. При этом необходимыми предпосылками организации процесса обучения иностранному языку в отсутствие языковой среды являются:

1) предварительная подготовительная работа, представляющая собой сравнительный анализ языковых явлений иностранного и родного языков; последовательное, детальное сопоставление умений и навыков, обеспечивающих владение различными видами речи; учёт сложных взаимоотношений и взаимовлияний родного и иностранного языков;

2) цели и задачи обучения, которые должны быть осознаны преподавателем и приняты студентами (успешное продвижение обучаемых к целям обучения иностранному языку зависит от умения преподавателя приобретать специальные навыки мотивирования обучающихся в ходе достижения целей обучения и создания модели, обеспечивающей взаимосвязь всех процессов на всех этапах обучения с учётом выполняемых функций, а также развитие действующих и создание новых методических систем).

Примечание

1. The Girl with the Dragon Tattoo, 2009 English subtitles. URL: <http://www.moviesubtitles.org/movie-5924.html> (дата обращения: 04.04.2021).

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Китросская И.И. Некоторые вопросы методики обучения второму иностранному языку: Автореф.

дис. ... канд. пед. наук. М.: МГПИИЯ им. М. Торезы, 1970. 29 с.

3. Зимняя И.А., Китросская И.И., Мичурина К.А. Самоконтроль как компонент речевой деятельности и уровня его становления // Иностранные языки в высшей школе. 2012. № 8. С. 47–53.

4. Мичурина К.А. Функциональная роль слухового контроля речи (В процессе овладения речью на иностранном языке): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1973. 26 с.

5. Верещагина Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.: МГУ, 1969. 159 с.

6. Шамов А.Н. Языковое сознание в овладении лексической стороной иноязычной речи. Н. Новгород: НГЛУ, 2014. 323 с.

7. Кивилева А.В. Формирование политехнической компетентности студентов СПО в процессе обучения естественнонаучным дисциплинам [Электронный ресурс] // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 2. С. 34–37. URL: https://pspu.ru/upload/pages/30782/stranica_34.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

9. Шамов А.Н. Усвоение учебного материала в контексте когнитивного развития школьников // Иностранные языки в школе. 2017. № 9. С. 2–10.

Приложение А

The Girl with the Dragon Tattoo Dialogues Transcript

– This is the family secret for making the best meatballs. Start by wetting the tips of your fingers. This is very important. Watch and next you roll the meat in your hands always turn it clockwise like this.

Can you get my iPhone, please?

– O.K.

– Hello, this is Michael Blumkvist.

– No, no! Hist!

– Hello.

– This is Michael.

– Michael Blumkvist?

– Yes, that's me. Who is this?

– My name is Dirsh Frode. I'm a lawyer and I have a client who is very interested in meeting with you.

– It's Christmas. I am with family. What's it about?

– My client would prefer to speak with you personally.

– Ah. Call Millennium after the holidays and we'll set up an appointment for it.

– My client is an elderly gentleman and I'm afraid he can't wait till then.

– Who is your client?

– Henrik Vanger.

– Henrik Vanger... from the Vanger companies?

– Mister Vanger would be extremely grateful if you'd come.

– Listen, it's Christmas, I'm with my family and I had a hell of a week.

– I guarantee you if you come, Mr. Vanger will reward you generously.

Blumkvist!

Henrik lives on (*the island of*) Hedeby. It's a couple of kilometers from Hedestad.

There was the time when the Swedish business elite would come to the Vanger's estate. It's not the same today. Henrik lives alone with Anna his housekeeper. Here you go. Henrik is waiting for you inside.

Thank you for coming, Michael.

– I must say the phone call from Frode really picked up my curiosity.

– Hum. You must be hungry. Would you like some lunch?

– Thanks. Why don't we go down to it? I'd like to catch the same train back.

– Oh. Very well. We skip lunch.

Thank you.

– Do you remember her? It's Harriet. Harriet Vanger. My brother Gottfred's daughter. You knew her, didn't you?

– Did I really?

– Your father... He worked for me in the summer of 1965. He was a workshop foreman at our factory in Hedestad. And they lived in one of our chalets. Your mother and you would visit on weekends. Harriet would look after you. The two of you had often played there... by the water.

– Hum, yes. I remember her. Harriet.

– Yes, I never had children of my own. She was the apple of my eye. She was young, intelligent. I thought of her as... my own daughter.

– I see. What happened to her?

– I believe she was murdered.

– Murdered?

– There. The Vanger family, Michael. My family. The 22nd of September, 1966. The entire Vanger family gathered here in this house for the Annual Board of Directors meeting. They were all there. 30 vultures. They were only here for the money. Ready to tear each other to pieces to get the biggest piece of the pie. Look closely... because one of them... was Harriet's killer. Harriet was barely 16 at that time. It was Children's Day. She had gone to Hedestad to watch the parade on the main street. This photo was featured in the local paper. Around two o'clock she returned to the island and... She wanted to talk to me but something pre(vented me). I was busy dealing with the meeting.

– How was she murdered?

– No one seems to know. She just disappeared.

– I can see you prepared everything for me.

– I've spent the last 40 years going over what could have happened that day. You could say I had time to organize.

At 2:15 there was a tragic accident. On the head of the bridge... a tanker truck lost control and skidded into the oncoming lane... and get a car head on. The truck jackknifed and lay on its side. Gasoline had leaked all over the road covering both lanes of the bridge and closing traffic... preventing anyone from leaving the island. But it was luck we have it. A camera captured it all. There... look... in that window. Those were the last images we have of Harriet. It was inspector Morell from Hedestad Police who headed the inquiry. He found this business film and he had several enlargements made of this photo. And this... this one here is my last picture of Harriet. We waited for her at dinner but she never arrived.

– What if she simply ran away?

– You have to keep the accident in mind. The truck blocked the bridge for 24 hours. And the bridge is the only way off the island.

– So Harriet disappeared when nobody could leave the island?

– Precisely. It was only the following day they realized that it may have been of a criminal light. They agreed to open the bridge and the criminal could've disposed of the body. It's the only plausible scenario.

– Have you ever considered suicide or drowning?

– Oh, they dragged the channel; they looked everywhere... the dogs and divers and still found nothing. Even today during my walks... I catch myself looking for her. Harriet was only eight when she first made me a present on my birthday. A blue bell. That was in 1958. Then every year after... another flower. 1966. The year Harriet disappeared.

This... this is the attic.

– It's crazy!

– Every bloody year since I receive a flower in a mail for my birthday. They come from all over the world.

– Who do you think have been doing it?

– Harriet's murderer. You don't know my family. You've no idea what they're capable of.

I always favoured Harriet. That made her easy prey for everyone. The power-hungry blood-suckers. The whole Vanger Group. They wanted to do piss off me.

I'm 82 years old. The police gave up long ago. And I need to know what happened before I die. Help me at last to know what transpired.

– Yes, but how can I...

– I followed your carrier for years. You are an excellent reporter. Pertinacious. No, I'm not asking you to solve the case but to do your utmost. You have six months before you have to begin serving your sentence.

– Forgive me but you spent the last forty years...

I'll pay you handsomely and cover all your expenses. You will be a wealthy man. You've got nothing to lose. Hum? And there's nothing waiting for you in Stockholm.

Приложение Б

Video Clip Comprehension Questions

Watch the video and tick respective check boxes opposite the correct answers.

1. Who was allowed to leave Hedeby while the traffic was blocked due to the accident?

- | | |
|---------------------------------|--------------------------|
| a. Crash-rescue team. | ☐ |
| b. Nobody. | ☐ |
| c. Emergency medical service. | ☐ |
| d. Law enforcement authorities. | ☐ |

2. What prevented Henrik from his talking with Harriet on the day of her disappearance?

- | | |
|--|--------------------------|
| a. Harriet's being late for diner. | ☐ |
| b. Traffic accident on the bridge. | ☐ |
| c. Henrik's being busy with the Annual Board of Directors meeting. | ☐ |
| d. Bad weather conditions. | ☐ |

3. What actually made Michael agree to accept Henrik's invitation to visit him on Hedeby?

- | | |
|---|--------------------------|
| a. Journalist's intuition craving for hot news. | ☐ |
| b. A promise to be paid handsomely. | ☐ |
| c. Disinclination to refuse the Head of the Vanger companies. | ☐ |
| d. Michael's having nothing to do for the next six months. | ☐ |

4. How often did Henrik receive flowers since Harriet's disappearance?

- | | |
|-----------------------|--------------------------|
| a. Once in a year. | ☐ |
| b. Every other month. | ☐ |
| c. Every year. | ☐ |
| d. Occasionally. | ☐ |

5. What did Henrik ask Michael to do for him?

- | | |
|------------------------------------|--------------------------|
| a. To solve the case. | ☐ |
| b. To find Harriet herself. | ☐ |
| c. To find the murderer. | ☐ |
| d. To find out what may transpire. | ☐ |

6. What was Dirch Frode's profession?

- | | |
|-----------------|--------------------------|
| a. A solicitor. | ☐ |
| b. A lawyer. | ☐ |
| c. A notary. | ☐ |
| d. A barrister. | ☐ |

**IMPROVEMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE IN PRACTICAL TRAINING
OF THE ENGLISH LANGUAGE*****L.I. Novozhilova, A.Y. Perevesentsev***

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article tends to sum up the experience of bridging over the gap between speech and thinking in one's mother tongue and insufficiently developed verbal skills and abilities in a foreign language as well as elaborates on the role of one's native language in the process of building up a new speech i.e. the speech in a foreign language. An interfering effect of two interacting systems is considered.

A special emphasis is laid on selection of methodical control cycles and the highlight of psycholinguistic aspects of inter-relations between single control sequences, their correlation, subordination and coordination are pointed out. Inasmuch the automatism of verbal skills is the basis of language behaviour, the role of its automated components is analysed. It is shown that automatism regarded as the most important attribute of the skill quality features self-control mechanisms.

As asserted, the level of self-control is the most important perfection degree factor of the verbal skills and abilities. The need to consider inter-relations and interaction of the native and foreign languages is evident.

Keywords: language interaction, self-correction, communicative abilities, language barrier.

УДК 371.14

DOI 10.52452/18115942_2021_3_186

САМОАНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© 2021 г.

Е.А. Солодкова, Е.В. Бенко

Солодкова Екатерина Александровна, начальник центра сопровождения
непрерывного повышения профессионального мастерства педагогов
Регионального центра оценки качества и информатизации образования, Челябинск
ekaterina.solodkova@rcokio.ru

Бенко Елизавета Вячеславовна, к.психол.н.; начальник отдела информационных баз
и анализа больших данных
Регионального центра оценки качества и информатизации образования, Челябинск
elizaveta.benko@rcokio.ru

*Статья поступила в редакцию 30.03.2021**Статья принята к публикации 27.07.2021*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения конкурентоспособности образовательной организацией в условиях постоянно меняющегося мира. Постоянная модернизация образования способствует накоплению профессиональных дефицитов и затруднений у педагогических работников, не успевающих своевременно осваивать новые компетентности. В связи с этим актуальными задачами для образовательной организации становятся создание в рамках внутренней системы оценки качества образования процедуры диагностики профессиональных затруднений работников и, на основе ее результатов, условий для профессионального развития специалистов. Целью нашего исследования становятся разработка диагностического инструментария для самоанализа профессиональных затруднений, существующих в коллективе, и (на основании полученных результатов) ежегодное обновление и выстраивание научно-методической системы, включающей различные формы организации профессионального развития работников дополнительного профессионального образования. В литературном обзоре рассмотрены различные подходы к пониманию и организации профессионального развития и внутриорганизационного повышения квалификации. Кратко описан опыт организации постоянно действующего методического семинара, ежегодно проводимого в ГБУ ДПО РЦОКИО. Методологией разработки диагностического инструментария и организации исследования выступил компетентностный подход в образовании. Результаты исследования позволили определять профессиональные затруднения сотрудников и формулировать содержание 4 занятий ежегодного семинара в период с 2019 по 2021 годы. Повторные исследования в 2020 и 2021 годах продемонстрировали значительное сокращение профессиональных затруднений в большинстве тех компетенций, которые рассматривались в ходе практико-ориентированных занятий. Полученные результаты свидетельствуют о положительном влиянии такой формы организации профессионального развития и обосновывают практическую значимость осуществления диагностики профессиональных затруднений в форме самоанализа.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, профессиональное развитие, профессиональные затруднения, диагностика профессиональных затруднений, методический семинар.

Введение

Модернизационные процессы, происходящие в системе образования, требуют от педагогических коллективов достаточно быстрой и гибкой реакции на эти изменения. Роль руководителя образовательной организации в этих преобразованиях трудно переоценить: он должен создавать такие условия, в которых его работники смогут пройти адаптацию достаточно просто. Ключевыми аспектами управления в данном случае становятся взаимная заинтересованность и организации, и специалистов в про-

фессиональном развитии друг друга как в факторе конкурентоспособности, а также создании условий, обеспечивающих развитие. Иными словами, компетентность работников конкретной организации непосредственно связана с ее развитием, а также со способностями всего педагогического коллектива и каждого его члена к непрерывному профессиональному и личностному развитию.

В этом управленческом процессе важно точно понимать, во-первых, какие профессиональные затруднения и дефициты возникают/существуют, во-вторых, какие ресурсы потребу-

ются для их решения (восполнения). В образовательных организациях любого типа это обеспечивается в рамках реализации мероприятий внутренней системы оценки качества образования (далее – ВСОКО); то есть при формировании ВСОКО должна быть предусмотрена процедура, направленная на получение информации о результатах профессиональной деятельности педагогов [1, с. 22]. Поскольку главным нормативно закреплённым свойством ВСОКО является регулярность ее функционирования [2], то наиболее эффективным инструментом в данном случае становится мониторинговое исследование [3; 4].

На основании этого можно определить одну из ключевых задач для образовательной организации – создание в рамках ВСОКО процедуры диагностики профессиональных затруднений и потребностей работников, по результатам которой можно сформировать условия для непрерывного профессионального развития как организации, так и ее специалистов.

Цель нашего исследования – разработать диагностический инструментарий для самоанализа профессиональных затруднений, существующих в коллективе, и на основании полученных результатов ежегодно обновлять и выстраивать научно-методическую систему, включающую различные формы профессионального развития работников организации дополнительного профессионального образования.

Обзор литературы

Одним из важнейших условий внедрения нового содержания и инновационных технологий образования являются компетентные педагогические и руководящие кадры. В связи с огромным объёмом информации, разнообразием способов ее передачи при быстрой сменяемости, необходимостью в условиях цифровой трансформации молниеносно ориентироваться в цифровом образовательном пространстве и технологиях [5], а также вызовами времени, связанными с реализацией Национального проекта «Образование» педагоги, «не успевая за обновлением педагогической практики, накапливают значительные профессиональные дефициты во всех слоях профессиональной компетентности» [6, с. 29]. Таким образом, одной из актуальных задач, решаемых в настоящее время образовательными организациями, становится повышение уровня готовности педагогических коллективов к реализации трендов образования с учетом профессиональных потребностей и в дальнейшем развитии педагогических кадров.

В связи с этим организации дополнительного профессионального образования несут ответственность за подготовку своих специалистов, отвечающих современным требованиям [7; 8]. Следовательно, педагогические работники организаций дополнительного образования должны иметь высокий уровень профессиональной компетентности, необходимой для трансляции актуального содержания федеральной и региональной политики в сфере образования, включающего нормативную и концептуальную составляющие и лучшие практики реализации опыта ведущих образовательных организаций в условиях обновления. Все это ставит перед работником, отвечающим за повышение квалификации педагогов, комплексную задачу: он должен, учитывая определенную совокупность опыта, накопленного предыдущими поколениями, осуществлять профессиональную деятельность через постоянное деятельное самосовершенствование и самообновление. «Однако на сегодняшний день система дополнительной профессиональной подготовки педагога не в полной мере отвечает подобным запросам и не «успевает» за активным развитием требований современности, в чем и заключается противоречие» [9, с. 267]. Таким образом, в системе организации дополнительного профессионального образования также очевидным становится факт необходимости обеспечения профессионального развития педагогических работников с учетом их потребностей и затруднений.

Одна из существующих трактовок непрерывного профессионального развития говорит о том, что это постоянное и систематичное накопление знаний, опыта, навыков и корригирование личных качеств, значимых для осуществления профессиональных обязанностей в период работы [10]. В другом источнике профессиональное развитие – процесс появления качественных прогрессивных изменений психики и личности человека труда в ходе овладения им профессией и выполнения профессиональной деятельности [11]. В системе образования профессиональное развитие педагога можно определить как «процесс активного преобразования личностью своего внутреннего мира посредством формирования и развития профессионально значимых в педагогической деятельности знаний, умений и навыков; способностей и качеств личности, мотивации, деятельности, коммуникативности и рефлексивности, которые оказывают влияние на успешную творческую самореализацию педагога в его профессиональной деятельности в условиях работы в конкретной образовательной организации» [12, с. 31].

Профессиональное развитие специалистов, в том числе в организации дополнительного образования, является важным как для отдельных работников, так и для организации в целом. Это связано с тем, что сотрудники приобретают современные навыки и знания, которые не только помогают им в повседневной работе, но представляют ценность для их продвижения по службе и мобильности [10, п. 4.3.8]. Последнее особо значимо, если внутри организации спланирована смена должностей сотрудниками (кадровая политика).

Таким образом, понятие профессионального развития включает в себя четыре основополагающих характеристики:

- совершенствование профессиональной компетентности, а также значимых знаний, умений и навыков;
- совершенствование личностных качеств, необходимых для трудовой деятельности;
- пролонгированность (непрерывность) процессов совершенствования на протяжении всей трудовой деятельности;
- самореализация (в том числе и карьерный рост) в условиях конкретной образовательной организации.

Профессиональное развитие педагогического коллектива образовательной организации может осуществляться двумя взаимосвязанными способами: самообразованием педагогов и правильно организованной, систематичной научно-методической работой [13]. Иными словами, в условиях модернизации образования нужно говорить о необходимости создания в образовательной организации любого типа научно-методической системы, обеспечивающей максимальный прирост в профессиональном развитии педагогических работников при оптимальных затратах комплекса ресурсов: временных, кадровых, материальных, технологических и др.

Так, например, в статье В.О. Потатуевой и Н.П. Эповой описаны результаты внедрения в практику лицея идей концепции построения модели внутришкольной системы профессионального роста и развития кадрового потенциала педагогов [12]. Другие авторы представляют внутришкольную систему эффективного практико-ориентированного научно-методического сопровождения педагога в его профессиональном и личностном развитии, в которой описывают организационные механизмы данного сопровождения, а также внутреннюю рейтинговую систему оценивания труда педагога [14].

В дополнительном образовании проблема выстраивания работы профессионального развития

педагогов не является исключением. Как отмечают Ф.Д. Рассказов и Н.А. Тетькова, «методическая работа в образовательном учреждении является составной частью единой системы непрерывного образования педагогов, системы повышения их профессиональной квалификации» [15, с. 157]. Результатами работы созданной в данной организации внутриорганизационной системы повышения квалификации педагогов дополнительного образования, по мнению авторов, являются развитие методической компетенции; совершенствование профессионально-значимых качеств; непрерывное повышение квалификации педагогов и др. [15]. Как правило, в приведенные системы по сопровождению профессионального развития педагогов включен компонент обязательного традиционного повышения квалификации (формальное образование).

Примером построения подобных систем в дополнительном профессиональном образовании может быть опыт, описанный в статье Т.А. Абрамовских. Автор подробно представляет цикл занятий в рамках методологического семинара «Активные методы обучения слушателей в системе дополнительного профессионального образования», в том числе приемы и формы, которые использовались в целях повышения профессиональной компетентности преподавателей института [7]. Примечательным является тот факт, что в организациях данного типа профессиональное развитие может сопровождаться также внутрифирменным (внутриорганизационным) повышением квалификации работника с последующей выдачей подтверждающего документа.

В государственном бюджетном учреждении дополнительного профессионального образования «Региональный центр оценки качества и информатизации образования» (г. Челябинск) (далее – ГБУ ДПО РЦОКИО) с 2016 года функционирует постоянно действующий методический семинар (далее – ПДМС). Ранее уже подробно были описаны основные особенности и характеристики ПДМС, а также дано определение ПДМС – «форма внутриорганизационного повышения квалификации специалистов ГБУ ДПО РЦОКИО, направленная на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, на профессиональное развитие педагогических работников, на обеспечение соответствия их квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности» [16, с. 6].

Занятия проходят четыре раза в год ежеквартально, длительность каждого составляет 8–16 часов. Необходимо подчеркнуть, что тематика и формы занятий ПДМС не выбираются случайным образом, а связаны с возникающими клю-

чевыми потребностями специалистов ГБУ ДПО РЦОКИО в процессе их трудовой деятельности, прежде всего при реализации дополнительных профессиональных программ (далее – ДПП). Тьюторы выбираются из числа сотрудников, наиболее погруженных в вопрос. Таким образом, каждое занятие проводят несколько работников, что обеспечивает активную работу и участие практически всех специалистов на протяжении всего года.

Методология. Материалы и методы

Наиболее точно определить профессиональные затруднения и приоритеты развития сотрудников и в соответствии с ними спланировать содержание (направление, формы, методы) профессионального развития, в том числе в форме ПДМС, возможно только в рамках специально организованного исследования. Инструментарий, используемый в такого рода исследовании, должен учитывать как специфику деятельности образовательной организации, так и тренды современного мира.

Создание объективных методик выявления профессиональных дефицитов в таком случае затрудняется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, разработка объективных методик подразумевает изучение в большей мере общих компетенций, присущих достаточно большому кругу специалистов. Это обусловлено тем, что невозможно разработать универсальный инструментарий, который позволил бы отследить все существующие узкоспециализированные дефициты у разных групп педагогических работников.

Во-вторых, это также затрудняется особенностями периода цифровой трансформации, когда появляется всё больше новых чрезвычайно важных информационных компетенций, что неизбежно приводит к быстрому устареванию любого инструментария.

В-третьих, навыки, которыми должны обладать специалисты дополнительного профессионального образования, имеют достаточно широкий спектр в зависимости от специфики повышения квалификации или переподготовки. При этом данные навыки могут также напрямую зависеть от региональной политики и принятых в её рамках концептуальных документов. Таким образом, даже в условиях только дополнительного профессионального образования практически невозможно разработать единую универсальную методику, которая позволяла бы выявить все возможные дефициты.

В-четвертых, для обеспечения объективности методика должна быть стандартизована и

апробирована на достаточно большой выборке исследования, что в принципе становится неосуществимо в рамках немногочисленного и узкоспециализированного дополнительного профессионального образования.

В связи с этим мы видим необходимость в разработке одновременно гибкого, но при этом узконаправленного инструментария, который можно было бы ежегодно обновлять в ответ на чрезвычайно быстро меняющиеся условия – как нормативные, так и методические. Таким требованиям на сегодняшний день может отвечать только субъективная методика, целью которой становится самоанализ собственных затруднений в ходе профессиональной деятельности.

Безусловно, субъективные методики невозможно применять в массовом режиме, поскольку невозможно будет отследить качество и достоверность предоставляемых данных. Однако в условиях регламентированного внутриорганизационного профессионального развития, которое подразумевает назначение тьюторов из числа сотрудников организации, каждый респондент несёт персональную ответственность за предоставляемые данные, которые также подтверждаются результатами и других мероприятий ВСОКО, что обеспечивает достаточный уровень достоверности результатов.

Для идентификации существующих у сотрудников нашей организации затруднений в профессиональной деятельности в 2019 году была разработана анкета «Исследование профессиональных дефицитов работников ГБУ ДПО РЦОКИО, привлекаемых к реализации дополнительных профессиональных программ» (далее – анкета). Первоначальный вариант анкеты содержал 45 вопросов, объединённых в 4 блока в соответствии со значимыми группами профессиональных компетентностей специалистов в сфере образования: правовая, психолого-педагогическая, методическая и коммуникативная [17].

Правовой блок направлен на оценку затруднений в знании и использовании федеральных, региональных и локальных нормативных документов. Вопросы по психолого-педагогической компетентности касаются возможных затруднений в понимании психологических особенностей взрослой аудитории, отдельных аспектов андрагогики и этических норм. Блок методической компетентности нацелен на самоанализ умений отбирать и применять методы, формы и средства обучения, разрабатывать дополнительные профессиональные программы и проектировать занятия. Последний блок, коммуникативный, содержит вопросы, касающиеся умений выстраивать профессиональное общение с участниками образовательных отношений.

Структура каждого блока характеризуется наличием ряда закрытых вопросов (от 7 до 20) и одного открытого. Закрытые вопросы представляют собой утверждения, которые необходимо оценить, выбрав один из 4 предложенных ответов. Варианты ответов отражают степень наличия или отсутствия затруднений в рамках того или иного аспекта профессиональной деятельности и позволяют на основании анализа результатов не только определить респондентов, имеющих персональные затруднения по определенным направлениям деятельности, но и выделить потенциальных тьюторов для проработки отдельных вопросов.

Каждый из вышеуказанных блоков завершается открытым вопросом, в ответе на который респонденту предлагается сформулировать свои индивидуальные затруднения в рамках данной компетентности. Это, с одной стороны, позволяет учесть те аспекты, которые не были предусмотрены анкетой, а с другой – рассмотреть в ходе самого первого исследования потенциально новые пункты для включения в методику.

Данная часть анкеты, отхватывающая общие аспекты профессиональной деятельности педагога дополнительного профессионального образования, использовалась на протяжении всех 3 лет и получила название инвариантной. В последующие годы (2020–2021) разрабатывалась дополнительная, вариативная часть, включающая новые запросы в профессиональной деятельности (разработка новых дополнительных профессиональных программ, обновление региональной политики, локальных нормативных актов, применение новых средств электронного обучения и т.д.).

Анализ результатов инвариантной части анкеты в 2019 году позволил определить, какие стороны профессиональной деятельности вызывают значительные затруднения у работников ГБУ ДПО РЦОКИО при реализации ДПП. На основании сформулированных выводов были спланированы и разработаны четыре занятия ПДМС [18].

В последующие два года было принято решение провести повторные исследования, направленные на достижение трех целей:

- анализ результатов работы ПДМС;
- корректировка анкеты (обновление вопросов как вследствие возникновения новых направлений работы, так и по причине отсутствия затруднений в данных аспектах профессиональной деятельности у большинства работников учреждения);
- планирование занятий ПДМС на ближайший год.

Все исследования проводились в январе, в начале рабочего года, что обусловлено необхо-

димостью планирования работы организации и содержания внутриорганизационного профессионального развития. Выборка исследований в 2019 и 2020 годах составила по 45 человек, являющихся работниками ГБУ ДПО РЦОКИО и реализующих ДПП, и 42 человека в 2021 году.

Вследствие движения сотрудников организации, выборки разных лет не являются идентичными по своему составу. В связи с этим объем выборки для анализа сдвигов результатов повторного исследования был сокращён до 37 респондентов, непосредственно участвовавших во всех исследованиях. Анализ осуществлялся только по вопросам инвариантной части анкеты.

При анализе профессиональных затруднений в целях планирования работы ПДМС использовались результаты всех испытуемых по обеим частям анкеты.

Результаты и их описание

Для анализа работы ПДМС требовалось понимать, произошли ли у работников организации сдвиги в самооценке своих профессиональных компетентностей, а также определить направленность этих сдвигов. Для возможности использования методов математической обработки данных в ходе проведенного анализа ответам были присвоены количественные значения в баллах:

- не испытываю затруднений, могу помочь другим разобраться в данном вопросе – 4 балла;
- практически не испытываю затруднений, но не могу помочь другим разобраться в данном вопросе – 3 балла;
- испытываю некоторые затруднения, но смогу самостоятельно освоить данный вопрос – 2 балла;
- испытываю значительные затруднения, требуется помощь в освоении данного вопроса – 1 балл.

Для выявления нормальности распределения данных был использован критерий Колмогорова–Смирнова для одной выборки. В результате было установлено, что распределение ответов в выборке является отличным от нормального. В связи с этим для оценки значимости различий между результатами первого и второго замеров было принято решение об использовании непараметрического критерия для анализа сдвигов. Поскольку исследование проводилось на одной выборке испытуемых, то наиболее подходящим был признан Т-критерий Уилкоксона.

В ходе математической обработки данных в 2020 году были выявлены 20 пунктов из 41 закрытого вопроса анкеты, в которых отмечаются статистически значимые положительные сдвиги (таблица 1).

Таблица 1

Средние значения и значения Т-критерия Уилкоксона по результатам исследования профессиональных дефицитов работников ГБУ ДПО РЦОКИО в 2019 и 2020 годах

№	2019	2020	Т	№	2019	2020	Т
Правовая компетентность				Методическая компетентность			
1	2.62	2.84	-1.449	20	2.35	2.57	-1.641
2	2.19	2.38	-1.347	21	2.43	2.51	-0.595
3	2.35	2.49	-1.076	22	2.73	2.95	-1.528
4	2.54	2.76	-1.502	23	2.46	2.78	-2.358*
5	2.22	2.32	-0.943	24	2.68	3.00	-2.355*
6	2.30	2.54	-1.603	25	2.49	2.81	-2.276*
7	2.14	2.57	-2.558**	26	2.30	2.73	-2.995**
8	2.16	2.46	-2.295*	27	2.49	2.81	-2.449**
9	2.62	2.73	-0.503	28	2.68	3.00	-2.558**
10	2.59	2.86	-1.995*	29	2.62	2.97	-2.711**
Психолого-педагогическая компетентность				30	2.43	2.68	-1.486
12	2.59	2.84	-1.713	31	2.57	2.76	-1.410
13	2.38	2.49	-0.816	32	2.65	2.97	-2.120*
14	2.43	2.65	-1.789	33	2.43	2.76	-2.100*
15	2.49	2.70	-1.886	34	2.46	2.78	-2.216*
16	3.03	3.22	-0.928	35	2.68	2.89	-1.789
17	2.24	2.76	-3.002***	36	2.35	2.68	-2.125*
18	2.32	2.76	-2.644**	37	2.32	2.84	-3.042***
Коммуникативная компетентность							
39	2.92	3.03	-0.759	42	3.14	3.27	-1.291
40	2.57	2.65	-0.565	43	2.38	2.78	-2.560**
41	2.19	2.68	-2.952**	44	2.97	3.19	-2.000*

Уровень значимости: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Сдвиги были выявлены во всех блоках анкеты, что свидетельствует о значительном сокращении количества сотрудников, имеющих профессиональные дефициты во всех группах компетентностей. Этот вывод также подтверждает значительное снижение процента ответов с указанием тех или иных затруднений. По разным группам компетентностей данный процент снизился на 17%–22%. Кроме того, по ряду показателей увеличилось количество человек, готовых выступить тьюторами по определенному вопросу.

Наибольшие изменения в 2020 году отмечены в сфере методической компетентности: количество сотрудников, испытывающих профессиональные затруднения в данной сфере, сократилось на 22%. Это, скорее всего, обусловлено результативностью занятий ПДМС 2019 года, большая часть тем которого была разработана именно в рамках данной компетентности.

По результатам исследования 2021 года значения по инвариантным показателям психолого-педагогической, методической и коммуникативной компетентностей остались на уровне значений 2020 года. Единственные статистически значимые сдвиги были выявлены только по 4 позициям правовой компетентности, касающимся знания основ государственной политики, государственной программы Челябинской области и локальных нормативных актов, регламентирующих образовательную деятельность.

В таблице 2 более подробно представлены результаты анкетирования, проведенного с 2019 по 2021 годы на вышеуказанной выборке.

С целью проверки достоверности полученных результатов самоанализа затруднений и подтверждения сформулированных выводов об эффективности занятий ПДМС, в ходе исследования также использовались результаты других процедур ВСОКО¹. В частности, по итогам каждого учебного года изучались оценка слушателями уровня проведения занятий педагогическими работниками РЦОКИО, а также уровень их удовлетворенности организационно-методическими условиями образовательного процесса.

На рисунке представлены статистика проведения занятий на высоком уровне по организации в целом за последние 5 лет (с момента проведения в 2016 году первых занятий ПДМС), а также на выборке специалистов, непосредственно участвовавших в исследовании профессиональных дефицитов на протяжении 3 лет.

При анализе оценивания слушателями занятий участников исследования были выявлены положительные сдвиги при сопоставлении показателей за 2019 (среднее = 77.5) и 2020 (среднее = 80.5) годы ($p \leq 0.05$) и за 2018 (среднее = 74) и 2020 (среднее = 80.5) годы ($p \leq 0.01$).

При исследовании удовлетворенности слушателей различными сторонами образовательного процесса (содержательная, организацион-

Таблица 2

Динамика ответов сотрудников ГБУ ДПО РЦОКИО за два года в разрезе компетентностей

Компетентность	Год	Не испытываю затруднений, могу помочь другим разобраться в данном вопросе	Практически не испытываю затруднений, но не могу помочь другим разобраться в данном вопросе	Испытываю некоторые затруднения, но смогу самостоятельно освоить данный вопрос	Испытываю значительные затруднения, требуется помощь в освоении данного вопроса
Правовая компетентность	2019	10%	26%	55%	9%
	2020	13%	41%	39%	7%
	2021	19%	46%	30%	5%
Психолого-педагогическая компетентность	2019	12%	37%	41%	11%
	2020	15%	51%	31%	3%
	2021	16%	46%	37%	1%
Методическая компетентность	2019	14%	32%	43%	10%
	2020	16%	52%	27%	5%
	2021	16%	49%	29%	6%
Коммуникативная компетентность	2019	18%	40%	36%	6%
	2020	18%	60%	20%	2%
	2021	16%	58%	22%	4%

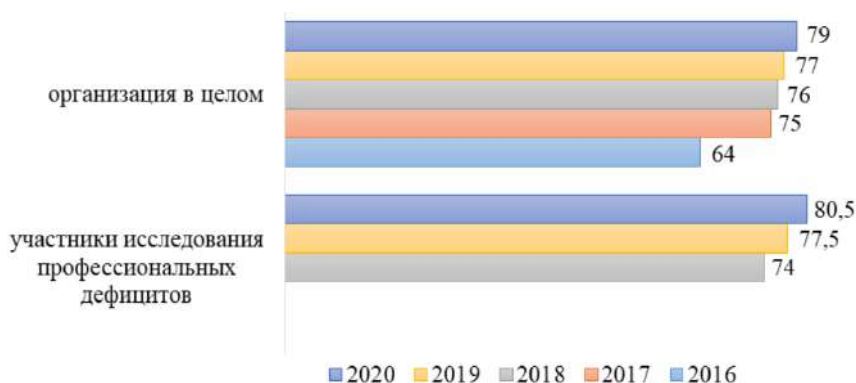


Рис. Статистика оценивания слушателями учебных занятий как проведенных на высоком уровне

но-методическая, социально-психологическая и субъектная позиция) для анализа мы брали непосредственно организационно-методическую сторону по причине направленности занятий преимущественно на развитие методической компетентности. Несмотря на отсутствие статистически значимых сдвигов, мы видим постепенный рост процента удовлетворенности слушателей данной стороной образовательного процесса в РЦОКИО (89% в 2017 году, 90% в 2018 году и по 91% в 2019 и 2020 годах).

Обсуждение

Проведенное первоначальное исследование позволило выявить основные профессиональные затруднения, на основании которых были спроектированы занятия ПДМС на 2019 год. В частности, в рамках первого семинара сотрудникам организации были кратко представлены основные региональные концепции, «дорожные карты» по реализации существующей программы развития учреждения, а также были рассмотрены нормативные документы для обеспечения проведения отдельных региональных ме-

роприятий. Второе занятие было посвящено изучению эффективных приёмов андрагогики, современных форм проведения лекционных и практических занятий, коммуникативным технологиям обучения, а также способам самоанализа и взаимонализа учебного занятия. В ходе третьего занятия подробно обсуждались особенности электронного обучения, а также формирования отчётных документов в системе дистанционного обучения ГБУ ДПО РЦОКИО.

Поскольку данный семинар был в большей мере направлен на развитие методической компетентности, при повторном исследовании в 2020 году были выявлены значительные положительные сдвиги в следующих аспектах непосредственно преподавательской деятельности респондентов: знание основ андрагогики ($p \leq 0.001$), проектирование учебных занятий ($p \leq 0.01$), выбор оптимальных методов обучения ($p \leq 0.05$), организация групповой работы, электронного обучения и работы в системе дистанционного обучения ($p \leq 0.05$). Кроме того, в выборке также отмечается более высокая оцен-

ка ($p \leq 0.05$) таких умений, как анализ проведения учебных занятий, организация рефлексии занятия со слушателями и предоставление рекомендаций другим преподавателям. В связи с положительным изменением вышеуказанных компетенций, а также вследствие опыта участия и проведения ПДМС в группе также отмечается улучшение ($p \leq 0.05$) умения планировать собственное профессиональное развитие и профессиональное образование (информальное, формальное, неформальное).

Данные самоанализа педагогических работников подкрепляются также внешней оценкой – статистически значимыми сдвигами в оценке уровня проведения занятий слушателями дополнительных профессиональных программ. Мы видим не только возрастание средней оценки в целом по организации, которое можно отнести к различным факторам, в том числе и смене кадрового состава, но и рост уровня занятий непосредственно у участников исследования. Так, за 2 года (с 2018 до проведения исследования по 2020) средний процент занятий, проведенных на высоком уровне у данных преподавателей, возрос с 74% до 80.5% ($p \leq 0.01$).

ПДМС 2020 года был больше нацелен на развитие правовой компетентности и подготовку специалистов к реализации новых дополнительных профессиональных программ, что соответственно отразилось на результатах третьей диагностики: не было выявлено никаких статистически значимых изменений ни по одному из трёх блоков анкеты (психолого-педагогическая, методическая и коммуникативная компетентности). В это же время анализ результатов правовой компетентности показал динамику положительных ответов на протяжении всех трёх лет исследования. После второго замера было отмечено снижение количества сотрудников, испытывающих профессиональные затруднения в части правовой компетентности на 18%, после третьего – ещё на 11%. Это обусловлено тем, что ключевые региональные концепции, критически необходимые для работы в рамках данной организации, рассматривались на занятиях в течение двух лет.

Например, изначально знание Концепции информационной политики в системе образования Челябинской области не получило статистически значимого сдвига по результатам самооценки использования ее в своей деятельности, несмотря на проработку данного документа в ходе ПДМС 2019 года, поскольку на протяжении всего года отдельные части данного документа значительно расширялись и прорабатывались. Однако после двух занятий 2020 года, полностью посвященных изучению использова-

ния данной концепции в своей преподавательской деятельности, данный вопрос получил статистически значимый сдвиг ($p \leq 0.05$).

Таким образом, анализ результатов показал значительное сокращение профессиональных затруднений работников в большинстве тех компетенций, которые рассматривались в ходе практико-ориентированных занятий ПДМС. Без сомнения, в данном случае нельзя говорить только о влиянии ПДМС, поскольку все указанные в методике компетенции непременно являются трудовыми обязанностями сотрудников, что также может положительно или негативно сказываться на сдвигах в ходе анкетирования. Однако сочетание практической реализации данных обязанностей и закрепления в ходе семинара теоретических основ, их обеспечивающих, дают наибольшую результативность. Об этом также может свидетельствовать чрезвычайно сильный скачок в 2017 году по оценке уровня проведения занятий слушателями курсов, который был впервые зафиксирован после первых семинаров ПДМС 2016 года.

В связи с этим мы можем судить о положительном влиянии такой формы организации профессионального развития сотрудников организации дополнительного профессионального образования. Кроме того, полученные результаты также обосновывают значимость осуществления самоанализа профессиональных затруднений, поскольку позволяют наиболее точно выделить потребности сотрудников и выстраивать актуальную траекторию профессионального развития как для отдельного специалиста, так и непосредственно для данного коллектива в конкретный временной промежуток.

Заключение

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что организация профессионального развития посредством подбора тематики и форм внутриорганизационного обучения в соответствии с выявленными ключевыми потребностями специалистов является чрезвычайно результативной и обосновывает необходимость ежегодного проведения подобных исследований.

Несмотря на выявление высокой практической значимости разработанной методики самоанализа профессиональных затруднений в рамках внутренней системы оценки качества образования, следует отметить ограничения по ее использованию. Во-первых, данный инструмент имеет узкую специфическую направленность, связанную с областью ее применения (педагогика) и типом образовательной организации (организации дополнительного профес-

сионального образования). Во-вторых, содержание данной методики требует регулярного обновления как в связи с постоянно меняющимися трендами в системе образования, так и с учётом специфики деятельности организации. В-третьих, обеспечение объективности результатов исследования в первую очередь обуславливается не самими результатами анкетирования, а результатами профессиональной деятельности работников, то есть субъективное ощущение отсутствия затруднений должно подкрепляться объективными факторами: результатами других диагностических мероприятий внутренней системы оценки качества образования, участием в мероприятиях, разработкой методических и научных материалов и т.д.

Данный метод диагностики в большей мере является средством подбора материала внутриорганизационных занятий с целью анализа и предотвращения отдельных затруднений работников прежде, чем они перерастут в полноценный профессиональный дефицит. Перспективным направлением работы мы считаем регулярное ежегодное обновление содержания методики с учетом актуальных аспектов федеральной и региональной политики в сфере образования. Другим важным направлением, на наш взгляд, является расширение форм и способов использования полученных результатов не только на занятиях ПДМС, но и в индивидуальной траектории профессионального развития конкретных специалистов.

Примечание

1. Результаты ВСОКО утверждены приказом ГБУ ДПО РЦОКИО от 16.12.2020 № 670-ОД «О результатах мероприятий внутренней системы оценки качества образования ГБУ ДПО РЦОКИО в 2020 году».

Список литературы

1. Данельченко Т.А., Солодкова М.И., Бенко Е.В. Профессиональная деятельность педагогов дополнительного профессионального образования как объект внутренней системы оценки качества образования в условиях применения профессионального стандарта // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 2. № 3 (40). С. 19–32.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 23.07.2020).
3. Бенко Е.В. Психодиагностические аспекты внутренней системы оценки качества образования в учреждениях дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 3 (32). С. 44–51.
4. Дудина О.П. Мониторинг профессиональных дефицитов педагогических работников системы до-

полнительного профессионального образования как инструмент повышения качества реализации программ // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2020. № 1(9). С. 113–118.

5. Рабинович П.Д., Заведенский К.Е., Кушнир М.Э. и др. Цифровая трансформация образования: от изменения средств к развитию деятельности // Информатика и образование. 2020. № 5 (314). С. 4–14.

6. Смирнова С.В., Киселева А.К. Преодоление профессиональных дефицитов педагогов в системе дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 3 (32). С. 29–34.

7. Абрамовских Т.А. Опыт внутриорганизационного повышения квалификации по применению активных методов обучения взрослых // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2016. № 1 (26). С. 83–88.

8. Логвинова И.М., Копотева Г.Л. Управление процессом профессионального развития руководителя общеобразовательной организации по реализации ФГОС общего образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 4 (31). С. 63–71.

9. Смирнова С.В., Киселева А.К. Модель организации дополнительного профессионального образования, направленная на преодоление профессиональных дефицитов педагогов // Сборник материалов Всероссийской конференции по анализу хода внедрения национальной системы учительского роста (21 сентября 2017 года) / Под общ. ред. С.Ю. Новоселовой. М.: ФГАОУ ДПО АПК и ППРО, 2017. С. 265–269.

10. Руководство по образованию и обучению специалистов в области авиационной метеорологии РД 52.21.703-2008 (Приказ Росгидромета от 12.09.2008 № 322 «О введении в действие руководящего документа РД 52.21.703-2008») № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/42/rukovodstvo-po-obrazovaniyu-i-obucheniyu-specialistov-v-oblasti-aviacionnoj-meteorologii--.html> (дата обращения: 23.07.2020).

11. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный) [Электронный ресурс]. URL: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogogy/fc/slovar-208-1.htm#zag-13387> (дата обращения: 23.07.2020).

12. Потатуева В.О., Эпова Н.П. Модель внутрилицейской системы профессионального роста и развития кадрового потенциала педагогов или успешность и эффективность многовариативности педагогического развития // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2020. № 3. С. 29–49.

13. Баранова Ю.Ю. Теоретические основы управления профессиональным развитием педагогического персонала образовательного учреждения // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2011. № 2(7). С. 91–97.

14. Лаврентьева Н.С. Создание системы эффективного практикоориентированного научно-методического сопровождения педагога в его профессиональном и личностном развитии // Управление каче-

ством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2020. № 4. С. 61–75.

15. Рассказов Ф.Д., Тетькова Н.А. Внутриорганизационная система повышения квалификации педагогов дополнительного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 157–159.

16. Солодкова Е.А. Методический семинар как механизм внутриорганизационного повышения квалификации педагогических работников организации дополнительного профессионального образования // Методист. 2018. № 10. С. 5–7.

17. Доработанная модель аттестации учителей на основе использования ЕФОМ в соответствии с требованиями профессионального стандарта педагога и федеральных государственных образовательных стандартов общего образования и с учетом мнения

выпускников общеобразовательных организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90agda-so8ad2au.xn--e1aofx.xn--p1ai/view/index.html?page=9> (дата обращения: 23.07.2020).

18. Петрова И.Ю., Бенко Е.В., Солодкова Е.А., Ильясова О.А. Проектирование внутриорганизационного повышения квалификации на основе диагностики профессиональных дефицитов педагогических работников // Повышение профессионального мастерства педагогических работников в России: вызовы времени, тенденции и перспективы развития: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 110-летию Иркутского педагогического института (г. Иркутск, 17 мая 2019 г.). Часть 2. Иркутск: Иркут, 2019. С. 353–361.

DIAGNOSING THE PROFESSIONAL DIFFICULTIES OF PEDAGOGICAL WORKERS OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION AS A TOOL FOR ORGANIZING PROFESSIONAL DEVELOPMENT

E.A. Solodkova, E.V. Benko

Regional Center for Quality Assessment and Informatization of Education, Chelyabinsk

The relevance of the study is due to the need to ensure the competitiveness of an educational organization in a constantly changing world. Teaching staff, not keeping pace with the updating of pedagogical practice, accumulate significant professional deficits. In this regard, one of the relevant objectives for an educational organization is to create, within the framework of the internal system of education quality assessment, a procedure for diagnosing the professional deficits of worker. According to the results of this diagnosis, it is possible to create conditions for the professional development of both the organization and its specialists.

The purpose of our study is to develop a diagnostic tool that will allow systematic monitoring of the existing professional difficulties in the collective and, on the basis of these results, annually update the scientific and methodological system that includes various forms of professional development of employees in the organization of additional professional education.

The literature review in the article highlighted various approaches to understanding and organizing professional development. Authors briefly described the experience of organizing a permanent methodological seminar, which is annually held at Regional Center for Quality Assessment and Informatization of Education.

The methodology for developing the diagnostic tool and organizing the research was the competence-based approach in education. The results of the primary research allowed us to determine the professional deficits of employees and formulate the content of 4 sessions of the methodological seminar in 2019.

The re-surveys in 2020 and 2021 showed a significant reduction in professional difficulties in most of those competencies that were considered during practice-oriented classes. The obtained results indicate the positive influence of this form of organizing the professional development and substantiate the practical importance of diagnosing professional difficulties.

Keywords: additional professional education, professional development, professional deficits, professional deficits diagnosis, methodological seminar.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (63)

2021

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 26,1. Усл. печ. л. 22,7. Тираж 100 экз. Заказ № 376.
Дата выхода в свет: 30.09.2021
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет